

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

MONGOLICA

VI

Санкт-Петербург
2003

MONGOLICA-VI

**Посвящается 150-летию
со дня рождения А. М. Позднеева**

Составитель И. В. Кульганек

Санкт-Петербург

2003

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Ответственный редактор

С. Г. Кляшторный

Редакционная коллегия

Н. С. Яхонтова, С. Д. Дмитриев, И. В. Кульганек

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект 02-04-16155д

Mongolica-VI: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. — 160 с.

М 77

Сборник посвящен 150-летию со дня рождения видного российского монголоведа, профессора кафедры монгольской словесности восточного факультета Санкт-Петербургского Государственного Университета, а позже, в течение 20-ти лет, — директора Восточного института во Владивостоке, — Алексея Матвеевича Позднеева (1851—1920), оставившего большое научное наследие, подготовившего плеяду своих последователей монголоведов: историков, филологов, лингвистов, литературоведов.

В этом сборнике представлены статьи, главным образом петербургских и московских ученых, по проблемам, которые занимали А. М. Позднеева в разные этапы его научной деятельности.

В них развиты мысли, углублены гипотезы, предположения, наблюдения и выводы, высказанные ученым в своих трудах, посвященных истории, этнографии, религии монгольских народов.

«Монголика-6» имеет 4 раздела: «Источниковедение и историография», «Из рукописного наследия», «Литературоведение и фольклористика», «Из архива востоковедов», «Наши переводы».

Сборник статей рассчитан на специалистов-монголоведов, историков науки, культурологов и всех, интересующихся историей России и Центральной Азии.

Корректор — *А. Востоковедова*

Технический редактор — *М. В. Вяткина*. Выпускающий — *О. И. Трофимова*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Подписано в печать 20.05. 2003. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 20 печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 1032

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 5-85803-250-8

9 785858 032502

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, 2003

© И. В. Кульганек, составление, 2003

© «Петербургское Востоковедение», 2003

Зарегистрированная торговая марка

Содержание

<i>И. В. Кульганек</i>	Предисловие	5
<i>Н. П. Шастина</i>	А. М. Позднеев. (Подготовка к печати, примечания <i>А. Г. Сазыкина</i>)	7
<i>В. Л. Успенский</i>	Монгольские, ойратские и тибетские рукописи и ксилографы, поступившие в Санкт-Петербургский университет от А. М. Позднеева	19
<i>И. В. Кульганек</i>	Фонд А. М. Позднеева в Архиве востоковедов при СПбФ ИВ РАН	24
<i>И. И. Иорш</i>	Важнейшие события жизни и деятельности А. М. Позднеева	26

Источниковедение и историография

<i>П. О. Рыкин</i>	Монгольская концепция родства как фактор отношений с русскими князьями: социальные практики и культурный контекст.	28
<i>Е. Н. Афонина</i>	К оценке политики тумэтского Алтан-хана (1507—1581)	39
<i>С. В. Дмитриев</i>	Атызы Йоллыг-тегин. Этнод из области тюрко-монгольской традиционной политической культуры	48
<i>В. Н. Митин</i>	Некоторые вопросы деятельности Монгольской комиссии АН СССР в 1941—1953 гг.	55
<i>А. Г. Юрченко</i>	Монгольская мужская прическа XIII века	63
<i>А. А. Бурыкин, О. Ю. Коробейникова</i>	Слова «калмык», «калмыцкий» в русском языке XVIII века	69

Из рукописного наследия

<i>А. Г. Сазыкин</i>	Ойратская версия «Манджушри нама сангити»	73
----------------------	---	----

Литературоведение и фольклористика

<i>Б. М. Нармаев</i>	Гесар и ад	82
<i>А. Д. Цендина</i>	Куда исчез Джамуха?	86
<i>Л. Г. Скородумова</i>	Особенности беллетризации в современной монгольской литературе	91
<i>В. К. Шивлянова</i>	Два варианта монгольской народной охотничьей песни	94

Из архива востоковедов

	Письма В. А. Казакевича к В. Л. Котвичу (1925—1936 годы). (Подготовка к печати, предисловие и примечания <i>А. М. Решетова</i>)	96
<i>А. Г. Юрченко</i>	История изучения «Книги о Тартарах» Иоанна де Плано Карпини	114
<i>Я. П. Шишмарев</i>	Письма Я. П. Шишмарева к Н. М. Пржевальскому. (Подготовка к печати и примечания <i>А. И. Андреева</i>).	118
<i>С. А. Кондратьев</i>	Стихи о Монголии. (Предисловие <i>И. В. Кульганек</i>)	124

Наши переводы

<i>Л. Дашням</i>	Сон (рассказ), Четыре времени года и одно чувство (стихотворение). (Перевод с монгольского <i>Л. Скородумовой</i>)	135
<i>Д. Батбаяр</i>	Небо любимой (рассказ), прозаические миниатюры, афоризмы. (Перевод с монгольского <i>М. П. Петровой</i>)	137
	Монгольские народные песни. (Перевод с монгольского <i>И. В. Кульганек</i>)	142
<i>А. И. Андреев</i>	Открытие музея <i>П. К. Козлова</i>	144
	Рецензии	146

Алексей Матвеевич Позднеев
(1851—1920)

Предисловие

Предлагаемый шестой выпуск сборника научных статей «Mongolica» посвящен 150-летию со дня рождения видного российского монголоведа, профессора кафедры монгольской словесности восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, а позже, в течение 20-ти лет, директора Восточного института во Владивостоке Алексея Матвеевича Позднеева (1851—1920), оставившего большое научное наследие, подготовившего плеяду своих последователей-монголоведов: историков, филологов, лингвистов, литературоведов. Целый ряд его работ является бесценным источником для изучения жизни монголов, бурят, калмыков конца XIX в. До настоящего времени его фундаментальные монографии «Монголия и монголы» (СПб., 1896), «Города Северной Монголии» (СПб., 1880), «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства» (СПб., 1887), «Образцы народной литературы монгольских племен» (СПб., 1880), «Буддийский катехизис» (СПб., 1898), «Монгольская хрестоматия для первоначального обучения» (СПб., 1907) остаются основополагающими трудами для монголоведа.

А. М. Позднеев, закончив восточный факультет СПбГУ по китайско-монгольско-маньчжурскому ряду, принимает участие в трехгодичной экспедиции в Монголию, которую возглавил известный путешественник Г. Н. Потанин. По возвращении он поступает на кафедру монгольской словесности, сначала экстраординарным профессором, затем, после защиты диссертации в 1886 г., получает звание ординарного профессора. Пройдя на восточном факультете прекрасную источниковедческую филологическую подготовку, он становится специалистом, одинаково компетентным во многих областях монголоведения.

Его работы по буддизму основательные, энциклопедические, рисующие объемную картину бытования религии в Монголии в конце XIX в. В своих лекциях по истории монгольской письменности он касался ключевых, наиболее известных монгольских литературных произведений. Многие его суждения о фольклоре сохраняют свою актуальность до сих пор.

А. М. Позднеев тесно сотрудничал также с Русской Православной церковью, редактируя и рецензируя переводы богословских книг на бурятский и калмыцкий языки.

Ученые последующих поколений постоянно обращаются к научному наследию А. М. Позднеева, черпают из него фактический материал по истории, этнографии, религии монгольских народов, развивают его мысли, высказанные на страницах исследований, углубляют гипотезы, предположения, наблюдения и выводы.

В этом сборнике представлены статьи по проблемам, которые занимали А. М. Позднеева на разных этапах его научной деятельности.

Личность ученого уже привлекала внимание историков науки. О нем написано несколько работ, среди них исследования таких видных монголоведов, как Л. К. Герасимович, Д. Б. Улымжиев. В нашем сборнике публикуются ранее не издававшиеся статьи о А. М. Позднееве. Это статья Н. П. Шастиной «А. М. Позднеев» (подготовленная к печати А. Г. Сазыкиным), в которой автор оценивает научный вклад А. М. Позднеева по прошествии полувека с позиций новых идеалов современного автору статьи общества. Впервые в сборнике публикуется каталог рукописей и ксилографов, поступивших от А. М. Позднеева в Санкт-Петербургский университет в результате его двух путешествий в Монголию и нескольких поездок в калмыцкие степи. Статья эта — фрагмент многолетней работы в рукописном фонде восточного факультета В. Л. Успенского. А. М. Позднеев оставил после себя также богатое рукописное наследие. Большое количество интересного материала находится в Архиве востоковедов при СПбФ ИВ РАН. Этим материалам посвящена статья И. В. Кульганек «Фонд А. М. Позднеева в Архиве востоковедов при СПбФ ИВ РАН». Из неопубликованной монографии бывшего сотрудника ЛО ИВ СССР (ныне СПбФ ИВ РАН) И. И. Иориша о А. М. Позднееве, которая находится в этом архиве, в сборнике приводятся даты жизни и деятельности ученого.

«Mongolica-VI» имеет 5 разделов: «Источниковедение и историография», «Из рукописного наследия», «Литературоведение и фольклористика», «Из архива востоковедов», «Наши переводы».

Самый большой по объему раздел включает работы по истории и историографии монгольских народов. В этом разделе в статьях П. О. Рыкина, Е. Н. Афонинной, С. В. Дмитриева, А. Г. Юрченко исследуются разные аспекты общественной, культурной жизни,

политического устройства средневековой Монголии. П. О. Рыкин в статье «Монгольская концепция родства как фактор отношений с русскими князьями: социальные практики и культурный контекст» главным образом касается брачных связей русских князей с монголами в золотоордынскую эпоху, рассмотрение их дает автору право утверждать, что действия русских князей свидетельствуют о том, что «они большей частью успешно соотносились с теми ожиданиями, которые предъявляли к ним монголы».

Е. Н. Афонина в статье «К оценке политики тумэтского Алтан-хана (1507—1581)» рассматривает один из интереснейших периодов в истории Монголии — начало активной переводческой и миссионерской деятельности, что было связано с последствиями приглашения Алтан-ханом тумэтским из Тибета главы монастыря Дэпун, иерарха одной из основных школ тибетского буддизма, гэлутпа, Соднам Гьяцо, повлекшими глубокие изменения в обществе.

Работа В. Н. Митина посвящена новейшему периоду истории Монголии. В статье А. А. Бурыкина и О. Ю. Коробейниковой предлагаются материалы о степени распространенности знаний в русском языке XVIII в. о калмыках.

В разделе «Из рукописного наследия» публикуется статья А. Г. Сазыкина «Ойратская версия „Манджуши нама сангити“, посвященная памятнику, являю-

щемуся одним из распространенных и известных буддийских сочинений, вошедших в состав монгольской литературы, и представляющему собой сборник гимнов в честь покровителя знаний бодхисаттвы Манджушри, написанных великим ойратским писателем, просветителем — Зая-Пандитой.

Литературоведческими работами являются статьи Б. М. Нармаева «Гесар и ад», В. К. Шивляновой «Два варианта монгольской народной охотничьей песни», А. Д. Цендиной «Куда исчез Джамуха?», Л. Г. Скородумовой «Особенности беллетристики в современной монгольской литературе».

Публикации, подготовленные А. И. Андреевым, А. М. Решетовым и И. В. Кульганек, вошли в раздел «Из архива востоковедов». Органичной является здесь и статья А. Г. Юрченко по истории изучения «Книги о Тартарах» Иоанна де Плано Карпини.

Традиционной становится рубрика «Наши переводы», в которой печатаются монголоеды. В этом номере публикуются переводы произведений современного монгольского писателя Д. Батбаяра, поэта Л. Дашняма и переводы монгольских народных песен.

Сборник является свидетельством преемственности поколений монголоведов, уважения к научному наследию А. М. Позднеева, достойным продолжением дела его жизни.

Н. П. Шастина

А. М. Позднеев

(Подготовка к печати, примечания А. Г. Сазыкина)

В последнюю четверть XIX в. в монголоведении ведущая роль принадлежала Алексею Матвеевичу Позднееву (1851—1920). Он был последним по времени представителем старой школы монголоведов, характерной для XIX в., начавшейся с трудов О. М. Ковалевского и И. Я. Шмидта. Описательный метод особенно ярко выявился в трудах Позднеева. Он оставил после себя многочисленные труды, посвященные различным дисциплинам, освещающим разные стороны истории, литературы, этнографии и современной исследователю жизни монголов.

Отличаясь необыкновенным трудолюбием, Позднеев создал ряд фундаментальных трудов, общее число которых — 122 названия, из них 17 монографий, общим объемом около 400 печатных листов, что уже одно свидетельствует о широком круге разных вопросов и большом фактическом материале. Кроме того, Позднеев был хорошим организатором учебного дела. Благодаря его энергичным действиям возник Восточный институт во Владивостоке, директором которого он был в течение нескольких лет.

Просматривая библиографические списки работ Позднеева¹, видишь, что автор уделял немало внимания вопросам современности, много писал в газетах, знакомя русского читателя с различными событиями в жизни Китая, Монголии, Калмыкии. И это кроме больших основательных научных трудов, отнюдь не потерявших своего значения и в наше время. Вместе с тем, деятельность Позднеева, как организаторская, так и научная, вызывала противоречивые оценки и при жизни этого выдающегося монголоведа, и среди ученых последующих поколений.

Для современников Позднеева правильной оценке его деятельности мешало то, что он по своим политическим взглядам был крайним реакционером. Реакционные убеждения его наложили отпечаток не только на организаторскую учебную деятельность, но и на многие его труды, особенно на те, в которых освеща-

лись вопросы современного ему положения на Востоке. Для последующих поколений монголистов труды Позднеева также не всегда и во всем были приемлемы, так как в монголоведении возникли новые, более прогрессивные течения и направления, позволяющие иначе оценивать и по-иному рассматривать те же явления и процессы как в историческом прошлом народа, так и в современном его состоянии.

Несомненный интерес для истории монголоведения представляет обзор и критический анализ научного наследства Позднеева. Прежде чем перейти к рассмотрению трудов Позднеева, следует дать хотя бы краткую его биографию, отражающую путь развития ученого.

А. М. Позднеев родился в г. Орел в 1851 г. в семье священника. Учился в Орловской духовной семинарии, по окончании которой держал вступительные экзамены в Лазаревский Восточный институт² в 1872 г. Выдержав экзамены, он недолго проучился там и вскоре же уехал в Петербург и поступил на факультет восточных языков Петербургского университета.

В те годы кафедрой монгольского языка и словесности ведал профессор К. Ф. Голстунский, который и был учителем Позднеева. Кроме основного языка — монгольского, согласно программе университета Позднеев изучал также китайский и маньчжурский. Кафедру китайско-маньчжурской словесности возглавлял тогда крупнейший востоковед-китаист В. П. Васильев, который также оказал влияние на формирование научных взглядов Позднеева.

По окончании университетского курса в апреле 1876 г., Позднеев для усовершенствования в языке и для изучения жизни и быта монголов был зачислен в состав экспедиции в Монголию. Экспедиция была организована Географическим обществом. Во главе ее находился известный путешественник Г. Н. Потанин. Это было первое путешествие Потанина по Западной Монголии, которая была в те времена еще не исследо-

вана. Экспедиция состояла всего из семи человек и пробыла в Монголии почти полтора года (с июля 1876 до конца 1877 г.).

Маршруты экспедиции, начавшись с Зайсана, охватили почти всю Западную Монголию. Разнообразие в этническом отношении населения этих районов могло дать Позднееву возможность ознакомиться с западномонгольскими диалектами. Условия работы экспедиции были довольно трудными. Не обошлось и без недружелюбных столкновений. Так, в монастыре Шара-сумэ толпа лам окружила четверых приехавших всадников, среди которых были Потанин и Позднеев, бросала в них комья глины, кричала. Кончилось дело тем, что пытавшихся уехать путешественников задержали и арестовали, причем Позднеева и сопровождавшего казака побили. Только на следующий день они были освобождены и смогли продолжить свой путь.

Зиму 1876/77 г. экспедиция провела в г. Кобдо, где собирала сведения о русской торговле с Монголией. Часть собранных сведений была опубликована впоследствии Позднеевым в газете «Сибирь»³, издававшейся в Омске. Результаты путешествия были опубликованы Потаниным в двух томах⁴. Основное внимание в этом отчете о путешествии было уделено географическим сведениям.

Позднеев остался в Монголии, расставшись с Потаниным в Кобдо еще в первое посещение этого города. Он пробыл в Монголии и Китае еще два года, занимаясь изучением жизни и быта монголов. Только в 1879 г. он вернулся в Россию, привезя с собой большую коллекцию книг и рукописей, дневников и записей, послуживших ему материалом для целого ряда работ в течение тринадцати лет. Только для восточной библиотеки Петербургского университета Позднеев приобрел в Монголии 157 рукописей и ксилографов (972 тома) различных сочинений, на что ему при отъезде был дан специальный фонд⁵.

По возвращении из первого своего путешествия по Монголии, Позднеев был зачислен в университет для подготовки к званию профессора. Согласно требованиям того времени он успешно сдал магистерские экзамены и в январе 1881 г. защитил диссертацию на степень магистра монгольской словесности. Предметом исследования была народная поэзия монголов. Материалы были собраны им во время пребывания в Урге и других местах Монголии. Диссертацию к защите Позднеев представил в печатном издании⁶.

После защиты, получив звание доцента и ведя порученные ему курсы по языку, Позднеев продолжает усиленно работать над докторской диссертацией и в довольно короткий срок представляет к защите книгу «Монгольская летопись Эрдэнийн эрихэ». Защита проходит успешно, но книга вызывает отрицательную рецензию Н. И. Веселовского, на которую автор поспешил ответить.

Получив затем звание экстраординарного профессора, а потом и ординарного в 1886 г., Позднеев ведет занятия в университете. Одновременно он редактирует издания религиозных книг — переводов на монгольский язык Нового Завета, христианского катехизиса и служебников, выпускаемых Британским Библийским обществом. Принимает живейшее участие в

заседаниях и трудах Географического и Археологического обществ, в журналах которых публикует свои статьи.

За десятилетие 1880—1890 гг. Позднеев опубликовал более пятидесяти работ, не считая газетных статей, которые не все еще выявлены и учтены в библиографии. Среди указанных работ несколько крупных монографий, кроме магистерской и докторской диссертаций, например «Ургинские хутухты», «Города Северной Монголии», «Очерки жизни и быта буддийских монастырей» и другие. Эта последняя книга вызвала ряд рецензий, принадлежавших виднейшим востоковедам — В. П. Васильеву, И. П. Минаеву и другим авторам, отметившим крупные недостатки идеологического порядка. Развернувшаяся дискуссия о книге способствовала лучшему пониманию ламаизма. Книга вместе со всеми рецензиями до сих пор является наиболее полным описанием состояния монгольского ламства и ламаизма во второй половине XIX в.

К периоду 80-х годов относится деятельность Позднеева, связанная с так называемым «калмыцким вопросом». У калмыков, поселившихся в волжских степях в XVIII в., было недостаточно хорошо налажено обучение в начальных школах. Необходимость реформ сознавалась правительством. Поэтому Министерство государственных имуществ, в ведении которого находились калмыки, обратилось к Позднееву как к специалисту с просьбой разработать проект об устройстве народных училищ, что и было им сделано⁷. В связи с этим Позднеевым было проведено обследование уже имевшихся калмыцких школ. Было написано несколько работ о калмыках⁸.

Путешествуя по калмыцким степям, Позднеев собрал много нового материала о быте калмыков, записывал тексты сказок, добывал рукописи, что позволило ему составить отличную коллекцию текстов на письменном ойратском языке. Многие из собранных им текстов вошли в изданную им в 1892 г. «Калмыцкую хрестоматию»⁹, до сих пор представляющую ценное пособие для изучения калмыцкого языка. Составил он также ойратско-русский словарь¹⁰.

Кроме этих усиленных трудов по монголоведению и калмыковедению, Позднеев с 1889 г. вел преподавание маньчжурского языка.

В 1892 г. Министерство иностранных дел, заинтересованное в изучении положения в Монголии и Китае, финансировало путешествие Позднеева по этим районам. Путешествие началось в апреле 1892 г. и длилось до 1 октября 1893 г. За эти полтора года, проведенных в разъездах по Монголии — Внешней и Внутренней, по пограничным районам Китая, Позднеев собрал огромный материал, какой, пожалуй, не собирал до него еще ни один путешественник по Монголии¹¹. Ведь в путешествие отправился не начинающий, а уже много знающий ученый, неутомимый собиратель, обладающий большой работоспособностью¹².

Результаты сборов в свете ранее приобретенных знаний и материалов были столь велики, что автор запланировал семь больших томов, в которых предполагал дать подробное описание Монголии. Последовавшие за путешествием годы были посвящены написанию задуманной работы. Было написано три первых тома. Опубликовано только два¹³. Жизнь поставила

перед Позднеевым новые задачи, отвлекшие его от дальнейшей разработки собранных материалов.

Русское правительство уже давно испытывало необходимость иметь на Дальнем Востоке такое высшее учебное заведение, которое готовило бы специалистов хорошо владеющих языками, для работы в восточных странах. В Министерстве народного просвещения Позднеев к этому времени имел репутацию человека, способного провести организационную, созидательную работу по созданию нового учебного института на Дальнем Востоке. Владивосток был выбран местом, где должен был находиться институт.

Позднеев, не оставляя университетских занятий, где он вел в эти годы чтение нового курса истории монгольской литературы, принялся за составление проекта о новом Восточном институте. Трудно сложившиеся отношения с сотрудниками Восточного факультета также были одной из причин того, что Позднеев охотно принял предложение стать директором нового учебного института во Владивостоке. Открытию и устройению этого учреждения было отдано им несколько лет.

Позднеев в 1899 г. покинул Петербург и как директор-устроитель Восточного института обосновался во Владивостоке, где и провел около пяти лет. Одновременно с должностью директора он заведовал также кафедрой монгольской и маньчжурской словесности. Все свое внимание и силы Позднеев отдавал теперь уже не созданию новых трудов по монголоведению, а организации и улучшению учебного дела, для чего необходимо было составить и издать разного рода учебные пособия. С первого же года существования Восточного института стали выходить «Известия Восточного института». Журнал этот был первым восточноведным периодическим органом, появившимся на периферии. Редактором журнала с шестого тома по десятый включительно был Позднеев.

В декабре 1903 г. Позднеев получил новое назначение и покинул институт, где у него сложились трудные, а иногда и невыносимые отношения с сотрудниками. Новое назначение — членом Совета при Министерстве народного просвещения было в те времена продвижением вверх по служебной лестнице чинов и положений, свидетельствовало в то же время об определенных верноподданических убеждениях Позднеева. Это были глухие годы управления Министерством реакционными министрами и кандидатура Позднеева в члены Совета подходила для этих министров.

Перед отъездом из Владивостока в Восточном институте состоялось торжественное чествование отъезжающего директора-устроителя. И даже на этом заседании, когда, казалось бы, должны были раздаваться только славословия, были сказаны слова, из которых можно понять, что Позднеев человек властный и не всегда терпимый к мнениям других, что он не был любим и уважаем товарищами. Даже в официальных протоколах, опубликованных в «Известиях Восточного института», звучат эти нотки. Так, профессор Спальвин, произносивший прощальную речь от имени Совета, отмечая несомненные заслуги Позднеева в деле организации и управления институтом, сказал так: «О вас говорили, что у вас страшная нравственная сила,

но, не вполне понимая ее, прибавляли: но эта нравственная сила отрицательного характера, она убивает личность других»¹⁴. Характерны также ответные слова Позднеева, который в конце своей речи сказал: «В последний раз и от всей души благодарю всех сочувствовавших и помогавших мне и да простит Господь тех, кто не хотел правильно понять меня»¹⁵.

Дальнейшая деятельность Позднеева в течение шестнадцати последних лет его жизни была заполнена административной работой как члена Совета Министерства народного просвещения. За эти годы он не опубликовал больше ни одной работы по монголоведению¹⁶. В его архиве сохранились только различные докладные записки и отчеты по разным вопросам, что позволяло хоть немного выяснить основные его занятия в эти годы. Так, он много занимался вопросом организации изучения Востока в русских учебных заведениях, о чем сохранилась докладная записка, датированная 1904 г.¹⁷ Он принимал активное участие в составлении проекта «Общества востоковедения» и в организации его¹⁸.

Около двух лет он занимался вопросом о положении буддизма в Бурятии. Это были последние годы перед Октябрьской революцией, годы войны, когда царское правительство было обеспокоено ростом влияния лам и монастырей и стремилось ввести новый устав об управлении дацанами в Восточной Сибири. Для этого было произведено подробное обследование бурятских буддийских монастырей. Во главе обследования стоял Позднеев, совершивший несколько поездок по дацанам Забайкалья. В результате сделанного обследования Позднеев представил не одну обширную докладную записку о состоянии бурятских монастырей и их связей с Монголией и Тибетом. Он принимал самое ближайшее участие в составлении проекта нового закона об управлении буддийской религией в местах расселения бурят с целью контроля. Но шел 1917 г. и законопроект канул в Лету вместе с царским правительством.

Как встретил тайный советник Позднеев Октябрьскую революцию — не известно. Но уже в октябре 1917 г. он подал в отставку из Министерства народного просвещения и вернулся в университет. Несмотря на гражданскую войну и всевозможные трудности, несмотря на то, что ему было уже почти 70 лет, Позднеев в 1918 г. отправился в калмыцкие степи в командировку для обследования улусов и хурулов. Он не падал духом и начал собирать материалы. Оставшись на юге, он получил назначение профессором Донского университета и с необычайной энергией пытался наладить дело изучения калмыцкого языка. Составлял учебные планы, писал программу лекций по монгольской и калмыцкой словесности на учебный 1920/21 г. Это был последний труд Позднеева. Он скончался 30 сентября 1920 г. в Ростове-на-Дону.

Научное наследство Позднеева велико и разнообразно. Архив его сохранился не полностью. Он хранится в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР¹⁹ и содержит достаточно много интересных материалов.

При рассмотрении и изучении научного наследства Позднеева сразу виден широкий диапазон его ин-

тересов, отраженный в созданных им трудах. Его привлекали в начале его научной деятельности вопросы литературоведения. Исторические изыскания были ему также близки и связаны с изучением источников. Следует установить, что нового внес он в изучение истории монголов, в изучение монгольской литературы, этнографии и т. д., какие проблемы интересовали его и как он их решал.

Так как первой основательной работой Позднеева была книга о народных песнях монголов, защищенная им как магистерская диссертация, то и обзор его трудов можно начать с рассмотрения литературоведческих проблем. Основными работами следует считать по монголоведению три: «Народные песни монголов»²⁰, три выпуска «Истории монгольской литературы»²¹ и «Монгольскую хрестоматию»²², в которой опубликовано несколько образцов литературных произведений. Из них первая книга содержит некоторые теоретические высказывания, на которых следует остановиться. Кроме трех указанных работ к разделу литературоведения относится также сборник «Калмыцких сказок»²³.

Материалом для книги о народных песнях монголов послужили записи, сделанные Позднеевым во время его первого пребывания в Монголии. Исследование было задумано очень широко. Автор предполагал опубликовать четыре выпуска, но в свет появился только первый, посвященный народным песням. Во втором выпуске должны были быть исследованы песни, не вошедшие в первый и содержащие, по словам автора, «новые темы». В третьем выпуске Позднеев предполагал рассмотреть собранные им поговорки, пословицы и загадки. Он считал их особенно интересными с грамматической точки зрения и на основе этого материала хотел изложить свои «наблюдения и изыскания о происхождении, существе и видоизменениях грамматических форм монгольского языка»²⁴. Наконец, в четвертом выпуске должна была содержаться историческая грамматика монгольского языка.

Эта программа, с которой начал молодой ученый, так и не была никогда выполнена. По-видимому, некоторая часть материалов, предназначенных для второго выпуска, вошла впоследствии в «Монгольскую хрестоматию». «Изыскания» же по языку не состоялись. Кроме учебных программ да попытки дать перевод трехязычного словаря²⁵, в печатном наследстве Позднеева не имеется исследований по лингвистике. В архиве его сохранился черновик «Грамматики монгольского языка»²⁶.

Труд о «Народных песнях монголов» содержит публикацию 65 текстов поэтических произведений, из которых 25 монгольских, 11 калмыцких и 29 бурятских. Каждый текст приводится затем в транскрипции и переводе на русский язык и сопровождается развернутым комментарием. Автор выбрал из своих материалов только записи песен, которые так любят распевать монголы не только под аккомпанемент хура, но и просто во время поездок верхом.

Подобное собрание монгольских песен появилось впервые. Это было достижением в изучении монгольского фольклора, или по терминологии того времени — народной литературы. Позднеев считал, что песни являются наиболее яркими образцами фолькло-

ра, что другие формы исчезают под влиянием буддийской поэзии. Он так и заявил в предисловии: «Эпические песни положительно у всех монгольских племен можно находить только как редкость, а воспевание похвал коню далеко уступает свое место излилиям благоговейных чувств перед Буддой»²⁷.

Полностью отрицая возможность устной передачи даже небольших стихотворений, Позднеев считал, что и письменные памятники кочевников не могут сохраниться, «не может быть об этом и речи»²⁸. Мнение это, как показали дальнейшие исследования, было ошибочным, так как у монголов эпическая традиция не прерывалась и вовсе не была заглушена церковниками. Но в восьмидесятых годах прошлого века, когда впервые была собрана Позднеевым первая коллекция фольклора, подобное ошибочное заключение могло возникнуть. Собирая впервые фольклорный материал, он брал то, что ему попадалось, а не разыскивал специальных сказителей, которые только и могли сообщить ему эпические произведения. Однако и позднеевское собрание давало хотя и неполное, но все же представление о песенном фольклоре монголов. Комментарий же и анализ отдельных стихотворений отличается не только излишним многословием, но порой и противоречивостью.

Для «Образцов народной литературы» характерны также антиламские, антибуддийские высказывания Позднеева. Собирая и записывая песни, он столкнулся и с поэтическими произведениями лам. Позднеев отметил влияние буддийской образованности на эти стихи и тут же осудил их, считая образцами ханжества. «Что же могла получить при господстве такого ханжества в народе народная песенная поэзия»²⁹, спрашивает Позднеев. Позднеев увидел в этом только одну отрицательную сторону. Он не рассматривал всесторонне ламской поэзии и ее влияния на фольклор, ограничившись лишь порицанием. Не видел положительных качеств дидактических стихов.

Осуждая ламаизм и ламство, показывая его отрицательное влияние на народное творчество, Позднеев в то же время не мог не отметить того, что «любимейшими произведениями»³⁰ для монголов были именно образцы буддийской литературы, переведенные на монгольский язык, как-то: «Улигерун далай», «Улигерун ном», «Эрдэни санг» и другие. Позднеев считает их «буддийскими сказками». В приведенных им образцах песен духовного содержания находятся отличные лирические стихи, в которых рисуются картины природы и отношение к ним человека. По наблюдениям Позднеева подобная литература была широко распространена среди монголов. «Образцы этого отдела песенной литературы в рукописях можно находить в юрте почти каждого монгола, а некоторые встречаются даже в печатных изданиях отдельными брошюрами»³¹, — отмечает автор.

В своих комментариях Позднеев впервые на русском языке дал очерк монгольского стихосложения, который, несмотря на некоторые промахи и довольно тяжелый стиль, следует признать теоретическим обобщением, заслуживающим внимания. Таково содержание книги «Народные песни монголов», и можно только пожалеть, что автор не довел до конца предполагаемого им издания последующих выпусков.

Следующей работой по литературоведению, оставшейся в истории монголоведения, была «История монгольской литературы». Три выпуска «Истории» представляют собой студенческие записи лекций, читанных Позднеевым. Лекции были литографированы и задуманы как учебное пособие. Заглавие выпусков не отражает содержания, так как это не история литературы, а собрание текстов квадратного и уйгурского письма, сопровождающихся переводом и комментариями филологического и лингвистического характера. Этот хорошо выполненный и для своего времени полный обзор является ценным пособием при изучении ранних письменных памятников. Следует также отметить, что подобный обзор появился впервые. Эти записи лекций без преувеличения можно считать выдающейся работой в истории русского монголоведения.

Третьим трудом Позднеева, относящимся к литературоведению, можно считать «Монгольскую хрестоматию». Она была издана уже после отъезда Позднеева из Петербурга. Это обстоятельство сказалось на качестве издания в недостаточной обработке материалов. Монгольская хрестоматия представляет собой собрание текстов, подобранных для учебных целей, причем даже без оглавления и каких-либо примечаний и объяснений. Поэтому при сравнении с хрестоматией Ковалевского³², снабженной весьма ценными комментариями, труд Позднеева проигрывает. Достоинством же хрестоматии является то, что она представляет собой большую коллекцию текстов, среди которых имеются редкие и прежде не известные. Поэтому нельзя не согласиться с выводом, сделанным Н. И. Веселовским в предисловии к хрестоматии: «Таким образом, эта хрестоматия, представляющая нам в новом виде содержание и объем монгольской литературы, не только принадлежит к числу учебных пособий, но является прямо научным вкладом»³³.

Позднеев поместил в хрестоматию до 75 произведений, иногда полностью, иногда в тщательно выбранных образцах, разделив их все на двенадцать отделов по содержанию и характеру языка. Среди них были неизвестные в европейском монголоведении сочинения, например «Повесть о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингиса», шаманские тексты, летопись «Алтан тобчи» и другие сочинения. Особенно следует отметить коллекцию образцов юридической литературы, представляющую в основном различные формы канцелярского делопроизводства, написанные особым «канцелярским» стилем, создавшимся у монголов во времена маньчжурской династии. Своего значения как собрание текстов хрестоматия не потеряла и в наши дни.

Труды Позднеева по истории монголов посвящены различным темам. Немалое место среди них занимает источниковедение. До Позднеева на монгольском языке были известны только две монгольские летописи³⁴, да еще «Тайная история монголов», перевод китайского текста которой был опубликован П. И. Кафаровым³⁵. Позднееву удалось во время своей первой поездки по Монголии получить восемь больших летописей, что воодушевило его приняться за их изучение.

Высоко оценивая летописи, он считал, что в них содержится много интересных сведений по истории

монголов, что буддизм не оказал на историографические труды летописцев такого глубокого влияния, как это считалось ранее³⁶. Не рассмотрев еще достаточно внимательно содержание полученных им летописей, Позднеев начал оспаривать высказывание П. С. Савельева, упомянувшего о путаном изложении событий истории монгольскими летописцами³⁷. Но когда он занялся летописями, то выяснилось, что далеко не все благополучно в монгольской историографии, и Позднеев, как бы забыв высказанные им прежде похвальные слова о летописях, стал подчеркивать их малосодержательность.

Еще во время первого своего путешествия по Монголии в 1876—1879 гг. Позднеев очень заинтересовался ламаизмом. Ламаистские монастыри в те времена имели большое значение во всех областях жизни феодальной Монголии, что не могло не броситься в глаза исследователю. Вероятно, поэтому одной из первых вышедших в свет книг Позднеева была небольшая по объему монография об ургинских хутухтах³⁸, представлявшая собой расширенный доклад, прочитанный им на третьем съезде ориенталистов, происходившем в Петербурге в 1879 г.³⁹ Тема, избранная докладчиком, давно уже привлекала внимание. И в монголоведной литературе еще не было полного освещения истории хутухт, этих духовных властителей монголов.

В основу своего исследования Позднеев положил монгольские письменные источники, главным образом биографии деятелей ламаистской церкви. Пользуясь этими материалами, автор изложил историю первого хутухты и его преемников в Монголии. Критическое отношение к религиозным преданиям и традициям позволило Позднееву отметить легендарность некоторых из них. Так, рассказывая о перерождениях Даранаты⁴⁰, происходивших до появления его в Монголии, Позднеев считает «излишним говорить о всех этих баснях»⁴¹. Так же отрицательно относится он и к сообщениям о различных вещих предзнаменованиях — снах и прочих чудесах, описаниями которых так богаты монгольские материалы. Этим ограничивается у Позднеева критика источников. В остальном он следует им в своем изложении, не проверяя сведений, не выясняя происхождение материала.

Как бы то ни было, цель, которую поставил перед собой автор, — дать достоверные сведения о появлении в Монголии хутухт, начиная от первого, родившегося в 1635 г. в семье халхаского хана, и кончая восьмым, — эта задача была выполнена. Публикуя свой доклад на конгрессе, Позднеев дополнил его расширенными объяснениями различных терминов. Эти объяснения, занимающие более половины книги (с. 39—84), заслуживают внимания, так как в них с достаточной точностью отражено значение того или иного термина, которое оно имело во второй половине XIX в. в Монголии.

Одновременно с книгой «Ургинские хутухты» Позднеев опубликовал исследование о городах Монголии⁴². Он задался целью дать исторические сведения о трех городах Северной Монголии на основании летописных материалов и документов ранее неизвестных, впервые обнаруженных и приобретенных автором во время его путешествия 1876—1879 гг. С этой

задачей Позднеев справился наилучшим образом. Он разделил свою книгу на три главы, посвятив каждую одному из трех городов: Урге или Да-Хурэ, Улэсутаю и Кобдо. Он тщательно выбрал из летописи «Эрдэнийн эрихэ» сведения о возникновении первого города Северной Монголии, известного в европейской монголоведческой литературе под названием Урга, установил монгольские его названия и рассказал достаточно подробно историю развития города, его первоначальные перекочевки с места на место, а затем, после 1778 г. постоянное местопребывание на берегу реки Тола при впадении в нее речки Сельби.

В подробный рассказ о своеобразии монгольского города входят и сведения о монастырях Урги. Впервые в монголоведческой литературе появилось такое подробное описание, основанное на близком знакомстве автора не только непосредственно с каждым уголком города и его храмами, но и подтвержденное документальными данными. Описание не просто подробно, но и точно. Надо сказать, что когда мне впервые пришлось увидеть и обследовать в 1924 г. Ихэ-Хурэ — один из главных монастырей Урги, то, сравнивая увиденное с описанием Позднеева, нельзя было не подивиться скрупулезности и точности его материалов. Многое, очень многое из того, что было описано им в 1880 г., оставалось неизменным за прошедшие 45 лет.

Обе книги Позднеева — «Ургинские хутухты» и «Города Северной Монголии», появившиеся одновременно в 1880 г., были сделаны для своего времени на высоком научном уровне, внесли в монголоведение новые достоверные материалы, не утратившие своего значения и в настоящее время. Обе указанные книги являются для нас теми историческими исследованиями, в которых сохранились живые наблюдения над тем, что стало ныне уже прошедшей стариной. Свой путь в исторической науке Позднеев начал с двух удачных исследований.

Стремление изучать ламаизм не оставляло Позднеева. Собранные им материалы позволили ему написать еще две большие работы на эту тему. Одна из них вряд ли может быть отнесена к историческим исследованиям. Это скорее этнографическое, подробное описание внешних сторон деятельности ламаистской церкви, ее организации, устройства монастырей, культовой обрядности, монашеских обетов и прочего⁴³. Книга эта чрезвычайно богата материалом, но за описаниями, многими частностями от автора ускользает главное — сущность ламаизма и его значение в истории монгольского общества. Несмотря на этот весьма существенный недостаток, книга имеет вместе с тем определенную ценность, так как дает множество сведений об одном из крупнейших явлений в истории монголов. Изучение ламаизма являлось одной из главных проблем монголоведения в XIX в., но только Позднееву удалось зафиксировать и описать столь подробно состояние ламаистской церкви во второй половине XIX в.

Сразу же по выходе в свет «Очерков жизни и быта буддийских монастырей» они вызвали оживленное обсуждение в печати — пять рецензий, авторами которых были крупнейшие специалисты. Подобное обилие откликов, в некоторой части критических, весьма

знаменательно. Еще ни разу в истории русского монголоведения не случилось, чтобы на книгу, посвященную специальному вопросу, откликнулось бы сразу столько рецензентов.

Очень любопытна рецензия В. П. Васильева, в которой знаменитый китаист дал краткую, но выразительную оценку трудов путешественников по Монголии, подчеркнув, что путешествия совершали лица, не имевшие специального востоковедного образования. Поэтому они обращали внимание главным образом на природу, животный мир и прочее, забывая о людях, столкнуться с которыми не могли по незнанию языка. «Как бы то ни было, — пишет Васильев — тот, кто путешествует по стране с знанием языка и литературы, будет писать совсем не то, что автор простых путевых впечатлений, странствователь по суше и морям»⁴⁴. Позднеев отвечал, по мнению Васильева, таким требованиям и следовательно именно он «мог бы начертать такую картину быта буддийского духовенства в Монголии, какую представляет труд г. Позднеева»⁴⁵. Пользуясь материалом книги, Васильев кратко очертил экономическое и политическое значение ламаизма в жизни монголов и бурят.

Другой рецензент профессор И. П. Минаев, крупнейший знаток индийского буддизма, в своем отклике на книгу Позднеева остановился прежде всего на практическом значении поднятого вопроса, что видно даже из названия рецензии: «Апология ламства»⁴⁶. При этом рецензент отметил эволюцию взглядов автора на ламство, указав на излишнее прославление его, противоречащее более ранним критическим высказываниям. Кроме того, Минаев сделал ряд замечаний о неправильных и неудовлетворительных описаниях и переводах Позднеева.

Позднеев тотчас же откликнулся на рецензию Минаева, опубликовав довольно обширный ответ и вступив в полемику с рецензентом⁴⁷. Этот ответ, написанный в состоянии запальчивости⁴⁸, достаточно ясно характеризует не только нетерпимое отношение автора к критике, но и отношения, сложившиеся между учеными.

Стремление выяснить значение института хубилганов в ламаизме подтолкнуло Позднеева к исследованию монгольских летописей⁴⁹. Он остановил свое внимание на неизвестной до того времени летописи халхаского летописца тусалакчи Галдана, из которой выбрал главы, относящиеся к жизни и деятельности первого из монгольских гэгэнов, имевшего значительное влияние на судьбу Северной Монголии в труднейший исторический период. Несомненно, личность Ундур-гэгэна заслуживала исследования. Следует признать, что для Монголии XVII в. это был крупнейший политический деятель, как бы отрицательно ни относились к нему позднейшие исследователи истории монголов.

Позднеев опубликовал выбранные им главы из летописи, снабдил их переводом и обширным комментарием, который озаглавил «Взгляд на состояние Халхи во второй половине XVI и начальных годах XVII в.». Этот комментарий и представляет собой историческое исследование, к которому приложен монгольский текст выбранных из летописи нескольких глав и их перевод. Исследование и является основной

и главной частью книги и по своему объему (274 стр.) и по значению, что противоречит названию, данному автором на титульном листе. Не монгольская летопись является предметом изучения. Она служит лишь предлогом к историческому исследованию. Только «Введение» посвящено обзору монгольской исторической литературы, т. е. летописей и хроник, которые до того были совершенно неизвестны в монголоведении. Позднеев во время своего пребывания в Монголии собрал большую коллекцию рукописей, среди которых были и труды по истории монгольских авторов. Характеристике этих работ, всего восемь, и посвящено «Введение».

Автор невысокого мнения о летописи, выбранной им для перевода, о чем и говорит совершенно откровенно: «Оценивая летопись тусалакчи Галдана как памятник исторический, я скажу, что в большинстве случаев она, бесспорно, ничтожна по своему содержанию»⁵⁰, «что в ней масса фактов [...] бессвязно и отрывочно изложенных во всех вообще монгольских летописях последнего издания»⁵¹. Однако он выбрал ее потому, что материалы, «в ней содержащиеся, позволяют не только изложить события XVII в. из истории Халхи, но и «упорядочить достовернейшие материалы для истории халхасов»⁵².

Привлечение других материалов при исследовании летописи было новым в монголоведении. Это была первая попытка критического отношения к содержанию рукописи. Другим новшеством была постановка вопроса о достоверности содержания летописи. С этой точки зрения публикуемые семь глав, по мнению автора, заслуживают внимания, так как при их составлении монгольский летописец использовал официальные документы и другие источники. Невольно Позднеев впадает в некоторое противоречие, объявляя сначала летопись ничтожной, а затем достоверной и обстоятельной⁵³.

Публикация семи глав из летописи «Эрдэнийн эрих» по сравнению с изданиями И. Я. Шмидта⁵⁴ и Г. Гомбоева⁵⁵ представляет собой шаг вперед в текстологическом отношении. Во-первых, были приняты во внимание два варианта летописи и учтены различия. Во-вторых, Позднеев установил путем сравнения текстов один из источников «Эрдэнийн эрих», а именно «Илэдхэл шастир»⁵⁶ и тем ввел в научный обиход этот важный исторический источник XVII—XVIII вв. Выяснение использования летописцем других произведений является необходимой частью текстологического исследования. Кроме того, Позднеев сообщил во «Введении» содержание всей летописи, разбив ее на главы и составив оглавление. Все это положительные стопоны работы.

Текст и перевод семи глав летописи занимают 92 страницы. Почти триста страниц посвящены исследованию под титулом «Пояснения». Из этого сопоставления видно, что публикация текста и перевода не являлись главной задачей исследователя. Он больше стремился к тому, чтобы выяснить ход политической истории монголов в XVII в. Намереваясь описать события на основании монгольских первоисточников, Позднеев решил, что их недостаточно, т. к. материалы в них изложены бессвязно и отрывочно⁵⁷ и необходимо привлечь для упорядочения и разъяснения ки-

тайские источники. Им было использовано сочинение Шэн-у-цзи, записки маньчжурских генералов, летопись «Варги амарги ба-бо нэцихемэ токтобухи бодохон-и битхэ» и другие сочинения. В приложении даже даны переводы с маньчжурского. И как это ни странно, но исследователь попал под влияние не монгольских материалов, а чужих, да еще таких, в которых ярко выражены захватнические тенденции по отношению именно к монголам.

Позднеев крайне неразборчиво пользуется китайскими и маньчжурскими сочинениями, принимает на веру высказанные в них положения, употребляет терминологию явно враждебную монголам. Использование этой терминологии и некритическое отношение к китайским и маньчжурским сведениям привело к неправильным оценкам событий монгольской истории. Так, например, Позднеев рассматривал борьбу Галдана-Бошукту как мятеж, поднятый «разбойниками»⁵⁸. Употребление выражения «разбойники» по отношению к народу, отстаивающему свою независимость, характерно для маньчжурской историографии, и Позднеев вместо того, чтобы правильно оценить подобное словоупотребление, пользуется им некритически. Это даже не небрежность в употреблении терминологии, а предвзятость взгляда на монголов, полное неумение разобраться в источниках и правильно понять позиции как монгольского летописца Галдана, так и враждебных монголам маньчжуров. Именно поэтому большая работа по составлению политической истории Халхи в XVII и первой половине XIX в. оказалась не вполне состоятельной.

Разбору недостатков работы посвящена рецензия Н. И. Веселовского⁵⁹. Имея в виду именно эту работу Позднеева, Б. Я. Владимирцов отмечал, что пользоваться трудами Позднеева надо с осторожностью, проверяя его небрежности в обращении с источниками⁶⁰. Н. И. Веселовский очень основательно разобрал ошибки Позднеева. Не сомневаясь в его эрудиции, в знании им не только монгольских, но и маньчжурских материалов, он подверг тщательному рассмотрению умение Позднеева «обращаться с источниками»⁶¹, обработку им материалов. Критика была уничтожающая. Замечания рецензента, по-видимому, повлияли на дальнейшие работы Позднеева по истории Монголии. Он больше не берется за исторические темы, уделяя больше внимание источниковедению. И Позднеевым немало сделано в этой области.

Для нужд университетского преподавания Позднеев издал литографским способом собранную им коллекцию образцов различных деловых бумаг⁶². Изданные Позднеевым образцы впоследствии дважды переиздавались тем же литографским способом⁶³. Из источниковедческих публикации особого внимания заслуживают публикации письма Алтан-хана Тумэтского⁶⁴ и издание «Хождения в Тибет малодербетского База Бакши»⁶⁵.

Письмо Алтан-хана Тумэтского было опубликовано в роскошном издании, выпущенном по случаю столетия со дня основания L'Ecole des langues vivantes orientales в Париже и предназначенном для юбилейного подарка⁶⁶. Позднеев дал для этого издания хоть и небольшую статью, но с очень эффектным приложением — публикацией фоторепродукции с подлинника,

приобретенного им в Пекине в 1893 г.⁶⁷ Как оказалось впоследствии, Позднеев приобрел не оригинал письма, а только его копию, точнее второй экземпляр, сделанный автором-китайцем. Это обстоятельство отнюдь не уменьшило значение публикуемого документа, который Позднеев считал чуть ли не единственным памятником монгольской письменности, дошедшим до нас от времени династии Мин. Позднеев считал период от XIV по XVI вв. «темным периодом», во время которого монголы утратили культурные приобретения и чуть ли не разучились писать. Этой же точки зрения он придерживается и в данной статье, но несколько смягчает ее формулировку.

Прежде чем приступить к описанию этого письма, которому более приличествует наименование «грамма» из-за роскошного оформления, Позднеев отводит несколько страниц краткому рассказу о достижениях европейского монголоведения. Помня о назначении сборника, он говорит о работах Абеля Ремюза далеко не так отрицательно, как говорил об этом раньше⁶⁸. Теперь Позднеев называет публикации Абель Ремюза «блестящими», хотя и указывает на погрешности сделанного тем перевода. Перечисляя труды европейских ученых по монголоведению, он отдаст им должное в исследовании монгольской литературы периода Юаньской династии.

Разбирая двуязычный текст письма Алтан-хана, Позднеев дает ему верную оценку: «Обращаясь к рассмотрению письма Алтан-хана, как памятника монгольской литературы, должно сказать, что оно едва ли заслуживает этого названия, ибо в нем нет почти ничего монгольского»⁶⁹. Действительно, перед нами эффектное, красивое послание XVI в., но литературным памятником его никак нельзя назвать. И не потому, что оно было выполнено китайским мастером, а потому, что это обычное письмо о попытке подарков или, как это называли китайцы, дани. Однако оно свидетельствует о том, что письменность у монголов отнюдь не прекращалась. Публикация Позднеевым этого письма как редкого образца монгольской письменности XVI в. было достаточно интересным явлением в истории русского монголоведения.

Другой значительной работой Позднеева по источниковедению была публикация калмыцкого текста и перевода с примечаниями «Сказания о хождении в Тибетскую страну мало-дэрбэтского База-Бакши». О поездках в Тибет, совершаемых ламами с целью поклонения Далай-ламе и буддийским святыням Тибета, было известно еще в XVIII в.⁷⁰, но только в 1897 г. Позднеев впервые опубликовал полученные им за год до того записки калмыцкого ламы, совершившего это трудное путешествие в далекую страну.

Из истории исследования Тибета известно, с каким трудом удавалось английским путешественникам проникать с юга в Тибет. Как пытался Н. М. Пржевальский пройти в Лхасу северным путем, что ему так и не удалось осуществить. К концу XIX в. было совершено несколько путешествий ученых различных национальностей, которым, однако, так и не удалось проникнуть во внутренние области Тибета. Горная страна оставалась все еще неизведанной и неизученной. Исследование Тибета в конце XIX в. было одной из значительных задач востоковедной науки. Поэтому

всякие сведения о Тибете, полученные в результате непосредственных наблюдений, не могли не заинтересовать ученый мир. Публикация выбранных Позднеевым записок База-бакши была не только своевременна, но и представляла собой совершенно новое явление в изучении монголоязычных народов, так как вводила в науку новый вид письменных источников⁷¹.

Калмыцкий лама База-бакши отправился в Тибет в 1891 г. для поклонения Далай-ламе. Ему понадобилось три года, чтобы совершить это путешествие. В географическом отношении записки его дают не много сведений — только названия остановок, да изредка описания ландшафта. Несколько более четко выявляются этнографические материалы, как-то: описания одежды, жилищ тангутов, цайдамских монголов и т. д. Описание Лхасы заслуживает особого внимания, ведь для конца XIX в. Лхаса была не только неизведанным городом, но и таинственным местопребыванием «живого Будды», о котором было известно немного. Поэтому всякие сведения о Лхасе, записанные человеком, видевшим воочию ее храмы, знаменитую Поталу⁷², были достойны внимания. А База-бакши был человеком наблюдательным и по-ламски образованным. Кроме этих наблюдений о жизни в Лхасе, описаний небольших поездок из Лхасы к различным священным для буддистов местам, которые содержат записки База-бакши, они замечательны еще тем, что представляют своеобразный жанр монгольской литературы⁷³.

Вводная статья к «Сказанию» содержит биографические сведения о его авторе, которого Позднеев знал лично, а также краткие сведения об отношениях между Тибетом и Калмыкией, возникших во второй половине XVIII в.

Несомненный интерес представляют сведения о грамоте Далай-ламы, данной калмыкам в 1756 г. во время посольства Галдан-Цэрена в Тибет. Позднеев ограничился тем, что поместил в своей работе перевод текста на калмыцкий язык, выполненный еще в XVIII в. Оригинал же был написан на тибетском языке. Возможно, грамота была двуязычной, написанной на полотнище из желтого шелка, подобно грамотам, найденным несколько лет тому назад в Западной Монголии⁷⁴. Грамота хранилась в монастыре Дунду-хурул. Где она находится в настоящее время — не известно.

Кроме отмеченных выше трудов Позднеева по литературе и истории монголов, по изучению буддизма и источников, нельзя также обойти молчанием его дневниковые записки путешествия по Монголии в 1892—1893 гг. Как уже было сказано выше, автор предполагал опубликовать семь томов, в которых хотел дать полное описание Монголии. Два первых тома были заняты дневником путешествия, третий том был посвящен описанию административного устройства и политико-экономического состояния страны. В четвертом томе предполагалось дать полное описание ламаизма. В пятом томе автор хотел дать этнографический и фольклорный материал. В шестом — сведения по русской и китайской торговле в Монголии. И, наконец, седьмой том должен был содержать исследование по истории княжеских семейств, находившихся во главе владений⁷⁵.

Задумана была обширная программа, какой еще никто из монголоведов не предлагал. Но именно по-

тому, что она была слишком велика, она и осталась невыполненной. Ведь в конце XIX в. монголоведение хотя и считалось еще единой наукой о Монголии и монголах, но накопилось много знаний, и в это время уже наметилось выделение отдельных дисциплин, входивших в комплекс этой единой науки. Было трудно уже охватить все сделанное предшественниками, чтобы дать описание всех сторон жизни монголов.

В предложенной программе были и другие слабые стороны. Так, например, посвящая седьмой том историческим исследованиям, автор крайне ограничил свою задачу, предположив дать на основе «Илэдхэл шастир» сведения только «о всех владетельных княжеских домах Монголии, возвысившихся собственнo в период подданства монголов маньчжурам и играющих роль именно в настоящую пору в Монголии»⁷⁶. В этом объяснении отчетливо виден классовый подход к пониманию исторического процесса только как изложения истории князей, в чем его упрекал еще Н. И. Веселовский в рецензии на «Эрдэнийн эрхэ».

Из семи предполагаемых томов опубликованы были только два первых и написан третий том, рукопись которого сохранилась⁷⁷. Опубликованные тома содержат дневник путешественника. Главной целью дневниковых записей путешественника были исторические и отчасти этнографические сведения о пройденных местах, особенно о городах, монастырях и т. д. О содержании своих дневников Позднеев пишет следующее: «В дороге я изо дня в день вел возможно полные дневники, стараясь представить в них не только описание пройденных пространств, но записывать также все удавшиеся мне наблюдения частных событий, все свои встречи, разговоры и прочее. В городах и другого рода правительственных центрах, равно как и в больших монастырях, я дневников уже не вел, а сосредотачивал свои занятия на теоретических исследованиях страны под руководством местных знатоков и при пособии разного рода письменных памятников»⁷⁸.

В книге Позднеева мы находим подробные сведения об Урге, истории ее возникновения и развития. При сравнении материалов по истории и описанию города с ранней работой Позднеева «Города Северной Монголии» выясняется, что приводимые на этот раз сведения значительно полнее и богаче. То же следует отметить и о главах, относящихся к описаниям других городов Монголии, как-то: Улясутая и Кобдо. При описании Цзаин-шаби (современный Цецерлик), монастыря Эрдэни-Дзу Позднеев использовал новые монгольские материалы, которые до этого не были совсем известны или о них знали только по заглавиям.

Так, среди материалов, использованных Позднеевым в главе VIII о хубилганах Джебцун Дамба-хутухты, приводится впервые биография Ундур-гэгэна, частично в переводе, частично в изложении. Это историко-религиозное сочинение содержит много интересных сведений наряду с легендарными подробностями из жизни и деятельности первого монгольского хутухты.

Уделяет автор внимание и надписям на камнях, которые он называет «каменнописными памятниками». Позднеев неизменно отмечает местоположение древних памятников, получивших название «оленных камней», которые монголы называют «хошо-чулу»

(памятник-камень), дает их описание, сообщает размеры и т. д. Он старательно регистрирует и описывает попадавшиеся ему по дороге древние могильники, называемые по-монгольски «хэрэкурсы». В этом отношении книга Позднеева послужила путеводителем для последующих исследователей монгольских древностей.

Многих описанных Позднеевым памятников ныне уже не существует. Тем большую ценность представляют эти описания, единственное свидетельство о пышных некогда постройках ламаистских храмов и монастырей. В качестве примера можно указать на надпись, сделанную Лигден-ханом (1604—1634) на каменной плите в Цаган-субурга, воздвигнутом этим же знаменитым в истории Монголии политическим деятелем. Позднеев первый открыл этот интересный памятник, снял копию с монгольского и тибетского текста, которую и включил в свою книгу, сопроводив ее переводом.

Памятник этот впоследствии был разрушен. От надписи не осталось и следа. Через двадцать пять лет после Позднеева в городище Цаган-субурга побывал ученый, бельгийский миссионер Мюлли и обнаружил лишь мельничный жернов, сделанный из камня с надписью⁷⁹. Еще через двадцать лет ее искал В. Хайссиг, тщательно обследовавший обнесенный стеной четырехугольник разрушенного монастыря, но не смог уже ничего найти⁸⁰. Надпись на камне, простоявшая до 1893 г. почти триста лет, исчезла в последующие два десятилетия. Все что от нее осталось — сведения в книге Позднеева.

Использование монгольских материалов, открытие новых исторических памятников и их описание, записи интересных бесед с монголами, в которых обрисованы жизнь и быт в монгольской степи, исследования о городах и монастырях — все это составляет положительную сторону труда Позднеева. Однако есть и недостатки. Это и небрежность в переводах, и не всегда удовлетворительное издание им текстов. Вот что пишет Владимирцов об издании текста надписи из Цаган-субурга: «Надпись Легдан-хана заканчивалась перечислением лиц, участвовавших в постановке памятника, но А. М. Позднеев опустил это место как в текстах, так в переводе, поясняя следующим образом: „как эти имена не имеют для нас значения, то они и не воспроизводятся дословно“»⁸¹. Подобное обращение с текстом, произвольное его сокращение не должно иметь места.

Несмотря на имеющиеся недостатки, два тома сочинения «Монголия и монголы» заслуживают и высокой оценки, и благодарной памяти потомков. В них дана яркая картина жизни и быта монголов перед концом периода маньчжурского господства, подобной которой не найдешь более ни у кого другого. Позднеев как на фотографии зафиксировал то, что видел во время своих путешествий. Он не поднялся выше описаний, он только констатировал увиденные факты. Тем не менее, такие его труды как «История монгольской литературы», «Монгольская хрестоматия», «Очерки жизни и быта буддийских монастырей», «Монгольская летопись Эрдэнийн эрхэ», два тома работы «Монголия и монголы» составляют ценный вклад в историю изучения Монголии.

При всех недостатках, ошибках и мелких недочетах, труды Позднеева заслуживают внимания и положительной оценки. В истории русского монголоведения А. М. Позднеев представляет собой яркое и весь-

ма значительное явление еще и потому, что является как бы заключительным аккордом большого периода в истории данной науки, каким был XIX в. с его открытиями и монументальными трудами.

Примечания

1. Список работ Позднеева помещен в предисловии к первому тому его труда «Монголия и монголы» (см. примеч. 13). Полную библиографию трудов ученого см.: *Walravens H. A. M. Pozdneev: eine Bibliographie des Mongolisten* // *Mongolian Studies. Journal of the Mongolia Society*. Vol. XVII. Bloomington, 1994. P. 21—76.
2. Лазаревский институт восточных языков основан в Москве в 1815 г. как частное Армянское Лазаревское училище. Статус института получил в 1827 г. и был передан в ведение Министерства народного просвещения. С 1921 г. — Московский институт востоковедения.
3. *Позднеев А. М.* О русской торговле в Монголии // *Сибирь*. 1879. № 8.
4. *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия исполненного в 1876—1877 гг. Два выпуска с картой и таблицами. СПб., 1881.
5. Эти материалы хранятся теперь в Рукописном фонде библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, см.: *Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library*. Compiled by V. L. Uspensky with assistance from O. Inoue. Edited and Foreword by T. Nakami. Tokyo, 1999.
6. Образцы народной литературы монгольских племен. Выпуск первый. Народные песни монголов / Собраны и изданы с приложением примечаний о характере народной песенной поэзии монгольских племен, стихотворениях литературных и приемах стихосложения у монголов А. Позднеевым. СПб., 1880.
7. О преобразовании учебной части у калмыков Астраханской губернии / Составил А. Позднеев. СПб., 1889.
8. *Позднеев А.* Несколько слов об астраханских калмыках // *Восточное обозрение*. 1883. № 46—48; *Позднеев А.* К вопросу о быте калмыков // *Эхо*. 1885. № 1450; Памятники исторической литературы астраханских калмыков в подлинном калмыцком тексте / Издал А. Позднеев. СПб., 1885; *Позднеев А.* Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего столетия // *Журнал Министерства народного просвещения*. Ч. 244, отд. 2. СПб., 1886. С. 140—170; *Позднеев А.* Калмыцкие хурулы и их утвари // *Астраханские епархиальные ведомости*. 1887. № 16.
9. *Позднеев А.* Калмыцкая хрестоматия для чтения в старших классах калмыцких народных школ. 1-е изд.: СПб., 1892; 2-е изд.: СПб., 1907; 3-е изд.: СПб., 1915. Черновик хрестоматии хранится в монгольском фонде Рукописного отдела СПбФ ИВ РАН, см. *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. 1. М., 1988. № 413.
10. Калмыцко-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах / Составил А. Позднеев, член совета Министра Народного просвещения, профессор и директор Практической Восточной академии. СПб., 1911.
11. Одним из замечательных результатов этого путешествия стало также приобретение для библиотеки Санкт-Петербургского университета полного 113-томного рукописного «Ганджура» на монгольском языке первой половины XVII в. Об обстоятельствах приобретения этой уникальной рукописи см.: *Касьяненко З. К.* Монгольский рукописный Ганджура // *Востоковедение*. Вып. 3. Л., 1977. К настоящему времени опубликован полный каталог позднеевского «Ганджура», см.: *Каталог петербургского рукописного «Ганджура»* / Сост., введ., транслитер. и указ. З. К. Касьяненко // *Памятники письменности Востока СП. (Bibliotheca Buddhica XXXIX)*. М., 1993.
12. На заседании Географического общества Позднеев сделал доклад о своем путешествии, который был затем напечатан, см.: *Поездка по Монголии в 1892—1893 гг. А. Позднеева*. (Читано в экстренном собрании Императорского Русского Географического общества 23-го ноября 1893 г.) // *Записки Императорского Русского Географического общества*. № 30, вып. 2. СПб., 1894. С. 145—184.
13. *Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892—1893 гг. А. Позднеевым*. Т. I: *Дневник и маршрут 1892 года*. СПб., 1896; Т. II: *Дневник и маршрут 1893 года*. СПб., 1898; *Pozdneev A. M. Mongolia and the Mongols*. Vol. 1. 1892 / Translated from the Russian by J. R. Shaw and D. Plank. Bloomington, 1971 (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. 61); Vol. 2. 1893. Editor J. R. Krueger. Translated from the Russian by W. H. Dougherty. Bloomington, 1977 (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. 61/2).
14. *Известия Восточного института*. Т. XI, прилож. 3.
15. Там же.
16. Это действительно так. Специальных монголоведных работ Позднеев уже более не публиковал, однако в этот период появился такой значительный труд ученого, как: *Учебник тибетской медицины*. bDud-rci sñing-po yan-lag-brgyad-pa gsang-ba man-ngag-gi gyud. Rasiyan-u jiriken nayiman gesigütü niyuča ubadis-un ündüsün. Т. 1. С монгол. и тибет. перевел А. Позднеев. СПб., 1908. Издание содержит монгольский текст и перевод двух начальных глав учебника тибетской медицины «Джуд-ши». Перевод был закончен Позднеевым осенью 1878 г., но по различным обстоятельствам (см. предисловие к изданию) в свет он смог появиться лишь тридцать лет спустя.
17. К вопросу об организации изучения Востока в русских учебных заведениях. Докладная записка от 8 октября 1904 г. (Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 150); *Позднеев А.* К вопросу об организации изучения Востока в русских учебных заведениях (на правах рукописи). СПб., 1904.
18. К вопросу об учреждении курсов восточных языков при Обществе востоковедения. 1907 г. (Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 152).
19. В настоящее время — Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения Российской Академии наук.
20. См. примеч. 6.
21. Лекции по истории монгольской литературы, читанные ordinarily профессором С.-Петербургского университета А. М. Позднеевым в 1895/96 акад. году / Записал и издал студент Х. П. Кристи. СПб., 1896; Лекции по истории монгольской литературы, читанные ordinarily профессором С.-Петербургского университета А. М. Позднеевым в 1896/97 акад. году. Т. II / Записал и издал студент Х. П. Кристи. СПб., 1897; Лекции по истории монгольской литературы, читанные ordinarily профессором Императорского С.-Петербургского университета А. М. Позднеевым в 1897/98 акад. году. Т. III / Записаны и изданы бывшими студентами Факультета восточных языков Императорского университета Г. П. Подставным и Г. Ц. Цыбиковым. Владивосток, 1908.
22. *Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания*, составленная А. Позднеевым, бывшим ordinarily профессором С.-Петербургского университета, ныне директором Восточного Института в г. Владивостоке. С предисловием профессора Н. И. Веселовского. СПб., 1900. Рукопись хрестоматии находится в монгольском фонде Рукописного отдела СПбФ ИВ РАН, см.: *Сазыкин А. Г.* Каталог. № 422.

23. Калмыцкие народные сказки / В подлинном калмыцком тексте издал А. Позднеев. СПб., 1886 [литография]; Калмыцкие народные сказки, собранные в калмыцких степях Астраханской губернии и в подлинном калмыцком тексте изданные А. М. Позднеевым. I. СПб., 1892. Рукописи калмыцкого текста опубликованных сказок хранятся в монгольском фонде Рукописного отдела СПбФ ИВ РАН, см.: *Сазыкин А. Г.* Каталог. № 90, 92.
24. Образцы народной литературы. С. IV.
25. Монгольско-китайско-маньчжурский словарь в русско-французском переводе А. Позднеева, директора Восточного института. Выпуск I. Владивосток, 1901.
26. Грамматика монгольского языка (фонетика и морфология) (Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 3).
27. Образцы народной литературы. С. V.
28. Там же. С. 55.
29. Там же. С. 81.
30. Там же. С. 94.
31. Там же. С. 301—302.
32. *Ковалевский О.* Монгольская хрестоматия. Т. I. Казань, 1836; Т. II. Казань, 1837.
33. Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания, составленная А. Позднеевым. С. XVIII.
34. Здесь, видимо, имеются в виду изданная Шмидтом летопись Саган-Сэзэна (см. примеч. 54) и «Алтан тобчи», опубликованная Гомбоевым (см. примеч. 55).
35. *Паладий.* Старинное монгольское сказание о Чингис-хане // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб., 1866.
36. *Позднеев А. М.* О монгольской исторической литературе по памятникам, хранящимся в Императорском С.-Петербургском университете // Восточное обозрение. № 5, 6.
37. См. примеч. 55.
38. *Позднеев А. М.* Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта. СПб., 1880. В 1881 г. эта работа Позднеева была переведена на монгольский язык. Рукопись перевода хранится в монгольском фонде Рукописного отдела СПбФ ИВ РАН, см.: *Сазыкин А. Г.* Каталог. № 602.
39. Труды III Международного съезда ориенталистов. С.-Петербург, 1879/80. Т. I. С. 371—454.
40. Дараната (Таранатха) — известный религиозный и политический деятель Тибета (1575—1635), хубилганами (перерождениями) которого почитались все монгольские Джебцун Дамба-хутухты.
41. *Позднеев А. М.* Ургинские хутухты. С. 4.
42. *Позднеев А. М.* Города Северной Монголии. СПб., 1880.
43. *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб., 1887; *Pozdnyev A. M.* Religion and Ritual in society. Lamaist Buddhism in late 19th-century Mongolia / Edited by J. R. Krueger. Translated from the Russian by A. Raun and L. Raun. Bloomington, 1978; *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста, 1993 (репринтное изд.).
44. Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1888. Июнь. С. 421. Далее — ЖМНП.
45. Там же. С. 430.
46. *Минаев И. П.* Апология ламства // ЖМНП. СПб., 1888. Июнь. С. 434—448.
47. *Позднеев А. М.* Ответ на рецензию проф. И. П. Минаева на сочинение «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии» // ЖМНП. СПб., 1888. Декабрь. С. 304—323.
48. О запальчивости свидетельствует, например, следующее утверждение Позднеева. Доказывая, что ламы не пьяницы, он подчеркивает, что они пьют водку как «невиннейший из напитков» (примеч. Н. Шастиной).
49. *Позднеев А. М.* Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ». Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб., 1883.
50. Там же. С. XVI.
51. Там же. С. XXIV.
52. Там же. С. IX.
53. Там же. С. XVII.
54. *Schmidt I. J.* Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses. Verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus. St. Petersburg, 1829.
55. «Алтан Тобчи». Монгольская летопись в подлинном тексте и переводе с приложением калмыцкого текста истории Убаши-хунтайджия и его войны с ойратами / Перевод ламы Галсана Гомбоева. Предисловие П. С. Савельева // Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Ч. VI. СПб., 1858.
56. «Илэдхэл шашир» — обиходное название послужного списка монгольских, ойратских и туркестанских князей.
57. *Позднеев А. М.* Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ». С. XXIII.
58. Там же. С. 214.
59. *Веселовский Н. И.* Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ» А. Позднеева // ЖМНП. СПб., 1884. Июнь. С. 237—262.
60. *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 24.
61. *Веселовский Н. И.* Монгольская летопись. С. 239.
62. *Позднеев А.* Официальные бумаги монгольского гражданского и уголовного делопроизводства. СПб., 1883.
63. Монгольские официальные бумаги, собранные А. М. Позднеевым. СПб., 1898.
64. *Позднеев А. М.* Новооткрытый памятник монгольской письменности времен династии Мин // Восточные заметки. СПб., 1895. С. 367—386.
65. Сказание о хождении в Тибетскую страну мало-дэрбэтского База Бакши / Калмыцкий текст с переводом и примечаниями составленными А. Позднеевым, ординарным профессором Императорского С.-Петербургского университета, почетным членом Королевского Нидерландского географического общества в Амстердаме. СПб., 1897.
66. В сборнике приняли участие только профессора С.-Петербургского университета, по инициативе которых он и был создан. В сборнике было опубликовано всего четырнадцать статей. Тираж был всего 322 экземпляра (примеч. Н. Шастиной).
67. Несколько экземпляров этой репродукции, озаглавленной «Грамота Алтан-хана тумэтского к Минскому богдохану годов правления Вань-ли», хранятся в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 107.
68. *Позднеев А. М.* Народные песни монголов. С. 46—47.
69. *Позднеев А. М.* Новооткрытый памятник. С. 375.
70. Из XVIII в. до нас дошло только одно описание путешествия в Тибет, предпринятого в 1734—1741 гг. бурятским паломником Дамба-Доржи Заяевым. Составлено описание было значительно позже — в 1775 г. по требованию Императрицы Екатерины II. Текст этих записок Позднеев включил в состав своей «Монгольской хрестоматии» (с. 34—37). Перевод описания путешествия Заяева см.: *Сазыкин А. Г.* Описание Тибета, составленное в XVIII в. бурятским паломником Дамба-Доржи Заяевым // Страны и народы Востока. Вып. XXVI. М., 1989. С. 117—125.
71. Готовил к изданию Позднеев также записки одного бурятского паломника. В Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН в фонде Позднеева хранятся несколько корректурных листов с текстом и переводом начала записок, озаглавленных: «Описание путешествия Лубсан Миджид-Дорджи» (ф. 44, оп. 1, ед. хр. 112). Позднеевские материалы были использованы при подготовке полного издания описания путешествия этого ламы, см.: *Sazykin A. G., Yondon D.* Travel-Report of a Buriat Pilgrim, Lubsan Midžid-Dordži // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XXXIX (2-3). Budapest, 1985. P. 205—241.
72. Потала — гора в Лхасе, на которой расположен одноименный дворец Далай-лам.
73. О записках паломников к святыням Тибета см.: *Дугар-Нимаев Ц.-Ж.* О жанре хождений в бурятской литературе XIX в. // Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 1. Серия литературы, фольклора и истории. Элиста, 1974. С. 147—159;

- Сазыкин А. Г. Описание путешествий в литературном наследии монгольских народов // Страны и народы Востока. Вып. XXVIII. СПб., 1994. С. 26—35.
74. Ринчен. Ойратские переводы с китайского // Rocznik Orientalistyczny. Т. XXX (I). Warszawa, 1966. P. 65.
75. Позднеев А. М. Монголия и монголы. Т. I. С. XXIII—XXVI.
76. Там же. С. XXVI.
77. Машинописный экземпляр третьего тома хранится в библиотеке Института международных отношений (примеч. Н. Шастиной).
78. Позднеев А. М. Монголия и монголы. Т. I. С. XXII.
79. Mullie J. Les anciennes villes de l'empire des grands Leao // T'oung Pao. 1922. P. 182.
80. Heissig W. A Lost Civilization. The Mongols Rediscovered. London, 1966. P. 122.
81. Владимирцов Б. Я. Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи. Статья вторая // Известия Академии наук СССР. Л., 1927. С. 236—237, примеч. 3.

В. Л. Успенский

Монгольские, ойратские и тибетские рукописи и ксилографы, поступившие в Санкт-Петербургский университет от А. М. Позднеева

А. М. Позднеев собрал большое количество монгольских, калмыцких, тибетских, маньчжурских и китайских книг, которые ныне хранятся в библиотеке восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Небольшую коллекцию книг на «ясном письме» он собрал еще будучи студентом. Вторая коллекция явилась результатом его командировки в Монголию в 1876—1878 гг. В 1894 г. А. М. Позднееву удалось приобрести в Калгане (Чжанцзякоу) уникальную рукопись буддийского канона (Ганджур) на монгольском языке в 113 томах.

Ниже мы приводим списки этих коллекций, основанные на подлинных документах, хранящихся в рукописном отделе восточного факультета СПбГУ. После названия каждого сочинения указаны его новый и старый библиотечные шифры. Кроме того, указаны номера каждого сочинения по каталогу собрания монгольских рукописей и ксилографов восточного факультета СПбГУ (Успенский В. Л. Каталог монгольских рукописей и ксилографов восточного отдела научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета / Под ред. Наками Тацуо. Токио, 1999—2000). В этом каталоге можно найти более подробные сведения о каждом тексте.

I

Список сочинений на калмыцком языке, собранных студентом Позднеевым во время пребывания в калмыцких степях Астраханской губернии и представленных в факультет к приобретению для библиотеки Университета.

1875

1. Xutuqtu yeke toniluqsani zügtü delgeröölüqçi kemēkü yeke kolgoni sudur orošiboi.
Calm. D 35 (Xyl. Q 562). Успенский, Каталог, № 052.
2. Xutuq-tu suduriyin ayimagiyin erketü xān dēdū al-tan gerel kemēkü yeke kolgoni sudur orošibo.
Calm. D 23 (Xyl. Q 563). Успенский, Каталог, № 014.

3. Xutuqtu biligiyn činadu kürüqsen tasuluqçi očir kemēkü yeke kölgöni sudur orosibo.

Calm. B 3 (Xyl. Q 564). Успенский, Каталог, № 036.

4. Xutuqtu biligiyn činadu kürüqsen tasuluqçi očir kemēkü yeke kölgöni sudur orošibo.

Calm. B 2 (Xyl. Q 565). Успенский, Каталог, № 039.

5. Xutuqtu caqlaši ügei nasun belge biliqtü kemēkü yeke kölgöni sudur orošiboi.

Calm. A 5 (Xyl. Q 566). Успенский, Каталог, № 067.

6. Biligiyn činadu kürüqsen rdo-rze zodpayin ači tusayin tayilbur.

Calm. A 4, (Xyl. Q 567). Успенский, Каталог, № 397.

7. Pañcarakṣā в пяти частях на калмыцком языке.

Calm. E 9 (Xyl. Q 568). Успенский, Каталог, № 008.

8. Manibadra xān köbüüni tuuǰi. 40 л.

(Xyl. Q 569). В фонде нет.

В 1877 г. от А. М. Позднеева поступила еще одна калмыцкая книга:

Sayin ügetü erdeni-yin sang subhasida kemegdektü sastir orosiba.

Mong. D 308 (Xyl. Q 570). Успенский, Каталог, № 342.

II

Каталог книг, приобретенных для библиотеки С.-Петербургского университета командированным с ученою целью в Монголию кандидатом СПб. университета Алексеем Позднеевым

1879

1. Erdeni-yin erike kemēkü.
Mong. C 37 (Xyl. F 104). Успенский, Каталог, № 157.
2. Erdeni-yin erike.
Mong. C 19 (Xyl. F 79). Успенский, Каталог, № 158.
3. Yeke mongyol ulus-un ündüsün altan tobči tuuǰi orosibai.
Mong. C 23 (Xyl. F 101). Успенский, Каталог, № 156.
4. Tngri yajar-un angq-a toytoysan-ača qayad-un eje-legsen qayučin köke debter kemēkü sastir orosibai.

- Mong. C 10 (Xyl. 1256). Успенский, Каталог, № 159.
5. Qalq-a mongγol-un oron-du angq-a burqan sajin eki oluysan törül teüke: basa yeke adistid-tu sitügen erdeni juu-yin bütügeküi yeke tuyuǵı orosiba.
- Mong. C 24 (Xyl. F 102). Успенский, Каталог, № 257.
6. Erten-ü mongγol-un qad-un ündüsün-ü yeke sir-a tuyuǵı orosiba.
- Mong. C 33 (Xyl. F 80). Успенский, Каталог, № 155.
7. Sidar-tur yabuqu qalq-a-yin jегün ғar-un ғerig jakirqu tusalayǵı jangjun nigen jerge nemegsen qalq-a-yin vačirai batu tüsiyetü qan: qosıyın-u törül tayıjınar-un ger-ün teüke.
- Mong. C 112 (Xyl. F 81). Успенский, Каталог, № 154.
8. İledkel šastir Mong. C 16 (Xyl. F 82). Успенский, Каталог, № 153.
9. Oyirad ulusa erte boluysan qayučid-un tobči tegüke.
- Mong. C 29 (Xyl. F 83). Успенский, Каталог, № 169.
10. Tngri-eče jayayatai boyda činggis qayın-u domoy orosiba.
- Mong. D 194 (Xyl. Q 573). Успенский, Каталог, № 160.
11. Qalq-a mongγol-un oron-du angq-a burqan-u sajin eki oluysan: basa ғe-bñung damba boyda gegen-ü törül-ün teüke namtar orosibai.
- Mong. D 195 (Xyl. Q 574). Успенский, Каталог, № 238.
12. Degedü sasin erdeni ber mongγol oron-i tügegüllügsen uy-i üjegüllügsen irayı kelen-ü kürkirel neretü orosiba.
- Mong. D 200 (Xyl. Q 575). Успенский, Каталог, № 239.
13. Jögelен itegel sasin-u jula maha-a bañar-dhar-a janggiy-a yišis bstanbii rgial-mñan šrii-badr-a-yin törül-ün üyes-lüge selte-yin čadig: yurban oron-i üjesküleng bo-lyayǵı ғayča čimeg: sayin nomlal-un čintamani-yin eriken kemegdekü terigün debter orosiba.
- Mong. D 364 (Xyl. Q 576). Успенский, Каталог, № 213 Dup.
14. Tügemel ejen včir-sadu-yin mön činar tegüs čoytu degedü blama boyda jangjiy-a gegen belge bilig sajin jula sayin čoytu-yin gegen-ü namtar-i tobči-yin tedüi ügüleg-sen tegüs buyan-tu sir-a-yin sajin-u üjesküleng čimeg.
- Mong. E 52 (Xyl. Q 577). Успенский, Каталог, № 212.
15. Tügemel ejen yeke včir-dhar-a vagindar-a sumati dharma-vati širii-bhadr-a čadig subud erike kemegdekü orosiba.
- Mong. D 205 (Xyl. Q 578). Успенский, Каталог, № 210 Dup.
16. İlayıysad-un erketü qamuy-i ayıladuyčı včir dhar-a blöbčang bsgal-bčang rgi-a-mčö dalai blam-a-yin gegen-ü namtar-i tobči-yin tedüi ügülegsen galbaravars erdeni-yin itegelel neretü tuyuǵı.
- Mong. D 334, Mong. D 335 (Xyl. Q 579). Успенский, Каталог, № 208.
17. Boyda jöbö atiša töbeD oron-a jalaraysan namtar orosiba.
- Mong. D 197 (Xyl. Q 580). Успенский, Каталог, № 195.
18. Lhasa-yin möngke juu-yin namutar ene bui.
- Mong. B 41 (Xyl. Q 581). Успенский, Каталог, № 250.
19. Orod-un manglai serigün ayula-yin oron-u nomlal süsüg-ün lingqu-a-yi delgeregüllüğü yayıqamsıy-tu naran-u tuy-a kemekü orosiba: serigün tungyalay tabun orgıl-tu ayula kemen aldarsıysan-u: sayisiyal-i ügülel-sen [!] urida ügei tansuy boluysan ene sayin nomlal-i: süsüg bisirel-ün ed tegülдер arad durasiqui-bar: üjejü angqaray-tun kemen alyaban qamtudqan [öč]müi.
- Mong. D 198 (Xyl. Q 582). Успенский, Каталог, № 256.
20. Boyda neyiči toyin dalai maññusrii-yin domoy-i to-dorqay-a geyigülügči čintamani erike kemegdekü orosiba.
- Mong. D 196 (Xyl. Q 583). Успенский, Каталог, № 204 Dup.
21. Qatayı čing joriy-tu berke qatayulil-ıyar: ғayčayın nasun-dayın nom-un bey-e-yi oluysan boyda mila-yin: qamuy köbegüd-ün manglai aldarsıysan boyda rasčung-ba včir-un: yayıqamsıy-tu belge bilig-ün gegen toli neretü tuyuǵı orosiba.
- Mong. D 199 (Xyl. Q 584). Успенский, Каталог, № 224.
22. Törülkiten-ü manglai dayın körbegülügči marba löñau-a nom-un oyutu-yin namtar üjegseger tusa tegülдер kemegdekü.
- Mong. D 332 (Xyl. Q 585). Успенский, Каталог, № 219.
23. Burqan-u nom delgeregsen ulus-nuyud-tur jiyulči-luysan bičig orosibai.
- Mong. B 18 (Xyl. 1257). Успенский, Каталог, № 259.
24. Erte balar čay-tur enedkeg-ün oron-dur angqan-u qayın maqasambadi-yin tuyuǵı [!] orosibai.
- Mong. C 9 (Xyl. 1258). Успенский, Каталог, № 425.
25. İlaju tegüs nöğčigsen burqan bayı-yin gegen-ü te-yin ariyın namtar čidig yayıqamsıy jokiyaı-i endegürel ügegüye ügülegsen sayıbar oduysan-u degedü yabudal-un sang kemegdekü.
- Mong. E 27, Mong. E 30 (Xyl. Q 586). Успенский, Каталог, № 187 Dup.
26. Qonsim bodisung čadig bui.
- Mong. D 204 (Xyl. Q 587). Успенский, Каталог, № 435.
27. Цаган-Дара-эхэ-йн тучжи.
- Mong. B 20 (Xyl. 1259). Успенский, Каталог, № 444.
28. Nom-un boyda tegüs čoytu yeke sgambö-pa-yin čidig küsel-i qangyayčı čintamani erdeni бүкүн-e түгемел irayı bančid tonilqui-yin čimeg-ün degedü erdeni kemegdekü orosiba.
- Mong. D 256 (Xyl. Q 588). Успенский, Каталог, № 225.
29. Ba бүрүн-ü burqan bayı erte bodisadu tngri-yin erkin qumq-a-tu qormusta bolun mendülegsen-ü domoy ügülel-ün tayılburı sayin nomlal-un jula neretü sastir orosiba.
- Mong. D 202 (Xyl. Q 589). Успенский, Каталог, № 440.
30. Qutuytu arban nigen niyur-tu-yin čilen aqui-yin bütügel-ün ündüsün-ü blam-a-nar-un tuyuǵı orosibai.
- Mong. C 111 (Xyl. F 84). Успенский, Каталог, № 242.
31. Manibadari qan köbegün tuyuǵı orosiba.
- Mong. E 44 (Xyl. Q 590). Успенский, Каталог, № 432.
32. Tümen jirgalangtu rafa.
- (Xyl. Q 591). В фонде нет.
33. Artasidi qayın-u namtar čedig [!] niyüča-yin isi orosibai.
- Mong. C 12 (Xyl. 1260). Успенский, Каталог, № 442.
34. Kkir ügei qotala tegüsügsen qan köbegün-ü sudur orosiba.
- Mong. D 203 (Xyl. Q 592). Успенский, Каталог, № 434.
35. Русская история на бурятском языке
- Mong. D 345 (Xyl. Q 593). Успенский, Каталог, № 177.
36. Jandan jüü-yin domoy ergiküi kemjiy-e ači tusa-luy-a qamtu tobčılan quriyaysan erdeni erike neretü orosiba.
- Mong. B 42 (Xyl. Q 594). Успенский, Каталог, № 251.
37. Arad-i tejiğekiüi rasiyan-u dusul kemekü sastir orosiba
- Mong. E 51 (Xyl. Q 595). Успенский, Каталог, № 091.
38. Subhasida: sayin nomlal erdeni-yin sang kemekü
- Mong. D 426 (Xyl. Q 596). Успенский, Каталог, № 352.

39. Sayitur nomlaysan erdeni-yin sang subasidi
Mong. E 5 (Xyl. Q 597). Успенский, Каталог, № 348.
40. Sayin üge-tü erdeni-yin sang neretü sastir tayilbu-ri-luy-a seltes-tei orosibai.
Mong. D 257 (Xyl. Q 598). Успенский, Каталог, № 343.
41. Qutuу-tu naiman gegen-ü tayilburi orosiba.
Mong. D 201 (Xyl. Q 599). Успенский, Каталог, № 069.
42. Отдельное издание первого тома монгольского Ганджура.
Mong. E 59 (Xyl. Q 600). Успенский, Каталог, № 001.
43. Tonilqu-yin čimeg.
(Xyl. Q 601). В фонде нет.
44. Erdeni oki-yin toytaуal neretu yeke kolgen sudur orosiba.
Mong. E 39 (Xyl. Q 602). Успенский, Каталог, № 060A.
45. Qutuу-tu qoos sudur-un nom-un jüil orosibai.
Mong. D 209 (Xyl. Q 603). Успенский, Каталог, № 074.
46. Üliger-ün nom erdeni čoyčaluysang-u [!] čiqula domoy kemeküi sastir orosiba.
Mong. D 208 (Xyl. Q 604). Успенский, Каталог, № 422.
47. Gurban erdeni-yin erdem-i dayan duradqu sudur-un tayilburi orosiba.
Mong. D 207 (Xyl. Q 605). Успенский, Каталог, № 277.
48. Служебник издания урадского тайджи Хули-ценгуя и тусалагчи Биширэлту.
36 текстов, шифры разные. (Xyl. Q 606). Успенский, Каталог, № 149.
49. Собрание сочинений Мэргэн-диянчи в 4-х т. Рукопись.
Mong. D 258, Mong. D 259, Mong. D 323, Mong. D 324, Mong. D 275. (Xyl. Q 607). Успенский, Каталог, № 142—145.
50. Dbus-yin nom-un ayimaу yeke bay-a-nuyud-tur nomlaysan-u nom-un yabudal-un jerge sayin qubitan-u qoyolai-yin čimeg kemegdeku orosiba.
Mong. D 41 (Xyl. Q 608). Успенский, Каталог, № 148.
51. Собрание сочинений Джанджа-хутухты Агван-Чойдана в 7-ми т.
Mong. D. 356, Mong. D. 362, Mong. D. 67, Mong. D. 363, Mong. D. 333, Mong. D. 303, Mong. D. 290 (Xyl. Q 609). Успенский, Каталог, № 131—137.
52. Gal-i takiqu-yin jang üile bayasqulang-un yarqu-yin oron kemekü orosiba.
Mong. D 296 (Xyl. Q 610). Успенский, Каталог, № 584.
53. Büttügel-ün bičig sidis-ün dalai kemegdeku orosiba.
Mong. D 248 (Xyl. Q 611). Успенский, Каталог, № 626.
54. Mongyol usug-un yosun-i sayitur nomlaysan kelen-u čimeg kemegdeku orosiba.
Mong. D 474 (Xyl. Q 612). Успенский, Каталог, № 862.
55. Sedkil-i jasaqu čiqula juil-un bičig.
Мд. 230 (Xyl. Q 613). Успенский, Каталог, № 927.
56. Dokiyan-u bičig-un todorqai jula.
Plg. 81 (Xyl. Q 614). Успенский, Каталог, № 832.
57. Töbed kelen-u sine qayučin ayaуus-un ilyal-i ujugulugči sayin ugetu lisi-yin ordu qarsi kemegdeku orosiba.
Plg. 24 (Xyl 1261). Успенский, Каталог, № 834.
58. Sudur-nuyud-un orčiyulquy-a berke uges-i nigen jug-tur neyilegulugsen orosiba.
Plg. 82 (Xyl. Q 615). Успенский, Каталог, № 837.
59. Enedkeg ba töbed mongyol-un a-a-li anu a-yin erike ga-a-li anu ga-yin erike-yin usug orosibai.
Plg. 83 (Xyl. Q 616). Успенский, Каталог, № 857.
60. Gurban ulus-un bičig.
Mong. B 21 (Xyl 1262). Успенский, Каталог, № 915.
61. Či ling mên.
Mong. B 24 (Xyl. Q 617). Успенский, Каталог, № 920.
62. Dayičing ulus-un giya čing ye-nu benča.
Mong. B 26 (Xyl. Q 618). Успенский, Каталог, № 923.
63. Tansun blam-a-yin tuуji.
Mong. C 17 (Xyl. Q 619). Успенский, Каталог, № 921.
64. Jung dagini tuуji-yin terigün debter.
Mong. E 26 (Xyl. Q 620). Успенский, Каталог, № 917.
65. Buyan-i quriyaqu kilinče arilyaqu-yin onisun doluyan gesigü-tü-yi ergüklü yosu orosiba.
Mong. D 266 (Xyl. Q 621). Успенский, Каталог, № 742.
66. Otačis-un blam-a-yin ner-e-yin tayilburi üjegseger tusa-tu neretü orosibai.
Mong. D 265 (Xyl. Q 622). Успенский, Каталог, № 298.
67. Dar-a eke-yin ündüsün-ü uy-i todorayulugči domoy altan erike neretü orosiba.
Mong. D 264 (Xyl. Q 623). Успенский, Каталог, № 245.
68. Degedü nom-i sanayulqu möngke busu-yin yosu-yi egesiglegsen neretü orosibai.
Mong. C 38 (Xyl. Q 624). Успенский, Каталог, № 357.
69. Orčilang-ača uyidqu neretü suryal orosiba.
Mong. C 39 (Xyl. Q 625). Успенский, Каталог, № 365.
70. Tebčil yeründeg qoyar-i payrayulun silüglegsen ubadis orosibai.
Mong. C 40 (Xyl. Q 626). Успенский, Каталог, № 366.
71. Öber-tegen duradqaqu-yin silüg orčilang-ača uyidqu-yin üge kemekü orosiba.
Mong. C 41 (Xyl. Q 627). Успенский, Каталог, № 364.
72. Tamaki-yin gem erigüü-yi üjegülügen sastir orosibai.
Mong. C 42 (Xyl. Q 628). Успенский, Каталог, № 374.
73. Badm-a-sambhau-a baysi-yin jokiyaysan arakin-u yaruysan uy kigeD sayin mayu-yi ilyaуči teyin nomlal neretü orosibai.
Mong. C 43 (Xyl. Q 629). Успенский, Каталог, № 371.
74. Itegel.
Mong. D 328 (Xyl. Q 630). Успенский, Каталог, № 458.
75. Simnu em-e-yin buruуu irügel ba umai-yin čisun-ača urуysan tamakin-yin quriyangyui qariуul.
Mong. D 260 (Xyl. Q 631). Успенский, Каталог, № 373.
76. Baysi sagimuni maytaуal adistid-i todorayulugči orosibai.
Mong. D 328 (Xyl. Q 632). Успенский, Каталог, № 474.
77. Čari-a-avdara-yin irügel orosibai.
Mong. D 274 (Xyl. Q 633). Успенский, Каталог, № 089.
78. Sasin badarayulugči kemekü orosibai.
Mong. D 262 (Xyl. Q 634). Успенский, Каталог, № 490.
79. Два гимна.
Mong. D 263 (Xyl. Q 635). Успенский, Каталог, № 491.
80. Blam-a-yuуan böglügüü-eče dayudaqu siddhi-yi iregülügči yoq-a neretü orosibai.
Mong. D 394 (Xyl. Q 636). Успенский, Каталог, № 478.
81. Boyda juu atisa ber nomlaysan yelvi-yin üliger orosiba.
Mong. D 339 (Xyl. Q 637). Успенский, Каталог, № 399.
82. Abural itegel padamba blam-a-yin gegen-ü ayiladuysan suryal jarliу orosiba.
Mong. D 381 (Xyl. Q 638). Успенский, Каталог, № 376.
83. Bodi mör-ün jerge amur mör-ün üges udqas-un jirüken čikin-ü ündüsülel ubadis-un čiqula sim-e kemegdeku orosiba.

- Mong. D 427 (Xyl. Q 639). Успенский, Каталог, № 338.
84. Süsüg tegülder gerten-dür ubadislayсан tngriš-ün yeke kenggerge-yin egеsig dayun kemegdekü orosiba.
Mong. D 379 (Xyl. Q 640). Успенский, Каталог, № 353.
85. Qoos yosun-u abqu gegekü-yi todorayuluyçi masi çayan molor saran kemegdekü orosiba.
Mong. D 434 (Xyl. Q 641). Успенский, Каталог, № 356.
86. Arad-i teјigeküi rasiyan-u dusul kemegdekü yosun-u šastir orosiba.
Mong. D 404 (Xyl. Q 642). Успенский, Каталог, № 092.
87. Blam-a dharm-a ragsida ber juu atisa-yin gegen-e soyurqaysan oyun sudulqu meseyin kürdün kemegdekü orosiba.
Mong. D 423 (Xyl. Q 643). Успенский, Каталог, № 520.
88. Sôgavati-yin oron-u JokiyaI-i ügülegsen üge ariyun oron-u erdem-i todorqay-a üјegülkü bilig-ün toli kemegdekü orosiba.
Mong. D 310 (Xyl. Q 644). Успенский, Каталог, № 320.
89. Qutuy-tu vinai kiged sayabad-un Jasay yeke nigülesügçi-yin бүтүгел: samadi-yin yosuyar çiqula abqui neretü sastir-aça bodisung-un domoy-i ügüleküi neretü yeke kölgen sudur.
Mong. D 300 (Xyl. Q 645). Успенский, Каталог, № 273.
90. Ši mergen noyan-u eki toytaya kemekui teuke.
Mong. C 14 (Xyl. F 85). Успенский, Каталог, № 918.
91. Сборник астрологических текстов.
Mong. B 47 (Xyl. Q 646). Успенский, Каталог, № 883.
92. Jayun üile-tü kemegdekü orosiba.
Mong. D 273 (Xyl. Q 647). Успенский, Каталог, № 076.
93. Blama burxani yoga masi хиги ngüi orosibo.
Calm. E 5 (Xyl. Q 648). Успенский, Каталог, № 473.
94. Gurban sanvariyn teyin talbil orosibo.
Calm. E 3 (Xyl. Q 649). Успенский, Каталог, № 285.
95. Bilig-ün çinadu kürtügen Jayun mingyan toy-a-tu.
В списке указано, что имелись в наличии все 12 т. В настоящее время в фонде имеются только шесть томов, с 7-го по 12-й. Mong. E 7, Mong. E 2, Mong. E 12, Mong. F 6, Mong. F 3, Mong. F 4. (Xyl. Q 650). Успенский, Каталог, № 019.
96. Nyi khri pa (на тиб. яз.) 4 тт. (Xyl. Q 651).
97. Qutuy-tu sayin çay-un neretü.
Mong. E 28, Mong. E 29 (Xyl. Q 652). Успенский, Каталог, № 058 Dup.
98. Qutuy-tu bilig-ün çinadu kürtügen naiman mingyan-a-tu.
Mong. D 417. (Xyl. Q 653). Успенский, Каталог, № 026.
99. Çayan linqu-a neretü yeke kölgen sudur orosiba.
Mong. E 34 (Xyl. Q 654). Успенский, Каталог, № 043 Dup.
100. То же.
Mong. D 317 (Xyl. Q 655). Успенский, Каталог, № 043.
101. Рапçарак, на монг. яз.
Mong. E 64. (Xyl. Q 656). Успенский, Каталог, № 005.
102. gSer 'oD (на тиб. яз.). (Xyl. Q 657).
103. Qutuy-tu degedü altan gerel-tü sudur orosiba.
Mong. D 327 (Xyl. Q 658). Успенский, Каталог, № 011.
104. rDo-rje gçod-pa (на тиб. яз.) (Xyl. Q 659).
105. Mani gambu.
Mong. E 41 (Xyl. Q 660). Успенский, Каталог, № 179 Dup.
106. То же.
Mong. E 40 (Xyl. Q 661). Успенский, Каталог, № 179.
107. Qutuy-tu yeke-de tonilayçi neretü sudur orosiba.
Mong. D 253 (Xyl. Q 662). Успенский, Каталог, № 046.
108. Qutuy-tu degedü yeke-de tonilayçi neretü sudur orosiba.
Mong. D 322 (Xyl. Q 663). Успенский, Каталог, № 045.
109. Qutuy-tu degedü yekede tonilayçi ner-e-tü sudur orosiba.
Mong. D 321 (Xyl. Q 664). Успенский, Каталог, № 047 Dup.
110. То же.
Mong. D 321 (Xyl. Q 665). Успенский, Каталог, № 047.
111. rDo-rje gçod-pa (на тиб. яз.) (Xyl. Q 666).
112. Qutuy-tu degedü yeke-de tonilayçi neretü sudur orosiba.
Mong. D 342 (Xyl. Q 667). Успенский, Каталог, № 048.
113. Bodi mor-un jerge-dür angqan-a oyun sudulqu nom-un egüden-i negegçi kemegdekü.
Пекинский ксилограф. (Xyl. Q 668). В фонде нет.
114. Bodi mör-ün jerge-dür angqan-a oyun sudulqu nom-un egüden-i negegçi kemegdekü orosiba.
Mong. D 282 (Xyl. Q 669). Успенский, Каталог, № 525.
115. Bodi mör-ün jerge-dür oyun sudulquy-aça: angqan oyun sudulqu nom-un egüden-i negegçi.
Mong. D 255 (Xyl. Q 670). Успенский, Каталог, № 523.
116. Saçalal ügei yeke çongga-ba-yin JokiyaI yeke bodi mör-ün jerge orosiba.
Plg. 84 (Xyl. Q 671). Успенский, Каталог, № 331.
117. Bôdovau-a-yin ubadis üliгер-ün nom erdeni çoyçalaysan kemekü orosiba.
Mong. D 357 (Xyl. Q 672). Успенский, Каталог, № 417.
118. Bodou-a-tan-u ayımay-un ülemji nom: udq-a-yi geyigül-ün üiledügçi jula: üliгер-ün nom erdeni çoyçalaysan: lags-a tayilburi orosibai.
Mong. D 319 (Xyl. Q 673). Успенский, Каталог, № 418 Dup.
119. Çintamani erike kemegdekü orošiba.
Mong. E 3 (Xyl. Q 674). Успенский, Каталог, № 191.
120. Qamuy-i ayiladuyçi yeke boyda çonggaba-yin gegen-ü namtar-i medegdekü-e kilbar bolıan ügülegsen sayin amuyulang бүкүн-ü yarqu-yin oron kemekü orosiba.
Mong. E 1 (Xyl. Q 675). Успенский, Каталог, № 200.
121. Paјu tegüs nöğçigsen çidayçi-yin erke-tü-yin JokiyaI-i tobçi-yin tedüyiken ügülegsen üјegseger tusa-tu masi bayasqulang-luy-a selte-ber süsülkü-yin naran-i Jayun Jüg-tür urıyuluyçi kemegdekü orosiba.
Mong. D 289 (Xyl. Q 676). Успенский, Каталог, № 188.
122. То же.
Mong. D 288 (Xyl. Q 677). Успенский, Каталог, № 188 Dup.
123. То же.
Mong. D 292 (Xyl. Q 678). Успенский, Каталог, № 188 Dup.
124. Qutuy-tu bilig-ün çinadu kiјayar-a kürtügen vaçir-ıyar oytuluyçi kemegdekü yeke kölgen sudur orosibai.
Mong. B 48 (Xyl. Q 679). Успенский, Каталог, № 035.
125. Çilen aqui-yin sayabad-un ündüsün blam-a-narun turıji јang üile maytayal-un tayilburi açi tusa-luy-a seltes-i nomlaysan qoyar tuidker-ün qarangyui-yi arihyad niravan-u lingqu-a-yin seçeglig-i tedkügçi adistid-tu mingyan usun bariyçi-luy-a tegüsügen oytarui-yin mani neretü orosiba.

- Mong. D 295 (Xyl. Q 680). Успенский, Каталог, № 241 (ошибочно указан номер 179).
126. Badm-a yatang sudur-un orosiba.
Mong. E 45 (Xyl. Q 681). Успенский, Каталог, № 226.
127. Yogačaris-un erketü degedü getülgegči milarasba-yin mam-tar: nirvan kiged qamuγ-i ayiladuγči-yin mör-i üjegülügen kemegdekü orosiba.
Mong. D 311 (Xyl. Q 682). Успенский, Каталог, № 221 Dup.
128. То же.
Mong. D 313 (Xyl. Q 683). Успенский, Каталог, № 221.
129. Bodi sedkil tegüstügen köke qoγolai-tu saran kö-kege neretü sibayun-u tuyuγi orčilang бүкүн-i jirüken ügei kemen medegčid-ün čiken-ü čimeg kemekü orosiba.
Mong. D 412 (Xyl. Q 684). Успенский, Каталог, № 451.
130. Qutuy-tu molon toyin eke-dür-iyen ači qariyuluγ-san kemekü sudur orosiba.
Mong. D 302 (Xyl. Q 685). Успенский, Каталог, № 404.
131. Mergen kiged teneg-i sinjilekü tegüs buyan-tu sayin nomlal čayan lingqus-un baylay-a kemegdekü šastir-un tayilburi naran-u gerel neretü orosiba.
Mong. D 315 (Xyl. Q 686). Успенский, Каталог, № 416 Dup.
132. То же.
Mong. D 316 (Xyl. Q 687). Успенский, Каталог, № 416.
133. Sôgavati-yin oron-u jokiyal-i ügülegsen üge ari-yun oron-u erdem-i todorqay-a üjegülkü bilig-ün toli kemegdekü orosibai.
Mong. D 428A (Xyl. Q 688). Успенский, Каталог, № 321.
134. Sugavati-yin oron-u jokiyal ügülekü bilig-ün toli kemegdekü orosiba.
Mong. D 368 (Xyl. Q 689). Успенский, Каталог, № 322.
135. Tabun yeke qayan-dur öčig takil ergüküi yosun-u üilen türidkel ügei včir-un irayū egesig kemegdekü orosiba.
Plg. 85 (Xyl. Q 690). Успенский, Каталог, № 533.
136. Nere udq-a-yi tododqayči saran-u gegen gerel kemegdeku dokiyan-u bičig orosiba.
Plg. 86 (Xyl. Q 691). Успенский, Каталог, № 829.
137. То же.
Plg. 87 (Xyl. Q 692). Успенский, Каталог, № 829 Dup.
138. MergeD yarqu-yin oron.
Mong. D 301 (Xyl. Q 693). Успенский, Каталог, № 825.
139. Тибетско-монгольский словарь Ринчена Номтоева.
Plg. 25 (Xyl. 1263). Успенский, Каталог, № 835.
140. rGyuD bzhi (на монг. яз.).
Mong. D 291 (Xyl. Q 694). Успенский, Каталог, № 871 Dup (ошибочно указан старый шифр Xyl. Q 644).
141. То же.
Mong. D 286 (Xyl. Q 695). Успенский, Каталог, № 871.
142. Lhan thabs (на монг. яз.).
Mong. D 330 (Xyl. Q 696). Успенский, Каталог, № 876.
143. То же.
Mong. D 331 (Xyl. Q 697). Успенский, Каталог, № 876 Dup (ошибочно указан номер 331).
144. Lhan thabs (на тиб. яз.).
T-323 (Xyl. Q 698).
145. brJeD tho g.yang ti'i za ma tog.
T-337 (Xyl. Q 699).
146. Бурятский служебник на тибетском языке. 67 текстов.
(Xyl. Q 700).
147. То же.
(Xyl. Q 701).
148. Четыре отдельных молитвы, читаемые при богослужении, на черной бумаге писаны золотом. В фонде нет.
а. Санчжит монлам (2) (Xyl. Q 702; Xyl. Q 703).
б. Молитва к Ногон дара эхэ (Xyl. Q 704).
в. Молитва к Цаган дара эхэ (Xyl. Q 705).
149. Молитва за императора Александра II (на монг. и тиб. яз.) (2)
Mong. C 51 (Xyl. Q 707). Успенский, Каталог, № 513; T-410 (Xyl. Q 760).
- «Всего 303 тома, 782 тетради за 600 рублей. 13 октября 1879 г.»
Как записано в акте о покупке книг, «кроме того оказались»:
150. mNgon brjoD kyi ming mams ka 'phreng du bsgrigs pa blo gsar kunda bzhaD pa'i zla zer zhes bya ba T-411 (Xyl. Q 708).
151. BoD kyi brda'i gtsug lag kun gyi nying khu stong thun du byas pa'i bshaD pa kun phan bduD rtsi'i dga' ston zhes bya ba.
T-412 (Xyl. Q 709).
- В 1880 г. А. М. Позднеев передал в дар университетской библиотеке следующие книги на монгольском языке:
1. Юань чао ми ши («Сокровенное сказание»). В 6-ти тетрадях, 15-ти главах.
Xyl. 1264 (под этим шифром и ныне хранится в китайском фонде).
2. Китайская астрономия (на монг. яз.). В 3-х т., 26-ти тетрадях.
Mong. C 145 (Xyl. F 86); Mong. C 146 (Xyl. F 87); Mong. C 143 (Xyl. F 88). Успенский, Каталог, № 882.

И. В. Кульганек

Фонд А. М. Позднеева в Архиве востоковедов при СПбФ ИВ РАН

Научная жизнь А. М. Позднеева, выдающегося отечественного монголоведа широкого научного кругозора и высокого потенциала, в течение нескольких десятков лет была тесным образом связана с Санкт-Петербургским императорским университетом, где он сначала защитил магистерскую диссертацию, затем был удостоен степени доктора монгольской словесности. На кафедре монгольской словесности он преподавал в должности экстраординарного, а позже — ординарного профессора монгольский и маньчжурский языки. Будучи преподавателем СПб университета, он был командирован в Монголию на два года, откуда привез большое количество монгольских, китайских, маньчжурских рукописей, предметов буддийского быта, подлинников официальных бумаг. После революции, по возвращении из Владивостока, где он проработал директором почти 18 лет, он еще один год провел на кафедре монгольской словесности в Петроградском университете.

В Архиве востоковедов при СПбФ ИВ РАН есть фонд А. М. Позднеева под номером 44, который имеет 319 дел. В нем собраны материалы 1877—1920 гг. Часть материалов поступила в 1925 г. и в 1934 г. от вдовы фондообразователя В. Н. Позднеевой, другая — от его дочери А. А. Римской-Корсаковой в 1955 г.

В фонде все материалы распределены по трем описям. В описи 1 собраны рукописи трудов по Монголии. Среди них: «Перевод и примечания к „Чжирухену толта“», «Монгольская рукопись „Эрдэнийн эрихэ“», «Могущество и цивилизация монголов в XIII веке», «Заметки по истории монгольской литературы», «Естественно-исторические очерки о Монголии», конспекты лекции «Политическая организация современной Монголии», черновики статей и заметок о быте монголов, грамматике монгольского языка. Кроме того, имеется два пакета фотографий, в которых содержится 65 и 138 снимков о путешествии по Монголии.

В отдельный раздел выделены рукописные труды А. М. Позднеева о калмыках. Среди них есть статьи: «Терские калмыки», «Религиозный быт терских калмыков», «История волжских калмыков», «История кара-ногайского народа», «История ойратов», «Описание знамени, изготовленного Башка ламою донских

калмыков для 3-го полка», «О праве калмыцкого народа на Всемиловейшее пожалование оному земли и о водворении оседлости в калмыцкой степи», «Историческая справка по официальным данным 1885 г.», «Отчет министру Народного просвещения о командировке в калмыцкие стойбища Терской и Уральской областей и Оренбургской области», «Доклад обществу востоковедения о командировке в калмыцкие степи Астраханской губернии», «Доклад наказному атаману войска Донского по вопросу о реорганизации управления донских калмыков», «Сведение по истории калмыцкого народа», «Программа чтения по кафедре монгольской и калмыцкой словесности на 1920—1921 гг. при Донском университете (о событиях после смерти Аюка-хана)».

Здесь же находятся труды о Дальнем Востоке. Среди них есть такие статьи и документы: «Намерение китайцев заселить земли монголов внутренних хошунов, превратить их в провинцию», «Донесение Шишмарева об экспедиции в Тибет с хутухтой», «Примечания к переводу надписи на Чингисовом камне», черновики писем к разным лицам о занятиях тибетской медициной, копии отчетов русских консулов в Урге, Улясугае, Кобдо, Тянь-Цзине, Шанхае за 1876—1891 гг. Есть также несколько работ по истории торговли. Это: «Очерк истории русской торговли с Монголией», «Сведения о ходе сухопутной торговли с Китаем через Кяхту», «Записки о торговле русских подданных в Западной Монголии», «Об экспедиции Боголепова и Соболева в Монголию в 1910 г.».

Среди религиозных трудов есть также не опубликованные статьи, как например: «Бурятские дацаны», «О штатах ламайского духовенства», «Описание инструментов буддийского культа», «Отрывок статьи о буддийском почитании Ламы-учителя», «Краткий учебник ламайского вероучения», «Ламайская мифология», «Пантеон Nschangtsena Hutuhtu», «Материалы по ламаизму у бурят», «Путь к истине», «Краткий очерк буддийского (ламайского) нравственного учения» (который составил на калмыцком языке «бакша донских калмыков Борманжинов», перевод на русский язык выполнили Ш. Тейкин и С. Чурюмов). Имеется несколько переводов буддийских сочинений:

«Аршани номын тууж», «Жизнеописания Нома Гуру Маньчжу Го Хая», «Хождение по святым местам Лобсан-Миджит-Доржи».

В архиве А. М. Позднеева собраны также его записки по народному образованию калмыков и бурят, например: «Об открытии высших учебных заведений в пределах Иркутского и Приамурского генерал-губернаторства», есть исторические справки о различных улусных школах, статьи о необходимости изучения Востока, например «К вопросу об организации изучения Востока в русских учебных заведениях», «Сборник заключения по вопросам востоковедного преподавания», «О развитии монголоведения в Сибири». В фонде А. М. Позднеева имеются материалы других лиц с пометами А. М. Позднеева или отрецензированные им. Среди таких работ много студенческих дипломных и курсовых, например: «Тайные общества

в Китае и Японии» (Красовского), «Историческое обозрение аймака Сецэн-хана» (Артура Вильма), «Повесть о первом индийском царе Маха-Самади, царствовавшим в древнее темное время».

Кроме того, есть ряд документов, относящихся к биографии А. М. Позднеева, это — его личное дело, хранящееся в Ростовском государственном архиве, письма к И. Ю. Крачковскому и В. Н. Позднеевой, карты инородческого населения Казанской и Астраханской губерний, телеграммы, поздравления, памятные адреса, а также несколько прошений, указов на китайском языке с русским переводом, имеющих резолюцию и адресованные А. М. Позднееву.

В нынешних условиях введение в научный оборот неизданных трудов А. М. Позднеева представляется необходимым и своевременным для отечественного монголоведения.

И. И. Иориш

Важнейшие события жизни и деятельности А. М. Позднеева

1851. 27 сентября. Родился в г. Орле

1867. Поступил в Орловскую Духовную семинарию.

Сентябрь. Зачислен студентом китайско-маньчжурско-монгольского разряда, факультета восточных языков СПб университета.

1874. Находился в командировке от факультета восточных языков в калмыцкой степи Астраханской губ.

1876. 26 апреля. Окончил Университет.

26 апреля. Выехал из Петербурга в первое путешествие по Монголии и Китаю.

1879. Сентябрь. Вернулся в Петербург.

Сентябрь. Оставлен при СПб университете по кафедре монгольской словесности для подготовки к профессорскому званию.

Напечатана первая научная работа.

1881. 3 февраля. За диссертацию «Образцы народной литературы монгольских племен» (народные песни монголов) удостоен степени магистра монгольской словесности.

2 марта. Утвержден в штатной должности доцента СПб Университета.

17 марта. Прочитал первую лекцию по монгольскому языку для студентов 2-го курса Факультета восточных языков СПб университета.

31 марта. Избран в члены-сотрудники Русского Археологического общества.

Избран в Лондоне ответственным редактором изданий Великобританского иностранного Библийского общества.

31 октября. За диссертацию «Монгольская летопись „Эрдэнийн эрихэ“» Факультетом восточных языков СПб университета присуждена степень доктора монгольской словесности.

1884. 22 декабря. Присвоено звание экстра-ординарного профессора по кафедре монгольской и калмыцкой словесности.

1886. Избран секретарем Факультета восточных языков СПб университета.

5 декабря. Утвержден ординарным профессором по кафедре монгольской словесности.

1887. Читал лекции по калмыцкому языку в г. Астрахани учителям калмыцких школ.

8 февраля. Выступил на годичном акте СПб университета с речью об отношении европейцев к Китаю.

1888. Получил от Русского Географического общества большую золотую медаль за труд «Очерки быта буддийских монастырей».

1889. 24 сентября. Приступил к чтению лекций по маньчжурскому языку на Факультете восточных языков.

1890. Совершил поездку по странам Европы. Обнаружил в Парижской национальной библиотеке древнюю маньчжурскую рукопись.

1892. 23 марта. За успешное выполнение поручения Министерства государственных имуществ по изучению положения калмыцких школ и составление проекта об устройстве училищной части у калмыков получил вознаграждение в размере 1000 руб.

27 июня. Выступил из Кяхты во второе путешествие по Монголии и Китаю.

1893. 1 октября. Вернулся в Петербург.

1894. 20 декабря. Избран в действительные члены Русского Археологического общества.

1896. 7 февраля. Избран в действительные члены Русского Географического общества.

1898. Июль. Командирован Русским Географическим обществом в Забайкальский край и Монголию для завершения труда по тибетской медицине.

6 октября. Назначен преподавателем коммерческой географии Дальнего Востока в Петербургском коммерческом училище.

1899. 9 июля. Назначен директором Восточного института во Владивостоке.

1901. 12 марта. Назначен почетным мировым судьей г. Владивостока.

1903. 3 ноября. Назначен членом Совета министра народного просвещения.

1904. Подал докладную записку об организации изучения Востока в русских учебных заведениях.

19 октября. Командирован Министерством народного просвещения в Московский, Харьковский и Киевский учебные округа.

1905. 10 января. Командирован Министерством народного просвещения в учебные округа разных губерний России.

1906. Командирован Министерством народного просвещения в калмыцкие степи Астраханской и Ставропольской губерний.

1909. Командирован Министерством народного просвещения в Забайкалье для изучения быта бурят-монголов.

1910. Январь. Назначен директором Практической Восточной академии в Петербурге.

1911. Избран почетным членом Общества востоковедения и Восточной академии.

Командирован Министерством народного просвещения в Оренбургскую, Уральскую и Тверскую губернии для изучения быта калмыков.

1913. За содействие делу народного образования монголов получил звание Дзюнь-вана, т. е. князя второй степени, от правительства Монголии.

1914. Назначен представителем Министерства народного просвещения в Комитет для изучения Средней и Восточной Азии.

1916. Командирован в Забайкальскую область и Иркутскую губернию для обследования положения ламaitов в России.

1917. 26 апреля. Исполнилось 50 лет научно-организационной и педагогической деятельности.

29 сентября. Приступил к чтению лекций на факультета восточных языков Петроградского университета в звании приват-доцента.

Октябрь. Указом Временного правительства по собственному желанию уволен в отставку из Министерства народного просвещения.

1918. Сентябрь. Командирован Факультетом восточных языков с научной целью в калмыцкие степи, находившиеся в пределах земли Войска Донского, Астраханской и Ставропольской губерний.

1920. 20 июня. Назначен профессором Донского университета.

30 сентября. Скончался в Ростове-на-Дону.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

П. О. Рыкин

Монгольская концепция родства как фактор отношений с русскими князьями: социальные практики и культурный контекст

Любую социокультурную систему можно рассматривать с двух противоположных методологических позиций. Одна из них умышленно дистанцируется от объекта изучения, рассматривает его как бы извне, абстрагируясь от его специфики и трактуя его как представителя некоторого общего типа, сконструированного исходя из внеположных данной системе «объективных» критериев. Другой подход ставит целью выявить внутреннее устройство системы через установление категорий, значимых исключительно с точки зрения нее самой, организующих эту систему в глазах ее субъектов и определяющих их отношение к ней. Указанные подходы — «внешний» и «внутренний» — в работах американского лингвиста К. Пайка получили название соответственно этического и эмического, по аналогии, впрочем, приблизительной, с уровнями описания звуковых единиц языка (фонетическим и фонемическим) [см.: 88]. Методологические установки этического подхода во многом напоминают известное требование Э. Дюркгейма изучать социальные факты «как вещи», т. е. познаваемые извне элементы объективного мира, противостоящие субъективным «идеям», которые познаются изнутри [18а: 8—9]. Однако социальные факты всегда наделены определенным смыслом, а смысл — это уже «идея», привносимая в «вещь» людьми. «Идеи», т. е. представления, которые люди имеют о своей социальной реальности, являются не менее важным ее компонентом, чем сами «вещи», ибо именно они определяют, насколько «реальна» эта реальность для тех, кто в ней живет. Данные представления и составляют предмет эмического

анализа. «Ценность эмического подхода, — писал К. Пайк, — во-первых, в том, что он ведет к пониманию того, каким образом конструируется язык или культура не как набор разнородных частей, но как действующее целое. Во-вторых, он позволяет не только оценить культуру или язык как упорядоченное целое, но и понять отдельных действующих лиц в этой жизненной драме — их установки, мотивы, интересы, реакции, конфликты и личностное развитие» [88: 156—157]. Эмический подход видит в человеке деятельное существо, творящее и преобразующее социокультурный мир, который этическая трактовка гипостазировывает в качестве продукта «объективных условий» или «универсальных законов бытия».

Эмическая перспектива полезна и в исследованиях механизмов культурного взаимодействия, особенно в той их сфере, где безраздельно господствуют этические способы анализа (а русско-монгольские отношения эпохи Средневековья относятся именно к ней). Некоторого комментария здесь требует термин «культурный». В нашем понимании он характеризует не некий дискретный класс явлений человеческого опыта, т. е. то, что традиционно усматривают в культуре сторонники этического подхода, а скорее определенный способ организации всего этого опыта в целом. Как писал известный антрополог К. Гирц, «культура — это не некая сила, которой можно произвольно приписать социальные явления, поступки, институты или процессы; она есть тот контекст, внутри которого они могут быть адекватно, т. е. „плотно“, описаны» [67: 14]. В рамках культурного контекста происходит

формирование разнообразных моделей поведения, в соответствии с которыми действует сообщество людей, этот контекст разделяющих. Понять значение указанных моделей для тех, кто ими руководствуется, ставит своей главной целью эмический подход, который, как уже говорилось, берет за отправную точку позицию человека «внутри системы».

С точки зрения задач настоящей работы особую важность имеет понимание тех моделей поведения, которым следовали монголы, ибо именно они играли ведущую роль в определении принципов социального и культурного взаимодействия на обширной территории Монгольской империи. Говоря театральным языком, к которому с некоторых пор охотно прибегают социальные науки, они не столько «играли роль», сколько выступали режиссерами разворачивавшейся там социальной драмы. Между тем сценарии этой драмы были конституированы социокультурными условиями их производства и составлялись на основе тех идей и представлений, источником которых являлся повседневный опыт самих «режиссеров». Одну из такого рода базовых культурных идей и представляет собой то, что мы называем «концепцией родства». Под этим термином здесь понимается не столько система родства и десцента¹ как некая объективно существующая (т. е. этическая) структура², сколько способ репрезентации родственных связей в сознании и языке членов рассматриваемой общности, т. е. исключительно эмическая категория. Описание данной категории с точки зрения ее роли и функции в системе русско-монгольских отношений и послужит предметом предлагаемого исследования. Идя путем индуктивных умозаключений, от конкретных фактов до поясняющих их теоретических конструктов невысокой степени абстракции, мы надеемся избежать порока схематизма и сделать наше исследование подлинно эмическим (или, по К. Гирцу, «плотным») описанием.

* * *

Нельзя сказать, что брачные связи русских князей с монголами в золотоордынскую эпоху были особенно интенсивными (по крайней мере, нам не дают на это права источники). Из летописей известно лишь несколько фактов подобного рода. В 1257 г. «ку Кановичь» (т. е. при дворе монгольского ка'ана) женился князь Глеб Василькович Белозерский из дома ростовских князей (его жена крестилась под именем Феодоры). Вторым по хронологии князем, получившим в жены монголку (на этот раз даже дочь ордынского хана), был известный Федор Ростиславич Ярославский. Ханская дочь получила при крещении имя Анны. Но «Житие» князя, в котором приведены эти сведения, не содержит ни имени столь благоволившего к Федору монгольского правителя, ни даты самой женитьбы (последняя относится приблизительно к периоду 1270—1280-х гг.)³. Начало XIV в. ознаменовано целой серией «татарских браков»: в 1302 г. в Орде у некоего «Кутлукорткы» женился князь Константин Борисович Ростовский (вторым браком), а у Вельблассмыша (так передает летопись имя этого ордынского вельможи) — князь Федор Михайлович Белозерский, внук князя Глеба Васильковича. В 1305 г. с неизвестной ордынкой (Н. Н. Баумгартен называет ее «татарской княжной») вступил в брак князь Михаил Анд-

реевич Нижегородский, племянник Александра Невского. Наконец, самый известный случай — брачный альянс князя Юрия Даниловича Московского с сестрой хана Ызбега Кончакой (в крещении Агафьей) во время его пребывания в Орде в 1315—1317 гг. [сводку данных см.: 53. Т. 1: 69, Т. 2: 34, 78, 83, 155—157, 396—397; 55: 13. *Tabl. II. N 1*; 36. *Tabl. VII. N 2*; 60. *Tabl. XI. N 6*; 12, 69. *Tabl. XII. N 3*; 94. *Tabl. XVII. N 5*; 150].

Мы видим, что женами князей становились как близкие родственницы монгольских ханов, так и дочери ордынской знати. Аналогично обстояло дело и на других зависимых от монголов территориях, где проводилась похожая брачная политика. На широкую ногу она была поставлена при Чингис-хане, в начале XIII в., когда дочери Чингиса и другие его младшие родственницы выдавались замуж за представителей правящей верхушки онгутов, ойратов, уйгуров и карлуков [см.: 29: 148—149; 90: § 235, 238, 239; 75. Vol. 1: 75—76; 38. I, 1: 119, 140—141, 148—149, 151]. Практика династических браков с правителями других народов не прекращалась и после образования Монгольской империи [см., напр.: 45: 511; 17: 42]. Но даже брак с монгольской женщиной неханского рода представлен в источниках как большой почет. В 1240-х гг. к монгольскому двору совершили поездку два армянских князя: ишхан Аваг, сын атабека Иванэ, и брат царя Киликийской Армении Хетума Смбат. Первый «предстал перед великим государем (ка'аном. — П. Р.), предъявил ему письмо военачальника их и сообщил о причинах своего прибытия, дескать, прибыл, чтобы служить тебе. Услыхав это, великий государь любезно принял его, дал ему в жены татарку и отправил его обратно на родину» [22: 168]. Смбат был аналогичным образом принят Гуйук-ка'аном, причем рассказывающий об этом армянский хронист Григор Акнерци замечает: «Тому, кого они (монголы. — П. Р.) уважают и почитают, они дают в жены одну из своих знатных женщин» [56: 315]. Чтобы понять ассоциацию представлений о почете и родстве в сознании средневековых монголов, необходимо определить значение категорий родства и десцента в системе их социальных практик.

* * *

Сведения источников содержат указания на коллективный характер управления империей со стороны членов «золотого потомства» (*altan uruq*) Чингис-хана. К примеру, персидский историк XIII в. Джувайни сообщает: «Хотя власть и империя с виду принадлежат одному человеку, а именно тому, кто наречен ханом, однако в действительности все дети, внуки и дядья имеют свою долю власти и имущества» [75. Vol. 1: 42]. Эти и другие данные позволили В. В. Бартольд еще в конце прошлого века сформулировать свою известную теорию о «родовой собственности» Чингисидов на всю территорию Монгольской империи и об опоре власти ка'ана на авторитет главы рода [7: 265; см. также: 3: 58—59; 4: 146; 5: 258—259]. Однако есть все основания полагать, что идея коллективного родства спланировала далеко не только представителей правящих кругов. Дело в том, что все монголы в средневековую эпоху мыслили себя обширной десцентной группой. «Тайная история монголов» (далее ТИМ) со-

держит генеалогические легенды о едином происхождении монгольских «племен» от мифологических прародителей — Бөртэ-Чино и Го'ай-Марал [см.: 90: § 1—52]. Составленный в начале XIV в. «Сборник летописей» Рашид ад-Дина излагает несколько иную версию этой легенды, по которой предками монголов выступают два человека — Нукуз и Киян, уцелевшие после страшного избиения их соплеменников враждебными племенами и бежавшие в труднодоступную гористую местность Эргүнэ-кун. Когда их потомство размножилось и решило покинуть свое убежище, среди вышедших оттуда был и Бөртэ-Чино [38. I, 1: 77, 153—154; 38. I, 2: 9]. Указанные легенды могли быть (и скорее всего были) продуктом теоретизирования *ex post facto* со стороны этнически и лингвистически различающихся групп, интерпретировавших в категориях «примордиального» генеалогического родства факт своего объединения под эгидой «золотого рода» Чингисидов [ср.: 87: 344; 54: 54—55; 10: 66]. Однако общее происхождение, в этическом аспекте явно вымышленное, на эмпирическом уровне воспринималось как вполне реальный и глубоко аутентичный факт.

Представление о разделяемом родстве всех монголов оказалось чрезвычайно живучим. Повествуя о временах Хабул-хана, прадеда Чингиса, Рашид ад-Дин говорит, что монголы «все были его родственниками и были с ним заодно» [38. I, 1: 104]. О том же сообщает южносунский посол Сюй Тин, посетивший Монголию в 1235—1236 гг., т. е. через столетие после Хабул-хана: «[Татарский] правитель обычно называет татар „своей костью“» [37: 142]. Переводчик китайского текста Н. Ц. Мункуев замечает, что выражение «своя кость» полностью идентично монг. *öber-ün yasun* и является, видимо, его дословным переводом [37: 154, примеч. 116]. Слово *yasun* 'кость' (халх. *яс*) издревле служило в Центральной Азии для обозначения патрилинейного родства (антонимом выступало слово *tiq-a/maх* 'мясо' в смысле «родство по материнской линии») и с такими коннотациями сохранилось у монголоязычных народов вплоть до наших дней [см.: 77: 53, 55]. По мнению В. Л. Котвича, денотатом *yasun* являлась общность, типологически близкая монг. *oboq-oboу* 'клан', с той разницей, что последний представлял собой более аморфную структуру, нежели «кость» [76: 161]. К такому решению склонялся и Г. Дёрфер, квалифицировавший *yasun* как сообщество людей, связанных происхождением от одного мифического предка, которое, в отличие от *oboq*, не включало в себя зависимые группы чужеродцев [63. Bd. 1: 553, Bd. 2: 49—50]. Наконец, Л. Крэйдер довольно расплывчато именовал *yasun* «патрилинейной корпоративной десцентной группой» [77: 55]. На наш взгляд, исследователи неверно пытались трактовать *yasun* как один из сегментов социальной организации. *Yasun* — общность не институциональная, а концептуальная, нечто вроде «линии счета родства» (*descent line*) зарубежной антропологии, функция которой заключалась в том, что она выражала определенный принцип классификации людей путем указания на характер их связи с предполагаемым общим предком. Этот принцип способствовал формированию довольно острого чувства групповой социальной солидарности, аналогичного по силе родственному чувству. Думается, прав был Л. Крэйдер, когда замечал,

что в эпоху Монгольской империи «император и подданный могли быть (точнее, воображать себя. — П. Р.) кузенами десятой или двенадцатой степени по мужской линии» [78: 87].

Расширение пределов империи сопровождалось универсализацией генеалогической модели. В труде Рашид ад-Дина монголам приписано общее происхождение с тюрками, восходящее, в свою очередь, ни больше ни меньше как к библейскому пророку Ною [38. I, 1: 76—77, 80]. Так монголы заявили претензию на родство со всеми «библейскими народами». Тем самым генеалогическая система координат как форма символического отображения социального порядка транспонировалась в область внутримперской политики, с тем чтобы служить теоретической основой легитимации последней. По сути дела, всякая политическая интеграция достигалась путем концептуального «присоединения» аллогенных общностей к обширной родственной группе «монголы» (чья родственная солидарность, конечно, носила не менее искусственный характер) и «приписывания» их к коллективной генеалогии с одновременным закреплением за ними определенных социальных статусов. Можно согласиться с Дж. Флетчером в том, что «надплеменное политическое устройство (*polity*)», подобно племени, базировалось на идее «общей этничности и социальной идентичности» [66: 19]. Действительно, согласно хорошей метафоре Л. Крэйдера, номад выступал на исторической арене одновременно как *homo politicus* и *homo consanguineus* [77: 367]⁴.

Классификации на основе десцентных связей символически трансформировали зыбкое политическое образование с крайне разнородным составом в гомогенную «воображаемую общность», наделенную корпоративными характеристиками. Известно, что вера в общее происхождение и концепция «метафорического родства» — один из ключевых факторов производства и поддержания системы этнической идентичности [см.: 42: 57, 93, 103, 108]. Источники дают возможность проследить, как эта идентичность конституировалась через расширение сферы референции названия «монголы»⁵. На первых порах указанное название, которое Чингис-хан в 1211 г. по совету цзиньских перебежчиков принял в качестве официального обозначения своей державы, не имело хождения за пределами узкого круга правящей имперской элиты и было чуждо основной массе кочевых подданных империи. Первостепенное значение для них сохраняли прежние локальные идентичности («татары», «мэркиты», «тайчиуты» и т. п.), по своему происхождению тесно связанные с лоскутной политической организацией степи в дочингисову эпоху. Однако постепенно успехи военных кампаний, осуществлявшихся во имя новой объединяющей идентичности, придали ей славу и популярность. Как следствие к середине XIII в. члены многочисленных кочевых групп, которые оказались под эгидой потомков Чингис-хана, уже с большой охотой ассоциировали себя с названием «монголы» и даже стали рассматривать эту свою идентичность как привилегированную. На престижный (ибо единственно легитимный) статус представителей «народа великих монголов» (*yeke mongyol ulus* — именно так официально именовалась Монгольская империя) небезуспешно пытались претендовать и оседлое население

империи, которое прекрасно понимало, какие выгоды были сопряжены с его обладанием. Рашид ад-Дин в начале XIV в. писал: «Ныне дошло до того, что монголами называют народы Хитая и Джурджэ, нангасов (южных китайцев. — П. Р.), уйгуров, кипчаков, туркмен, карлуков, калачей, всех пленных и таджикские (т. е. иранские. — П. Р.) народности, которые выросли в среде монголов. И эта совокупность народов для своего величия и достоинства признает полезным называть себя монголами» [38. I, 1: 103]. Чисто номинальный («называть себя») и инструментальный («признает полезным») характер такой идентичности (примерами которой, впрочем, изобилует история) вполне устраивал ее носителей, получавших от своей самокатегоризации ощутимые символические (престижные), а быть может, и материальные преимущества («для своего величия и достоинства»). Таким образом, термин «монгол» в Средневековье обладал важной политической функцией символического маркера общеимперской идентичности.

В свое время В. А. Рязановский и Л. Крэйдер видели в господстве «родовой идеи» у монголов причину непрочности имперской политической организации из-за неспособности данной идеи служить моделью отношений с оседлыми народами [см.: 41: 131, 140; 78: 97]. Но это утверждение, как мы видим, совершенно неверно. Оно основано на гипотезировании современных воззрений на принципы политического устройства и не учитывает эмпирической специфики таких воззрений в средневековом обществе. В конце концов, все социальные институты покоятся на вере в их реальность и объективность, и в этом отношении современные социологические теории функционально ничем не отличаются от «наивных» моделей прошлого: и те и другие внушают своим приверженцам твердую уверенность в том, что они знают, как устроен мир. Подобного рода объяснительной схемой для средневековых монголов выступала их концепция родства, в терминах которой они познавали и представляли себе социальный универсум, после чего последнему и в самом деле ничего не оставалось, кроме как быть таким, каким его представляют.

* * *

Операцию по «социальному конструированию реальности» производили не только термины десцента, вроде *uuzin* и ему подобных; значительный структурирующий потенциал аккумулировали в себе и собственно термины родства, обозначавшие личные родственники эго. Даже союзные договоры между лидерами двух социальных коллективов сопровождалась установлением определенной модальности родственных отношений, обычно одного из трех типов: отношения отец/сын (*ecige/kö'ün*), старший брат/младший брат (*aqa/de'ü*) и побратимства (*anda*) [см.: 54: 62; 43: 30—32]. Причем существовала тенденция к наследственной передаче этих социальных позиций. Ср. ТИМ об установлении между кэрэитским Онг-ханом и Чингис-ханом отношений «отец/сын»: *ecige kö'ün ke'el-düküi yosun urida erte üdür yisügei-qan ecige-lü'e ong-qan anda ke'eldüksen yosu-'ar ecige metü ke'ejü ecige kö'ün ke'eldüküi yosun teyimü* 'Причина, по которой они провозгласили себя отцом и сыном, [была та, что] в давние времена Онг-хан вступил в побратимство с

отцом [Чингиса] Йисүгэй-ханом и в силу [этого уже] считался [его] отцом. Такова была причина, по которой они провозгласили себя отцом и сыном' [90: § 164]. Сами термины родства имели необычайно широкую сферу употребления. К примеру, слово *aqa* 'старший брат' (точнее, 'мужской родственник старше эго и младше отца эго', согласно принципу т. н. «генерационного скашивания», свойственного бытовавшей у монголов системе родства типа омаха) использовалось в качестве уважительной формы обращения к старшему по социальному статусу (ср. рус. «дядя»), в том числе — даже обращения жены к мужу [см.: 90: § 56; 61] или подданного к правителю. В последнем случае термин *aqa* относился как к носителю верховной власти (напр., Мönкэ-ка'ану), так и к улусным ханам (Бату, Барак, Кайду) [75. Vol. 2: 557, 586; 38. II: 100]. Ка'ана, впрочем, называли не только «старшим (братом)», но и «отцом» (*ecige*) [63. Bd. 1: 134]. Политическая структура империи в целом представлялась монголам по образцу расширенной семьи, во главе которой стоял ка'ан («отец», «старший»), а более низкую позицию занимали лица с такими титулами, как «царевич» (*köbegün*, букв. 'сын'), «зять» (*küregen-güregen*) и «свойственник, брачный партнер» (*qida*) [см.: 63. Bd. 1: 527]. Все ханы — потомки Чингисхана объединялись под совокупным наименованием «братья» (*aqa degü*) [см.: 84: 55], акцентировавшим горизонтальный аспект родственных связей. Так термины родства приобретали функции социальных апеллятивов.

Отсюда ясно, что называться просто «зятьем», т. е. мужем одной из представительниц дома Чингисова (как, впрочем, и просто «монголом»), было очень почетным; недаром именно так называли себя великий завоеватель Тимур и его внук Улугбек [см.: 6: 48, 99]. Титул *güregen* носили и русские князья Федор Ярославский и Юрий Московский, состоявшие в браке с женщинами из «золотого потомства» Чингисхана. Причем они умело эксплуатировали все преимущества, которые давал им этот титул, включая использование военной силы своих новоявленных родственников. Примечательно, что «Житие Федора Ярославского» не упоминает имени ордынского «царя», дочь которого была выдана за будущего святого, а все попытки с точностью его определить не увенчались успехом. На наш взгляд, такие попытки в принципе обречены на неудачу. Хан в «Житии» аисторичен и обезличен, сведен к своему статусу, одного указания на который было достаточно для того, чтобы установить социальное положение самого ярославского князя в монгольской системе координат. Фигура «царя» выводится на страницах «Жития» только постольку, поскольку относительно нее определяется престижная идентичность главного героя сочинения.

Мы видим, что едва ли не более значимый, чем генеалогические структуры, инструмент символического присвоения социального пространства давали матримонимальные практики. Учитывая проанализированные выше представления о воображаемом родстве всех монголов, можно понять, что даже брак с женщиной неханского происхождения ставил человека и его социальную группу в положение свойственников какой-либо из ветвей этого аморфного образования, существующего только в голове его участников. Но

проводило ли сознание монгола различие между понятиями родства и свойства, которые разграничиваются в европейских культурах (впрочем, не так уж и строго)? Есть все основания думать, что нет. Обратившись к источникам, мы встретим там выразительные примеры. Когда уйгурский ыдукут Барчук Артегин выразил покорность Чингис-хану и объявил о своем желании служить ему, Чингис, как сказано в ТИМ, «пожаловав [его], отправил в ответ [следующее] сообщение: „Я отдам [ему] дочь, и пусть [он] станет [мне] пятым сыном“» (*cinggis-qahan soyurqajı qat'ı ügüleju ilärün öki ber ögüya daktu'ar kö'ün boluqai*) [90: § 238]. В сходных выражениях об этом повествуют Рашид ад-Дин и Абу-л-Гази [38. I, 2: 163; 1: 77]. А китайский источник «Шэньу циньчжэн лу» прямо называет Барчука «Идуху (*yduqut*. — П. Р.) сын» [32: 182]. Таким образом, в монгольской концепции родства такие социальные категории, как 'зять' (среднемонг. *güregen-küregen*, письм.-монг. *kürgen*) и 'сын' (среднемонг. *kö'ün*, письм.-монг. *köbegün*) могли отождествляться.

Особенно отчетливо представление «родства» и «свойства» в качестве некой единой концептуальной сущности выражается в лексической семантике ряда монгольских социальных терминов. Слово *игиц* (письм.-монг. *игу*, халх. *ураг*), заимствованное из тюркских языков с исходным значением 'семя, зерно', использовалось применительно к патрилинейному кровному родству [43: 20]. В известном словаре Э. Хэниша этот термин определяется как 'родственник, родич; потомок, клан' [69: 167]. По утверждению Г. Дёрфера, имеется в виду не столько «клан» (заметим, что выделение данной структуры в отдельный социальный институт на монгольском материале весьма проблематично), сколько потомство известного (не мифического) родоначальника [63. Bd. 2: N 468], т. е. та общность, которая на жаргоне социальной антропологии называется «линиджем». Но данная лексема могла употребляться и в ином контексте. В китайско-монгольской билингве 1362 г., где речь идет об отношениях монгольских ка'анов с потомством вышеупомянутого уйгурского ыдукута Барчука, встречается следующее выражение: *anda quda uruy barilduysan-ča ejü-e kürtele egüri urtu-da soyurqaydaqı* 'с тех пор как [ка'аны] вступили в свойство [с Барчуком], доньне [его потомкам] постоянно оказываются милости' [59: 62]. Особый интерес вызывают слова *anda quda uruy barilduysan-ča*, букв. 'оттого, что [они] заключили друг с другом [отношения] побратимства, свойства и родства'. Парное словосочетание *anda quda* 'побратимство-свойство' в чингисову эпоху и позже обозначало взаимобрачные связи между двумя десцентными группами (см. ниже). Его появление в данном тексте вызвано тем, что уйгурский правящий дом из поколения в поколение заключал взаимные браки с представителями «золотого потомства». Показательно же употребление слова *игиц* в качестве синонима этого термина брачного родства. Кроме того, монголо-китайский словарь «Хуан ийю» (1389 г.) содержит составную форму *игиц тариг*, которая переводится как 'родственник по браку' и в этом значении зафиксирована в языке современных монголов провинции Ганьсу [82: 83; ср.: 62: 65; 95: 479]⁶. Наконец, оба значения сосуществуют в современном монгольском языке: *ураг* — это и 'родст-

венник', и 'свойственник (по жене)', а установление свойственнических отношений терминологически маркируется оборотом *ураг бололцох*, букв. 'стать *урагами*' [28: 457–458; 31: 47].

Таким образом, лексические данные выявляют неразличение обеих разновидностей родства как категорий монгольской культуры и социальной практики⁷. Ведь, по словам Б. Л. Уорфа, «в той или иной ситуации люди ведут себя соответственно тому, как они об этом говорят» [49: 77]. Человек, получавший в жены монголку, и его социальный коллектив классифицировались как «родственники» в целом, без дальнейших спецификаций. Точнее говоря, им атрибутировали статус «младших родственников» (*küregen* = *kö'ün*), да и само слово *игиц* первоначально означало 'потомок'⁸. Причем оно вовсе не служило, вопреки мнению Т. Д. Скрынниковой, «для обозначения определенного социума», а именно линиджа [43: 21]. Основной чертой линиджа является однолинейность счета родства, а в примере с *игиц* этот признак оказывается структурно нерелевантным. Как писала Э. Бэкон, «существовали случаи, когда десцентная линия прослеживалась через дочь» [54: 107]. К таким случаям относятся не только функционирование понятия *игиц* в матримониальном контексте, но и его употребление в составе словосочетания *ökin urug-ıyan* 'мое девичье потомство' из речи Чингис-хана, приведенной в § 215 ТИМ. Однако, как нам кажется, термин *игиц* характеризовал не структуру монгольского общества («асимметрично амбилинейную с патрилинейным уклоном», по Э. Бэкон), а способ ее концептуальной репрезентации: *игиц* выражал принцип двойного десцента и тем самым классифицировал обоих матримониальных партнеров как членов одной символически сконструированной общности.

* * *

Антропологи неоднократно отмечали, что в «до-современных» обществах брак носил характер межгруппового, а не межличностного института. Ввиду этого позицию «родственников» автоматически занимал весь социальный коллектив, представитель, а тем более глава которого заключал матримониальный альянс. «Получателем жены» выступал не отдельный индивид, а стоящая за ним и как бы воплощенная в его персоне группа. Монгольские примеры вполне подтверждают эти положения. Так, в ТИМ по поводу брака дочери Чингис-хана Алака-бэки с племянником öngütского Алакуш-тигит кури говорится следующее: *alaqa-beki-yi önggüt-da ökba* '[Чингис-хан] отдал Алака-бэки öngütam' (выделено мною. — П. Р.) [90: § 239]. Представители брачующихся коллективов называли друг друга взаимным термином *quda*, который применялся не только к родителям обоих супругов (как у современных халхасцев), но и к тем социальным единицам, с которыми они себя соотносили. Этот коллективный брачный партнер представлялся опутанным такими же узами тотального родства, как и «своя» общность, от имени которой заключался брак. Вообще говоря, монголы сообщали другим воображаемые качества, которые они приписывали сами себе. К примеру, кодекс законов монгольской династии Юань в Китае «Юань дянчжан» рассматривал всех *сэмужэнь* — выходцев из Западного края (в основ-

ном, тюрко- и ираноязычных) как людей одной «кости», патрилинейной десцентной линии, несмотря на их очевидное этнолингвистическое разнообразие [см.: 99: 49]. Хорезмийцы в ТИМ названы «обладающими групповым именем курумши» (*qurumsi oboqtan*) по аналогии с монгольскими социальными единицами [90: § 263]. Отсюда проистекала и важная политическая функция брака, не уступавшая по значимости включению в общую генеалогию или приписыванию идентичности «монголы». Она нашла отражение на страницах монгольской хроники «Алтан тобчи» в словах Чингис-хана, обращенных к его дочери Чэзэ-кэн, выданной замуж за сына ойратского правителя: «Направляй, наставляй и присоедини [к нам] свой ойратский народ» (*Oyirad irgen-iyen selbin qolban soyod-qin*) [98: 63].

Степень создаваемой браком коллективной солидарности варьировала в зависимости от того, какой уровень социальной организации он затрагивал: если при локальных альянсах разделяемая идентичность «сворачивалась» до своих минимальных форм, то с повышением статуса интеракции, переводом ее в плоскость межгрупповых отношений возрастал и объем корпоративной категории «мы». Л. Крэйдер обращал внимание на то, что патрилинидж у номадов был очень гибкой системой, способной то к экспансии до пределов всей кочевой политики, то к сокращению до размеров группы семей, связанных реальным кровным родством [77: 151]. В таком ключе высказывался и С. Шинкевич, утверждавший, что во внешних отношениях монголы оперировали понятием клана, а во внутригрупповой сфере отдавали предпочтение более мелким социальным сегментам (линиджем) [96: 119]. Но применение этой своеобразной скользящей шкалы корпоративности свидетельствует об отсутствии устойчивого институционального содержания у понятий «клан» и «линидж». По сути дела, идентификация монголов с социальной общностью того или иного порядка определялась их текущими интересами и целями, а сами общности являли собой нечто вроде теоретических конструкторов, обретавших реальное значение только при условии соответствия насущным потребностям практики. Как только содержание этих потребностей видоизменялось, менялись и границы «мы-группы», смещаясь либо в сторону расширения, либо в обратном направлении.

Практические потребности монголов как действующих лиц в социальном мире исключали также различие «реального», «фиктивного» родства и «свойства». Релевантным для них был лишь единый континуум качеств, выделявших «своих» (*uquq*) из среды «чужаков» (*jad*). Но конкретный круг лиц, которых причисляли к «своим», определялся ситуативно исходя из все тех же практических потребностей. При необходимости «своим» через брак могли сделать лидера соседней группы или даже (позднее) русского князя. А когда такая необходимость отпадала, против него могли обратить и оружие. Не подтверждаясь практикой, любая социальная категория утрачивала свой смысл. Впрочем, не только монголы причисляли брачных партнеров к «своим», «сородичам». Аналогичные воззрения на значение брака отразились и в ряде славянских терминов, таких как *свекор*, *свояк*, *сват*, *свадьба*. Сюда же относится и само слово *свой-*

ство. Все они содержат древний индоевропейский корень **sue/*suo* - 'свой' и выражают идею принадлежности к «своему» социуму [см.: 26: 79–84; 48: 118, 139–143; 50: 570, 584; 25: 36–37; 8: 217–219]. Славянское *сват* первоначально значило 'свой, близкий человек, сородич', а глагол *свататься* еще в древнерусском языке употреблялся в смысле 'сближаться, стовариваться, осваиваться' [48: 142; 26: 81]. Таким образом, заключение брака влекло за собой превращение партнеров в «своих». По сведениям А. М. Решетова, «в русском обществе еще в начале XX века вступление в брак означало породнение» [39: 223]. Поэтому «язык родства» был понятен обоим субъектам взаимодействия. В «Житии Федора Ярославского» прямо сказано, что хан «присвоет его в зятьство себе» [23: 309]. Заключая браки с монголами, русские князья становились для них «своими».

* * *

Тем не менее из источников ясно видно, что говорить об интенсивных брачных отношениях русских князей с монголами не приходится. Характер этих отношений, казалось бы, не вписывается в рамки доминировавшей у монголов в дочингисову эпоху брачной модели *anda quda*, букв. 'побратимство-свойство'. Под этим термином понимались систематические взаимобрачные связи между двумя группами («дуально-родовая экзогамия» в советской этнографической парадигме, ограниченный обмен у К. Леви-Строса, симметричный предписываемый брак в терминологии Р. Нидэма). Они неоднократно упоминаются в источниках. Вот что писал, например, Рашид ад-Дин об ойратских браках Чингис-хана: «Чингиз-хан поддерживал с ними (ойратами. — П. Р.) связь — давал и брал девушек, и было у них [между собою] побратимство и свойство [анда-құдай]» [38. I, 1: 119]. Матримониальные отношения по модели *anda quda* прослеживаются между десцентной линией Чингис-хана и «племенами» онгиратов (конгиратов), икирэсов, олкунутов, ынгүтов, ойратов, байаутов, уйгуров [см.: 38. I, 1: 119–121, 141, 162–164, 176–177; 60: 13; 87: 83–84; 73: 9–11, 17–21, *Tabl. 2, 2bis*, 23–27, *Tabl. 3, 29–34, Tabl. 4, 121, Tabl. 8, 122–124, 130–137, Tabl. 11; 29: 149, 152, примеч. 212]. Существует мнение, что после образования Монгольской империи альянс вышеназванного типа, основанный на регулярных обменах женщинами⁹, стал терять свое значение, хотя запрещение внутригрупповых браков сохранялось [51: 278–279; 97: 21–22; 43: 19–20]. Мы не согласны с этим, во-первых, потому, что перечень партнеров по отношениям *anda quda* после Чингис-хана не только не сократился, но даже увеличился по крайней мере на две единицы (согласно Рашид ад-Дину, в него вошли татары и хўшины [38. I, 1: 106–107, 171–172]), а во-вторых, из-за крайне релятивного характера экзогамных барьеров, отделяющих одну десцентную группу от другой. Демаркация последних зависела от того, с общностью какого порядка отождествляли себя в тот момент субъекты матримониальной операции. Кроме того, не стоит забывать, что само понятие «регулярность» представляет собой практическую категорию, предназначенную для действия, а не отвлеченного теоретизирования; его значение варьирует от одной социальной ситуации к другой, а не задается раз и на-*

всегда сообразно неким строгим правилам. В конце концов, люди используют правила, а не правила используют людей [ср.: 65: 402]. Бесспорно лишь то, что в имперскую эпоху резко возрос удельный вес смешанных браков, которые всячески поощрялись и даже предписывались со стороны верховной власти. Но они строились по образцу традиционных для монголов структур. В частности, Огёдэй-ка'ан «отдал мугалам распоряжение, чтобы они выдавали своих дочерей [замуж] за мусульман, и чтобы, в случае, если они [мусульмәне] изъявят желание предложить своих дочерей [в жены их сыновьям], они не отказывали им» [91. Vol. 2: 1107]. В данном случае брачные связи устанавливаются между такими «десцентными группами», как «монголы», с одной стороны, и «мусульмане», с другой. Форма связей ясна из процитированного отрывка — это стереотипная монгольская модель *anda quda*. Но здесь она регулирует отношения не «линиджей», «кланов» или «племен», а «воображаемых общностей», которым ситуативно приписываются свойства экзогамных единиц. (Таковыми были, впрочем, и три названные категории, но в более мелком масштабе.)

Причины такой «популярности» системы *anda quda* вовсе не в том, что монголы цеплялись за свои «племенные» пережитки, а в том, что они усматривали в этой системе структурообразующий принцип *любобо* матримониального альянса как варианта реципрокных отношений. Термин «реципрокность», введенный в научный оборот Б. Малиновским и К. Поланьи, обозначает взаимообмен деятельностью, предметами или услугами, который обеспечивает интеграцию практикующих его коллективов в рамках одной социальной системы [см.: 89: 148—157]. Задействуя принцип реципрокности, монголы активно расширяли круг участников матримониального обмена, в результате чего все новые и новые группы *jad* 'чужаков' ¹⁰ ассимилировались имперской системой на правах «младших родственников». Однако реципрокность охватывает не только обмен физическими однородными сущностями, но и циркуляцию «ценностей» разной морфологической природы («гетероморфная реципрокность», по А. Гоулднеру [68: 172]). Важен был сам акт обмена, а не то, что именно обменивают. И вот мы видим, как карлукскому Арслан-хану Чингис пожаловал свою дочь за то, что тот «не устраивал смуту» (*ese bulqaba*) [90: § 235]. Здесь в качестве предметов обмена выступают, с одной стороны, ханская дочь (леви-стросовская «ценность *par excellence*»), а с другой, такая нематериальная политическая ценность, как состояние мира и подчиненности. Употребление в тексте ТИМ приведенного выше выражения для указания на причину матримониального альянса свидетельствует о том, что брачные отношения соотносились с социальной дихотомией *il / bulqa*, организовывавшей внутреннюю структуру Монгольской империи XIII в. Слово *il-el* 'мир, согласие' в политическом контексте обозначало покорность, подчиненный статус кого-либо (монгольские правители Ирана называли себя *il qan* 'подчиненный хан', подразумевая свою первоначальную зависимость от каракорумского правительства), а также мирные, дружественные связи, поддерживавшиеся с обладателями этого статуса. Антонимом *il-el* был термин *bulqa~bulqa* 'мятеж, вражда, битва, смута, беспорядок'. Монголы называли «мятежны-

ми», *bulqa irgen*, народы, не входившие в орбиту их власти ¹¹. Но и сами они до образования империи были таким же «мятежным народом», у которого отсутствовала единая организация власти. «Много людей были *bulqa*... все люди были *bulqa (olon ulus bulqa büle'e... gür ulus bulqa büle'e)*», — говорится в знаменитой речи Кёкё-Чоса сыновьям Чингис-хана [90: § 254]. Таким образом, заключение брака являлось одним из символов превращения *bulqa* 'мятежников, существ хаотической природы' в *il-el* 'подданных', а по сути, просто 'людей', ибо в словаре «Мукаддимат ал-Адаб» *el* переводится именно как 'человек' [35: стб. 152a]. «Мятежников»-*bulqa* монголы за людей не считали.

Переход в состояние *el* маркировался деноминальным глаголом *else* = 'покориться, подчиниться', букв. 'стать *el*'. Тот же Арслан-хан до того, как явиться к Чингис-хану, «пришел подчиниться» монгольским войскам (*elsen irejü'üi*) [90: § 235]. Глагол *else* = употребляется и в сообщении о переходе на сторону монголов ойратского Кудука-бэки, детям которого в награду были «пожалованы» дочь и внучка Чингис-хана: *urida elsen tümen-oyirad-ıyan uduridun ireba* '[Он] подчинился (букв. 'стал *el*') раньше [остальных] и пришел во главе своих түмэн-ойратов' [90: § 239]. Однако строгой корреляции между статусом *el* и позицией «получателей жены», которая по этнографическим данным считается у монголов социально более низкой [см.: 92: 97—98; 46: 201, примеч. 6; 71: 176; 72: 5], не наблюдалось. Вассальные правители становились *el* и тогда, когда сами посылали к ханскому двору своих дочерей или родственниц. Чжурчжэньский Алтан-хан, «покорившись, представил Чингис-ка'ану принцессу по имени Гунджү (кит. *гунчжю*. — П. Р.)» (*elsen cinggis-qa'an-a gungjü neretü öki qarqaju*) [90: § 248]. А во время первого монгольского похода на тангутов «Бурхан, [правитель] людей кашин (тангутов. — П. Р.), сказал: „[Я] покорюсь (букв. 'стану *el*'), стану твоей правой рукой и отдам [тебе] силу“. [И он] преподнес Чингис-ка'ану [свою] дочь по имени Чака» (*qasin irgen-ü burqan elsen bara'un qar cinu bolju gücü öksü ke'en caqa neretü öki cinggis-qa'an-a qarqaju ökba*) [90: § 249]. Именно такой модели действия ожидал от русских князей Бату-хан, когда перед началом похода на Русь он «нача просити у рязанских князей тщери или сестры собе на ложе» [34: 184]. В случае успеха «зятем» стал бы сам монгольский хан (*güregen-küregen* называли как мужа дочери, так и мужа сестры), который вместе с тем получил бы от этого и все преимущества, мирным путем обеспечив покорность (*el~il*) русских князей и их владений. Однако ожидания Бату, основанные на применении культурно детерминированных схем интерпретации мотивов и намерений другого, как мы знаем, не оправдались.

* * *

Согласно теории практик П. Бурдьё, статусные позиции и роли субъектов социального действия постоянно варьируют и переопределяются в зависимости от внутренней логики этого действия, столь же текучей и изменчивой, как и социальный мир, устройство которого берет в нем начало. «Логика практики в том, чтобы быть логичным до того момента, когда быть логичным становится непрактичным» [12: 122].

Такого рода практической логикой руководствовались и средневековые монголы в качестве участников и активных творцов своей социальной реальности. Для описания этой реальности неадекватен язык издавна господствующей в номунологии интеллектуальной традиции, которая оперирует такими аналитическими конструктами, как «род», «племя», «линидж» и т. п. Мы уже имели возможность убедиться, сколь плохо названные конструкты «работают» на монгольском материале. Они не только ничего не объясняют, но даже затемняют суть дела, поскольку не позволяют учесть всю сложность социальной динамики, характерной для монгольского общества эпохи Чингис-хана и его преемников. Более уместными в данной связи представляются концепты типа разработанного П. Бурдьё понятия «габитус» [см.: 11; 12; 13; 57; 58]. Габитус — это своеобразное «практическое чувство», наиболее адекватный способ ориентации в пространстве социальных практик; он позволяет агентам оказываться всегда «на нужном месте» и вырабатывать стратегии поведения, приносящие им максимальный объем символического или экономического капитала. Габитус не является производным от «объективных» социальных условий, но это и не какая-либо ментальная структура; скорее, он представляет собой продукт интериоризации прошлого социального опыта агентов и автоматически активизируется в том случае, если условия, в которых протекал этот опыт, воспроизводятся в наличной конфигурации практик. Тем самым «агенты, в некотором роде, скорее, *нападают* на собственную практику, чем выбирают ее свободно или подталкиваются к ней путем механического принуждения» [12: 161]. В результате любая ситуация рассматривается как нормативная, а породивший ее габитус «может обосновать казуистику, необходимую для сохранения существа дела в любом случае, пусть даже ценой нарушения „норм“, которые существуют как таковые только по причине юридиклизма этнологов» [57: 1106]. Указанные нерегулярности в системе брачных отношений приводят в замешательство лишь внешних, этических наблюдателей; сами субъекты этих отношений считали «регулярным» все то, что в текущей социальной ситуации им удобно было считать таковым в силу действия их габитуса. Поэтому в Монгольской империи «подчиненными», *el*, являлись как «зятья», так и «тести» (но всегда по отношению к «золотому потомству» Чингис-хана, который неизменно извлекал выгоду из всякой концептуализации); поэтому у самого Чингиса, распределявшего своих дочерей и внуков по покорившимся этническим группам, «было около пятисот жен и наложниц, каждую он брал из различных племен» [38. I, 2: 68]. Мы можем вслед за К. Леви-Стросом считать брачные правила своего рода языком [см.: 27: 49, 58]; но в этом языке значение того, что говорится, определялось интересами и целями того, кто говорит.

Между тем главной целью рассмотренных стратегий поведения монголы считали наложение на партнеров по взаимодействию ряда конкретных обязательств. Если многочисленные «зятья» и «тести» соблюдали эти обязательства, с ними обращались как со «своими»; в противном случае практические интересы монголов (их габитус) диктовали последним выбор иной поведенческой модели (как правило, войны). К

примеру, русские князья становились «служебниками» хана (*albatu*), обязывались сохранять ему покорность (*el-il*) и платить дань, а главное — поддерживать мир (тот же *il*) в своем «улусе», тот мир, к установлению которого в глобальном масштабе стремился Чингис-хан и его преемники. От «зятьев» еще при Чингис-хане требовалось участие в военных походах монголов [см.: 75. Vol. 1: 46—47, 77, 82; 38. I, 2: 198]. Не были исключением и наши князья: в походе Мёнкэ-Тэмүра на яский город Деяков (1278 г.) участвовали некоторые из них, и в том числе «зятья» Глеб Ростовский и Федор Ярославский [см., напр.: 14: 179]. Со своей стороны, ордынские ханы оказывали им «честь» (это действие по-монгольски обозначалось глаголом *soyurqa*=), сущность довольно абстрактную и имевшую множество форм выражения. «Честью» могла быть сама монгольская женщина, которая «жаловалась» (*soyurqaju*) лояльному вассалу [см., напр.: 90: § 235, 238, 239], но также и собственные владения князя, его «отчина», которую он получал из рук хана-сюзерена. По летописным данным, особенно часто «честь» удостоивались ростовские князья. Они постоянно ездили в Орду, участвовали в монгольских походах и т. д. Это и не удивительно — на них приходится половина (3 из 6) всех «татарских браков» Рюриковичей. Именно родственные узы с монголами объясняют «исключительное положение» ростовских князей в системе монгольского управления Русью, а вовсе не мифическое желание ордынского правительства «оторвать князей от местной бытовой почвы» и не допустить повторения антимонгольских восстаний начала 1260-х гг., как утверждал А. Н. Насонов [30: 67]. Вспомним, что князь Глеб Белозерский вернулся из Монголии с женой еще в 1257 г., за пять лет до восстания 1262 г. Положение ростовских князей в качестве частых брачных партнеров монгольских ханов и служит причиной «повышенного внимания» к ним со стороны Орды.

Мы оставляем без внимания вопрос, в какой степени монгольская концепция родства находила понимание у другого участника культурного взаимодействия — русских князей. Они, безусловно, принимали правила игры, установленные их могущественными «значимыми другими», но принимать — не то же, что понимать. А впрочем, все зависит от того, какой смысл мы придаем глаголу «понимать». Понимать слово, например, значит уметь его употреблять (если следовать «поведенческим критериям» понимания Л. Витгенштейна [16: 177]). Понимание показывает себя в действиях, а действия русских князей свидетельствуют о том, что они большей частью успешно соотносились с теми ожиданиями, которые предъявляли к ним монголы. (Исключения были, но здесь они не в счет.)

* * *

Мы надеемся, что эмпирический подход, опыт которого представлен в данной работе, позволит под новым углом зрения обратиться к вопросу о роли культурного фактора в системе русско-монгольских отношений эпохи Средневековья, а также во взаимоотношениях монголов с другими составными частями их империи. Для того, чтобы продвинуться в изучении этого вопроса, необходимо, цитируя К. Гирца, «раскрыть кон-

цептуальные структуры, которые несут информацию о действиях наших субъектов, „сказанное“ в социальном дискурсе, и сконструировать систему анализа, в терминах которой из других детерминант человеческого поведения можно будет выделить то, что имманентно присуще данным структурам, принадлежит им постольку, поскольку они есть то, что они есть» [67: 27]. К числу такого рода структур, лежавших в основе поведения средневековых монголов, относится концепция родства, которой было посвящено наше изложение. Заслуживает внимания тот факт, что родственные категории — элементарные единицы всякой концепции родства, по словам П. Бурдьё, «содержат в себе магическую силу *устанавливать границы и конституировать группы* посредством *перформативных* утверждений... наделяющих полноценной силой группы, созданию которых они способствуют» [58: 285]. Данная характеристика верна и относительно рассмотренного нами материала. Поэтому важные социальные функции родства, на которые указывал французский социолог, должны учитываться и при анализе его осмысления в средневековой монгольской культуре.

Отсюда следует, что для наших целей вряд ли имеет смысл трактовать культуру и общество как некую систему заранее заданных норм, принципов и предписаний, которым слепо подчиняется человеческий коллектив. Такая точка зрения берет свое начало в рамках этического подхода, в целом склонного овещать формы и продукты человеческой деятельности, придавать им статус абсолютных, независимых и господ-

ствующих над человеком сущностей (ср., например, концепцию Э. Дюркгейма); для объяснения интересующего нас круга явлений она определенно не годится. Большую пользу нам может принести эмический подход, который делает основной акцент на динамическом аспекте социокультурных систем, их связи с деятельностью социальных субъектов. Эмический анализ базируется на положении о том, что культура представляет человеку ряд альтернативных моделей поведения, среди которых он осуществляет выбор той, которая в наибольшей степени отвечает потребностям текущего момента, сообразуясь при этом со своими практическими интересами и руководствуясь своим габитусом. Тем самым человеческое сообщество оказывается не пленником собственных культурных норм, а их полновластным хозяином, что позволяет ему успешно играть на противоречиях в существующей системе правил и обращать любую социальную ситуацию в свою пользу (см. приведенные выше примеры монгольских матримониальных стратегий). Разумеется, пока еще сложно отчетливым образом определить экспликативные ресурсы и границы применимости развиваемой здесь эмической концепции культуры. Высказанные нами соображения носят предварительный характер и служат скорее расстановке методологических ориентиров, нежели построению целостной объяснительной модели. Последняя может возникнуть не иначе, как путем обобщения целого ряда конкретных исследований, лишь одним из которых должна стать настоящая работа.

Примечания

1. О различении системы родства как номенклатуры обозначений личных родственников эго и системы десцента как предкоцентричной терминологии группового членства см. [93: 756—765].
2. Впрочем, ее «объективность» в последнее время подвергается серьезному сомнению [см.: 94; 79: 231—244].
3. А. В. Экземплярский относил факт длительного пребывания князя в Орде и его женитьбы там к промежутку 1281—1292 гг. [53. Т. 2: 78]. Г. В. Вернадский называл 1285 г.; Д. Н. Александров и Е. В. Пчелов высказываются осторожнее — между 1284 и 1293 гг., ближе к первой дате [14: 184; 2]. Однако С. М. Шпилевский и вслед за ним митрополит Иоанн (Вендланд) отодвинули эти события на целое десятилетие назад, к периоду до 1276 г., когда имя Федора так же не появлялось на страницах летописей, как и в 1280-е гг. [52: 18—19; 19: 34—37]. Промежуточную позицию занимал Г. Преображенский, датировавший ордынский период жизни князя концом 1270-х—началом 1280-х гг., а его брак с ханской дочерью — концом 1279—началом 1280 г. [36: 24]. Идентификация хана — тестя Федора Ярославского до сих пор вызывает серьезные дискуссии. В претенденты выдвигаются либо ордынский хан Мунк-Тэмур (С. М. Шпилевский, Г. Преображенский, А. Н. Насонов, Г. В. Вернадский, Ч. Халперин, митрополит Иоанн), либо его соправитель, влиятельный темник Нокай (Н. М. Карамзин, И. Троицкий, К. Д. Головищев, Х. Х. Хауорс и др.) [см.: 21: 67; 47: 18—19; 74: 135; 18: 47—48; 52: 18—19; 36: 21; 30: 60—61; 14: 184; 70: 110; 19: 34—37]. Особняком стоит точка зрения Д. Н. Александрова и Е. В. Пчелова — они прочат на эту роль хана Токтагу, будущего владельца Джбичева улуса, а в 1280-е гг. одного из заурядных улусных ханов [2: 38]. Наш подход к данной проблеме построен на иной основе, о чем мы будем говорить ниже.
4. Еще в начале XX в. монгольские народы мыслили любые социальные контакты только в родственных категориях. У северных бурят два живущих на одной территории «клана» составляли общую генеалогию, а пришельцы извне включали-

- лись в генеалогию принявшего их коллектива. На основе этих фактов Б. Э. Петри создал теорию т. н. «территориального родства» [33].
5. Подробнее вопрос о складывании монгольской идентичности освещен в работе [40].
6. В письм.-монг. *игуу тариу* означает 'дальние родственники' [24. Т. 1: *стб.* 460а; 80: 885b].
7. Для сравнения можно привести некоторые данные по славянской номенклатуре родства, которая изобилует примерами семантической тождественности терминов родства по крови и по браку [см.: 48: 88—90]. К примеру, слово 'тесть' (слав. **ťasty*) этимологически восходит к термину для своих собственных родителей, тогда как 'зять', маркировавшее различные степени свойства, первоначально использовалось в отношении кровных родственников [48: 126, 131].
8. Но не в узком смысле ('мужской') потомок, (мужское) потомство', как считал С. Калужинский [20: 218].
9. Система *anda quda* представляла собой одну из разновидностей отношений реципрокности (взаимности), которые, согласно К. Леви-Стросу, образуют композиционную структуру всякой матримониальной операции [см.: 81]. Сравнение с обменом здесь не случайно: в функции дара выступала сама женщина, высшая ценность социального коллектива, ценность *par excellence* [81: 73, 76]. Так, одну из своих жен Чингис-хан получил в качестве «дара на память [саукъйт]» [38. I, 2: 72]. Данное слово — не что иное, как алтайская лексема *saurya-sauryat* 'подарок, дар' [о ней см.: 86; 63. Вд. I: 345—347; 64; 44: 349—350]. Более того: монгольский глагол *andaldu* =, образованный от *anda* при помощи суффикса реципрока, и означает 'обмениваться предметами одной категории'; в словаре О. М. Ковалевского он толкуется так: 'меняться, отдавая вещь за вещь одного сорта, напр. шубу за шубу, лошадь за лошадь' [24. Т. 1: *стб.* 14а], мы бы добавили — женщину за женщину. Считается, что термин *anda* в субстантивном употреблении имеет основное значение 'побратим'; в «Шэнью циньчжэн лу» и «Юань ши» к нему прилагается глосса: 'друзья, которые обменялись вещами' [87: 232, N. 1]. Но «вещь» понима-

лась в максимально широком смысле, как любое средство обмена, безотносительно к его физическим свойствам. Поэтому традиционное толкование слова *anda* слишком узко: *anda* — это не просто побратим, а в целом партнер по всякому реципрокному обмену. Его обязательства в качестве побратима вытекают из его позиции субъекта обменных действий, недаром взаимные дарения образовывали центральную часть обрядов побратимства [см., напр.: 90: § 116—117]. Нашу мысль подтверждают наблюдения Р. Амайон, сделанные на основе изучения бурятских эпических нарративов. По ее мнению, глаголы *андагдаха* 'обмениваться' и *худагдаха* 'торговать, поку-

пать', производные от *анда* и *худа*, в брачном контексте выражают обменные отношения двойного рода: первый — обмен изоморфными объектами (в данном случае — женщинами), второй — дарами различной природы (выкуп за невесту, приданое и взаимные поставки между сторонами жениха и невесты) [71: 171].

10. Словом *jad* обозначали тех, кто не принадлежал к данной социальной группе [см.: 63. Bd. 2: 319].
11. Об оппозиции *il / butya irgen* в структуре монгольского политического пространства см. [85: [126]—[127]; 83: 454, 492—494].

Список сокращений

ТИМ — Тайная история монголов. См.: 90

HJAS — Harvard Journal of Asiatic Studies. Cambridge MA, 1936 —

Литература

1. *Абуль-Гази*. Родословное древо Тюрков / Пер. и предисл. Г. С. Саблукова; с послесл. и примеч. Н. Ф. Катанова. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1906.
2. *Александров Д. Н., Пчёллов Е. В.* О происхождении ярославских князей от Чингизидов // *Ярославская старина*. 1994. Вып. 1.
3. *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья // *Бартольд В. В. Соч. М.: Изд-во восточ. лит., 1963. Т. 2, ч. 1.*
4. *Бартольд В. В.* История Туркестана // Там же.
5. *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана // Там же.
6. *Бартольд В. В.* Улутбек и его время // *Бартольд В. В. Соч. М.: Наука, 1964. Т. 2, ч. 2.*
7. *Бартольд В. В.* Образование империи Чингиз-хана // *Бартольд В. В. Соч. М.: Наука, 1968. Т. 5.*
8. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов: I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия / Пер. с франц. М.: Прогресс; Универс, 1995.
9. *Берсер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995.
10. *Бира Ш.* Монгольская историография (XIII—XVII вв.). М.: Наука, 1978.
11. *Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
12. *Бурдые П.* Начала. Choses dites. М.: Socio-Logos, 1994.
13. *Бурдые П.* Практический смысл / Пер. с франц.; Общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001.
14. *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН; М.: АГРАФ, 1997.
15. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // *Витгенштейн Л. Философские работы / Сост., вступ. ст., примеч. М. С. Козловой; Пер. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1.*
16. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Там же.
17. [Галстян А. Г.] Армянские источники о монголах: Извлечение из рукописей XIII—XIV вв. / Пер. с древнеарм., предисл. и примеч. А. Г. Галстяна. М.: Изд-во восточ. лит., 1962.
18. *Головщиков К. Д.* История города Ярославля. Ярославль: Тип. Л. Н. Пастухова, 1889.
- 18а. *Дюркгейм Э.* Социология: Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с франц., сост., послесл. и примеч. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.
19. *Иоанн, митрополит (К. Н. Вендланд).* Князь Федор: Исторический очерк. Ярославль: Верхневолж. кн. изд-во, 1990.
20. *Калужинский С.* Некоторые вопросы монгольской терминологии родства // *Олон улсын монголч эрдэмтний II их хурал*. Улаанбаатар: ШУА-ийн хэвлэл, 1973. Б. 1.
21. *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 12 т. М.: Наука, 1992. Т. 4.
22. *Киракос Гандзакци.* История Армении / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л. А. Ханларян. М.: Наука, 1976.
23. Книга Степенная царского родословия // Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. 21, полутом 1, ч. 1.
24. *Ковалевский О. М.* Монгольско-русско-французский словарь. Казань: Унив. тип., 1844—1849. Т. 1—3.
25. *Колесов В. В.* Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
26. *Лавровский П.* Коренное значение в названиях родства у славян. СПб., 1867.
27. *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: Наука, 1983.
28. Монгольско-русский словарь / Под общ. ред. А. Лувсандэн-дэва. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957.
29. *Мэн-да бэй-лу* (Полное описание монголо-татар) / Пер. с кит., введ., коммент. и прилож. Н. Ц. Мункуева. М.: Наука, 1975.
30. *Насонов А. Н.* Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
31. *Номинханов Ц. Д.* Термины родства в тюрко-монгольских языках // Вопросы истории и диалектологии казахского языка. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1958. Вып. 1.
32. [Палладий]. Старинное китайское сказание о Чингис-хане / Пер. с кит. арх. Палладия // Восточный сборник. СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения, 1877. Т. 1.
33. *Петри Б. Э.* Территориальное родство у северных бурят // Известия Биолого-Географического научно-исследовательского института при Государственном Иркутском университете. 1924. Т. 1, вып. 2.
34. Повесть о разорении Рязани Батыем // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М.: Художественная литература, 1981.
35. *Попле Н. Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Ч. 1, 2.
36. *Преображенский Г.* Святой благоверный и великий князь Феодор Ростиславич ярославский и смоленский. М.: Типо-лит. Б. Чичерина, 1899.
37. *Пэн Да-я, Сюй Тин.* Краткие сведения о черных татарах / Публ. Линь Кюн-и и Н. Ц. Мункуева // Проблемы востоковедения. 1960. № 5.
38. *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1, кн. 1, 2; М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 2.
39. *Решетов А. М.* Об употреблении вокативных терминов родства в повседневном быту русских (по воспоминаниям и наблюдениям) // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб.: МАЭ РАН, 1995. Вып. 1.
40. *Рыкин П.* Создание монгольской идентичности: термин «монгол» в эпоху Чингис-хана // Вестник Евразии. 2002. № 1 (16).
41. *Рязановский В. А.* Монгольское право (преимущественно обычное): Ист. очерк. Харбин: Тип. Н. Е. Чинарева, 1931.
42. *Скворцов Н. Г.* Проблема этничности в социальной антропологии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.
43. *Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Восточная литература, 1997.
44. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / Отв. ред. чл.-корр. РАН Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1997.
45. *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1884. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских.
46. *Тодаева Б. Х.* Монгорский язык: Исследование, тексты, словарь. М.: Наука, 1973.

47. Троицкий И. История губернского города Ярославля. Ярославль: Тип. Губерн. правления, 1853.
48. Трубачёв О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
49. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Зарубежная лингвистика. М.: Прогресс, 1999. Вып. 1: Новое в лингвистике: Избранное.
50. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1971. Т. 3 (Муза—Сят).
51. Шинкевич С. Динамика монгольской системы родства // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. Улаанбаатар: ШУА-ийн хэвлэл, 1978. Б. 2.
52. [Шпилевский С. М.] Великий князь Смоленский и Ярославский Федор Ростиславич Черный: Речь С. М. Шпилевского в день шестисотлетия годовщины смерти Федора, 19 сентября 1899 г. Ярославль: Ярославская губерн. учен. архив. комиссия, 1899.
53. Экземплярский А. В. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г.: Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. СПб.: Изд-во гр. И. И. Толстого, 1889—1891. Т. 1, 2.
54. Bacon E. E. Obok: A Study of Social Structure in Eurasia. New York: Wenner-Gren foundation for anthropological research, 1958.
55. Baumgarten N. de. Généalogies des branches régnantes des Rurikides du XIIIe au XVIe siècle. Roma: Pontificum institutum orientalium studiorum, 1934.
56. Blake R. P., Frye R. N. The History of the Nation of the Archers (the Mongols) by Grigor of Akanc' // HJAS. 1949. Vol. 12, N 3/4.
57. Bourdieu P. Les stratégies matrimoniales dans le système de reproduction // Annales: Économie. Sociétés. Civilisations. 1972. An. 27, N 4/5.
58. Bourdieu P. Le sens pratique. Paris: Minuit, 1989.
59. Cleaves F. W. The Sino-Mongolian Inscription of 1362 in Memoir of Prince Hindu // HJAS. 1949. Vol. 12, N 1/2.
60. Cleaves F. W. The Sino-Mongolian Inscription of 1335 in Memoir of Chang Ying-jui // HJAS. 1950. Vol. 13, N 1/2.
61. Cleaves F. W. Aqa Minu // HJAS. 1962—1963. Vol. 24.
62. Cleaves F. W. The Lingji of Aruy of 1340 // HJAS. 1964—1965. Vol. 25.
63. Dærfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischen Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden: Steiner, 1963—1975. Bd. 1—4.
64. Eren H. Le terme «altaïque» *sauya* «cadeau» // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1972. T. 25, fasc. 1/3.
65. Farnell B. Getting out of the *habitus*: an alternative model of dynamically embodied social action // The Journal of the Royal Anthropological Institute, Incorporating Man. 2000. Vol. 6, N 3.
66. Fletcher J. The Mongols: Ecological and Social Perspectives // HJAS. 1986. Vol. 46, N 1.
67. Geertz C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. New York: Basic Books, 1973.
68. Gouldner A. The Norm of Reciprocity: A Preliminary Statement // American Sociological Review. 1960. Vol. 25, N 2.
69. Haenisch E. Wörterbuch zu Manghol un Niuca Tobca'an (Yüanch'ao pi-shi), Geheime Geschichte der Mongolen. Wiesbaden: Steiner, 1962.
70. Halperin Ch. J. Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington, 1987.
71. Hamayon R. Tricks and Turns of legitimate Perpetuation, or Taking the Buryat *üliger* literally, as «Model» // Fragen der mongolischen Heldendichtung: Vorträge des 2. Epensymposiums des Sonderforschungsbereichs 12, Bonn 1979 / Hrsg. von W. Heissig. Wiesbaden: Harrassowitz, 1981. T. 1.
72. Hamayon R. Tricks and Turns of legitimate Perpetuation (Continuation) // Fragen der mongolischen Heldendichtung: Vorträge des 3. Epensymposiums des Sonderforschungsbereichs 12, Bonn 1980 / Hrsg. von W. Heissig. Wiesbaden: Harrassowitz, 1982. T. 2.
73. Hambis L. Le chapitre CVIII du Yuan che: Les fiefs attribués aux membres de la famille impériale et aux ministres de la cour mongole d'après l'histoire chinoise officielle de la dynastie mongole. Leiden: Brill, 1954. T. 1.
74. Howorth H. H. History of the Mongols from the 9th to the 19th century. London: Longmans, Green, and co., 1880. Pt. 2: The so-called Tartars of Russia and Central Asia.
75. [Juvaini]. 'Ala-ad-din 'Ata-Malik Juvaini. The History of the World-Conqueror / Transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle. Manchester: Manchester University Press, 1958. Vol. 1, 2.
76. Kotwicz W. Contribution à l'histoire de l'Asie Centrale // Rocznik Orientalistyczny. 1948. T. 15.
77. Krader L. Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. The Hague: Mouton, 1963.
78. Krader L. Formation of the State. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1968.
79. Kuper A. The Invention of Primitive Society: Transformations of an Illusion. London; New York: Routledge, 1988.
80. Lessing F. D. Mongolian-English dictionary. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960.
81. Lévi-Strauss C. Les structures élémentaires de la parenté. 2me éd. Paris; La Haye: Mouton, 1967.
82. Lewicki M. La langue mongole des transcriptions chinoises du XIVe siècle: Le Houa-yi yi-yu de 1389. Wrocław: Prace Wrocławskiego tow-wa naukowego, 1959. Vol. 2: Vocabulaire-Index.
83. Mostaert A., Cleaves F. W. Trois documents mongols des Archives secrètes vaticanes // HJAS. 1952. Vol. 15, N 3/4.
84. Mostaert A., Cleaves F. W. Les lettres de 1289 et 1305 des ilkhan Aryun et Öljeitü à Philippe le Bel. Cambridge MA: Harvard University Press, 1962.
85. Pelliot P. Les Mongols et la Papauté. Extrait de la *Revue de l'Orient chrétien*, 3e Sér., T. 4 (24), N 3 et 4 (1924). Paris: Picard, 1924.
86. Pelliot P. Sao-houa, saurya, sauryat, saguate // T'oung Pao. 1936. Vol. XXXII. Livr. 4.
87. [Pelliot P., Hambis L.] Histoire des campagnes de Gengis-khan, *Cheng-wou ts'in-tcheng lou* / Traduit et annoté par P. Pelliot et L. Hambis. Leiden: Brill, 1954. T. 1.
88. Pike K. L. Etic and Emic Standpoints for the Description of Behavior // Communication and Culture: Readings in the Codes of Human Interaction / Ed. by A. G. Smith. New York etc: Holt, Rinehart and Winston, 1966.
89. [Polanyi K.] Primitive, Archaic and Modern Economies: Essays of Karl Polanyi / Ed. by G. Dalton. Boston: Beacon Press, 1971.
90. Rachewiltz I. de. Index To The Secret History of the Mongols. Bloomington, Ind., 1972.
91. [Raverty H. G.] *Ṭabakāt-i-Nāṣirī*: A General History of The Muhammadan dynasties of Asia, including Hindūstān. From A. H. 194 [810 A. D.], to A. H. 658 [1260 A. D.], and the irruption of the infidel Mughals into Islām. By the Maulānā, Minhāj-ud-Dīn, Abū-'Umar-i-'Uṣmān / Transl. by Major H. G. Raverty. L., 1881. Vol. I, II.
92. Rubel P. G. Gift Exchange among the Kalmyk Mongols // Kalmyk-Oirat Symposium / Ed. by A. Bormanshinov and J. R. Krueger. Philadelphia (PA): The Society for the Promotion of Kalmyk Culture, 1966.
93. Scheffler H. F. Kinship, Descent, and Alliance // Handbook of Social and Cultural Anthropology / Ed. by J. J. Honigsmann. Chicago, 1973.
94. Schneider D. M. A Critique of the Study of Kinship. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1984.
95. Smedt A. de, Mostaert A. Le dialecte monguor parlé par les Mongols du Kansou occidental. Pei-p'ing: Impr. de l'Université Catholique, 1933. 3e partie: Dictionnaire monguor-français.
96. Szynkiewicz S. Kin Groups in Medieval Mongolia // Ethnologia Polona. 1975. Vol. 1.
97. Szynkiewicz S. Kinship Terminology and Kinship Change among the Mongols // Poland at the 10th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Wrocław etc.: Zakł. nar. im. Ossolińskich, 1978.
98. Vietze H.-P., Gendeng Lubsang. Altan Tobči: Eine mongolische Chronik des XVII. Jahrhunderts von Blo bzañ bstan 'jin. Text und Index. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1992.
99. Yang Lien-sheng. Marginalia to the *Yüan tien-chang* // HJAS. 1956. Vol. 19, N 1/2.

Е. Н. Афолина

К оценке политики тумэтского Алтан-хана (1507—1581)

Глава тумэт-монголов Алтан-хан (1507—1581) — одна из самых ярких и влиятельных политических фигур в истории Монголии второй половины XVI в. Авторы монгольских летописей прославляют его как распространителя буддийского вероучения, поскольку Алтан-хан пригласил из Тибета главу монастыря Дэ-пун, иерарха одной из основных школ тибетского буддизма, *гзлугна*, Соднам Гьяцо, и в 1578 г. состоялась их встреча в монастыре Цабциял на озере Кукур-нор. Хотя сама встреча еще не означала повсеместного распространения буддизма в Монголии, но она стала началом активной переводческой деятельности и широкомасштабного миссионерского процесса, который затронул практически все население Монголии и повлек за собой глубокие изменения в обществе, их результаты ощутимы и по сей день. Самому Алтан-хану суждено было стать свидетелем лишь начала этих процессов — правитель тумэтов скончался в 1582 г., т. е. через четыре года после встречи на Кукур-норе, которая явилась, пожалуй, последним крупным мероприятием, предпринятым Алтан-ханом в ходе его долгой жизни, активной и многогранной деятельности.

Мнения современных историков о том, какие цели преследовали монголы, устанавливая официальные отношения с тибетцами, довольно противоречивы. Решение данного вопроса во многом зависит от того, как тот или иной исследователь оценивает проводившуюся Алтан-ханом внутреннюю и внешнюю политику в целом. Ряд исследователей полагают, что Алтан-хан претендовал на роль объединителя монголов и в связи с этим обратился к буддизму. Данной точки зрения придерживаются, например, М. Россابي, Т. Д. Скрынникова, Ш. Б. Чимиддоржиев. М. Россابي полагает, что Алтан-хан предпринял последнюю попытку объединить монголов во времена династии Мин, а затем, отчасти побуждаемый своим сподвижником, Хутуктай Сэцэн-хунтайджи, пытался обратить все население Монголии в тибетский буддизм, предполагая, что религиозное единство преобразуется в политическое [29: 38]. Ш. Б. Чимиддоржиев считает, что Алтан-хан предпринимал походы против ойратов с целью добиться нового объединения монголов [21: 56]. Иной точки зрения придерживаются В. Вайт, Г. Сэрройс¹,

Н. Ариунгуа, Н. Каренина Кольмар-Пауленц. Они приходят к выводу о том, что Алтан-хан никогда не стремился к завоеванию всей Монголии. Для обоснования данных точек зрения исследователи неизбежно вынуждены затрагивать и другие, не менее сложные проблемы, и прежде всего вопрос о взаимоотношениях Алтан-хана с великими ханами, а также вопрос о наследовании титула *хаган*, великого всемонгольского хана в Монголии в XVI в.

В данной статье предпринимается попытка охарактеризовать на основе сведений, которые содержатся в источниках, взаимоотношения Алтан-хана с теми монгольскими правителями, которые наследовали титул *хаган*.

Прежде всего следует отметить, что изучение истории Монголии XVI в. сопряжено с рядом серьезных проблем. Основная из них — недостаточно подробное освещение событий того времени в тех монгольских, тибетских и китайских источниках, которыми на сегодняшний день располагают ученые. Лишь один из этих памятников по времени написания предположительно относится ко второй половине XVI в., — это законы Алтан-хана², информации о жизни и деятельности хана, а также материалов о событиях политической истории Монголии XVI в. данный источник не содержит. Такие сведения можно почерпнуть главным образом из монгольских летописей XVII—XIX вв., которые крайне лаконичны в описании событий XVI в. Наиболее ранней из них по предположениям исследователей является анонимная хроника «Алтан тобчи». Она была составлена приблизительно в начале XVII в., точная дата написания пока не установлена³. В этом источнике мы находим чрезвычайно краткое описание монголо-тибетских отношений конца XVI в.

Следующей по времени составления, видимо, являлась «Шара туджи» анонимного автора. Точной даты завершения памятника не известно, но появилась она позже анонимной «Алтан тобчи», поскольку автор «Шара туджи», как установил Ц. Жамцарано, заимствовал отдельные фрагменты анонимной «Алтан тобчи» [10: 66—67; 8: 243].

Временем составления следующей хроники, «Алтан товчи» Лувсан Данзана, Ц. Жамцарано считает се-

редину или вторую половину XVII в., его точки зрения придерживаются Н. П. Шастина, Л. С. Пучковский и Х. Пэрлээ. Основываясь на анализе содержания хроники, А. Мостэрт полагает, что она была написана между 1649 и 1736 гг.; В. Хайссиг сужает эти временные рамки до 1651—1655 гг. Ш. Бира, сопоставляя вышеуказанные точки зрения, считает наиболее вероятным, что хроника была составлена либо в самом конце XVII, либо в начале XVIII в. [8: 230—232].

Наиболее подробной в описании событий XVI в. является хроника «Эрдэнийн товчи»⁴. Это сочинение на протяжении многих лет пользовалось большой популярностью среди монголов и в рукописях широко распространялось по всей стране, являясь одной из наиболее читаемых книг монгольских грамотеев [8: 252]. Хроника была написана в 1662 г. ордосским Саган Сэцэном, праправнуком Хутуктай Сэцэн-хунтайджи, являвшимся одним из ближайших сподвижников Алтан-хана. Автор уделяет большое внимание описанию деятельности своего предка. Однако такое повышенное внимание автора к личности Хутуктай Сэцэна таит в себе большую опасность для исследователя: иногда в своем стремлении прославить прапрадеда автор приписывал ему деяния и высказывания, которые, согласно монгольским и тибетским источникам, совершали другие лица, что, соответственно, может послужить причиной серьезных ошибок не только при характеристике личности и деятельности Хутуктай Сэцэна, но и при характеристике в целом исторической ситуации XVI в.

Принципиально новым шагом в исследовании интересующего нас периода истории Монголии стало осуществленное сравнительно недавно издание «Эрдэни тунумал нэрэту судур»⁵, известной как «История Алтан-хана Чакравартина» или «Биография Алтан-хана». Издание было выполнено историком из Внутренней Монголии, Джорунгой⁶, и вышло в Пекине в 1984 г. [5]⁷. «История Алтан-хана» занимает особое место среди монгольских источников, поскольку ее сообщения основаны на оригинальном сочинении, составленном Уран Тангарик Даюн-кия, — об этом сообщается в колофоне сочинения [24: 185]. Даюн-кия известен как один из участников монгольских посольств к III Далай-ламе, т. е. он был очевидцем событий второй половины XVI в. Имя автора «Истории Алтан-хана» не установлено. Данное сочинение является наиболее подробным в отношении сведений по истории Монголии в XVI в. Как отметила В. Вайт, данный источник способствует восполнению пробелов в описании борьбы Алтан-хана с урянхайцами, ойратами и китайцами благодаря тому, что в нем упоминаются подробности, о которых не сообщают другие, более поздние по сравнению с ним сочинения, и детали, которые не пропущены в китайские источники [32: 115].

Значительный вклад в историю изучения «Истории Алтан-хана» внесла проф. Каренина Кольмар-Пауленц, которая выполнила первый полный перевод источника на европейский (немецкий) язык [27], ее исследование вышло в 2001 г. Данная работа представляет большой интерес по нескольким причинам. Во-первых, автор использовала не только пекинское издание памятника 1984 г., но и оригинал источника, дошедший до

нашего времени в единственном рукописном варианте⁸, который несколько отличается от издания Джорунги⁹. Во-вторых, проф. Каренина Кольмар-Пауленц выполнила полный сопоставительный критический анализ сведений, содержащихся в монгольских летописях XVII в.¹⁰ и тибетском «Жизнеописании III Далай-ламы», который невозможно было выполнить до введения в научный оборот «Истории Алтан-хана». Выводы, сделанные автором, сводятся к тому, что сообщения всех монгольских летописей XVII в. о приглашении Соднам Гяцо в Монголию — производны, основаны на сообщении «Жизнеописания III Далай-ламы», исключения здесь только хроника Саган Сэцэна и «История Алтан-хана», составленная почти за тридцать лет до «Жизнеописания Далай-ламы» и являющаяся наиболее близким по времени к интересующим нас событиям источником с монгольской стороны [28: 11].

Следует упомянуть еще одну работу, основой которой послужила «История Алтан-хана», — монографию монгольской исследовательницы Н. Ариунгуа «Монгольско-китайские отношения XIV—XVI вв.» [34]. Эта работа представляет несомненный интерес еще и потому, что ее автор использует многочисленные китайские источники, не переводившиеся на русский язык.

Сведения по истории интересующего нас периода содержатся в китайских источниках, главным образом в «Мин ши лу» и «Мин ши»¹¹. Материалы или фрагменты перевода данных источников представлены в исследованиях Д. З. Покотилова [15] и П. И. Попова [16] и Г. Сэрройса [31].

Прежде чем рассматривать непосредственно политику Алтан-хана, необходимо в целом охарактеризовать ситуацию в Монголии. Падение династии Юань (1280—1368) и изгнание монголов из Китая ускорило процесс распада монгольского государства на отдельные владения. При характеристике периода XIV—XVI вв. в истории Монголии исследователи, как правило, указывают на сочетание двух основных тенденций — войны восточных монголов между собой и борьба между восточными и западными монголами за гегемонию в Центральной Азии.

Со времен Чингис-хана население Монголии делилось на два крыла: правое, западное (*барун гар*), и левое, восточное (*дзун гар*). Левое крыло составляли *ойраты*¹², за которыми со временем закрепилось наименование «джунгары»¹³. По составу *ойраты* представляли собой довольно сложный этнический комплекс, включающий различные племена, среди них *торгуты*, *дэрбэты*, *хошоуты*, *чоросы*, *хойты* [12: 175]. Отказавшись подчиняться всемонгольским ханам, *ойраты* прочно обосновались на западе Монголии и с начала XV в. стали проводить самостоятельную внешнюю политику [11: 26].

Восточная Монголия к середине XVI в. состояла из шести *тумэнов*¹⁴, три из них составляли восточное и три западное крыло. В состав западных *тумэнов* восточной Монголии входили *ордос*, двенадцать *тумэтов* и другие племена, среди которых были *юншиэбу*, *асуд* и *харачины*. Три восточных *тумэна* — *чахарский*, *халхаский* и *урянхайский*¹⁵ [30: 183, примеч. 6; 18: 16].

В конце XV—начале XVI в. попытку объединения страны предпринимает Бату Мункэ, известный в монгольской историографии как Даян-хан¹⁶. Его попытка оказалась успешной, благодаря чему междоусобицы временно прекратились. Практически все историки называют его правление восстановлением политического единства и самостоятельности монгольского государства, усилением его обороноспособности [12: 184; 19: 525]¹⁷. В годы правления Даян-хана ойраты принимали активное участие в объединительных действиях хана. После смерти Даян-хана государство вновь распалось на ряд самостоятельных владений. Сведения об уделах, которые получили в наследство одиннадцать сыновей Даян-хана, сообщает в своем исследовании В. Вайт [33: 388]. Формально звание великого (всемонгольского) хана сохранялось за старшими потомками Даян-хана. Его наследниками являлись Боди Алаг (1504—1547, хан с 1544 г.), Дарайсун (1520—1557, хан с 1548 г.), Тумэн Дзасакту-хан (1539—1593, хан с 1558 г.), Буянтайджи, известный как Сэцэн-хан (1555—1603, хан с 1594 г.) и Лигдэн-хан (1592—1634, хан с 1604 г.). Хотя все остальные правители номинально должны были подчиняться великому хану, в действительности все выглядело иначе. В оценках периода, следовавшего за смертью Даян-хана, исследователи единодушно указывают на то, что великий хан уже не обладал реальной политической властью. Фактически централизованной политической структуры управления не существовало: единое монгольское государство дробится на более или менее значительное число владений, стремящихся к политической самостоятельности, что ведет к длительным междоусобным войнам [12: 169, 172].

Оценивая данный период истории Монголии, В. Вайт говорит следующее: «Ослабевающий авторитет центральной власти и возрастающее дробление территорий и имущества благоприятствовало в дальнейшем возвышению региональных правителей, членов рода Борджигид» [33: 391]. К их числу принадлежал и глава тумэт-монголов, Алтан-хан. Его деятельность проходила на фоне правления нескольких великих ханов — Бату Мункэ, Боди Алага, Дарайсуна и Тумэна, и вопрос о характере взаимоотношений Алтан-хана с этими правителями изучен недостаточно, хотя является одним из ключевых при характеристике политики Алтан-хана.

Алтан-хан являлся вторым из семи сыновей Барсу Болода, второго сына Даян-хана, он родился в 1507 г. Если принимать датировку кончины Даян-хана, 1543 г., которой придерживаются на сегодняшний день большинство исследователей, то Даян-хан должен был являться свидетелем значительной части жизни Алтан-хана, однако источники не подтверждают данного предположения. Если исходить из того, что Даян-хан скончался в 1504 г., то Алтан-хан даже в младенческом возрасте не мог застать в живых своего прославленного предка. В отличие от остальных источников «История Алтан-хана» содержит подробные сведения о ранних годах жизни Алтан-хана. Согласно данному источнику, дата смерти Даян-хана — 1517 г. Известный автор хроники сообщает о том, что маленького Алтан-хана привезли к деду в 1510 г. [27: 52].

Отец Алтан-хана, Барсу Болод носил титул *джинона*¹⁸ и в его ведении с 1512 по 1531 гг. находились

три западных тумэна Восточной Монголии, после его смерти титул *джинона* вместе с *тумэном ордос* унаследовал его старший сын, Гун Билиг Мэргэн. Алтан получил во владение кочевья двенадцати *тумэтов*, расположенные к северу от границы Шанси и титул *тайджи*¹⁹ [23: 6].

Алтан-хан известен своими многочисленными военными кампаниями, которые он вел по трем основным направлениям — войны с Китаем, ойратами и урянхайцами. «История Алтан-хана» сообщает нам сведения о том, что его военная активность началась довольно рано. Так, походы против урянхайцев, в которых он участвовал вместе со своим старшим братом Мэргэн-джиноном, непрерывно продолжались с 1524-го, когда Алтану было всего 17 лет, до 1532 г. Затем они возобновились в 1533, 1537/38, 1541 и 1544 гг. В «Истории Алтан-хана» перечислены имена предводителей урянхайцев и названия местностей, где проходили сражения [32: 115; 5: 42—43, 51]. Причины этих столкновений, по-видимому, были связаны с восстанием урянхайцев, которое подавлял Даян-хан.

Монгольская исследовательница Н. Ариунгуа сообщает, что с 1536 по 1541 гг. Алтан-хан совершил восемь военных набегов на урянхан по приказу Боди Алага, чтобы подавить восстание Туруй-ноена и Гэрболод Чинсана [34: 64]. Согласно «Истории Алтан-хана», за победы над урянхами Боди Алаг даровал Алтан-хану титул Тушээту Сэцэн-хан²⁰, на это обстоятельство обратил внимание еще Ш. Нацагдордж [39: 10]. Боди Алаг (1504—1547), сын умершего Туру Болода, старшего сына Даян-хана, согласно большинству источников, унаследовал титул великого хана.

Другое направление завоевательных походов Алтан-хана — ойраты. Большинство исследователей, на основе сообщений Саган Сэцэна, относят начало военных действий Алтана против ойратов к 1552 г. и называют два основных похода: 1552 г., во главе с самим Алтаном, и 1562 г., когда по приказу Алтана, Хутуктай Сэцэн-хунтайджи разгромил ойратов и торговцев, кочевавших в районе Иртыша [20: 34—35; 11: 43; 39: 11]. В «Истории Алтан-хана» сообщаются более подробные сведения об этих походах. Н. Ариунгуа, на основе этого источника говорит о том, что на протяжении 10 лет, с 1532 по 1542 гг., Алтан принимал активное участие в борьбе против Бурхай-тайджи²¹ [34: 64]. Противоборство началось с того, что Бурхай-тайджи предложил в жены Мэргэн-джинону свою дочь, а затем сбежал. В. Вайт обращает внимание на то, что военные походы велись главным образом против одного из ойратских родов, *ойгузов*²² [32: 116; 5: 18, примеч. 2], а само повествование «Истории Алтан-хана» начинается с того, что центральный из трех западных тумэнов, *ордос*, не принял *джинона* Улус Болода²³, второго сына Даян-хана²⁴, назначенного им в 1509 г. Одним из убийц Улус Болода наряду с ордосским Мандулаем, являлся известный Ибарай-тайджи²⁵ из *ойгузов*²⁶. По мнению И. Я. Златкина, потерпев поражение от Даян-хана, Ибарай-тайджи бежал на запад, в район Кукунора [11: 63]. В «Алтан тобчи» Лубсан Данзана также изложена история о смерти Улус Болода от руки Ибарай-тайджи и о том, что последний сумел избежать смерти в бою, который вел против него Даян-хан [2: 287]. Автор «Истории Алтан-хана» рас-

смачивает походы Алтана на *урианхай* и его борьбу с *ойгудами* на Кукуноре как продолжение войн с воставшими при Даян-хане *урианхами*. Следует отметить, что в своих ранних походах Алтан-хан участвовал вместе со старшим братом, Мэргэн Джиноном, то есть вел военные действия не как самостоятельный правитель, преследующий исключительно свои собственные интересы, а действовал по приказу и от лица великого хана Боди Алага.

И. Я. Златкин отмечает, что конфликты между восточными монголами и ойратами во второй половине XVI—начале XVII в. были локальными, пограничными [11: 68]. В них участвовали чаще всего какое-либо одно восточномонгольское и одно ойратское владения. Такие столкновения, по мнению исследователя, имели место не только в той пограничной зоне, где кочевали ойраты и их восточномонгольские соседи, но и на территории всей Монголии. Естественно, что при таких локальных конфликтах решались лишь локальные задачи [там же]. Данное утверждение справедливо и по отношению к ранним походам Алтан-хана против ойратов.

После Боди Алага ханский престол перешел 29-летнему Гудэн Дарайсун-тайджи. В 1548 г. Алтан обратился к Дарайсуну с просьбой даровать ему титул малого хана: «Ты сделался великим хаганом. Соизволь пожаловать мне титул малого хана, защитника твоего правления». Хан согласился и дал Алтану титул *шитну-хана* ²⁷ [3: 148]. Приведенная цитата — из монгольской летописи «Шара туджи». Сообщение об этом есть как в монгольских, так и китайских источниках, например «Мэнгу-ю-муцзи»: «в настоящее время все владение умиротворено. Для охраны резиденции хана существовали титулы ханка и содо-хана: прошу пожаловать меня этим титулом и я стану охранять престол хана» [16: 331].

Монгольские источники практически ничего не сообщают нам о делах Дарайсуна, однако пространно пишут о войнах, которые вел в этот период Алтан-хан. По мнению Ш. Нацагдорджа, Дарайсун стремился объединить западные и восточные *тумэны* Восточной Монголии, однако, опасаясь усилившегося во времена его правления Алтана, был вынужден проводить политику мирного сосуществования, а с ростом влияния Алтан-хана, Дарайсун был стеснен настолько, что, взяв *тумэн* чахаров, который являлся наследственным личным владением Великого хана, перекочевал на восток, за Хянган и осел у границ с Ляодуном [39: 11]. Н. Ариунгуа также упоминает о перекочевке Дарайсуна, и даже называет дату: 1546—1547 гг. [34: 65]. К сожалению, ни Ш. Нацагдордж, ни Н. Ариунгуа не называют источника данных сведений.

О правлении следующего великого хана, Тумэн Дзасакту, мы находим в монгольских источниках более подробную, но все же недостаточную информацию. Так, в «Шара туджи» говорится: «Тумэн-тайджи повстречался с Карма-ламою, принял желтую веру и шесть *тумэнов* вместе собрав, великий закон установил. [Он] поручил правление из 3 восточных *тумэнов* Намудай хунтайджи, халхаскому Субугай Уйдзэну, из трех западных *тумэнов* ордосскому Хутуктай Сэцэн-хунтайджи, асутскому Ном Дара Холочи-Нояну, *тумэтскому* Намудай Цурухэ-хунтайджи. Прославившись как

Тумэн Дзасакту-хан, занимал престол 35 лет» [3: 74 и 149].

Сходные сведения сообщаются и в «Эрдэнийн тобчи» [7: 133, 67v20—67v30], но в отличие от «Шара туджи», Саган Сэцэн называет дату принятия Тумэн-ханом буддизма, а также имя тибетского ламы: «Тумэн хан [в возрасте] тридцати восьми лет в год мыши (1576) встретился с Гарма ламой [по имени] Илдуни Дзангидагч, вошел во врата учения...» [там же].

На основе данных сообщений исследователи решают два вопроса — во-первых, вопрос о связи принятия буддизма Тумэн Дзасакту-ханом и Алтан-ханом, во-вторых, эти сведения позволяют в общих чертах охарактеризовать политику Тумэн Дзасакту-хана.

Н. Ишдхамц полагает, что принятие буддизма Алтан-ханом являлось частью централизованной политики по распространению буддизма в Монголии, которую проводил Тумэн Дзасакту-хан [37: 21]. По мнению Т. Д. Скрынниковой, враждовавшие в Тибете школы устанавливали контакты с монгольскими князьями — политическими соперниками и то, что Алтан заключил союз с главой школы *гэлугпа*, когда всемонгольские ханы поощряли деятельность *кармапских* монахов в своих владениях, объясняется политическим соперничеством как монгольских феодалов, так и тибетских школ [18: 23—24]. Ни та, ни другая точка зрения не вытекает из сообщения источников. Строго говоря, на основе вышеприведенных сообщений сделать вывод о том, насколько были связаны между собой принятие буддизма Алтан-ханом в 1578 г. и Тумэн Дзасакту-ханом в 1576 г. невозможно. Из этого следует, что выводы исследователей по данному вопросу несколько преждевременны — на основе материалов, имеющихся в источниках, можно судить лишь о том, что и Тумэн Дзасакту-хан, и Алтан принимают буддизм в той или иной форме ²⁸.

Что касается характеристики деятельности Тумэн-хана, то исследователи (в том числе Н. Ишдхамц, Т. Д. Скрынникова, Ш. Нацагдордж, Н. Ариунгуа, И. Я. Златкин) приходят к выводу о том, что он проводил политику, направленную на объединение страны и создание централизованного правительства ²⁹. Ш. Нацагдордж выделяет три направления в политике Тумэн-хана: во-первых, политика объединенного управления западными и восточными *тумэнами*, путем установления дружеского союза между ними и учреждения центрального правительства. Во-вторых, политика расширения границ своих владений: Тумэн-хан подчинил себе *дзорчинов*, *илигууд дохиур* и другие племена, брал с них налог и непрерывно нападал на границы Китая. Однако, как верно указывает Ш. Нацагдордж, не вполне ясно, подчинились ли Дзасакту-хану *ойраты*. И, в-третьих, Тумэн предпринимал меры для того, чтобы в его государстве была единая религия [39: 11].

В целом, большинство отечественных и монгольских ученых придерживаются точки зрения, высказанной Ш. Нацагдорджем, который, говоря об указанном периоде, рассматривает деятельность Тумэна и активность Алтана отдельно. Такой подход представляется вполне обоснованным, так как в источниках не встречается каких-либо указаний на то, как складывались отношения между Алтаном и Великим ханом

Тумэном и насколько эффективны были результаты политики Тумэна, — оценить это практически невозможно из-за отсутствия сведений. Большинство ученых считают, что возрастающая роль главы тумэтов, Алтана помешала осуществлению этой политики централизации [18: 10—11; 12: 185]. Данной точки зрения придерживается Г. С. Горохова, И. Я. Златкин Т. Д. Скрынникова, Н. Ариунгуа, Ш. Нацагдорж и др.

Однако существует и иная точка зрения. Монгольский историк Н. Ишдхамц полагает, что политика Тумэн Дзасакту-хана была успешной, и более того, он рассматривает деятельность Алтан-хана как часть этой политики централизации [38]. При данном подходе результаты деятельности Тумэн Дзасакту-хана несколько преувеличены — к такому заключению можно прийти на основании хотя бы того, что в своих отношениях с Китаем Алтан-хан отнюдь не являлся проводником политики великого хана, а, наоборот, мешал ее осуществлению.

Вопрос о торговле издавна был одним из самых острых в монголо-китайских отношениях, поскольку китайский рынок являлся единственным, куда монголы могли сбывать продукты своего хозяйства и приобретать необходимые продукты земледелия и ремесла. Для Алтан-хана вопрос о торговле и, соответственно, об отношениях с Китаем, был еще более актуален в связи с тем, что его территории располагались вдоль китайской границы.

Наиболее раннее упоминание об Алтан-хане в официальных китайских источниках относится к 1531 г.: «Мин-ши» сообщает о его нападении на Датун [15: 150]. Алтан-хан характеризуется в китайских источниках как «храбрый, умный и любитель войны» [16: 328], «могущественный и энергичный» [15: 176]. На протяжении нескольких десятилетий Алтан-хан одновременно с кампаниями против *ойратов* ведет войны с Китаем, стремится установить независимые торговые отношения.

Он неоднократно отправлял в Китай посольства, предлагая явиться ко двору императора с «данью» и открыть пограничную торговлю. Сообщения о них мы встречаем в китайских источниках под 1541, 1542, 1546 гг., в период с 1547 по 1548 гг. со стороны Алтана было не менее трех подобных посольств [62: 155, 159, 162]. Однако все они встречают отказ со стороны китайского правительства — в 1541 г. объявлено о крупном денежном вознаграждении за голову Алтан-хана, в 1542 г. его послы были казнены [15: 155—156, 159, 162].

Алтан-хан продолжает вторжения на территорию Китая. В 1550 г. его войско доходит до окрестностей Пекина, были сожжены селения к северу и западу от китайской столицы. Военные успехи Алтана объяснялись не только высокой боеспособностью его армий, но и крайней слабостью военно-политических позиций империи Мин³⁰.

После успешного похода Алтан-хан вновь предлагает мир, который и был заключен в 1551 г., — открыты два рынка, в Датуне и Сюаньфу. Через некоторое время китайская сторона закрывает рынки. За этим последовала новая полоса вооруженных нападений [15: 164—168].

Важным шагом, предпринятым Алтан-ханом, являлось строительство оседлого поселения. В переводе

«Материалов о монгольских кочевьях» говорится, что первоначально он назывался *Байшэнь*³¹ [16: 232], что восходит к монгольскому *байшин* — здание. По мнению П. Хьера, сам Алтан-хан дал городу название Хухэ-хото³². При буквальном переводе с монгольского данное название значит «Голубой город», оно символически перекликается с идеей священного вечного неба, которое испокон веков почиталось монголами³³.

Город был основан в районе, который несколько веков играл ключевую роль в геополитическом противостоянии между кочевыми народами Центральной Азии и китайскими династиями. Во времена Алтан-хана, данный район являлся центром сосредоточения его военных сил, штабом и опорным пунктом при набегах на территорию Китая [26: 62]. Важным элементом в процессе его строительства являлись китайцы-перевозчики, находившиеся в ставке Алтан-хана. С точки зрения П. Хьера, источники ясно указывают на то, что китайцы-перевозчики принимали участие в походах Алтан-хана, обрабатывали землю и производили продукты питания для монгольских войск, занимались военной разведкой и под руководством монголов построили обнесенный стеной город [26: 63]. Эти сведения подтверждаются и сообщениями «Истории Алтан-хана», где упомянуты имена пятерых: *Лаба*, *Ибанг*, *Бичигчи*, *Сацасхалу* и *Тунбанг*³⁴. Имена троих из них идентифицировал издатель Джорунга³⁵.

По предположению П. Хьера, строительство основных сооружений города началось примерно в 1555 г. Первоначально он был не очень больших размеров: протяженность старой городской стены — не более километра [26: 63].

Необходимо отметить, что основанный Алтан-ханом город являлся первым крупным оседлым поселением, созданным монголами после крушения династии Юань. Его строительство свидетельствовало о серьезном изменении в экономике страны, ставка Алтан-хана довольно быстро превратилась в центр ремесла и торговли [12: 187]. И не только, в дальнейшем город станет центром культурного обмена с Китаем.

Военные вторжения Алтана на территории Китая заканчиваются только к 70-м годам XVI в., времени заключения второго мирного договора [12: 186]. Вполне закономерно возникает вопрос, почему после стольких лет борьбы китайское правительство все-таки идет на заключение мира. Одной из причин являлась та важная роль, которую сыграл в установлении мирных отношений с монголами дальновидный китайский чиновник Ван Чингу, в 1568 г. он «был назначен главноведущим делами на западной границе» [15: 182—183]. «Благодаря его инициативе начались переговоры с монголами, он взял на себя смелость убедить китайское правительство в том, что если император согласится наградить Ань-да (так в китайских источниках называют Алтан-хана. — Е. А.) и допустить, чтобы он приехал с данью, то во всех пограничных местностях будет... царить мир и спокойствие» [15: 184]. Среди прочих доводов Ван Чин-гу было и то, что если не установить дружеских отношений с Алтаном, который собирался покорить Тибет и ойратов, он может напасть на Цзиляо вместе с урянхайцами, а его сын Бинту и другие родственники представляют угрозу Лянцзину [34: 76]. «Вань-чунь-гу лично ездил на

границу, объявляя указы, обещал монгольским князьям награды за послушание» — об этом сообщают нам китайские источники [15: 189, 197]. Ван Чин-гу разрабатывал планы урегулирования конфликтов с монголами, его перу принадлежал и проект мирного договора с Алтаном, состоящий из 8 пунктов [34: 76—77].

Монгольская исследовательница Н. Ариунгуа выделяет еще одну причину. По ее мнению, начиная со второй половины XVI в. в политике, которую проводил Китай в отношении монголов, происходят изменения. По мнению Н. Ариунгуа, это было связано с началом процесса государственного объединения. И, стремясь противодействовать этому процессу, китайская сторона проводит политику, направленную на установление мира с южными монголами, а также использовать этот мир для разобщения Алтан-хана и Тумэн-хана. Н. Ариунгуа пересказывает письмо Алтана, отправленное правительству династии Мин. В этом письме Алтан говорит, что после того, как Мин заключит с ним мир, он готов бороться против Тумэна, который наносит огромный ущерб китайскому государству в районе Ляодуна. «Также, после того, как государство Мин даст мне титул „вана“, [оно] может полностью мной распоряжаться. В противном случае, если Китай не заключит мира, [мы станем] нападать вместе с Тумэном» [34: 73—74]. На основе данного письма исследовательница делает вывод о том, что Алтан не только прекрасно понимал политику разобщения, которую проводил Китай, но и довольно умело преследовал свои собственные интересы [там же].

Мир был заключен в 1571 г. Алтан-хан получил титул *шунь-и-вана* (что означает «покорный и правдивый князь»), также ему было пожаловано платье, расшитое четырехпалыми драконами [15: 194]. Более подробно это событие описано в китайских источниках, названа дни, которыми датируются соответствующие указы — 21 апреля и 13 мая [31: 19—22]. Награждение Алтан-хана титулом *шунь-и-ван* минским императором Лунцином (1566—1572) в более краткой форме упомянуто и в монгольских источниках, в том числе в «Истории Алтан-хана», где перечислены подарки и ранги для сопровождавших хана сановников. Как указывает В. Вайт, в данном источнике опущен ответ Алтана, который приводится в китайских источниках: «Слушайте все вы! Я провозглашаю Закон и Постановление: до тех пор пока цветы [не] вырастут и наши красные монгольские младенцы [не] достигнут взрослых [лет], до [тех пор] пока жеребцы однолетки и двухлетки не вырастут и не станут меринами, мы не будем нарушать границ народа Срединного [государства]»³⁶. Возможно, неумышленной, но в то же время изысканной мстостью за «покорного и правдивого князя» назвала этот ответ Алтан-хана В. Вайт [32: 118].

Условия этого мирного договора за небольшим исключением отвечали требованиям, которые предъявляла монгольская сторона [34: 78—80]. В результате заключения мира Алтан-хан становился единственным из монгольских правителей, кто получил от Китая официальное право на ведение пограничной торговли. Он соблюдал условия договора до своей смерти и не возобновлял набеги на китайские территории. Н. Ариунгуа сообщает на основе материалов китай-

ских источников о том, что сын Алтан-хана, Бинту, после заключения мира 1571 г. вместе со своим сыном совершал нападения на границы Китая, и Алтан приложил немалые усилия для того, чтобы уладить его конфликт с Китаем. Таким образом, китайская сторона получила желаемый результат и отчасти обеспечила безопасность своих северных границ, но не абсолютно.

Подписание мира с Алтаном, как и следовало ожидать, вызвало недовольство Тумэн Дзасакту-хана, который отправил правительству Мин протест, осуждая китайцев за то, что они «установили отношения с перепрыгнувшим через его голову подданным»; в этой же ноте-протесте Тумэн говорит, что Алтан должен подчиняться ему так же, как супруга подчиняется своему мужу [34: 87]. Н. Ариунгуа приводит высказывания одного из китайских сановников о том, что благодаря титулу *ван* и золотой печати, которые получил Алтан, он стал мужем, а Тумэн — его супругой [34: 88].

После этого Тумэн по предшествующему примеру Алтана проводит ряд военных набегов на восточную часть границы с Китаем, а затем требует установления мира и получает отказ. Он возобновляет набеги снова и снова, но безуспешно. Монгольские источники не позволяют судить о том, возникали ли конфликты непосредственно между Алтаном и Тумэном после подписания мира 1571 г. Но китайские источники сообщают о том, что Тумэн решал свои экономические проблемы не только военным путем. Он был тесно связан с родственниками Алтана и при помощи сына Алтана, Чинбаатара, неоднократно реализовывал свой скот на рынках в Сюаньфу, т. е. стал вести меновую торговлю неофициально. Такое положение даже давало ему некоторые преимущества: в отличие от Алтана, он не был связан никакими обязательствами перед Китаем, поэтому продолжал нарушать границы и вести разбойничьи набеги [34: 89].

Алтан-хан проводил разностороннюю, последовательную политику, целью которой являлось не только расширение подвластных территорий, но и укрепление своих позиций, в том числе экономических, среди других монгольских правителей, — многочисленные военные кампании, строительство оседлого поселения свидетельствуют о том, что Алтан-хан являлся во второй половине XVI в. единственным монгольским правителем, сосредоточившим в своих руках столь большую политическую и военную силу, что в 1571 г. мог позволить себе без ведома великого хана пойти на заключение мира с Китаем. Мирный договор, заключение которого Алтан добивался почти 40 лет, давал южным монголам существенные привилегии в торговых отношениях с Китаем, практически монополию в ведении пограничной торговли, что несомненно наложило отпечаток на расстановку сил в самой Монголии. Для централизации страны, предпринимаемой Тумэн Дзасакту-ханом, политика Алтан-хана, несомненно, служила серьезной помехой. Однако прямых указаний на то, что Алтан-хан боролся с Тумэн Дзасакту-ханом, в исторических источниках не встречается. Алтан-хан действительно проводил не зависимую от Тумэна политику, но сведения о том, как складывались его взаимоотношения со всемонгольским ханом отсутствуют, следовательно любые суж-

дения по данному вопросу могут носить лишь характер предположений.

Таким образом, отношения Алтан-хана с правителями, наследовавшими титул всемонгольского хана, невозможно оценить однозначно: иногда их интересы совпадали, иногда действия Алтан-хана не соответствовали или прямо противоречили интересам всемонгольского хана. Если в своих ранних военных походах Алтан-хан выражал волю Боди Алага, унаследовавшего титул великого хана, то уже в 40-е годы XVI в. хан Дарайсун предпочел переключаться со своими владениями на восток. С одной стороны, такой шаг не является прямым доказательством столкновений Дарайсуна с Алтан-ханом или территориальных притязаний последнего, с другой — он свидетельствует о том, что между двумя ханами существовали серьезные разногласия.

К 70-м годам XVI в. Алтан-хан являлся самым могущественным из монгольских правителей своего времени. Он обладал значительной военной и политической властью. Район его господства — южные территории Монголии — к концу XVI в. представлял собой наиболее развитую как в экономическом, так и культурном отношении часть Монгольского государства, в которой был город, развивалось земледелие. Кроме того, Алтан-хан проводил не зависимую от всемонгольского хана Тумэн Дзасакту внешнюю политику, он добился установления официальных торговых отношений с Китаем на выгодных для себя условиях и стал единственным монгольским правителем, получившим от китайских властей официальное право на ведение пограничной торговли. Такая независимая деятельность Алтана, а также отношение к нему китайской стороны, конечно, принижали роль и авторитет Тумэн Дзасакту-хана. Однако источники не предоставляют возможности судить о том, какие отношения складывались между двумя правителями, указания на возникновение между ними конфликтов в монгольских источниках отсутствуют.

Теперь представляется целесообразным вернуться к вопросу об оценке политики самого Алтан-хана. Правомерно ли называть ее объединительной? По-ви-

димому, нет. Прежде всего потому, что он не принимал каких бы то ни было действий для того, чтобы распространить свою власть на все население Монголии и проводить единую внутреннюю и внешнюю политику. Его владения никогда не распространялись дальше пустыни Гоби на севере и Великой Китайской стены на юге, несмотря на то, что военные кампании Алтана в подавляющем большинстве случаев были успешными. Войны, которые вел правитель *тумэтов* с *ойратами*, можно оценивать по-разному; довольно сложно сказать, ставил ли Алтан-хан целью присоединить владения и, что еще более существенно, население ойратских кочевий к своим собственным. Судя по результатам его военных кампаний, Алтан прежде всего стремился упрочить положения *тумэтов* в районе озера Куку-нор и добиться их доминирования на границах с Китаем. Хотя Алтан-хан соперничал с Тумэн Дзасакту-ханом, сведениями о том, что он претендовал на владения последнего, мы не располагаем — такого рода сообщения отсутствуют даже в наиболее подробном из известных нам источников о деятельности Алтан-хана, «Истории Алтан-хана».

Вполне возможно, что, добившись столь значительных успехов в военном, политическом и экономическом отношении, Алтан-хан вынашивал идею о возрождении единого монгольского государства — что касается намерений главы *тумэтов*, то, по-видимому, о них не всегда в состоянии судить даже современники крупного политического лидера. Даже если такое намерение и существовало, то фактов, свидетельствующих о том, что Алтан-хан предпринимал конкретные шаги к его реализации, не известно.

Подводя итог, следует отметить, что большинство проблем, с которыми сталкивается исследователь при изучении рассматриваемого периода истории Монголии, связаны с недостаточно подробным освещением событий XVI в. в тех монгольских и китайских источниках, которые на сегодняшний день доступны. Вследствие этого оценки того или иного события или процесса в большинстве случаев могут носить лишь характер предположений.

Примечания

1. См. статью Г. Сэрройса «Алтан-хан» в Словаре биографий династии Мин [23: 1].
2. Данный источник сохранился только в тибетском варианте, написанном скорописью.

Долгое время сведения об этих законах ограничивались лишь краткими сообщениями «Жизнеописания III Далай-ламы» и «Эрдэнийн товчи» Саган Сэцэна, причем последний приписывает их составление Хутугтай Сэцэн Хунтайджи, поэтому во многих исследованиях можно встретить упоминание о «Законах Хутугтай Сэцэн хунтайджи» [см., напр.: 1: 41; 30: 185]. В 1973 г. в музее г. Ливерпуля Р. О. Майсцалем была обнаружена и опубликована рукопись документа, известного ныне как «Закон Алтан-хана» [22: 277]. Данный памятник дошел до наших дней только в своем тибетском варианте, написанном скорописью. Подробная история его изучения изложена в работе Ш. Биры [22]. Монгольский ученый опубликовал текст источника, переписанный обычным тибетским письмом (шаб-йиг; тиб. *szab yig*), а также перевод его отдельных фрагментов на английский язык.

Для того, чтобы утверждать с уверенностью, что данный свод законов являлся теми законодательными актами, которые были провозглашены в ходе встречи 1578 г., составление которых Саган Сэцэн приписывает Хутугтай Сэ-

цэн Хунтайджи, требуется детальное сопоставительное исследование памятника с соответствующими фрагментами «Жизнеописания III Далай-ламы» и хроники Саган Сэцэна. Но тот факт, что свод законов Алтан-хана дошел до наших дней лишь в своем тибетском варианте, наталкивает нас на мысль о том, что немаловажное, если не решающее, значение в его составлении играли тибетцы, и заставляет предполагать, что его составление происходило во время или сразу же после встречи на Куку-норе.

Следует также отметить, что законы, составленные в кочевьях Алтан-хана, являлись не единственным памятником законотворчества монголов конца XVI в. Известны также сборники законов, составленные в Халхе, их изучению посвящены работы Х. Пэрлээ [40] и А. Д. Насилова [14].

3. Л. Лигети и Л. С. Пучковский высказали мнение о том, что «Алтан товчи» была написана не ранее 20-х годов XVII в. [8: 210]. Ч. Баудэн, опубликовавший сводный текст источника и его перевод на английский язык, который и использовался в данном исследовании, сообщает, что основной текст источника появился в период с 1604 по 1634 гг. [4: 13]. Н. П. Шастина также указывает на то, что отдельные списки анонимной «Алтан товчи» могут быть датированы 1604 и 1627 гг. [3: 4].

4. При написании данной статьи использовался текст источника, изданный И. Рахсвиллицем в 1990/91 г. [7], а также перевод на немецкий язык, выполненный И. Шмидтом [6].
5. Оригинал сочинения хранится в библиотеке Института истории и литературы Академии общественных наук Внутренней Монголии КНР в Хох-хото.
6. Монг. *Jorung-y-a*.
7. Монгольский историк Ш. Нацагдордж в «Истории Халхи» упоминал о существовании данного сочинения еще в 1963 г., он также сообщил некоторые сведения, содержащиеся в источнике [39: 10]. Первые критические замечания к тексту появились благодаря статьям В. Хайссига [см.: 24; 25]. Исторические сведения о военных походах Алтан-хана проанализировала В. Вайт [32].
8. Он хранится в Библиотеке Института истории и литературы Академии наук Внутренней Монголии, его факсимиле также входит в издание Джорунги.
9. По мнению исследовательницы, издание монгольского текста, выполненное Джорунгой, ненадежно: оно содержит неверные чтения и в некоторых местах пропущены целые строки [27: XIV].
10. Помимо источников, использованных в нашей работе, она исследует сведения других монгольских летописей XVII в. — «Алтан тобчи» Лубсан Данзана и «Асарагчи нэрэту туух».
11. «Ши лу», или «Правдивые записи», как отмечает Б. Г. Доронин, являются одним из наиболее стабильных компонентов государственного историописания и считаются первоосновой всей историографии средневекового Китая [9: 42]. Это официальные сочинения, посвященные делам правления одного императора. Текст «Правдивых записей» представляет собой подборку расположенных в хронологическом порядке фактов и официальных материалов, никаких авторских ремарок в нем не допускалось. В отличие от большей части других источников по истории династии Мин, подвергшихся при маньчжурах весьма радикальной ревизии, «Правдивые записи», видимо, избежали подобной участи и по этой причине представляют собой наиболее полный свод данных о Китае XIV—XVII вв., которыми располагает наука [там же: 49].
- Работа по составлению «Мин ши», или «Истории династии Мин», продолжалась почти сто лет: о ее начале было объявлено в 1645 г. — через год после вступления маньчжуров в Пекин, а окончательный вариант сочинения был издан в 1739 г. Для составления «Мин ши» был создан специальный комитет («Мин ши» гуань). Его деятельность контролировалась лично императором [9: 67, 77].
12. История полемики, связанной с вопросом о происхождении и значении самого термина «ойраты», подробно рассмотрена И. Я. Златкиным [11: 18—20]. На сегодняшний день данный вопрос не решен.
13. В. Успенский на основе китайских источников называет джунгарами один из родов или отделов, на которые подразделялись ойраты в начале правления династии Мин. Однако И. Я. Златкин указывает на то, что наименование «джунгар» никогда не являлось этнонимом и во все времена означало «левую руку» [11: 21]. Такого же мнения придерживается Ш. Б. Чимиддорджиев [21: 50].
14. Первоначально *тумэнами* (или *тэмами*) называли военно-административные единицы, на которые подразделялись восточное и западное крыло монгольского войска, в состав тумэна входило 10 000 воинов, но даже в эпоху Чингис-хана численный состав тумэна колебался. В XIV—XVII вв. термин «тумэн» стал употребляться в качестве наименования крупных владений — *улусов*, на которые тогда делились восточные и западные монголы, безотносительно к количеству выставляемого войска [12: 175—176].
15. Причисление монгольского племени к тому или иному тумэну, как указывает Г. Сэрройс, не следует воспринимать буквально. Ко временам династии Мин представителя любого клана или племени можно было обнаружить в любой части Монголии [30: 183, примеч. 6].
16. Следует обратить внимание на то, что точные даты жизни Даян-хана не установлены. Различные датировки рождения и кончины Даян-хана, встречающиеся в монгольских источниках, приводит в сравнительной таблице к своей работе Г. С. Горохова [13: 111]. Расхождения в датировке рождения и начала правления Даян-хана не имеют прямого отношения к вопросам, рассматриваемым в данной работе. Что касается времени его кончины, то в источниках встречаются три даты: 1504 г., 1517 г., 1543 г. Первая из них, 1504 г., упомянута в сочинении Гомбоджава «Ганга-йин урусал», а также в «Болор толи» Рашипунцога (XIX в.), ее придерживается Н. Ариунгуа [34: 54]. Вторая датировка, 1517 г., по-видимому, восходит к «Истории Алтан-хана» [5: строки 139—142], в более поздний период ее повторяет Галдан в своем сочинении «Эрдэнийн эрихэ» [см. 13: 111]. Последней датировки, 1543 г., придерживаются большинство исследователей. Кроме того, исследователи датируют смерть Даян-хана 1524, 1532 гг. [19: 525].
17. Подробный материал по данному периоду монгольской истории представлен в работе Гороховой [13], автор которой отобрала и систематизировала сведения о правлении Даян-хана, его родословной, а также его наследниках, имеющиеся в монгольских летописях.
18. *Джисон* (монг. *jinong*) — второй по значимости титул после «хагана», так называли наследников хагана [35: 7].
19. Монг. *tayiji*.
20. Монг. *Tüsiy-e tü sečen qayun čola soyorqabai* [5: 50, строка 4].
21. Монг. *Burqai Tayisi*.
22. Монг. *oyiud*.
23. Монг. *Ulus Bolud*. Н. Ариунгуа называет его имя Улус Байху [34: 63].
24. По сообщению «Истории Алтан-хана», в 1510 г. маленький Алтан, которого скрывали от Ибэр-тайджи, встретился со своим дедом, Даян-ханом [5: 126—130].
25. Монг. *Ibarai Tayisi*.
26. Саган Сэцэн относит его к *юншиэбу* [6: 116].
27. Н. П. Шастина переводит данный титул как «малый хан», указывая на то, что выражение это не поддается точному переводу, возможно его можно осмыслить на основе китайского «ши-цзун» (т. е. второй по счету государь какой-либо династии). Кроме того, она отмечает, что в различных списках «Эрдэнийн товч» Саган Сэцэна можно встретить вместо «шитну-хан» «ситу-хан», что, по мнению исследовательницы, можно перевести как «хан, обладающий счастьем-величием» [3: 189]. Монгольский историк Ш. Нацагдордж, одним из первых использовавший в своих исследованиях материалы «Истории Алтан-хана», называет титул, дарованный Дарайсуном Алтану, согласно данному источнику, «*шидао хан*» [39: 10].
28. В данной публикации мы не будем подробно останавливаться на вопросе о религиозном окружении Алтан-хана, предпосылках и причинах, которые побудили хана пригласить иерарха школы *гэлуэна*.
29. См., напр.: [26: 26—27].
30. Вопрос о функционировании оборонительной системы империи Мин был подробно рассмотрен в статье Н. П. Свистуновой [17].
31. После того, как Алтан-хан заключил договор с династией Мин, служивший ему резиденцией город был назван Гуй-хуа-чэн. Данное название, согласно переводу П. Хьера, означало «Город, относящийся к китайской культуре» [26: 64]. Другой перевод этого названия предлагает А. Цендина: «Возвращенный цветок» [1: 114, примеч. 90]. Ш. Нацагдордж, по-видимому, ошибочно, полагает, что название Гуй-хуа-чэн было дано не поселению Байшин, а еще одному городу, основанному Алтан-ханом [39: 10—11].
32. Монг. *Köke qota*, в современном написании Хөх-хот (в настоящее время — столица Автономного Района Внутренняя Монголия КНР).
33. Монг. *Möngke ingri* или в современном написании *Mөnx тэнгэр*. Традиционно монголы называли себя *Хөх Монгол* (*Köke Mongγol*; буквально Голубые монголы), а свое государство *Хөх Монгол улс*, восходящее, по мнению С. Дулама, к *Mөnx тэнгэрийн хүчин ивээл дор агч Хөх Монгол улс*, то есть «находящаяся под покровительством Вечного Неба Монголия». Подробнее см.: [36: II: 28—31].
34. Монг. *Laba, Ibang, Bičigeči, Sačasqalu, Tunbang*.
35. По мнению Джорунги, Лаба являлся неким *Цю фу* из Датун. Как искусный ремесленник, он построил для Алтана три больших дома, он также заботился о посадках зерновых. Ибанг являлся неким *Чжао Цюанем*, также из Датун. Вместе с *Цю фу* он жил в богатой части города и участвовал в военных походах Алтан-хана в Китай. *Бичигчи* являлся не-

кий Ли Цзы-синий. Из-за того, что он умел читать и писать, ему дали монгольское имя «писарь» или просто «пишущий». Бичигчи также жил в богатой части города. Следующий китайский беглец, который упомянут далее в источнике, Ли Нохэчи (монг. *Li Nōkeci*). Его имя было идентифицировано В. Вайт как Лю сы, он являлся дезертиром из армии генерала Ли Ин-лу из Ляоина. Ли, как указывает Джорунга,

обсчитывал солдат в вознаграждении и продовольствии, был довольно жесток с подчиненными, поэтому Лю сы с двумя товарищами убили генерала, бежали и скрывались у Алтан-хана [цит. по 32: 117]. Он также принимал участие в военных кампаниях монголов против Китая [там же; 5: 58—59].

36. Этот фрагмент приведен издателем «Истории Алтан-хана» в примечании [5: 75—76, примеч. 3].

Источники и литература

Источники

1. История Эрдэни-дзу / Пер. с монг., введ., коммент. и прилож. А. Д. Цендиной. М., 1999.
2. Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание») / Пер. с монг., введ., коммент. и прилож. Н. П. Шастиной. М., 1973.
3. «Шара туджи». Монгольская летопись XVII в. / Пер. с монг., введ., коммент. и прилож. Н. П. Шастиной. М., 1957.
4. Bawden Ch. The Mongol Chronicle Altan tobci. Wiesbaden, 1955.
5. Erdeni tunumal neretü sudur orošiba (Сутра под названием «Драгоценный осадок»). Пекин, 1984.
6. Geschichte der Ost Mongolen und ihres Fürstentums. Verfasst von Ssanang Ssetsen Chuan Taidshi der Ordos. Aus dem Mongolischen übersetzt und mit dem Original Texte, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andere unedierte Originalwerken herausgegeben von I. J. Schmidt. St.-Pbg., 1826.
7. Sagang Secen. Erdeni-yin tobci: a Mongolian chronicle of 1662. Vol. 1, 2. Canberra, 1990/91.

Литература

8. Бира Ш. Монгольская историография (XIII—XVII вв.). М., 1978.
9. Доронин Б. Г. Китай XVII—XVIII веков: Проблемы историографии и источниковедения. Л., 1988.
10. Жамцарано Ц. Ж. Монгольские летописи XVII века // Труды Института востоковедения АН СССР. Л., 1936.
11. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635—1758). 2-е изд. М., 1983.
12. История Монгольской Народной Республики. 3-е изд. М., 1983.
13. Монгольские источники о Даян-хане. Введ., вступ. ст. и коммент. Г. С. Гороховой. М., 1986.
14. Насилов А. Д. «18 степных законов» — памятник монгольского феодального права: Автореферат на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Л., 1987.
15. Покотилов Д. З. История восточных монголов в период династии Мин. 1368—1634: (По китайским источникам). СПб., 1893.
16. Попов П. И. Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. СПб., 1895.
17. Свистунова Н. П. Организация пограничной службы на севере Китая в эпоху Мин // Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970.
18. Скрынникова Т. Д. Ламаистская церковь и государство: Внешняя Монголия, XVI—начало XX века. Новосибирск, 1988.
19. Успенский В. Л. Государство Даян-хана в Монголии // История Востока. Т. 2: Восток в средние века. М., 1999.
20. Чернышев А. И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М., 1990.
21. Чимиддоржиев Ш. Б. Взаимоотношения восточных монголов и ойрат-монголов (XIII—XIV вв.) // Mongolica. An International Annual of Mongol Studies. Vol. 2 (23). 1991. С. 50—59.
22. Bira Sh. A Sixteenth-century Mongol Code // Бира Ш. Монголын түүх, соёл, түүх бичлэгийн судалгаа. Токно, 1994. С. 277—309.
23. Dictionary of Ming Biography. 1368—1644. Vol. I, II. N. Y.: London, 1976.
24. Heissig W. Ein Quellenbezug der Altan Khan Biographie // Studia Historica Mongolica. V. I. 1985. S. 185—192.
25. Heissig W. Zur «Biographie des Altan Khan» der Tümet (1507—1583) // Ural-Altaische Jahrbücher, Neue Folge 4. 1984. S. 187—221.
26. Hyer P. A Historical Sketch of Köke-Khota City of Inner Mongolia // Central Asiatic Journal. Vol. 26. 1982. P. 56—77.
27. Kollmar-Paulenz, Karénina. Erdeni tunumal neretü sudur. Die Biographie des Altan qaghan der Tümed-Mongolen. Ein Beitrag zur Geschichte der religionspolitischen Beziehungen zwischen der Mongolei und Tibet im ausgehenden 16. Jahrhundert (Asiatische Forschungen, Bd. 142). Wiesbaden, 2001.
28. Kollmar-Paulenz, Karénina. Prolegomena zu einer Neubewertung der religionspolitischen Beziehungen zwischen dem Altan qayan der Tümed-Mongolen und der tibetisch-buddistischen dGe lugs pa-Schule im ausgehenden 16. Jahrhundert // Ural-Altaische Jahrbücher, Neue Folge. Bd. 16. 1999, 2000.
29. Rossabi M. Mongolia: From Chinggis Khan to Independence // Berger P., Bartholomew T. T. Mongolia. The Legacy of Chinggis Khan. London, 1995.
30. Serruys H. Early Lamaism in Mongolia. Orient Extremus. N 10. Heft 2. Wiesbaden, 1963.
31. Serruys H. Four Documents relating to the Sino-Mongol Peace of 1570—1571. Monumenta Serica. Vol. XIX, 1960.
32. Veit V. Einige Bemerkungen zur Bedeutung der Biographie des Altan Qan für die Geschichte der Mongolen des 16. Jahrhunderts // Zentralasiatische Studien 24 (1994). S. 113—118.
33. Veit V. Die Mongolischen Völkerschaften vom 15. Jahrhundert bis 1691 // Die Mongolen. Beiträge zu ihrer Geschichte und Kultur. Herausgegeben von Michael Weiers unter Mitwirkung von Veronika Veit und Walter Heissig. Darmstadt, 1986.
34. Ариунзүа Н. XIV—XVI зууны Монгол-Хятадын харилцаа. УБ., 1996.
35. Гэрэлбадрах, Дуутан Ж. XV—XVII зууны Монголын ноёд язгууртны зэрэг дэвийн асуудалд (К вопросу о титулах монгольской знати XV—XVII веков). Улаанбаатар хот, 1999.
36. Дулам С. Монгол Бэлгэдэл Зүй. УБ., 1999, 2000.
37. Ишдэжамц Н. Их сэтгэгч Данзанрабжайн нэр алдар, мэндэлсэн жил, нэрэмжит хийд, туурвил бүтээлийн тодруулга // Монгол судлалын өгүүлүүд. Улан-Баатаар, 1998.
38. Ишдэжамц Н. Түмэн засагт хааны төр шашны боллого (Политика Түмэн Дзасакту хана (в отношении) государства и религии) // Mongolica. УБ., 1995. С. 24—30.
39. Нацагдордж Ш. Халхын түүх (История Халхи). Улан-Батор, 1963.
40. Пэрлээ Х. Халхын шинэ олдсон цааз эрхэмжийн дурсгалт бичиг // Монгол ба төв Азийн орнуудын соёлын түүхэнд холбогдох хоёр ховор сурвалж бичиг. Monumenta Historica, VI, 1. Улаан-Баатар, 1974.

С. В. Дмитриев

Атызы Йоллыг-тегин. Этюд из области тюрко-монгольской традиционной политической культуры

Политическая история любой эпохи буквально перестит загадками, которые с трудом поддаются осмыслению последующими поколениями. Не является в этом отношении исключением и история Центральной Азии времен эпохи древнетюркских каганатов, а также последующих, уже древнемонгольских времен. В этой статье мы рассмотрим один из таких загадочных сюжетов, в котором проявляется ряд элементов, требующих комплексного исследования со стороны разных наук, таких как лингвистика, история и этнография.

Рассматриваемый сюжет хронологически относится прежде всего ко времени так называемого Второго тюркского каганата, сведения о котором сохранились как в китайских исторических трудах, так и в собственно тюркских рунических текстах, в первую очередь в поминальных памятниках деятелей той эпохи — Кюль-тегина, Могилян и Тоньюкука.

Исторический фон нашего сюжета следующий. Кюль-тегин и Могилян (Бильге-каган) были сыновьями Кутлука (Гудулу-хана), который в 682 г. вывел тюрков из-под власти Китая. После смерти Кутлука, ввиду малолетства его детей, каганом стал его брат Мочжо (Капаган-каган), поставивший своего сына малым каганом-соправителем. После кончины Мочжо возмужавший Кюль-тегин, «великий воин», совершил переворот и возвел на престол своего брата Могиляна (Бильге-кагана).

После смерти Кюль-тегина и Бильге-кагана остались поминальные сооружения, выполненные китайскими мастерами, с надписями, которые фигурируют в науке под названием Малая и большая надписи Кюль-тегина (соответственно КТм и КТб). История открытия, публикации и изучения текстов этих памятников достаточно известна [2; 14; 18; 27; 28; 34; 40; 46 и др.], поэтому мы не будем на ней останавливаться. Здесь же основное наше внимание будет направлено на сюжет с появлением в надписях «имени» так называемого *Йоллыг-тегина*, чему посвящена довольно обширная литература, и таким образом, данная

тема для тюркологии является достаточно традиционной.

Имя это присутствует в конце Малой надписи Кюль-тегина, а также в дополнительных текстах, так называемых приписках, расположенных в углах рассматриваемых памятников: *Bultig bitigmä / atysu Jol(l)ygt(igin)* [КТм, 13].

«Эту надпись писавший есть...» Далее у разных исследователей, переведивших текст, представлены свои варианты. При этом безусловным считается, что *Jol(l)ygt* есть имя писавшего, относящегося к правящему каганскому роду — *Йоллыг-тегина*. Этимология же этого слова не была темой специального исследования.

Основная полемика в тюркологии по этому сюжету развернулась вокруг слова *atysu*. Как указал Н. Козьмин, так назвал себя сам Йоллыг-тегин. Большинство авторов [5; 6; 14; 17; 18; 25; 34; 40; 42] согласны с тем, что это слово указывает на какую-то степень родства, которую он декларирует по отношению к Кюль-тегину и Бильге-кагану. Уже В. В. Радлов попытался путем сопоставления уточнить, что это за степень, и пришел к выводу, что автор надписей их был племянник, сын сестры. П. М. Мелиоранский при первом переводе сначала ограничился неопределенным выражением «родственник» [27: 265, примеч. 1], а во втором остановился на версии «сын сестры» Кюль-тегина [28]. В. Томсен согласился с В. В. Радловым, что мы имеем дело с каким-то «агнатом» ханской семьи, вероятно племянником, или кузеном, или каким-либо сводным братом, или даже побочным братом. Но так как лицо, редактировавшее текст надписи, по его мнению, должно было быть человеком более пожилого возраста, чем сыновья младшего брата или сестры, то В. Томсен предлагал переводить *атызы* (*атызы*) как «двоюродный брат, кузен», оговариваясь, что это все-таки гипотеза. Однако позже В. Томсен склонился к версии В. В. Радлова и перевел это слово как «племянник», оставив, правда, в скобках знак вопроса [42: 17: 264].

Анализу личности *атызы Йоллыг-тегина* посвятил специальную статью Н. Козьмин [17]. В ней он, в частности, поддержал первоначальные сомнения В. Томсена в том, что в указанных местах речь шла о племяннике или племянниках. Исходя из того, что в силу малолетства наследников Кутлука за них должны были править опекуны, регенты, он считал ненормальным, когда престол захватывал дядя, младший брат отца. По предположению Н. Козьмина, рядом с молодыми царевичами должны были находиться *аталыки*, или *атабеки*, т. е. опекуны, воспитатели, которые имели значительный авторитет и влияние на своих воспитанников. «Таким воспитателем, титулованным дядькой, политическим руководителем орхонских принцев должен был быть и Йоллыг-тегин, именно поэтому он был автором надписей, которые должны были являться изложением политического „кredo“ как его самого, так и руководимых им принцев...» По мнению Н. Козьмина, «Йоллыг-тегин является представителем той феодальной аристократии, которая тесно сливала свои интересы с интересами определенного княжеского дома, строила его благополучие и одновременно свое... После смерти Ельтерея он должен был вместе с его вдовой заняться и воспитанием принцев, и спасением оставшегося наследства, и сохранением самой жизни принцев от их решительного и воинственного дяди, захватившего престол» [17: 260—274].

А. Н. Бернштам, полемизируя, в частности, с гипотезой Н. Козьмина относительно того, что *Йоллыг-тегин* был *аталыком*, опекуном Кюль-тегина и Могиляна, утверждал, что термин «атасы все же обозначает определенное родство Йоллыг-тегина по отношению к умершему хану». Этимологически он разбивает этот термин на слово *ату* — «племянник» плюс суффикс притяжательного местоимения второго лица *-су-*, что все вместе значит «племянник его». «Термин „ату“... значит не только „племянник“, но может обозначать все „младшее потомство“, „родство“». По мнению А. Н. Бернштама, авторство одной из приписок принадлежит Ижаню, сыну Бельге-кагана. «Называя себя *atusu*, он указывает этим самым на свое ближайшее родство с ханом и Кюль-тегином...» [5: 215—216; см. также: 6: 34—35].

С. Е. Малов сначала перевел *atusu* как «внук» [25: 36], а позднее более общим понятием «родственник». К последней версии, как видно, склоняется в своей монографии «Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии» С. Г. Кляшторный [14: 64]. И. В. Стеблева предпочитает версию «племянник» [40: 14].

Как мы видим, в тюркологии утвердилось мнение, что при анализе данного термина надо исходить только из одного значения корня *ат*, а именно — значения о разной степени родства, что, видимо, в силу неясности действительного смысла всей анализируемой строки рунического текста вполне может не соответствовать действительности.

Нам представляется, что для уяснения текста необходимо подходить к его анализу комплексно, привлекая как материалы того же примерно времени, так и, за недостатком этого синхронного материала, более поздние. Для того, чтобы понять значение термина, в

данном случае надо отказаться от монополии одного направления исследования, поскольку эта линия оказалась достаточно «размыта», и попытаться несколько изменить семантический поиск.

Для уяснения ситуации в целом, сосредоточим свое внимание на имени персонажа. Как мне кажется, только А. Н. Бернштам подробно останавливается на анализе этого слова, тогда как большинство других исследователей ограничивалось констатацией того, что это имя некоего персонажа. По мнению А. Н. Бернштама, «имя» Йоллыг-тегин «является не именем, а скорее прозвищем, титулом. В самом деле, — пишет он далее, — первая часть „Йоллыг“ (*Jollyu*) буквально значит „дорожный“, „обладающий какой-то дорогой“, ибо здесь *Jol* — дорога и суффикс *lyr* (вероятно *lyu*. — С. Д.). Прозвище это, подобно турецкому слову *joldaş*, означает, вероятно, „попутчик“, „последователь“, „наследник“, где термин *Jol* означает „дорогу наследования“, а суффикс *lyu* — „владение, принадлежность к этой дороге“» [5: 216; 6: 34—35].

С такой трактовкой трудно согласиться, и прежде всего потому, что А. Н. Бернштам выбирает из ряда значений, связанных с рассматриваемым корнем, и акцентирует свое внимание на не совсем приемлемом, с нашей точки зрения, значении, а именно «дорога», забывая о том, что здесь возможна и другая трактовка, например, со счастьем. С. Г. Кляшторный, ссылаясь на «Древнетюркский словарь» дает вариант «удачливый» и предлагает одновременно версию для прочтения *Jollyu tegin* — «счастливый принц», «князь, обладающий счастьем» [15: 134, примеч. 72].

Для того, чтобы выяснить действительное, по нашему мнению, значение этого слова, необходимо обратиться к лексическому материалу. Термин *joliu* и его фонетический вариант *dzolik* неоднократно фиксируется в XX—начале XX в. Так, в уйгурском это слово фиксируется со значением «жертва» [35. Т. III, ч. 1: 433]; в монгольском языке фиксируется значение «выкуп, залог, вызволение, избавление» [16: 574, 614]. В контексте коммуникации между «тем» и «этим» мирами и в связи с той проблемой, в русле которой мы рассматриваем семантику этого корня, тема находит свое продолжение: *jolia* (монг.) «за тело свое, за самого себя» [16: 614]; *jolyka* (тюрк.) / *julyu bol* «жертвовать собой, приносить себя в жертву» [35. Т. III, ч. 1: 434; 13: 278]; *jolykmyr* (уйг.) «посылать кого-нибудь куда-нибудь, заставлять отправляться» [35. Т. III, ч. 1: 435]; *zoliy* (монг.) «выкуп, замена, откуп от наказания, штраф»; ~ *yaryaxi* (монг.) «откупаться, давать выкуп, выставлять замену»; ~ *tyr yaryysan kymyn* «ушедший из общины, отщепенец, изгой» [45: 497] и т. д.

В связи с выявляемым значением далее обратимся к этнографии. В материалах Г. Н. Потанина о монголах Ордоса находим следующий отрывок: «Когда заболевает нойон и лекарства не помогают, он дает кому-нибудь человеку несколько сот (до 500) лан серебра, хорошую лошадь, самое лучшее одяние, для пропитания самой отборной, вкусной пищи, рису, сахару, печений и высылает вон из хошуна; этот человек должен уехать как можно дальше и оставаться так, не возвращаясь, пока нойон не умрет. При изгнании его из хошуна ему намазывают лицо сажей... Этот изгнанник называется хунер *dzolik*. Бедные люди де-

лают куклу из глины, похожую на больного, надписывают на ней его имя, одевают ее в сходное платье и выбрасывают в степь. Это тоже хунер дзолик. Читкур (злой дух) обманывается, думая, что больной уже умер и выброшен, и оставляет больного. Если заболел Еджен-хан (китайский император) и для его выздоровления будет выслан такой же дзолик или гаргасын хун, и если он по истечении положенного срока вернется в страну, ему все позволено; он живет на полной свободе (дурар); ест, что хочет; берет спокойно чужое; если убьет кого, с него не взыскивается» [31: 134].

Этот обряд обманывания смерти чрезвычайно распространен в Центральной Азии [см., напр.: 38: 172—173] и описан неоднократно. У западных бурят он известен под названием *долё* [43. Т. I: 182, 453, 512; Т. II: 131, 2—3, 206—207]. По материалам М. Н. Хангалова, исполнялся он, когда человек сильно заболел. Если шаман, к которому обратились, скажет, что нужно совершить этот обряд, это означало, что вместо больного необходимо отдать какое-либо животное или другого человека. Если черный заяц примет замену, человек выздоровеет. *Долё* делали следующим образом: приглашали шамана, который делал выбор замены. Если в качестве замены выступало животное, то его приводили в дом, где лежал больной; перед тем как животное заколоть, его три раза подводили к больному, тот на него три раза плевал. Затем животное кололи, варили и сваренное бросали на улицу, а *хурай* (или, что одно и то же, *жулде*) — голову животного с дыхательным горлом и легкими, оставляли до выздоровления больного [43. Т. I: 512].

Отдать в *долё*, в том числе человека, можно было и без шамана. Если какой-нибудь человек был присужден заянами умереть и заболел, или даже до болезни, он мог отдать за себя другого человека, который за него и должен был умереть. Обычно в таких случаях говорили *долёхо*, т. е. отдать за себя другого человека или заместиться. В *долё* можно было отдать чужих людей или своих родных и даже своих детей. Но дающий человек все-таки должен был скоро умереть, потому что он откупился или заменился только на время. Замещаться он мог неоднократно, но лишь в редких случаях доживал до старости [43. Т. II: 207].

У бурят в качестве *долё* или *zolig* могла выступать кукла, сделанная из соломы или сена. На бумаге рисовали человеческое лицо и этот рисунок привязывали к голове куклы, на которую надевали одежду больного. Куклу помещали около человека, а затем сажали на коня или быка, полностью оседланных, и отвозили в степь, где одежду снимали, а куклу сжигали. Одежду, коня и седло шаман брал себе, плюс ему давали живую овцу [44: 66].

По материалам А. М. Позднеева, монголы в случае особенно тяжелой болезни совершали над больным, помимо других магических манипуляций, обряд, называемый *дзолик гаргаху*, сущностью которого являлась замена его какой-либо другой личностью и выкуп его души у владыки смерти. Отсюда при совершении этого обряда был необходим другой человек, который должен был принять на себя или на которого должны были перенестись все грехи и болезни страждущего. Так как найти для этой цели человека было

трудно, то обычно делали фигурку из муки «в форме человека различной величины (от одной пяди до трех четвертей аршина)» и клали его рядом с больным, переносили на него все болезни страждущего и затем эту куклу или выбрасывали в степь, или спускали вниз по течению реки, или, наконец, сжигали. Богатым и владетельным князьям ламы обычно предлагали выставить в качестве *дзолика* одного из их данников. При совершении обряда на живого *дзолика* переносились все княжеские беды, а по окончании обряда его изгоняли из хошуна и отправляли в число шабинаров того хутухты, из монастыря которого были приглашены ламы для совершения обряда. Шабинары, образованные таким образом, носили название *дзолик гаргахсан улус* или *барицанай улус*, т. е. «народ взятки». Во время болезни одного такого влиятельного человека со всех хошунов его аймака было собрано не менее десяти человек с каждого хошуна. Согласно правилам о *дзолике*, этим людям было приказано одеться в одежды больного, над всеми ими было совершено молебствование, затем их выгнали в лесистые и болотистые места с тем, чтобы они никогда уже не показывались в старых кочевьях. Только после смерти больного эти изгнанники получили право входить в Ургу, а до того времени они занимались охотой и звероловством. Пока их больной патрон был жив, они были избавлены от всех податей, но после его смерти стали давать дань, которую сразу отдавали богдо-хану. Эту дань считалось неблагоприятным расходовать на пищу или для нужд хутухты, и она шла на содержание шабинаров, находящихся в темницах, на подарки китайским властям или же сбывалась на сторону [33: 454—456].

Языческий обряд *дзолик гаргаху* у монголов проводился одновременно с ламаистским обрядом *мэнэйн изасал*, который совершался над каждым человеком периодически через каждые девять лет, т. е. на 9-м, 18-м, 27-м, 36-м и т. д. годах жизни. Цель обряда состояла в том, чтобы в течение последующих девяти лет жизнь человека не осложнялась никакими несчастьями. Для совершения обряда надо было взять землю девяти гор, песок со дна большой реки и землю с могилы, приготовить девять дощечек с изображением девяти эрликов, девять черных и девять белых камней. Лама делал из теста небольшие изображения человека и одевал в одежды, которые должен был по своему общественному положению носить тот, за счастье которого совершался обряд. Фигурка эта называлась опять-таки *дзолик* и должна была заменить данного человека. Подготавливая обряд, у левой стороны юрты стелили две овчины — белую и черную. На черную сажали человека, над которым совершали обряд, а впереди его ставили *дзолика*. От этой черной овчины по направлению к правой стене, в сторону сидящего ламы, расстилали белую кошму и поперек ее делали девять дорожек из собранной земли. У каждой дорожки ставили по одной дощечке с изображением эрлика. Обряд начинался чтением молитвы, основное содержание которой составляло изложение девяти главных причин смерти человека, с просьбой избавить человека, над которым совершался обряд, от каждой из этих причин. Окончив чтение каждого из отделов, лама бросал черный камешек в *дзолика*, прося, чтобы черная стрела смерти упала именно на него; потом бе-

лым камешком бросал в человека, произнося магическое изречение, которому приписывалась чудотворная сила сообщать человеку «белый луч жизни». По прочтении каждого такого заклинания, человек вставал с черной овчины, и перешагнув через одну из дорожек, произносил: «Я перешагнул через один перевал, ушел от одной смерти», — и так девять раз, пока не были пройдены все дорожки. Пройдя их, человек, над которым совершался обряд, поворачивался в правую сторону и, возвратившись к месту, откуда начались его действия, садился на белую овчину. Затем лама брал *дзолик* и, произнося заклинание, трижды оборачивал его против солнца над головой человека, над которым совершался обряд. Тот трижды плевал на фигурку. Затем *дзолик* выбрасывался в степь [33: 343, 426, 430—431].

Вместе с темой замещения мы выходим на проблему, называемую в науке проблемой двойника или заместителя, а вместе с ней — на целый пласт представлений. Основаны они на вере в возможность обмана судьбы, доли, духов, которые управляют судьбой, в возможность как-то с ними договориться. По представлению народов Центральной Азии, от этих духов зависит существование человека на «этом» свете. Болезнь, согласно их представлениям, есть результат злокозненных (с точки зрения человека) действий злых духов. Обман осуществляется в форме подмены человека, испытывающего злокозненные действия. Подмена производится в виде жертвы. По мнению С. Е. Малова, правда, несколько преувеличивавшему значение этого факта, переводение болезни в живые и мертвые предметы есть главный пункт туркестанского шаманства [23: 5]. В качестве такой подмены могут выступать не только человек или кукла, как мы это видели выше, но и некоторые предметы. Так, согласно уйгурским шаманским текстам, «если заболит правая сторона [головы], мы читаем [заговоры] к голове лошади, завернув [ее] в белый саван. Если заболит лоб, мы читаем к гнилому яйцу. Если заболит левая сторона [головы], мы читаем к голове собаки. Если заболит затылок, мы читаем к голове человека» [24: 316; 23: 5]. Как мы видели, заменой-вместилищем могут быть и животные. В тюркских языках такие животные часто обозначаются термином *ызык/ыдык*. Например, тувинцы посвящали в случае болезни главы семьи лошадей. В ходе этого обряда к гриве, хвосту и удилам лошади привязывали ленточки (*ыды*) и шелковые платки (*хадаки*), при этом шаман все время упрашивал *ыдык*-лошадь принять болезнь хозяина на себя. Затем *ыдык* отпускали в табун; если хозяин поправлялся, то только он мог ездить на этой лошади. Когда лошадь-*ыдык* умирала, с нее сдирали шкуру, оставляя в ней череп и кости ног, и в таком виде вывешивали на шесте головой на восток. Если же хозяин умирал, *ызык*-лошадь переходил к младшему сыну покойного [32: 364—365]. Интересно в этом плане, что одно из значений слова *ызыг* в шорском языке «ссылка, высылка» [21: 71], что особенно примечательно в русле нашего исследования.

В плане основной нашей темы интересен сюжет из истории периода ранней монгольской империи. Когда заболел Угедей-каган, шаманы стали гадать. «Ворожба показала, что жестоко неиствуют духи, владыки

Китадских земель и вод... Пробовали посредством гадания по внутренностям животных вопрошать духов, не желают ли они принять в качестве выкупа-*дзолика* — золота с серебром или скота и всякого съестного», но на эти предложения был получен отказ. «Когда же затем, посредством того же гадания, поставили вопрос, не примут ли духи в качестве выкупа родственника больного, то в это самое время хан открыл глаза и испросил воды». Это было истолковано как знак согласия на последнее предложение. Рядом из родственников оказался Толуй, младший брат Угедея, который и предложил себя в качестве *дзолика*. «Когда он так сказал, шаманы, произнеся заклинание, заговорили воду, а царевич Толуй выпил и говорит...: „опьянел я сразу! Поберегите же до тех пор, пока очнусь я, малых сирот своего младшего брата (т. е. его самого. — С. Д.) и вдову его Беруд, побереги до тех пор, пока я не приду в себя...“ И проговорив эти слова, он вышел вон. Дело же обстояло так, что в действительности кончины Толую не последовало» [16: 192—193].

Последнее добавление вступает в противоречие с более поздними сведениями, которые изложены в труде официального историка Хулагуидов Рашид-ад-дина. В «Собрании летописей» этот сюжет представлен следующим образом: «Каан за несколько дней до этого (т. е. предполагаемой кончины Толую. — С. Д.) заболел и стал отходить. Тулуй-хан пришел к его изголовью, а шаманы по их обычаю камлали и отмывали его болезнь в воде в деревянной чаше. Тулуй-хан от чрезмерной любви, которую он питал к брату, взял ту чашу и сказал с горячей мольбой: „Боже вечный! Ты всеведущ и знаешь, если [это] за грехи, то я [их] больше сделал... если же ты берешь к себе Угедей-каана за [его] доброту и доблесть, то я добрее и доблестнее. Прости его и вместо него позови меня к себе!“ И сказав эти слова, с горячей мольбой выпил ту воду, в которой отмывали болезнь. Угедей-каан получил исцеление, а [Тулуй-хан], испросив разрешение, отправился. Через несколько дней он заболел и скончался. Это общеизвестно, и супруга Тулуй-хана Соркуктани-беги постоянно говорила: „Тот, кто был мне желанным другом, ушел ради каана и пожертвовал собой за него“» [36. Т. II: 24]. В другом месте труда Рашид-ад-дина при изложении того же сюжета, Тулуй, обращаясь к божеству, говорит: «вместо Угедей-каана, возьми меня, ему дай исцеление от этого недуга, а его недуг вложи в меня» [36. Т. II: 110].

В середине 1980-х гг. к этому сюжету обратилась Л. Л. Викторова. Исследуя каменные изображения древнемонгольской эпохи, она выявила одну статую, несколько отличающуюся от других. Это была фигура мужчины «в возрасте около 40 лет». По словам Л. Л. Викторовой, «из всей серии только эта статуя держит кубок в левой руке... все остальные, как принято и теперь, держат чаши или кубки только в правой руке. Очевидно, — по ее мнению, — модель статуи чем-то резко выделялась из всех Чингизидов XIII в., и это ее особое положение должно было быть увековечено в памяти потомства».

Л. Л. Викторова считает эту статую изображением Тулуя, связывая его отличие с тем, что он был *дзоликом* Угедея. Превращению Тулуя в *дзолика*, по мне-

нию Л. Л. Викторовой, предшествовала сложная интрига. Как известно, основными претендентами на престол после смерти Чингис-хана были Угедей и Тулуй, всегда сопровождавший отца в походах. Выбор пал на Угедея — и он получил титул и власть. Но основные вооруженные силы и собственно монгольские, а также священные земли, в том числе с родовыми кладбищами, отошли к Тулуу. На этой почве, полагает Л. Л. Викторова, и был взращен скрытый конфликт, результатом чего стало, при удобном случае, удаление Тулуя и ограничение владений его наследников. Во время похода на юг с Угеем случилась болезнь, симптомы которой, по мнению исследовательницы, похожи на гипертонический криз на почве хронического алкоголизма. Обычным лечением в таких случаях мог быть массаж и микстура из отвара трав, но в данной ситуации окружающие Угедея лекари-шаманы истолковали болезнь якобы гневом местных духов, которые за излечение хагана требуют выкуп родным ему человеком. Был совершен обряд *золиг гаргах*, Тулуй выпил приготовленную для него жидкость и затем отбыл из ставки Угедея и по дороге скончался. «Очевидно, — считает Л. Л. Викторова, — в жидкость был дан яд, который действует не сразу... Но и без этого судьба Тулуя была решена: смысл обряда в том, что золиг навсегда покидал своих родных и становился изгнанником». Внешний признак *дзолика*, повторим, исследовательница видит в том, что он держит чашу не в правой, а в левой руке [10: 15—18].

Предположение об интриге, на первый взгляд, не лишено оснований. Подтверждать же его, по всей вероятности, должен был бы Рашид-ад-дин, бывший в момент написания своего труда официальным историком персидских Хулагуидов, потомков Тулуя. Если существовал подобный конфликт между Угеем и Тулуем, то именно в его труде он высветился бы наиболее ярко. Однако Рашид-ад-дин сообщает прямо противоположное. Об отношениях в семье Чингис-хана он пишет, в частности, следующее: между Джучи и его братьями Чагатаем и Угеем «всегда были препирательства, ссоры и разногласия... а между ними и Тулуй-ханом и родами обеих сторон был обоюдно проторен путь единения и искренности. Они никогда (Тулуй-хана) не попрекали и считали его подлинным (в отличие от Джучи. — С. Д.) [сыном Чингис-хана]» [36. Т. II: 65]. Далее говорится, с другой стороны, о дружбе между Джучи и Тулуем и их родами [36. Т. II: 80, 81], о том, что Чагатай был в тесной дружбе только с Угеем и Тулуем [36. Т. II: 95] и т. д.

Таким образом, у Рашид-ад-дина мы не находим сведений о каких-либо трениях между Угеем и Тулуем. Также в его труде нет никаких намеков и подозрений об умышленном отравлении. Напротив, все данные говорят об особом, и чрезвычайно хорошем, благожелательном отношении Угедея к дому Тулуя и всем его сыновьям, которые после смерти отца находились с матерью при кагане. «Он их крайне любил и почитал и немедленно удовлетворял [все] их просьбы. Однажды Соркуктани-беги (жена Тулуя. — С. Д.) потребовала к себе одного из торговцев [каана]. [Каан] относительно этого проявил скардность. Соркуктани-беги заплакала и сказала: „За кого стал жертвой мой желанный, мой любимый? Ради кого он умер?“

Эти слова дошли до слуха каана и он сказал: „Право на Соркуктани-беги...“. Он попросил извинения и удовлетворил ее просьбу» [36. Т. II: 111].

В другом месте Рашид-ад-дин говорит о «крайней привязанности», которую Угедей питал к детям Тулуя. С женой последнего Соркуктани-беги он «совещался... о всех делах, не преступал принятого ею решения и не допускал [никаких] изменений в ее приказах; все зависимые от нее люди были отмечены особым покровительством и почетом...» [36. Т. II: 128].

Таким образом, отношение Угедея к семейству младшего брата было самым теплым, таким, каким оно и должно быть к семье человека, который пошел на жертву во имя него самого, и справедливости ради с Угедея необходимо снять грех братоубийства, тем более, что именно дети Тулуя, используя свои преимущества права и вооруженных сил, в дальнейшем, после смерти Гуюка, правили империей как в центре, так и в Персии и в Китае — видимо, в числе прочих легитимизирующих потенциалов, здесь сказывался и факт священной жертвы Тулуя.

В описываемом сюжете привлекает цепь событий, которые, если сравнивать их с событиями времен древнетюркских каганатов, дают определенную пищу для размышления. С этой целью сведем интересные нас моменты в следующую таблицу:

1. Кюль-тегин — великий воин, в его распоряжении главные силы каганата.
2. Могиляня (Бильге-кагана) на престол сажает Кюльтегин, отказавшийся от власти в его пользу.

3. После смерти (?) Кюль-тегина появляется Йоллыг-тегин, персонаж, не фиксируемый больше нигде.

1. Тулуй — великий воин, у него по завещанию отца остались главные силы империи.
2. В ходе конфликта старших братьев претендентами на престол становятся младшие — Угедей и Тулуй; младший из них, Тулуй, отказывается от власти в пользу Угедея и самолично сажает его на престол.
3. Тулуй, когда Угедей заболел, становится *дзоликом* (изгнанником). Слово *тулуй/толи* букв. 'зеркало' изымается из монгольской лексики и заменяется тюркским эквивалентом.

[12: 44; 36. Т. I, ч. 2: 69].

Параллели, с моей точки зрения, просто удивительные и в силу этого навевающие мысль о том, что перед нами достаточно типичная ситуация, воспроизводимая, возможно, достаточно регулярно и воспринимавшаяся без излишнего драматизма. Можно с большой долей уверенности подозревать, что «имя» Йоллыг-тегин, фигурирующее в памятнике древнетюркского времени, является действительно своеобразным ритуальным титулом, имеющим то же значение, что и монгольский *дзолик*. Ограниченность всех предложенных в начале нашей статьи интерпретаций заключается в том, что имя, в данном случае Йоллыг-тегин, рассматривается с точки зрения современной трактовки имени в европейской культуре. Имя, как принято считать, — это знак, на основании которого индивидуализируется и определяется личность [37]. Но в традиционной культуре, в том числе культуре тюрко-монгольских народов, имя не так стабильно, оно изменяется в зависимости от конкретных обстоятельств. Начинаются эти изменения с самого рождения ребенка. Если в семье дети часто умирали, то очередного новорожденного могли, с целью отвращения

от него злых духов, назвать каким-нибудь противным, гадким именем. Наряду с ним могло существовать «тайное» имя, которое, по прошествии, можно сказать, «карантинного» периода, когда ребенок все же выживал, объявлялось во всеуслышание. Либо же происходил обряд действительного переименования ребенка.

Смена имен могла происходить при изменении возрастного, а следовательно, и социального статуса человека — если, например, ребенок переходил во «взрослую» возрастную категорию [20: 43Q]. Пока человек живет, имя его меняется неоднократно. У тюрков и монголов, по китайским известиям, «когда в душе возникает подозрение, что имя не предвещает благополучия, то меняют его» [19: 140]. Так, по сообщению Рашид-ад-дина, у Угедя сначала «было имя [пропуск в рукописи], но оно ему не нравилось. Затем его назвали Угедей, а значение этого слова „вознесение“» [35. Т. II: 8].

Часто считалось, что в ребенка входит дух предка, и надо было определить этого предка. Обычно в таких случаях назывался ряд имен, составляющих родовой именной фонд, и если при произнесении очередного имени ребенок, например, засмеется, то это считалось указанием на то, что в него вошел дух этого предка. Туркмены, если в ребенка «вошел» определенный дух, называли ребенка не по имени, а *кака* или *ака*, т. е. «папа», подчеркивая тем, что умерший возродился в данном ребенке [8: 211; 9: 288].

По достижении высоких социальных должностей, наряду с применяемыми с быту именами, исторические персонажи получали так называемые именатитулы, с которыми они чаще всего и входили с историей. Так, в 97 г. до н. э. хуннуский шаньюй перед смертью завещал, чтобы его сын «Восточный джукнязь вступил на престол под наименованием Хулугушаньюя» [7: 74, 97—98]. В монгольское время Хубилай-каан наградил Баян Пиг-чжана и назвал его именем его деда — Сейидом Аджаллем [36. Т. II: 207]. Другой монгольский исторический персонаж, Чапар, принял имя своего отца Хайду после его смерти [3: 72]. При этом было широко распространено представление о том, что нельзя брать имена живущих, так как от этого может последовать несчастье [см., напр.: 30: 115]. С другой стороны, совокупность имен должна способствовать силе социального организма. Если какие-либо имена «не задействованы» среди ныне живущих, то это означает его ослабление. И это действительно так, потому что «свободные» имена являются показателем того, что численность носителей имен сокращается. Одновременно «приобретение» имени со стороны указывает на усиление социального организма и потому приветствуется. Так, Темучин (будущий Чингис-хан. — С. Д.) получил свое имя после победы отца над татарами и покорения их государя Темучина-Угэ [35. Т. I, кн. 2: 75]; внука Хубилая называли после победы над лидером восставших племен Ананда [36. Т. II: 154] и т. д. Таким образом, новые имена вошли в число именного фонда «золотого рода» монголов. Именами обменивались при заключении равноправных союзов [см., напр.: 20: 242 и сл.]. По словам Г. Спенсера, «обладание именем человека равносильно обладанию чем-то, составляющим часть его существа, и дает обладателю власть наносить первому

вред; отсюда... обычай старательно скрывать свои имена. Следовательно, обмениваться именами значит устанавливать соучастие в существовании друг друга и в то же время наделять друг друга взаимной властью, а это выказывает значительное взаимное доверие» [39: 121].

Таким образом, в исторических текстах по прошествии многих сотен лет нередко бывает трудно определить действительный персонаж, о котором идет речь.

Исследовав контекст, в котором фигурирует термин *jolig/дзалиг*, мы видим, что здесь не может идти речь ни о «дороге наследования» (А. Н. Бернштам), ни о титуле «счастливый принц» (С. Г. Кляшторный). Темы пути, жертвы, счастья тесно связаны между собой на генетическом уровне. Аллюзии в ходе применения этих терминов относятся к области глубинной синонимии, и мы вправе ожидать, что и в этом случае она даст о себе знать. Судьба и дорога — это постоянные аллюзии в разных вариантах традиционной культуры. Человек проходит свой путь, который, как правило, ему заранее предначертан, его судьбой управляют. На этом пути удачи и тернии, черное и белое; и, вступив на черную полосу (например, смертельно заболел), человек хочет откупиться от судьбы или «духов», которые контролируют его жизнь, или же откупиться от них. В таком случае кто-то должен «перехватить» его судьбу, его долю, перейти его дорогу и таким образом стать тем, что мы называем словом «жертва». Мне кажется, что в данном случае, как и в ряде других, действительная, адекватная трактовка термина и образа, который он передает, имеет как узкое (и не одно, так как в разных контекстах высвечиваются разные оттенки и стороны понятия), так и широкое значение. Наиболее вероятно, что в данном месте древнетюркского текста необходимо читать обозначение человека, скрывающегося за «именем» Йоллыг-тегин и как «тегин, пошедший на жертву», и как «тегин, перехвативший судьбу», и как «тегин, пересекший дорогу» и т. д.

Теперь, после всего вышесказанного, можно вернуться к загадочному термину *ату* в Малой надписи Кюль-тегина. Как мы уже видели, данный термин не относится к категории прочитанных или адекватно понятых. И не прочитан он, вероятно, вследствие некорректности постановки и акцентированности основного вопроса. Исследователи правильно выделяют здесь корневую основу — *ат*, имеющую, однако, несколько значений. Во-первых, это — «имя», «название», «хорошее имя», «слава», «известность» и т. д.; во-вторых, это — «жеребец», «верховая лошадь»; в-третьих — глагол «бросать», «кидать»; в-четвертых, «разбить», «разломать», и, наконец, в форме *ата* — «отец», «дед», «предок» [35. Т. I, ч. 1: 440—449].

В такой ситуации необходимо правильно выбрать правильное семантическое гнездо, исходя из которого и проанализировать термин. Практически все исследователи памятника, как мы уже видели, выбрали вариант со значением *ата* — «отец» и т. д., имея в виду уже готовую посылку с выделением из этого материала определенной степени родства, — и основная полемика развернулась как раз вокруг этого гнезда значений. Однако, как мне представляется, в контексте наших материалов более перспективным выглядит вариант с анализом термина в другом семан-

тическом гнезде — *ат* 'имя', 'название' и т. д. Здесь мы имеем такое развитие: *ата/атта/ада* 'слава, известность', *атаглік/атагліг* 'имеющий знатное имя', *атлы/атлік/ атліг/атлу/атмыг/атмыг/адлы* и т. д. 'имеющий имя, известный' и, наконец, *атсыз* 'не имеющий имени, неизвестный' [35. Т. I, ч. 1: 452, 454, 456, 470—473]. Последняя форма наиболее близко подходит к выделенной на памятнике форме *атусу* (но будем, однако, иметь в виду и то, что сохранность памятника не очень хорошая и позволяет различные чтения текста), однозначно она наиболее соответствует контексту, который выделяется в нашей работе.

Если суммировать все вышесказанное, то необходимо внести радикальные коррективы в прочтение всей фразы, приведенной в Малой надписи памятника Кюль-тегина. В нашем понимании (в вариантах) она

должна звучать следующим образом: «не имеющий имени Йоллыг-тегин», «потерявший имя, ставший жертвой тегин», «перехвативший судьбу-дорогу, потерявший родовое имя тегин» и т. д.

Место этого тегина в системе персонажей и имен, фигурирующих в истории тюрок того времени, за недостаточностью материала остается гипотетичным. Однако я прихожу к, возможно, несколько парадоксальному выводу, что этим персонажем мог являться Кюль-тегин, несмотря на то, что речь в надписях идет вроде бы от имени Бильге-кагана. Такой вывод соответствует характеру материала и моделируемой нами ситуации, аналогичной, как представляется, поздним, относительно древнетюркского времени, монгольским материалам.

Литература

1. Аманжолов А. С. Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности: Автореф. докторской дисс. Алма-Ата, 1975.
2. Бартольд В. В. Новые исследования об орхонских надписях // Журнал министерства народного просвещения. 1899. № 10.
3. Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. I. М., 1963.
4. Батманов И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959.
5. Бернштам А. Н. Новые работы Н. Козьмина о древнетюркском обществе // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л., 1935. № 1, 2.
6. Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI—VIII веков. М.; Л., 1946.
7. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950.
8. Васильева Г. П. Туркмены-нохурлы // Среднеазиатский этнографический сборник. М., 1954. (Труды института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. XXI).
9. Васильева Г. П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969.
10. Викторова Л. Л. Ценный источник по истории монголов // V международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, сент., 1987). Доклады советской делегации. Ч. I: История, экономика. М., 1987.
11. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
12. Джисованни дель Плано Карпини. История Монгалов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрика. Ред., вступ. ст. и примеч. Н. П. Шастиной. М., 1957.
13. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
14. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
15. Кляшторный С. Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981.
16. Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941.
17. Козьмин Н. Н. Классовое лицо «атыз» Йоллыг-тегина, автора орхонских памятников // Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932: Сб. ст. Л., 1934.
18. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980.
19. «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина // Проблемы востоковедения. М., 1960. № 3.
20. Краулей Э. Мистическая роза. Исследование о первобытном браке. СПб., 1905.
21. Курпешко-Таннагашева Н. Н., Апонькин Ф. Я. Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово, 1993.
22. Лившиц В. А. О происхождении древнетюркской рунической письменности // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980.
23. Малов С. Е. Шаманство у сартов Восточного Туркестана // Сборник музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. V, вып. 1. Пг., 1918.
24. Малов С. Е. Материалы по уйгурским наречиям Син-дзяна // Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932: Сб. ст. Л., 1934.
25. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.
26. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959.
27. Мелиоранский П. М. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках // Журнал министерства народного просвещения. 1898. № 6.
28. Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-тегина. Записки Восточного отделения Русского Археологического общества. СПб., 1899. Т. XII.
29. Насилов Д. М. Некоторые замечания к прочтению енисейских памятников // Письменные памятники Востока: Ист.-филолог. исслед. 1971. М., 1974.
30. Оразов А. Хозяйство и культура населения северо-западной Туркмении в конце XIX—начале XX в. Ашхабад, 1972.
31. Потанин Г. Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие... 1884—1886 г. Т. I. 1893.
32. Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969.
33. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства. 2-е изд. СПб., 1993.
34. Радлов В. В., Мелиоранский П. М. Древне-тюркские памятники в Кошо-Цайдаме. Сб. Трудов Орхонской экспедиции. Т. IV. СПб., 1897.
35. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий: В 4 т., в 8 ч. 2-е изд. М., 1963.
36. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1, 2. М.; Л., 1952; Т. II. М.; Л., 1960.
37. Раянди Э. Имя и право // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М., 1970.
38. Сарат Чандра Дас. Путешествие в Тибет / Пер. с англ. Под ред. Вл. Котвича. СПб., 1904.
39. Спенсер Г. Сочинения. Т. II. Основания социологии. СПб., 1898.
40. Стеблева Н. В. Поэтика древнетюркской литературы, ее трансформация в раннеклассический период. М., 1976.
41. Тенишев Э. Р. У тюркских народов Китая: (Дневники 1956—1958 гг.). М., 1995.
42. Томсен В. Дешифровка орхонских и енисейских надписей / [Пер. с франц.] // Зап. вост. отд. Русского археологич. общества. Т. VIII. 1894.
43. Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Т. I. Улан-Удэ, 1958; Т. II. Улан-Удэ, 1959.
44. Хроника Вандана Юмсунова. 1875 г. // Летописи хоринских бурят / Пер. Н. Н. Поппе. М.; Л., 1940 (Труды Института востоковедения АН СССР. Т. XXXIII).
45. Черемисов К. М., Румянцев Г. Н. Монгольско-русский словарь (по современной прессе) / С предисл. Н. Н. Поппе. Л., 1937.
46. Щербак А. М. Енисейские рунические надписи: К истории открытия // Тюркологический сборник. 1970. М., 1970.

В. Н. Митин

Некоторые вопросы деятельности Монгольской комиссии АН СССР в 1941—1953 годы *

В 1925 г. постановлением СНК СССР была создана Комиссия по научному исследованию Монголии, Танну-Тувинской народной республики и Бурят-Монгольской АССР, занимавшаяся организацией экспедиций на их территории. В 1927 г. она переходит в ведение Академии наук СССР, и в конце 20-х годов за ней закрепляется более короткое, отражающее сферу ее внимания в дальнейшем название — Монгольская комиссия (МОНК). С 1925 по 1932 гг. Монголию посетили более 40 отрядов в составе комплексных экспедиций Комиссии. В результате их работ были получены важные материалы в области геологии, геохимии, почвоведения, археологии, этнографии, лингвистики, топографии, ботаники, зоологии, экономики и даже астрономии. Однако с 1933 г. начинается резкий спад в деятельности Комиссии, и до 1941 г. лишь несколько исследователей выполняли ее задания в МНР. В этом сыграл свою роль и политический фактор, изменивший характер взаимоотношений Монголии и СССР, и репрессии, обрушившиеся на советских ученых в конце 30-х годов.

Годы Великой Отечественной войны для Монгольской комиссии плодотворными не назовешь. Она практически прекращает функционировать, хотя формальной ликвидации ее не было.

Следует, однако, отметить, что война вовсе не привела к прекращению всех работ советских ученых в Монголии. Еще в 1940 г. начинается исследования сенокосно-пастбищная экспедиция под руководством И. А. Цаценкина, занимавшаяся изучением пастбищ, определением их кормовой ценности. Эти исследования являлись продолжением ботанических работ, начатых МОНК в 1926 г. и прерванных в 1932 г. Экспедиция работала до 1943 г. [19]. Один из активных участников экспедиции И. А. Цаценкина А. А. Юнатов остался в распоряжении Комитета наук МНР и продолжает исследования до 1947 г. Работа А. А. Юнатова была высоко оценена в Монголии: он был награжден высшей наградой страны — орденом «Полярная

звезда» и избран академиком МНР при образовании Академии наук МНР в 1961 г.

В течение 1940—1944 гг. в Монголии работал географ Э. М. Мурзаев, прошедший 26 тыс. км по маршрутам страны. С 1943 г. он вместе с зоологом А. Г. Банниковым присоединился к А. А. Юнатову, и их экспедиция приобрела комплексный характер. Вместе с Э. М. Мурзаевым в его маршрутах принимали активное участие молодые монгольские научные работники [16: 165—167; 17].

Почвовед Н. Д. Беспалов проводил исследования в Западной, Восточной части Монголии и Гоби в 1940—1943 гг. Его экспедиция была организована Монгольской комиссией, однако с началом войны, когда МОНК практически прекратила свою деятельность как организационный центр работ в Монголии, руководство почвенными исследованиями ученого взял на себя Комитет наук МНР [20].

По сути, работы периода войны, начатые советскими научными учреждениями, переходят в ведение Комитета наук МНР, что закладывает основу будущих совместных исследований. Кроме того, ряд советских ученых работали в Монголии непосредственно по заданиям Комитета наук. Так, в 1940—1945 гг. растениеводческие исследования в Монголии, организованные Комитетом наук, проводил В. Ф. Шубин совместно с монгольскими учеными [15: 160; 21].

В годы войны продолжались и работы в рамках совместной Восточной геологоразведочной экспедиции, которая начала свою деятельность в 1932 г., заменив в Монголии геологов Монгольской комиссии АН СССР. Однако результаты ее исследований держались в секрете [9, л. 24, 27]. Кроме этих проводились и другие работы, но опять же по заданию Комитета наук МНР.

Можно видеть, что работы советских ученых в Монголии не прерывались даже в период войны, когда все силы, в том числе и научные, были брошены на оборону. Особенность заключается в том, что главным распорядителем работ являлся Комитет наук МНР, и исследования затрагивали в основном сферы,

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 02-03-18235а).

имевшие наиболее важное практическое значение. В это время в работу все больше втягиваются монгольские научные учреждения и кадры, т. е. продолжает складываться основа совместных экспедиций.

Исследованиями этого времени охвачена почти вся территория МНР, и выходные результаты были достаточно солидны: составлен ряд карт, вышло много монографических работ и публикаций в научных изданиях. Все это должно было быть использовано в практической деятельности по развитию хозяйства Монголии. Нужно отметить, что научные работы в Монголии во время войны имели существенное значение и для СССР, который получал от МНР большое количество столь необходимого продовольствия и сельскохозяйственного сырья.

После окончания Второй мировой войны немалую роль в складывании тенденций научных исследований советских ученых в МНР сыграли изменения в политической ситуации. В это время меняется формальный международный статус Монголии. В результате переговоров между СССР и Китаем в августе 1945 г. состоялся обмен нотами по поводу независимости МНР, которую гоминьдановский Китай ранее не признавал. По выдвинутому китайским правительством условию в Монголии был проведен плебисцит, который показал стопроцентную поддержку населения независимого положения страны. 5 января 1946 г. Китай признал независимость Монгольской Народной Республики [18: 129—133]. Теперь ее легитимность держалась не только на признании Советского Союза. Появляются разносторонние связи с другими государствами. Уже в этих новых условиях 27 февраля 1946 г. между СССР и МНР заключаются Договор о дружбе и взаимопомощи и Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве. В феврале 1950 г. Китайская Народная Республика подтвердила независимость Монголии.

В это время начинается новый этап экспедиционного изучения Монголии, этап более глубоких исследований, когда происходит переход от работ преимущественно АН СССР к совместным советско-монгольским экспедициям. Эти изменения были подготовлены предшествующим периодом, в котором экспедиции проводили исследования с целью накопления общих фактов и знаний. Ученые вели рекогносцировочные, разведочные работы. Деятельность Монгольской комиссии была достаточно эффективна, когда исследовательские учреждения проходили стадию становления, когда формировались научные кадры. Комиссия собирала и организовывала разрозненные научные силы для проведения широких комплексных работ в самых различных сферах в условиях недостаточности знаний о Монголии. Для исследований 20—30-х годов характерен элемент спешки: экспедиции должны были давать скорейший результат. Большое значение в этом имел политический фактор, т. е. подчиненность исследований политическим обстоятельствам и целям. Тем не менее, накопленные факты, опыт исследований, создание кадровой базы специалистов по Монголии, укрепление научно-исследовательских институтов, воспитание монгольских кадров позволили перейти к новому этапу после войны.

Как сказано выше, одной из основных черт нового этапа являлась совместность исследовательских работ,

что было оговорено в соглашениях послевоенного времени. На основании упомянутых Договора и Соглашения, заключенных 27 февраля 1946 г. между правительствами СССР и МНР, 29 октября 1947 г. было подписано Соглашение об усилении научного сотрудничества и проведении совместных научных исследований. На этом комплексе договоренностей строились послевоенные научные контакты [15: 186; 18: 134—137].

Планы исследовательских работ были достаточно обширными. Деятельность Монгольской комиссии возобновляется осенью 1944 г. 30 ноября МОНК направляет в Отделение геолого-географических наук АН СССР письмо, в котором указывается, что Комиссия приступает к постановке работ по всестороннему изучению Монголии и Тувы. В частности, говорится о проведении геологических, почвенных, географических исследований. Разработка конкретных планов намечалась на декабрь—январь в Москве [10, л. 1]. Формально Тува еще находилась в сфере внимания МОНК, но 11 октября 1944 г. Тувинская Народная Республика была включена в состав СССР как автономный округ. Видимо, упоминание ее в письме происходит по инерции, так как его автор заместитель председателя МОНК И. П. Рачковский называет Туву Народной республикой. Для Комиссии это была пора возрождения и надежд, характерных для послевоенного времени — рисуются широкие перспективы, разрабатываются планы. МОНК начинает набирать новый кадровый состав, который должен обеспечить комплексность и широту исследовательских работ. Комиссия представляет в Президиум АН СССР на утверждение в качестве ее членов кандидатуры видных ученых А. А. Григорьева, С. С. Смирнова, Б. К. Шишкина, С. П. Толстова, П. В. Погорельского, С. В. Обручева, Э. М. Мурзаева, членов Комитета наук МНР Дугер-Суруна, Б. Ширендыба, Ринчина. Видна новая деталь, связанная с совместностью предполагаемых работ, — в состав Комиссии включаются монгольские ученые [10, л. 15].

2 июля 1945 г. происходит расширенное совещание МОНК, на котором присутствуют виднейшие специалисты по Монголии в различных областях науки: академик В. А. Обручев, академик Б. Б. Полюнов, П. В. Погорельский, Н. В. Павлов, И. А. Цаценкин, И. П. Рачковский, Э. М. Мурзаев, а также представители Монголии: ректор Монгольского университета Б. Ширендыб, председатель Комитета наук МНР Дугер-Сурун и его член Ринчин. Вел совещание президент АН СССР академик В. Л. Комаров, являвшийся председателем МОНК. В докладах, которые были сделаны, звучал большой оптимизм в отношении перспектив дальнейших исследований. Говорилось о необходимости укреплять и расширять контакты между научными учреждениями двух стран. Монгольская сторона выразила надежду, что советские ученые продолжат оказание научной помощи, и внесла предложение о сосредоточении внимания на экономико-географических, историко-археологических, лингвистических исследованиях. Было решено разработать планы и подготовить договоренности между сторонами о совместных работах [14: 104—105].

Составление планов не вызвало особых проблем. Большое количество институтов Академии наук СССР

откликнулось на предложение провести исследования в МНР. О своей заинтересованности в этом заявили Институты географии, эволюционной морфологии, леса, этнографии и антропологии, востоковедения, ботанический, зоологический, палеонтологический, геологический, Всесоюзное географическое общество. Каждое из этих учреждений обозначило темы своих предполагаемых работ [5, л. 25—26].

В декабре 1945 г. Комиссия понесла утрату, которая, возможно, сказалась на ее дальнейшей судьбе: умирает В. Л. Комаров — председатель МОНК с 1929 г. Он был одним из инициаторов комплексных исследований, поддерживавший МОНК как организационный центр экспедиций в Монголию. В 1946 г. новым председателем Комиссии стал знаменитый геолог академик В. А. Обручев, который, однако, не занимал руководящих постов в Академии наук.

Монгольская комиссия разработала план комплексной экспедиции [3, л. 62—70], которая должна была проводить пятилетние исследования в МНР. Он предусматривал отправку 4-х геологических отряда (Косогольского, Восточно-Монгольского, Хангайского и Гобийского), отдельного Косогольского озероведческого отряда, Монгольского филологического отряда Института востоковедения. Предполагалось также включить в состав комплексной экспедиции и палеонтологическую экспедицию, организованную с особого разрешения Совета Министров СССР. Общее руководство, координация деятельности комплексной экспедиции возлагались на Монгольскую комиссию. У Комиссии отсутствовал собственный хозяйственный аппарат, он должен был быть создан при самой экспедиции.

Работы предполагалось начать летом 1946 г. Однако сразу же возникли различного рода организационные трудности. 29 апреля 1946 г. состоялось совещание начальников отрядов намечаемой комплексной экспедиции [1, л. 1—2]. Присутствовали начальники озероведческого и трех партий геологического отрядов и экономико-географической группы. Выяснилось, что отряды будут готовы к выезду только в первых числах августа. Некоторые работы, учитывая специфику монгольского климата, начинать в это время уже бессмысленно. В итоге было решено в текущем 1946 г. ограничиться предварительным подготовительным выездом одного-двух отрядов, чтобы в следующем году приступить к полноценной работе. Одной из главных причин сложившейся ситуации считали плохую организацию экспедиции. Для исправления этого положения во главе оргработы решено было поставить П. В. Погорельского, имевшего в этих вопросах весьма богатый опыт. Любопытно, что на совещании подчеркивалось, что инициатива в организации комплексной экспедиции целиком исходит от МНР. Так или иначе, но в Монголию в 1946 г. выехала только Палеонтологическая экспедиция под руководством И. А. Ефремова, которая, по всей видимости, действовала независимо от МОНК.

Работы сместились на следующий год. Комитет наук МНР, крайне заинтересованный в проведении исследований, 17 ноября 1946 г. представил свои конкретные соображения по тем проблемам, которым должно быть уделено место в плане работ [5, л. 21]. На первое место ставилось составление учебника по

истории монгольского народа, изучение этнографии народов МНР, археологическое изучение памятников истории, исследования по истории культуры монгольского народа, составление учебников грамматики монгольского языка и литературы. Духовной сфере отдавалось определенное предпочтение. Далее речь шла о географическом изучении страны, исследовании минеральных источников, ресурсов строительных материалов для строительства в Улан-Баторе, а также водных, кормовых, почвенных ресурсов, экономики животноводства.

В декабре 1946 г. был составлен новый план экспедиционных работ уже на 1947—1952 гг. [5, л. 65—72]. Намечались общие цели: способствовать развитию совместных научных исследований и самостоятельных советских и монгольских работ; обеспечивать обмен информацией между АН СССР и монгольскими научными учреждениями, а также оказывать помощь МНР в связи с генеральными задачами развития народного хозяйства и культуры. Предыдущие работы в этих областях были признаны недостаточными. Сам план, по сравнению с предыдущим, претерпел значительные изменения. Теперь основными становятся исследования сельского хозяйства, прежде всего животноводства. Ставилась задача добиться улучшения положения в этой главной отрасли экономики, дела в которой обстояли неблагоприятно. Предполагалось также изучение сопутствующих сфер: гидрологическое обследование водоснабжения, исследование почв. В результате должны были быть даны оценки, рекомендации по мероприятиям, прогнозы дальнейшего развития. Все эти задачи возлагались на экономико-географическую группу, на базе которой затем была образована Монгольская сельскохозяйственная экспедиция. Первоначально проведение такой экспедиции возлагалось непосредственно на Институт географии АН СССР, но при подчинении МОНК, но в середине 1948 г. она распоряжением Президиума АН была полностью передана под руководство Монгольской комиссии.

Другие исследования: геология и география, палеонтология, лимнология озера Косогол, зоология, историко-археологические и лингвистические работы — откладывались. Таким образом, акценты резко сместились в сторону практических народно-хозяйственных задач.

В феврале 1947 г. подписан договор между АН СССР и Комитетом наук МНР о проведении совместных исследований в Монголии. Он имел весьма значительные отличия от договоров 20-х годов, так как содержал в основном общие положения о планах работ, но достаточно четко разграничивал финансовые обязательства обеих сторон. Большая часть их возлагалась на МНР, но подчеркивалось главенство Академии наук СССР в руководстве работами [4, л. 89—92; 7, л. 118].

Комитет наук МНР на работы совместной сельскохозяйственной экспедиции в 1947 г. выделял 136 тыс. тугриков, а на остальные самостоятельные работы АН СССР — 100 тыс. тугриков [3, л. 1]. Судя по смете МОНК на 1947 г. [3, л. 2], Комиссия располагала средствами только на две экспедиции — сельскохозяйственную и геологическую. Палеонтологические исследования курировал Палеонтологический инсти-

тут АН СССР, а историко-археологические взял на себя Институт истории материальной культуры АН СССР. Таким образом, фактически в 1947 г. по линии МОНК начались только сельскохозяйственные работы.

Экономико-географическая группа, которая формировалась Институтом географии АН СССР, должна была затронуть широкий круг вопросов: дать информацию о существующем положении и перспективах развития МНР в связи с природными ресурсами; провести изучение социального состава монгольского худона, что было важно и для научных и для политических целей; изучить особенности организации кочевого хозяйства, для чего решено было провести выборочное статистико-экономическое обследование; исследовать товарооборот. В группу включалось 5 отрядов: экономический, климатологический, животноводческий, почвенно-ботанический и физико-географический.

Монгольская сельскохозяйственная экспедиция проработала в МНР с 1947 по 1951 гг. Она и стала главным объектом приложения деятельности МОНК. Ни одна из других запланированных комиссиями экспедиций ей отправлены не были. В дальнейшем до 1950 г. Комиссия продолжала включать в свои планы и геологические, и лимнологические, и этнолого-лингвистические работы. Особое значение ее руководство придавало проведению геологических исследований. В их задачи входило пополнение материалов для составления геолого-тектонической карты МНР, необходимой для поиска рудных месторождений, выяснение вопроса о связи геологического строения Монголии и рудных поясов СССР. В число главных задач ставилось также теоретическое обобщение всех собранных ранее и новых материалов.

В 1946 г. геологическая экспедиция не состоялась из-за проблем организационного характера. Это не означало отказа от намеченных планов, которые опирались на соответствующие договоренности между СССР и МНР о проведении совместных исследований в Монголии. Они воплощались в планах комплексных работ Комиссии на 1947—1951 гг. О месте геологии в этом плане свидетельствует тот факт, что в геологической экспедиции, согласно смете, должны были участвовать 24 постоянных и 32 временных сотрудника и расходы на нее должны были составить около 632 тыс. рублей, в то время как бюджет сельскохозяйственной экспедиции составлял 478 тыс. рублей на 18 постоянных и 5 временных сотрудников [3, л. 2]. Но ни в 1947-м, ни в 1948 г. геологические исследования по данному плану не проводились. Очередной пятилетний план предусматривал проведение геологических изысканий в 1949—1954 гг. [8, л. 160]. По нему число геологических отрядов даже возросло до семи, но и в 1949 г. геологи в Монголию не поехали. Последний план Комиссии, в который были включены геологические исследования, должен был быть выполнен в течение 1950—1955 гг. [10, л. 78—83]. Его постигла судьба всех предыдущих. Таким образом, несмотря на значительное внимание, уделяемое в планах Монгольской комиссии геологическим исследованиям, которыми предполагалось охватить всю территорию МНР, они так и не воплотились в жизнь. Геологические экспедиции Комиссии были ориентированы на решение долгосрочных задач теоретического свойства, в то

время как господствовала установка на достижение скорейшим образом целей сугубо практического характера. Подобной была судьба и остальных экспедиций Комиссии.

Уже в конце 40-х годов обозначился кризис Монгольской комиссии. Помимо отсутствия возможности реализовать широкие планы, поставленные в 1945—1946 гг., она не смогла в должной степени обеспечить кадровым составом и сельскохозяйственную экспедицию. Одним из главных критиков Комиссии стал начальник экспедиции П. В. Погорельский. Все проблемы ее работ он связывал именно с фактом руководства ею МОНК, приводя в пример весьма успешные исследования палеонтологической и историко-археологической экспедиций, организуемые научно-исследовательскими институтами. Еще в 1945 г. П. В. Погорельский при планировании сельскохозяйственных исследовательских работ в Монголии обращался в ЦК ВКП(б), говоря о необходимости тщательной подготовки экспедиции с учетом ситуации в этой стране. При этом он вспоминал как весьма плохо организованную комплексную экспедицию Монгольской комиссии 1930—1931 гг. [6, л. 139—143]. Через полтора года работы сельскохозяйственной экспедиции он напрямую возлагает всю ответственность за организационные трудности на МОНК, которая, по его мнению, просто не может осуществлять руководство подобной экспедицией. Эту точку зрения Павел Васильевич излагал в своих письмах к президенту АН СССР С. И. Вавилову [2, л. 6—8], в ЦК ВКП(б) и самому секретарю ЦК Г. М. Маленкову [2, л. 14—16]. Монгольская сторона в лице Президиума Комитета наук МНР хотя и благодарит в 1948 г. сельскохозяйственную экспедицию за проведенные исследования, но в то же время просит Президиум АН СССР принять меры для полного и своевременного выполнения запланированных ею программ [2, л. 1].

Однако в феврале 1949, когда на заседании бюро Отделения геолого-географических наук АН СССР, к которому относилась МОНК, был заслушан отчет Комиссии, ее работа была признана вполне удовлетворительной, а проблемы в организации экспедиционных работ предлагалось решить путем укрепления самой Комиссии [2, л. 12—13]. Ведь ее статус в структуре академических учреждений не был четко определен. Было решено просить Президиум АН СССР утвердить Положение о Монгольской комиссии и постоянный состав, а также перевести ее из Ленинграда, где она базировалась с момента образования, в Москву, где находились большинство ее сотрудников.

Тем не менее, судьба Комиссии, по-видимому, висела на волоске. Об этом свидетельствует весьма резкое обвинительное письмо В. А. Обручева, направленное многолетнему ученому секретарю МОНК И. П. Рачковскому 31 января 1950 г., где он указывает на тяжелую ситуацию, сложившуюся для Комиссии (Обручев обвиняет Рачковского в отсутствии у него научных трудов за ряд лет, что было одним из доводов сторонников ликвидации Комиссии) [12, л. 1].

Но все-таки МОНК была предоставлена возможность продолжить и завершить работу сельскохозяйственной экспедиции. 10 мая 1950 г. на заседании Президиума АН СССР было утверждено Положение о

Монгольской комиссии АН СССР, согласно которому она признается научным и организационным органом Академии наук и находится в ведении Отделения геолого-географических наук [10, л. 85—89]. В обязанности ее входит координация и обобщение научно-исследовательской работы институтов АН по изучению природных ресурсов МНР. Она должна рассматривать и согласовывать планы экспедиций и стационаров, утверждать их отчеты, передавать Комитету наук МНР результаты исследований, относящиеся к Монголии, а также печатать научные труды по полученным данным. Был утвержден состав Комиссии, в который вошли видные представители советской науки: академики, член-корреспонденты АН, доктора наук — ведущие специалисты различных отраслей науки. Примечательно, что П. В. Погорельский, главный противник МОНК, в это время уходит с должности начальника сельскохозяйственной экспедиции, которую затем возглавил чл.-корр. АН СССР Е. М. Лавренко.

Исходя из этого, можно прийти к заключению (так, вероятно, думали и руководители самой Комиссии), что МОНК была уготована перспективная длительная деятельность по изучению Монголии и впоследствии ее работы вновь приобретут широкий комплексный характер, как это было в довоенный период. Но монгольская сельскохозяйственная экспедиция закончила свои исследования в МНР в 1952 г., и вся дальнейшая деятельность Комиссии свелась к подготовке публикаций по результатам работы экспедиции и ее общего отчета, что стало последним делом МОНК.

Отчет о работе сельскохозяйственной экспедиции был одновременно итогом деятельности Комиссии за послевоенный период как учреждения по организации экспедиционных исследований в Монголии, и он вызвал немало споров и весьма противоречивых оценок от дышащих оптимизмом до крайне негативных. Во многом эту ситуацию объясняет тот факт, что перед экспедицией были поставлены помимо научных задачи, подчиненные требованиям определенной политики в социально-экономической сфере Монголии. Трудности в главной отрасли экономики страны — животноводстве предполагалось решить путем проведения более глубоких преобразований социалистического характера: активно провести переход к коллективным формам хозяйствования и долгосрочной плановой системе. Нечто подобное уже пытались сделать во времена т. н. «левого уклона» в 1929—1932 гг. Тот эксперимент закончился явной неудачей, чему был свидетелем П. В. Погорельский, проводивший экономические исследования в 1930—1931 гг. И одной из главных причин справедливо называлась неготовность монгольских аратов к скачку из феодализма в социализм. Перед Второй мировой войной в Монголии вводятся годовичные планы развития экономики, но, тем не менее, в ней господствовали индивидуальные аратские хозяйства. Сельскохозяйственная экспедиция 1947—1952 гг. должна была провести обследование ситуации в животноводстве, выяснить готовность его к преобразованиям на новом этапе и дать соответствующие рекомендации по их проведению. Ее работы шли параллельно с ходом 1-й монгольской пятилетки (1948—1952 гг.) и, по всей видимости, также обещали дать информацию об этом опыте в животноводстве.

Определенные свидетельства заставляют думать, что освещение положения в Монголии, которое дала экспедиция, часто представляло скорее желаемую, чем реальную картину. В конце 1952 г. в секретариате Президиума АН СССР был заслушан отчет Монгольской сельскохозяйственной экспедиции [11, л. 1—4]. На заседании присутствовали все сотрудники экспедиции, члены МОНК и представители Президиума. Важнейшую часть отчета составляла схема мероприятий для развития сельского хозяйства Монголии, их исторические и экономические обоснования, основанные на данных экспедиции. Весьма характерным моментом было то, что в проекте резолюции по отчету, несмотря на общую положительную оценку, большое, как указывалось, даже непропорционально большое место отводилось недостаткам в организации проведения исследований. В этом проявилась противоречивость оценок деятельности экспедиции. Ученый секретарь Президиума АН СССР акад. А. В. Топчиев предложил сократить эту негативную часть и в то же время выразил сомнение в целесообразности дальнейшего существования Монгольской комиссии. Вероятно, руководство Академии наук, не желая признавать неудачи экспедиции, все-таки определило для себя необходимость такого учреждения, как МОНК.

После А. В. Топчиева в атаку пошел П. В. Погорельский, который обвинил экспедицию и ее руководство в ошибочных положениях, в незнании экономической обстановки в Монголии и отрицал всю систему предложенных мероприятий в МНР. Он также упрекнул Институты экономики и востоковедения в том, что они потакали этим ошибочным выводам экспедиции, дав положительный отзыв на ее отчет. Его обвинения были напрямую направлены и против Монгольской комиссии.

Однако и руководство экспедиции в лице ее начальника чл.-корр. АН СССР Е. М. Лавренко, и представители МОНК акад. В. С. Немчинов, акад. И. М. Майский и другие ученые отвергли утверждения П. В. Погорельского и поддержали позиции экспедиции. В. С. Немчинов объяснил взгляды П. В. Погорельского и его единомышленников неверием в силу монгольского народа, стремлением законсервировать отсталое состояние монгольского сельского хозяйства и простое негативным отношением к Монгольской комиссии.

Тем не менее, А. В. Топчиев предложил образовать комиссию для рассмотрения имеющихся по отчету экспедиции возражений и окончательной выработки резолюции.

В декабре 1952 г. такая комиссия (составленная, к слову сказать, из защитников отчета экспедиции) собиралась несколько раз, и заседания проходили в форме дискуссии с позицией П. В. Погорельского практически по всем основным пунктам отчета.

В числе их комиссия рассматривала определение экспедицией основной тенденции в животноводстве. Таковой в отчете считалось соответствие этой отрасли строю народной демократии, т. е. переходному к социалистическому. При этом экспедиция не могла уйти от факта, что за последние годы имелось замедление роста поголовья скота, однако это отмечалось как частное явление на фоне общей успешной тенденции. П. В. По-

горельский же утверждал, что никакой устойчивой тенденции роста животноводства не наблюдается.

В отчете указывалось, что аратские индивидуальные хозяйства исчерпали свои возможности в новых общественных условиях и не могут обеспечить рост производства продукции. А П. В. Погорельский квалифицировал ситуацию в животноводстве не как замедление, а как упадок, и причиной этого назвал отнюдь не индивидуальные хозяйства, а налоговую политику государства, не дающую им развиваться.

Как уже было сказано, одним из самых важных мест в отчете можно считать рекомендации по дальнейшему развитию монгольского сельского хозяйства. Указывалось, что упор нужно делать на создание простейших форм кооперирования аратских хозяйств и госхозов. При этом предполагается не проведение массовой коллективизации, а постепенный переход к кооперативным объединениям без обобществления средств производства. Павел Васильевич, напротив, доказывал, что и это еще преждевременно. Он предлагал ограничить развитие коллективных форм производства созданием образцов и негативно относился к строительству госхозов.

Дискуссия закончилась в пользу экспедиции: комиссия отвергла все возражения П. В. Погорельского, определив их как ошибочные, характеризующие его стремление к консервации индивидуальных хозяйств. Она утвердила представленный экспедицией вариант отчета практически без изменений, а вслед за ней 27 февраля 1953 г. отчет был утвержден и Президиумом АН СССР [13, л. 19].

Выводы, сделанные в отчете экспедиции, вполне соответствовали курсу, который был взят монгольским правительством после не вполне удачного завершения 1-й пятилетки. Тем не менее, можно сказать, что экспедиция не смогла четко определить ситуацию в животноводстве страны, причины неудач в этой отрасли и представить точно аргументированные рекомендации по ее развитию, о чем свидетельствует дискуссия с П. В. Погорельским. И хотя деятельность экспедиции была официально одобрена (вполне справедливо, поскольку ее сотрудники, несомненно, провели большую исследовательскую работу, на материалах которой были созданы серьезные, иногда даже фундаментальные труды, такие, например, как книга И. Ф. Шульженко «Животноводство МНР» (М., JL, 1954), основательнейшая работа В. Ф. Шубина «Земледелие Монгольской Народной Республики» (М., 1953) и другие) руководству АН СССР были видны проблемы организационного характера, ответственность за которые несла Монгольская комиссия. В самой Комиссии также понимали, что в ближайшем будущем судьба ее должна решиться.

К весне 1953 г. Президиум Академии Наук уже решительно ставит вопрос о ликвидации Комиссии. Председатель МОНК В. А. Обручев, не участвовавший в дискуссиях по отчету сельскохозяйственной экспедиции по болезни, теперь активно борется за существование учреждения, в котором он состоял четверть века и которое представлялось ему одним из важнейших звеньев в системе научных связей с Монголией и в истории изучения этой страны. Он обращается к президенту АН СССР акад. А. Н. Несмеянову, дока-

зывая необходимость сохранения Комиссии, единственного органа — преемника еще дореволюционных исследований Центральной Азии. В. А. Обручев для повышения эффективности работы МОНК предложил преобразовать ее в Комитет по изучению природы стран Внутренней Азии при Совете по изучению производительных сил при АН СССР [11, л. 6]. С поддержкой мнения В. А. Обручева выступил его заместитель в МОНК и одновременно председатель СОПС акад. В. С. Немчинов, призывая более осторожно рассматривать вопрос о судьбе Комиссии, которая была носителем огромного опыта научных исследований в Монголии и органом помощи русской науки Монгольской Народной Республике в изучении ее природных ресурсов. В. С. Немчинов также предлагал передать Комиссию под руководство СОПС [11, л. 8—9].

Нельзя сказать, что в Президиуме АН СССР отнеслись к аргументам сторонников сохранения МОНК абсолютно равнодушно. Выдвигалась идея передать Комиссию Институту востоковедения АН СССР (ИВАН). Этот вопрос серьезно обсуждался в Ученом секретариате АН СССР. Но поскольку ИВАН не занимался вопросами изучения природных ресурсов, на что была ориентирована Комиссия после войны, этот вариант отпал [11, л. 8].

В конце концов решение было принято. 15 мая 1953 г. постановлением Президиума АН СССР Монгольская комиссия была ликвидирована. Президент АН СССР А. Н. Несмеянов в письме В. А. Обручеву 30 мая писал: «Уточняя структуру Академии Наук СССР, Президиум счел необходимым большую часть комиссий передать институтам, а другую часть комиссий ликвидировать. Это позволит сосредоточить всю научную и научно-организационную деятельность Академии в ее институтах и Бюро отделений... Монгольская комиссия была создана в свое время для оказания помощи развитию науки молодой народной республики. В настоящее время возник ряд народно-демократических республик, и в Советском Союзе созданы соответствующие учреждения для оказания им научной и научно-технической помощи, поэтому нет необходимости иметь особую Монгольскую Комиссию...» [11, л. 10].

Однако борьба на этом не заканчивается. В. А. Обручева вовсе не удовлетворили объяснения президента АН СССР. 10 июня он с болью пишет в Президиум АН: «...В связи с ликвидацией Монгольской Комиссии... исследование областей Внутренней Азии, начатое Географическим Обществом в 1870 г., как будто признано ненужным...» Знаменитый ученый напомнил, что Комиссия около 30 лет организовывала изучение географии, геологии, сельского хозяйства различных областей Монголии и Китая, и утверждал, что теперь ставится крест не только над всем этим, но и над экспедициями Н. М. Пржевальского и его преемников. Фактически В. А. Обручев просил Президиум АН СССР создать возможность для продолжения работ, выполнявшихся Комиссией [11, л. 13].

Днем раньше на заседании бюро Отделения геолого-географических наук АН СССР было принято решение просить Президиум АН отложить ликвидацию МОНК хотя бы до конца 1953 г., чтобы дать ей завершить проводимые работы по обработке материа-

лов и изданию трудов, а фактически продлить ее существование как учреждения, необходимого для сохранения преемственности исследований во Внутренней Азии. Через некоторое время ОГГН вновь обращается в Президиум АН с посланием, где указывалось, что ликвидация Комиссии нанесет удар по советской помощи Монголии, и снова содержалась просьба отложить эту ликвидацию [11, л. 15].

Письма такого характера продолжал писать и В. А. Обручев, по-прежнему предлагая реорганизовать МОНК в Комитет по изучению природы Внутренней Азии или передать Комиссию СОПС. Однако в СОПС Комиссия войти не могла, так как этот Совет занимался изучением производительных сил исключительно на территории СССР.

Президиум АН СССР безоговорочно поставил точку в этой борьбе 20 июля 1953 г., направив письма в ОГГН, В. С. Немчинову, В. А. Обручеву, где четко указывалось: «В связи с ходатайством Отделения геолого-географических наук от 9.VI об отмене постановления Президиума 15.V. с. г. о ликвидации Монгольской комиссии сообщая, что для удовлетворения этой просьбы Президиум не находит оснований...» [11, л. 31].

Итак, Монгольская комиссия прекратила свое существование после 27-летней деятельности по изучению МНР. Ее судьбу определил целый комплекс причин. К середине XX в. в советской науке происходят изменения, приведшие к новому этапу в ее развитии. Научная деятельность, подготовка научных кадров, накопленный опыт исследований выдвигают на ведущие роли в структуре Академии наук исследовательские институты, которым к этому времени уже не нужна такая организующая и централизующая структура, как МОНК, которая ставит задачи, требует сотрудников, но реально помочь в выполнении их не может из-за отсутствия действенных рычагов в ее руках. Этим и были обусловлены те организационные трудности сельскохозяйственной экспедиции, которую Комиссия не смогла обеспечить научными кадрами.

За время сотрудничества с МНР с помощью СССР создавалась собственно монгольская научная база, и экспедиции в Монголию в послевоенные годы все чаще приобретают совместный характер. Теперь реальные контакты опять же завязываются с конкретными институтами. Примерами этого стали Палеонтологическая (1946—1949 гг.), Историко-археологическая (1947—1949 гг.) экспедиции. Монгольская комиссия в этих новых условиях оказывалась уже лишней.

Рассматривая деятельность Комиссии в конце 40-х—начале 50-х годов, можно видеть, что ее изначальное предназначение — организация комплексных исследований — к данному времени претерпело изменения. Фактически произошел отход от комплексности: несмотря на запланированные работы в самых широких областях науки, все внимание МОНК сосредоточилось на сельскохозяйственной экспедиции. В данном случае проявились важные взаимосвязанные тенденции. От экспедиций, направляемых в Монголию уже с 30-х годов требовалось прежде всего достижение сугубо практически полезных результатов, которые могли быть сразу пущены в дело. Как сельскохозяйственная экспедиция 1947—1952 гг., так и более ранняя комплексная экспедиция 1930—1931 гг.

должны были самым скорым образом способствовать решению социально-экономических проблем МНР. Это резко сузило фронт работ, который Комиссия брала на себя изначально: из ее внимания сразу выпали исследования этнолого-лингвистические, археологические, антропологические, палеонтологические, а затем и геологические. Из обширного комплекса ботанических и зоологических работ остались только относящиеся к сельскому хозяйству Монголии.

Все это, конечно, объяснимо трудностями финансового порядка. Страна, разоренная войной, должна была выбирать приоритетные сферы вложения средств, в том числе и в науку. Таким образом, главная функция МОНК — организация широких комплексных экспедиционных исследований в МНР — была утрачена.

Это вполне можно связать с названным выше новым этапом в развитии отечественной науки. Комплексные исследования широкого плана давали важный материал в начальный реконструктивный период научного знакомства с Монголией. Монгольская комиссия направляла свои первые экспедиции в страну, почти абсолютно не изученную систематически. После четверти столетия различных изысканий как советских, так и монгольских ученых встала задача проведения более углубленных работ, чем и стали заниматься отдельные институты.

Нельзя, однако, не признать справедливость аргументов сторонников продолжения работы такого научного органа, как МОНК в реорганизованном виде. Но имело место влияние факторов иного рода. О них упоминал в письме В. А. Обручеву президент АН СССР А. Н. Несмеянов, говоря о появившихся странах народной демократии. Действительно, до войны Монголия — единственный союзник, последователь в строительстве социалистического общества, буферное с Китаем государство. Тесное сотрудничество с этой страной считалось одним из приоритетных направлений внешних связей СССР.

Ситуация кардинально изменилась после войны, когда ряд государств Восточной Европы взяли при содействии СССР курс на строительство социализма. На Востоке также происходил подобный процесс, приведший к тому, что ближайшие соседи Советского Союза — Северная Корея, а главное, огромный Китай после победы коммунистов начали воплощение в жизнь социалистических идей и оказались в его сфере влияния. В таких условиях Монголия в значительной степени потеряла прежнее место и значение в глазах советского руководства, что естественно сказалось и на научных связях, и на судьбе Монгольской комиссии. Некоторые ее сотрудники были привлечены для участия в советско-китайских экспедициях.

Возможно, существование МОНК даже несколько продлилось благодаря авторитету ученых, ее возглавлявших: В. Л. Комарову — одному из главных сторонников и организаторов комплексных исследований, В. А. Обручеву, Б. Б. Польнову. Но с уходом многих из них умерла и Комиссия.

Несмотря на все повороты в ее истории, влияние различных ненаучных факторов, можно сказать, что работы Монгольской комиссии имели важнейшее значение для экономического и культурного развития Монголии, а также стали базой для последующих исследований.

Список сокращений

АВ СПбФ ИВРАН	— Архив востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской Академии наук	МОНК	— Монгольская комиссия
АН СССР	— Академия наук СССР	ОГГН	— Отделение геолого-географических наук АН СССР
АРАН	— Архив Российской Академии наук	СОПС	— Совет по изучению производительных сил при АН СССР

Источники и литература

1. АВ СПбФ ИВРАН Ф. 104, оп. 1, д. 164.
2. АВ СПбФ ИВРАН Ф. 104, оп. 1, д. 166.
3. АРАН Ф. 339, оп. 1, д. 1.
4. АРАН Ф. 339, оп. 1, д. 2.
5. АРАН Ф. 339, оп. 1, д. 3.
6. АРАН Ф. 339, оп. 1, д. 4.
7. АРАН Ф. 339, оп. 1, д. 6.
8. АРАН Ф. 339, оп. 1, д. 8.
9. АРАН Ф. 642, оп. 3, д. 109.
10. АРАН Ф. 642, оп. 3, д. 116.
11. АРАН Ф. 642, оп. 3, д. 136.
12. АРАН Ф. 642, оп. 4, д. 138.
13. АРАН Ф. 642, оп. 4, д. 870.
14. В Монгольской комиссии АН СССР // Вестник АН СССР. 1945, № 9.
15. История советско-монгольских отношений. М., 1981.
16. Мурзаев Э. М. Географические исследования Монгольской Народной Республики. М.; Л., 1948.
17. Мурзаев Э. М. Годы исканий в Азии. М., 1973.
18. Советско-монгольские отношения 1921—1974. Т. 2. 1941—1974. Часть 1: Сб. док. М.; Улан-Батор, 1979.
19. Труды Монгольской комиссии. Вып. 40. М., 1951.
20. Труды Монгольской комиссии. Вып. 41. М., 1951.
20. Труды Монгольской комиссии. Вып. 52. М., 1953.

А. Г. Юрченко

Монгольская мужская прическа XIII века

Мужчины Монгольской империи обязаны были носить сложный тип прически. Требование одинаковой укладки волос на голове распространялось на всех мужчин, находящихся на службе, независимо от их этнического происхождения и социального статуса. Прическа Чингис-хана не отличалась от прически рядового воина в его армии. Это обстоятельство требует объяснения, особенно с учетом того факта, что в империи царил принцип строгого иерархического соподчинения, который предполагает существенные различия во внешнем облике. Так, например, костюм старших по званию имел важные отличительные детали; в первую очередь это касается золотых поясов¹. Корпоративная солидарность великого хана и его гвардии нашла отражение в геральдических символах: седло и конские ремни Чингис-хана и кешиктенов (дневной и ночной стражи в ставке хана) украшались фигурами свернувшихся драконов². Различались по материалу и надписям пайцзы³, правом пользования «зонтом» обладало лишь ограниченное число высших военных чинов и члены императорской фамилии⁴, а мужская прическа была одинакова для всех. Удивление вызывает как раз однообразность формы прически. В семиотическом плане эту прическу можно рассматривать как знак, который всегда «находится» при мужчине. Очевидная функция этого знака заключалась в идентификации «своих» на фоне «чужих». Наша задача — выявить ролевое поле этого знака. В известном смысле можно утверждать, что все военнообязанное мужское население Монгольской империи представляло консолидированную группу, внешним признаком которой и выступала прическа. В исторической энциклопедии Винцентия из Бовэ (1265 г.), который использовал донесения дипломатических миссий к монголам и другие документы из архива римской курии, после описания монгольской прически сказано, что точно так же бреют макушку и носят косы за ушами все, кто живет вместе с ними: команы⁵, саррацены и другие, но лица этих людей не похожи на лица татар⁶. Таким образом, вопрос о неизменном постоянстве способа укладки волос выходит далеко за пределы этнографической проблематики и, видимо, должен

рассматриваться в другой системе координат. Речь идет об имперской культуре. Так, например, уже упоминавшиеся воинские пояса с геральдическими изображениями драконов появляются в монгольской среде как бы в одночасье. И связано это было с резко изменившимся уровнем государственного строительства после реформ 1206 г., когда при оформлении новых элит потребовались новые объединительные символы. В строго иерархической вертикали империи правая мужская сторона «уравновешивалась» левой женской (ср: Рашид ад-Дин. Т. II: 133). Женским эквивалентом сложной мужской прически выступала *бокка*. И подобно тому, как форма прически была одинаковой для всех мужчин от императора до рядового воина, так и форма *бокка* была одинаковой для всех женщин в империи. Разумеется, что речь идет о женах, чьи мужья состояли на военной или административной службе у великого хана.

Свидетельствам современников событий, как правило, обращавших внимание на внешнюю сторону явлений⁷, принадлежит решающее значение для анализа заявленной темы, ибо нас интересует функция мужской прически. Прояснив мотивацию подобных описаний, мы сможем приблизиться к пониманию истинного назначения того или иного предмета в имперской культуре (одежды, головного убора, прически). Известно, что отличительные черты во внешнем облике представителей любого сообщества выполняют функцию культурного знака, в котором материализована невидимая для наблюдателя система социальных связей. В середине XIII в. усилиями францисканцев христианский Запад открывал для себя ранее малоизвестный мир азиатской культуры. В донесениях францисканской миссии 1245 г., побывавшей в кочевой столице великого хана близ Каракорума, среди множества разнообразных и важных тем включены детальные описания монгольской мужской прически. С какой целью это сделано? Трудно предполагать, что римская курия интересовалась подобными вещами. Следовательно, у папских послов имелись какие-то веские основания для описания внешнего облика монголов. Проведя более полутора лет в странствиях по дорогам Монголь-

ской империи и участвуя в важных церемониях (коронации хана Гуюка), они могли на собственном опыте убедиться в том, что империя выработала сложную систему символов. Донесения францисканцев являются своеобразным тестом, призванным ответить на ключевые для Запада вопросы о появлении на культурном горизонте христианского мира грозной и неизвестной силы. Не секрет, что монгольское нашествие было воспринято западной элитой как предвозвестие Страшного Суда. Истинной целью странствия францисканцев был сбор достоверных сведений, касающихся происхождения, верований и образа жизни кочевых орд, а также намерений их предводителей. Путешествие западной миссии к границам познанного мира призвано было раздвинуть занавес неизвестности и снять напряжение ожидаемой вселенской катастрофы. Мир имперской культуры, открывшийся взорам францисканцев, не соответствовал слухам и стереотипам западных христиан, поэтому одна из скрытых целей миссии заключалась в создании новой картины Азии. Несомненно, папские послы осознавали степень неосведомленности Запада относительно восточных реалий. Сложнее ответить на вопрос, как далеко готовы были пойти они в скрытой полемике с ирреальными представлениями современников. Донесения миссии задают новую перспективу в восприятии Азии, решительно порывая с апокалиптической традицией, нашедшей свое монументальное воплощение в творчестве Матвея Парижского⁸. На практике это означало внимание к детальному описанию внешних проявлений чужого образа жизни, за которым угадывается стремление осознать феномен имперской культуры. Масштабность поставленных целей определяла характер наблюдений францисканцев. Поэтому, обращаясь, казалось бы, к частным сведениям из их донесений, следует помнить, для какой аудитории предназначались эти описания.

В глазах средневекового европейца острижение волос ассоциировалось с жизнью в обществе по определенным правилам поведения⁹. Внешний вид и прическа жителей той или иной страны могли выступать в качестве одной из важных характеристик. Например, доминиканцы, отправившиеся на поиски «прародины венгров» в 1234 г., достигли Зихии. В отчете доминиканцев отмечается, что все мужчины в Зихии наголо бреют голову и тщательно растят бороды, и только знатные, демонстрируя свою знатность, оставляют над левым виском немного волос, выбривая всю остальную часть головы¹⁰. Самим францисканцам предписывалось уставом быть гладко выбритыми и носить тонзуру на голове. Выбритая макушка францисканцев поразительным образом напоминала выбритый круг на голове у монголов. Это случайное совпадение было отмечено самими францисканцами. Особый интерес ситуации придает и то обстоятельство, что китайские дипломаты этого времени тщательным образом описывали устройство монгольской прически.

Как уже сказано, участники францисканской миссии 1245 г. первыми из европейцев выполнили подробное описание этого ныне исчезнувшего способа укладки волос монголами. Наблюдения брата Иоанна де Плано Карпини и его спутника и переводчика брата Бенедикта Поляка во многом совпадают со сведения-

ми китайских дипломатов XIII в. И те и другие наблюдения находят подтверждение в портретах монгольских императоров — Чингис-хана, его сына и внука — Угедея и Хубилая и внука последнего — Тэмюра (1294—1307), найденных в 20-х годах XX в. в старом императорском дворце в Пекине¹¹.

Выглядела эта прическа следующим образом. У мужчин, начиная с первой стрижки волос, проводившейся в трех- или пятилетнем возрасте, выбривали макушку и затылок, но оставляли челку, свисавшую на лоб, и волосы на обоих висках (их заплетали в две небольшие косички). У мальчиков они торчали короткими хвостиками в разные стороны, мужчины их укладывали локонами за ушами. На средневековых каменных изваяниях, найденных в степях Восточной Монголии и, вероятно, изображавших представителей «золотого рода» Чингизидов, в ряде случаев прослеживается именно такой тип прически¹². К XX в. эта прическа естественно вышла из употребления, но ее детский вариант с двумя торчащими косичками изредка встречается и в наши дни в отдаленных районах Монголии¹³.

Брат Бенедикт в своем донесении, сохранившемся в пересказе брата Ц. де Бридиа, сообщает: «Они выбривают на голове круг, наподобие наших клириков, имеющих [тонзуру], от которого они обыкновенно выбривают в направлении каждого уха [полосу] размером в три пальца. А на лбу они носят челку до самых бровей, ниспадающую в виде полумесяца. А оставшиеся же волосы они отпускают и заплетают [в косы], как саррацены»¹⁴. Согласно сведениям брата Иоанна, «на темени у них тонзура, как у клириков, а от одного уха до другого все, как правило, выбривают [полосу] шириной в три пальца; эти выбритые места соединяются с вышеупомянутой тонзурой. Также и надо лбом они все сходным образом выбривают [полосу] шириной в два пальца. А те волосы, которые находятся между тонзурой и вышеотмеченной выбритой [полосой], отпускают расти до самых бровей и, выстригая [их] с обеих сторон лба больше, чем в середине, делают длинные пряди. Остальным же прядям они, как женщины [у нас], дают расти; из них делают две косы и каждую [из кос] привязывают за [соответствующим] ухом»¹⁵.

Согласно наблюдениям южнокитайского посла Чжао Хуна (1222 г.), «в верхах вплоть до [самого] Чингиса и в низах до [рядового] подданного все бреют голову, оставляя три чуба, как у китайских мальчиков. Когда передний немного отрастает, его подстригают, а два боковых связывают в маленькие пучки и спускают на плечи»¹⁶. Секретарь другой южнокитайской дипломатической миссии ко двору монгольского главнокомандующего в Северном Китае (1233 г.), Пэн Да-я отмечает: «[Что касается] их головных уборов, [то они] распускают волосы и завязывают [их] в узлы»¹⁷. «Мужчины и девушки связывают волосы и опускают их на уши» — отмечается в путевых записках о путешествии даосского монаха Чань Чуня в Монголию и Среднюю Азию в 1220—1226 гг.¹⁸ В переводе Н. Ц. Мункуева это предложение звучит так: «Мужчины связывают волосы и свешивают [их] до ушей»¹⁹. Близкую к монгольской мужской прическе носили кидани; они также брили волосы на макуш-

ке, а сзади и по бокам оставляли²⁰. Важный материал по киданьскому костюму, и по прическам в частности, дают настенные росписи гробниц киданьской знати X—XI вв. Согласно изображениям, макушка и затылок выбриты, на висках всегда две длинные пряди, нередко заплетенные в косички; пряди свисают перед ушами или заложены за уши. Часто над лбом, от виска к виску, оставлена ровная короткая челка.

Очевидно, что за «этнографическими» описаниями западных и восточных дипломатов скрыты жизненные реалии монгольской империи²¹. Империя манифестировала свое рождение на всех уровнях бытия, от повседневной жизни²² до общегосударственных праздников и ритуалов²³. Почти с неизбежностью этот процесс породил поток символов, призванных узаконить новую расстановку сил. Сложнее ответить на вопрос, насколько этот факт осознавался наблюдателями и теми, кто был вынужден принять новую реальность. К середине XIII в. этноним *монгол* превратился в общеимперский политоним²⁴. Рашид ад-Дин отмечает, что в его время, т. е. в XIV в., тюркские племена именуют себя монголами, «хотя в древности они не признавали этого имени»²⁵. Причина этого стремления — величие и могущество монголов. «Ныне дошло до того, что монголами называют народы Китая и Джурджэ, нангясов, уйгуров, кипчаков, туркмен, карлуков, калачей, всех пленных и таджикские народности, которые выросли в среде монголов. И эта совокупность народов для своего величия и достоинства признает полезным называть себя монголами»²⁶. Империя была открытой системой, ориентированной на включение и адаптацию новых групп. «Монголами» были все, кто обрел свое место в новой иерархии власти. Можно не сомневаться, что кидань Елюй Чу-цай, советник Чингис-хана по управлению Китаем, и венецианец Марко Поло, служивший гонцом при Хубилае, носили халаты и прически на монгольский манер. В этой перспективе требование однообразия мужской прически, наряду со способом запахивания полы одежды и женским головным убором *бокка*, следует рассматривать как интегрирующие факторы в жизни «Великого монгольского государства». Перечисленные внешние формы выступали как признак включенности в новую социальную среду и подчинения императивам «Великого монгольского государства». Приведу два примера. Первый, типологического характера: в 1207 г. правитель Сычуани У Си объявил о неподчинении Южной Сун и обратился за покровительством к империи Цзинь. Он даже ввел «варварский» способ запахивания полы одежды на левую сторону, что было символом полного подчинения чжурчжэньским правителям²⁷. Присутствуя летом 1246 г. на главной церемонии — аудиенции с великим ханом, францисканцы на какое-то мгновение стали участниками мировой драмы, ибо по условиям ритуала им следовало облачиться в шитые золотом халаты²⁸. В противном случае, они не были бы допущены пред лицо императора. Как хорошо известно, вступая в орден, братья минориты приносили обет бедности, обязуясь, в частности, ходить босиком, а из одежды пользоваться только туникой из грубой шерсти. На приеме у великого хана францисканцы проявили удивительную дипломатическую гибкость. С точки зрения орга-

низаторов ритуала, облачение участников в праздничные одеяния символизировало их включенность в космос империи и определяло их место в иерархии власти²⁹. И одновременно призвано было продемонстрировать лояльность представителей еще не покоренных территорий новому владыке мира. Другими словами, послы папы (а в их лице и сам папа) мыслились как подданные империи³⁰. Видимо, это обстоятельство ускользнуло от внимания францисканцев. Секретарь султана Джелал ад-Дина, ан-Насави с осуждением пишет о правителе Хамадана, который подчинился монголам во время их войны с хорезмшахом: «Он вступил с ними в переписку, выказывая покорность, послушание и объявляя о своем подчинении. Татары прислали ему татарскую почетную одежду, известную злополучием и скроенную подлостью и позором. И он надел ее, выказывая им дружелюбие, и очернил свое лицо краской отступничества»³¹.

Известно, что средневековые общества были обществами высокой знаковости. Знаковая сущность явлений и вещей доминировала над их реальной сущностью. И одновременно мир высокой знаковости воспринимался как социально организованный³². Это положение и иллюстрируют вышеприведенные описания, выполненные представителями других культур. В частности, донесения францисканцев призваны были, в противовес невероятным слухам о диких обитателях степей, представить мир кочевников как высоко организованный социум. Внешним наблюдателям бросалась в глаза не странная форма прически или головного убора, но их однообразие. Францисканцы, описывая форму мужской прически, на самом деле описывают имперскую униформу. Сам факт подробного описания монгольской мужской прически в отчетах европейских и южнокитайских дипломатических миссий свидетельствует о значимости этой внешней детали как имперского символа. Интересно отметить, что в Корее одно время монголы требовали от короля и его подданных наличия кос как знака покорности³³. После взятия Самарканда монголы вывели население и гарнизон в степь, отделили тюрков от таджиков и всех распределили на десятки и сотни. «По монгольскому обычаю тюркам они [приказали] собрать и закрутить волосы [дословно: тюркам соорудили на монгольский манер *нузүл* и *какүл*. *Какүл* — особый вид прически, при которой волосы собирались на голове пучком и закручивались]»³⁴. Согласие тюрков изменить прическу гарантировало им сохранение жизни. Известны и обратные примеры, но в таких случаях изменение монгольской прически на прическу противника относилось уже к разряду боевых хитростей. Иллюстрацией к словам брата Иоанна о том, что монголы «самые хитрые [из всех] в военном деле» может служить история с переодеванием войска Хулагу-хана. При осаде одного из городов в окрестностях Мосула, сообщает Рашид ад-Дин, монголы переоделись в одежду сирийцев, «выпустив по курдскому обычаю волосы». «Жители города, полагая, что это сирийцы, которые идут [им] на помощь, вышли [из города] навстречу и торжествовали. Монгольское войско окружило их со [всех] сторон и не одного не оставило в живых»³⁵. В хронике сирийского автора ал-Макина ибн ал-Амида сообщается о трагической судьбе айю-

бидского принца, который в 1260 г. подчинился монголам, а потом предстал перед своими собратьями по вере и был предан смерти по приказу султана за то, что «одевался на татарский манер, пил вино во время рамадана и нарушал законы ислама»³⁶. Христианская Европа, похоже, быстро научилась распознавать монголов по их внешнему виду. Когда слуги Иоанна де Плано Карпини по просьбе кардинала, легата Алемании, вошли на прием к нему в монгольских одеждах, то чуть не были убиты рыцарями-тевтонцами, принявшими их за настоящих монголов.

При династии Юань китайцы должны были заплетать волосы в косу и укладывать ее узлом, носить монгольское платье и говорить на языке «северных варваров»³⁷. После свержения династии Юань новый китайский император издал указ восстановить формы одежды, головных уборов населения по танскому образцу. Все «монгольское» было запрещено. На основании древних книг об обрядах были установлены для всех классов населения формы повседневной одежды, жилищ, экипажей и т. д. соответственно рангам и социальным условиям. Любые нарушения пресекались законом.

Чагатаи при Тимуре (конец XIV в.) считали себя вполне мусульманским войском, хотя по своей внешности и по своему военному устройству оставались верны традициям Чингис-хана. Резким внешним отличием Тимура и его воинов от прочих мусульман были сохраненные ими, по монгольскому обычаю, косы, что подтверждается и некоторыми среднеазиатскими иллюстрированными рукописями того времени³⁸. Головной убор одного из «чагатаев» в описании испанского посла Руи Гонсалеса де Клавихо выглядел следующим образом: сеньор Эрзинджана «на голове носил высокую шапку, отделанную жемчугом и драгоценными камнями. Верх шапки имел золотое навершие, с которого спускались две косы, из красных волос, сплетенные в три пряди, ниспадавших сзади и доходящих до плеч. Эти волосы, так сплетенные, и есть знак отличия [воинов] Тамурбека»³⁹. Испанский посол совершенно верно отметил знаковый характер косы в облике чагатаев. Нам остается лишь добавить, что эта коса унаследовала имперскую моду начала XIII в. Когда войско Тимура осаждало Дамаск (1400—1401 гг.), его внук Султан-Хусейн изменил своему деду и перешел на сторону осажденных; ему прежде всего отрезали косу и заставили переменить одежду⁴⁰. Приведенные примеры показывают, что в средневековых государствах кочевников прическа взрослых мужчин определяла в первую очередь социальный статус человека. Может создаться впечатление, что только на Востоке мужская прическа была предметом государственного интереса. В средневековой Европе наблюдалось то же самое явление, но функция контроля принадлежала церкви. Папский легат, епископ Филипп де Фермо, прибыв на собор в Буду (Венгрия) в 1279 г., обвинил венгров, которые, казалось, решили отвергнуть христианство, изменив свои прически и одежды по образцу, заимствованному у команов⁴¹. Обвинение касалось безобразно распущенных длинных волос и одежды, подобающей женщинам. Епископ призвал венгров вернуться к прежнему виду и католической вере. Тем самым он обозначил влияние команов, обосновавшихся в Венгрии, после того, как те по-

кинули причерноморские степи. Влияние команского имиджа было настолько сильным, что вызвало тревогу у духовенства, обеспокоенного за чистоту веры.

По мнению Д. Баяра, строгое соблюдение традиционной формы укладки волос диктовалось символической значимостью волос в системе представлений монголов XIII—XIV вв.: данные героического эпоса и исторических хроник указывают на то, что у монголов существовало особое отношение к волосам мужчины как к символу чести и непобедимости⁴². Возникает вопрос: зачем же тогда монголы заставляли своих побежденных противников носить волосы на монгольский манер? Символическое значение, о котором пишет Баяр, могло быть связано с формой прически, тогда как ее знаковая (содержательный аспект) определялась иными причинами. Истоки этого явления следует искать в новой реальности, отвечавшей потребностям империи. Насильственная смена прически у тюрков-канглы, корейцев и китайцев выступала как знак их покорности новым правителям. Одновременно смена прически (и, шире, всего внешнего облика) свидетельствовала о приобщении покоренных народов к новой социальной среде «Великого монгольского государства»⁴³. Перемена прически, равно как и одежды, означала превращение новых подданных в «монголов», что открывало им доступ к известным социальным привилегиям. Иными словами, тип прически выступал как надэтнический, общеимперский признак, и в каком-то смысле даже не являлся личным достоянием носителя. Сравним с любопытными сведениями автора XVIII в. статского советника А. В. Игумнова, который описывает правовые обычаи современных ему монголов: «Если двое между собой подерутся и один другого схватит за косу, или оную и совсем вырвет, то сей учинит преступление наказания достойное: ибо коса принадлежит князю и служит знаком верноподданства; но если около косы будут незаплетенные длинные волосы, то за оные может тереть всякой не опасаясь наказания, потому что сии волосы почитаются собственностью не принадлежащею князю»⁴⁴. Тот же автор пишет в примечании: «По завоевании Китая манджуями [манджурами], около половины XVII века, введено победителями в обыкновение, чтобы и китайцы подобно им стригли вокруг головы волосы и оставленный на маковке хохол заплетали в косу. Замечательно при том, что самые жестокие поступки манджуев не тревожили столь много китайцев как сия новость»⁴⁵. По материалам В. И. Вербицкого, у алтайцев чуб зайсанга до того неприкосновенен для окружающих, что к нему нельзя прикоснуться даже в момент пострижения волос⁴⁶.

В XIII в. сложная мужская прическа была одним из зримых образов складывающейся имперской культуры на всем ее широком пространстве от Китая до Восточной Европы. Возможно, именно по этой причине западные и восточные дипломаты обращали столь пристальное внимание на внешний облик правящей элиты и подчеркивали малейшие градации в этом облике. Становится ясным, что францисканцами двигало не любопытство к экзотическому способу укладки волос, а стремление наиболее адекватно описать символы империи в их зримом воплощении. Имперская мода выполняла функцию социального регулятора, очерчивая

границу между «своими» и «чужими», и одновременно оставляла открытой возможность для вхождения новых групп в культурное пространство империи. В XIII в. описанная францисканцами мужская прическа не была принадлежностью какой-то замкнутой, привилегированной группы. Собственно, на это обстоятельство, мы и хотели обратить внимание исследователей, прежде чем перейти к рассмотрению более поздних материалов.

Имперский тип прически переживет империю, но прежде чем стать этнографической реальностью, на протяжении столетий будет сохранять у кочевников функцию престижного знака. Барон Сигизмунд Герберштейн писал о прическах татар (начало XVI в.): «Волосы они отпускают только на бороде, а остальное бреют. Только более именитые носят за ушами косы, и [притом очень] черные»⁴⁷. Ношение кос за ушами — монгольский тип прически. В 1476 г. через поволжские степи проехал венецианский дипломат Амброджо Контарини, который сообщает с чужих слов, что по другую сторону Волги кочуют дикие татары, и именно они носят длинные волосы до пояса⁴⁸. Длинные волосы «диких татар» напоминают прическу половцев. «А чело все бреют, кроме молодых и особ знатных, яко суть царики их и мурзы, иже себе хохлы наверху глав оставляют», — отмечает русский историк XVII в. Андрей Лызлов, описывая татар, кочевавших в причерноморских степях⁴⁹. Черкесские та-

тары, обитавшие в XVII в. между ногайской степью и Дагестаном, по словам Адама Олеария, выбривают полосу через всю голову и оставляют косу на затылке. Длинные и черные, как смоль, волосы висят по обеим сторонам лица, иногда распущенные, а иногда завязанные или заплетенные⁵⁰. По наблюдениям Палласа (XVIII в.), у калмыков «все мужчины голову бреют и оставляют только на маковке прядку волос, которую обыкновенно в одну, а знатные в две или три косы плетут»⁵¹. В эпическом сказании «Джангар» встречается слово *кукел*, обозначающее часть прически героя (челку или чуб на лбу). Сейчас у всех монголоязычных народов словом *хохол* или *гохол* обозначают челку — небольшую свисающую вперед прядь волос, главным образом применительно к лошадям⁵². Это слово зафиксировано в «Сокровенном сказании» (§ 56) и «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина в форме *kägül*, *kegül*. Баяр разделяет мнение, что данный термин позже был заимствован русскими в форме «хохол», тоже в применении к сходной по форме прическе, бытовавшей у запорожских казаков⁵³. Утверждение Баяра, частично повторяющее более раннюю гипотезу Г. Локоча, который возводил рус. *хохол* к перс. *kakul* 'прядь', совершенно неприемлемо, так как слова, родственные рус. *хохол* засвидетельствованы не только в чешском, словацком и польском, но также в полабском и в обоих сербо-лужицких языках⁵⁴.

Примечания

1. Буряков Ю. Ф., Крамаровский М. Г. Поясной набор XIII в. из Самарканда // СА. 1974. № 2.
2. Крамаровский М. Г. О доблести и пряжке у Чингизидов: (В связи с новой находкой воинского пояса первой половины XIII в.) // Эрмитажные чтения: Тез. докл. СПб., 1999. С. 43—44.
3. Munküjev N. Ts. A New Mongolian p'ai-tzu from Simferopol // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest. 31:2. 1977. P. 185—215; Крамаровский М. Г. Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры // Золотая Орда и ее наследие. Тюркологический сборник 2000. М., 2002. С. 214—221.
4. Книга Марко Поло / Пер. старофранц. текста И. П. Минаева; Ред. и вступ. ст. И. П. Магидовича. М., 1956. С. 103.
5. Половецкой формой прически были три длинных косы, которые свисали по спине до пояса, см.: Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е4-2. М., 1974. С. 51—52.
6. Talem etiam rasuram habent omnes illi qui cum eis sunt, ut Comani ad Saraceni et alii, sed facies hominum eorum dissimiles sunt facibus Tartarorum, см.: Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares / Publiée par J. Richard. Paris, 1965. XXX. 71.
7. Прически чужеземцев всегда вызывали интерес. Так, например, в «Хронографии» Феофана Исповедника (814 г.) сообщается: «В Византий вступило необыкновенное племя так называемых аваров, и весь город сбегался посмотреть на них, так как никогда не видели такого племени. Сзади волосы у них были очень длинными, связанными пучками и переплетенными, остальная же их одежда подобна [одежде] остальных гуннов», см.: Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. (Тексты, перевод, комментарий). М., 1980. С. 52.
8. Ср.: Saunders J. J. Matthew Paris and the Mongols // Essays in Medieval History Presented to Bertie Wilkinson. Toronto, 1969. P. 116—132; Hilpert H.-E. Kaiser- und Papstbriefe in den Chronica majora des Matthaeus Paris. Stuttgart, 1981.
9. Констебл Д. Бороды в истории. Символы, моды, восприятие // Одиссей: Человек в истории. 1994. Картина мира в народном и ученом сознании. М., 1994. С. 170—171.
10. Puxard. О существовании Великой Венгрии. 2. 5: Omnes viri caput omnino radunt et barbas nutriunt delicate, nobilibus exceptis, qui in signum nobilitatis super auriculam sinistram paucos relinquunt capillos, cetera parte capitis tota rasa; Dörrie H. Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen. Die Missionsreisen des fr. Julianus O.P. ins Uralgebiet (1234/5) und nach Rußland (1237) und der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tartaren (Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I. Philol.-Hist. Kl.). Göttingen, 1956. N 6. S. 125—202.
11. Сычев Л. П. Об иконографии Чингис-хана и его преемников // Народы Азии и Африки. 1968. № 6.
12. Баяр Д. Прически монголов в XIII—XIV вв. // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск, 1993; Bayar D. Reverence for man's hairstyle in the traditional imagination of Mongols // Asiatic pacific culture. 1990. № 44. P. 2—5.
13. Консультация Н. Л. Жуковской.
14. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. «История Тартар» брата Ц. де Бридиа / Критич. текст, пер. с латыни С. В. Аксенова и А. Г. Юрченко; Экспозиция, исслед. и указ. А. Г. Юрченко. СПб., 2002. С. 115.
15. Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli / Ed. critica del testo latino a cura di E. Menestò; trad. italiana a cura di M. C. Lungarotti e note di P. Daffinà; introduzione di L. Petch; studi storico-filologici di C. Leonardi; M. C. Lungarotti; E. Menestò. Spoleto, 1989. Cap. II. 2.
16. Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар) / Факсимиле ксилографа; Пер. с кит., введ., коммент. и прилож. Н. Ц. Мункуева. М., 1975. С. 75.
17. «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй-Тина / Публ. и коммент. Линь Кюн-и и Н. Ц. Мункуева // Проблемы востоковедения. М., 1960. № 5. С. 140.
18. Си-ю Цзи, или Описание путешествия на запад // Труды членов русской духовной миссии в Пекине. СПб., 1866. Т. 4. С. 288.
19. Цит. по: «Мэн-да бэй-лу». С. 76.
20. Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983. С. 61.

21. Ср.: Горелик М. В. Монгольский костюм XIII—XIV веков как имперское интегрирующее явление // IV Всесоюзная конференция востоковедов «Восток: прошлое и будущее народов»: Тез. докл. и сообщ. Махачкала, 1—5 октября 1991. М., 1991. Т. II. С. 97—98.
22. В качестве типологического примера глубоких перемен можно сослаться на такое любопытное явление имперского быта как массовое использование неразборных юрт, установленных на подвижные платформы, влекомые быками или верблюдами. Брат Вильгельм де Рубрук описывает юрту на повозке, которую тащили 22 быка. Неразборных юрт у современных монголов не существует. Мобильные жилища были вызваны к жизни потребностями крупных военных кампаний, которые вела империя на всем пространстве Евразии, см.: Ибрагимова А. А. Некоторые материалы к вопросу о колесном движении у кочевников Средней Азии // Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР. 1962. Т. 15. С. 128—137.
23. Юрченко А. Г. Элита Монгольской империи: время праздников // Altaica. IV. М., 2000.
24. Кляшторный С. Г. Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993. С. 140.
25. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. Ред. и примеч. А. А. Семенова. М.; Л., 1952. Т. I. Кн. I. С. 102.
26. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. I. С. 103.
27. Школяр С. А. Сычуаньский мятеж 1207 г. и его место в отношениях между государствами Южной Сун и Цзинь в начале XIII в. // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР: (Докл. и сообщ.). Январь 1982. М., 1983. Ч. I. С. 219—221.
28. Об этом сообщают брат Салимбене из Пармы, с которым брат Иоанн вел доверительные беседы, после своего возвращения в Европу, см.: Salimbene de Adam. Chronica // MGH SS 32, L. 296b; и некий схоластик из Лиона, который передает рассказ брата Бенедикта, см.: Sinica Franciscana, vol. I: Itinera et relationes Fratrum Minorum saeculi XIII et XIV. Collegit, ad fidem codicum redegit et adnotavit P. Anastasius Van Den Wyngaert O.F.M., Quaracchi-Firenze, 1929. [Relatio Fr. Benedicti Poloni, 9]
29. Ср. с речью Огуза покориившимся ему франкам: «И пусть каждые два месяца ко мне прибывает один человек из вашего племени. Я буду выдавать ему почетные одежды и отсылать обратно», см.: Фазлаллах Рашид ад-Дин. Огуз-наме / Пер. с перс., предисл., коммент., примеч. и указ. Р. М. Шукуровой. Баку, 1987. С. 49.
30. Ср. с текстом послания великого хана папе, оригинал которого был обнаружен в 1920 г. в архивах Ватикана, см.: Pelliot P. La lettre du Grand Khan Güyük a Innocent IV // Revue de l'Orient Chrétien. 3e série 3. Vol. XXIII. Paris, 1922—1923. P. 3—30.
31. Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насаби. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / Изд. критич. текста, пер. с араб., предисл., коммент., примеч. и указ. З. М. Буниятова. М., 1996. § 32. (Памятники письменности Востока. CVII).
32. Ср. с описанием мусульман Самарканда в записках о путешествии Чань-Чуня в Среднюю Азию в 1222—1233 гг.: «Мужчины и женщины заплетают волосы. Шапки у мужчин издали виднеются, как горы: шапки украшены разноцветной тканью, по которой вышиты узоры облаками; к ним привешиваются кисти. Такие шапки носят, начиная с главы, все чиновные люди; простой же народ, вместо шапки, обертывает голову куском белой мосы [род холста] около шести футов. <...> Платье старейшины одинаково с его соотечественниками, а голова обернута тонкой мосы, длиной в 32 фута на бамбуковой тулье» (Палладий [Кафаров П. И.]. Си ю цзи, или описание путешествия на Запад // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. СПб., 1866. Т. IV. С. 325—327).
33. Примечание Н. Ц. Мункуева, см.: «Мэн-да бэй-лу». С. 185.
34. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с перс. О. И. Смирновой; Примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой; Ред. А. А. Семенова. М.; Л., 1952. Т. I. Кн. 2. С. 208.
35. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с перс. А. К. Арендса под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского. М.; Л., 1946. Т. III. С. 58.
36. al-Makīn ibn al-'Amid. Chronique des Ayyoubides / Trad. A.-M. Eddé et F. Micheau. Paris. Académie des Inscriptions, 1994. P. 120 (Documents relatifs à l'histoire des croisades, XVI).
37. У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана / Пер. с кит. А. И. Желуховцева, Л. А. Боровкиной, Н. Ц. Мункуева; Под ред. В. П. Илюшкина; Предисл. Л. С. Переломова. М., 1980. С. 131.
38. Горелик М. В. Монголы и огузы в тебризской миниатюре XIV—XV вв. // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии: Докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. М., 1983. Ч. I. С. 69.
39. Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403—1406) / Пер. со старонсп., предисл. и коммент. И. С. Мироковой. М., 1990. С. 63.
40. Бартольд В. В. Сочинения. М., 1968. Т. V. С. 171.
41. Мурзулия Н. П., Шушарин В. П. Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII—XIII веках. М., 1998. С. 174—176.
42. Баяр Д. Указ. соч. С. 117.
43. Ранее эту мысль высказал Ришар, ср.: Richard J. Sur un passage de Simon de Saint-Quentin. Le costume, signe de soumission dans le monde mongol // Études mongoles et sibériennes 27. Actes de la 37e P.I.A.C. 1996. P. 231—232.
44. [Измаилов А. В.] Обзорение Монголии // Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским. СПб., 1819. Ч. 6. С. 111—113.
45. Там же. С. 111—113.
46. Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований. М., 1893. С. 80.
47. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Маленина и А. В. Назаренко; Вступ. ст. А. Л. Хорошкевич; Под ред. В. Л. Янина. М., 1988. С. 167.
48. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 223.
49. Лызов А. Скифская история / Подгот. текста, коммент. А. П. Богданова; Отв. ред. Е. В. Чистякова. М., 1990. С. 119.
50. Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 1001.
51. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства / Перевел с немецкого Ф. Томанский. СПб., 1773—1788. Ч. I. С. 460.
52. Баяр Д. Указ. соч. С. 117.
53. Там же. С. 117.
54. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка М., 1986. Т. IV. С. 272.

А. А. Бурыкин, О. Ю. Коробейникова

**Слова «калмык», «калмыцкий»
в русском языке XVIII века**

(По материалам картотеки Словаря русского языка XVIII в.)

В Словарном отделе Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) уже в течение многих лет составляется «Словарь русского языка XVIII века». Источниками этого словаря являются самые разные памятники русского языка, начиная с эпохи Петра и заканчивая временем царствования императора Павла I — официальные государственные документы, журнальная периодика и первые русские газеты, научные труды по самым разным областям знаний, записки путешественников, словари, произведения художественной литературы, частные письма. В минувшем году вышел в свет 9-й выпуск словаря, включающий слова на букву «К». Среди этих слов есть и слова «калмык», «калмыцкий»¹.

Восемнадцатый век — интереснейшее в историко-культурном отношении время в политической и культурной истории России, превращающейся в этот период в развитую и просвещенную европейскую державу. Не менее интересно это столетие и в истории калмыцкого народа, который к его концу уже более полутора веков находился в составе Российского государства и проживал на той территории, на которой живет и ныне. Работа лексикографов-историков русского языка позволила собрать и представить в компактном виде множество упоминаний о калмыцком народе, представленных в самых разных документах и литературных произведениях. Основываясь на материалах вышеупомянутого словаря и в особенности его картотеки, можно составить себе довольно полное представление о том, каким был образ калмыцкого народа в глазах русских людей XVIII века, явившегося для России веком Просвещения, веком становления отечественной гуманитарной науки — истории, этнографии, языкознания.

Одно из первых упоминаний о калмыках в документах XVIII в.² — это перечисление народов, кочующих в степях юга и юго-востока России: «Владения народов степных суть разсеянна во многие орды и народы, как татары, калмыки, мунгалцы, киргизы и прочия, от них же каждая орда имеет своего

князя, или мурзу, или таишу, которые в разсеянии по великим степям при водах избрав своему скоту место пажитное неколико время ту обитают...» (География или краткое земного круга описание. М., 1710. С. 66). Чрезвычайно показательно, что калмыки в этом перечне народов занимают второе место после татар — того народа, который был хорошо знаком русским в течение предыдущих пяти столетий. Это не случайность — это отражение закономерного процесса знакомства с народами, живущими к востоку и северо-востоку от Волги. Восточные соседи русских — коми-зыряне на севере, татары на востоке и калмыки на юго-востоке будут не раз упоминаться в описаниях землепроходцев и записках путешественников в связи с описанием жизни, быта и внешнего облика народов Сибири и Крайнего Северо-Востока. Во второй трети XVIII в. места проживания калмыков указываются достаточно точно при описании отдельных российских губерний: «В первых те (народы), кои в границах сей губернии издавна живали, и ныне жительствуют, а именно: 1) Российские; 2) Татара; 3) Башкирцы; 4) Мещеряки; 5) Калмыки...» (Топография оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, соч. Петром Рычковым. СПб., 1762. Ч. 1. С. 52). Можно напомнить, что о калмыках, живших в XVIII в. в Оренбургской губернии, писал А. С. Пушкин в повести «Капитанская дочка».

История появления калмыков в степях между Волгой и Доном, включающая даже малоизвестные историкам подробности, была неплохо знакома ученым XVIII в.: «Повествуют, что в прошедший век некоторый калмыцкий владлец, именуемый торгоут Орлюк, пришел от Аларк-Уллы, что знаменуется Пеструю гору, лежащую между Сибирью и Индией, на Российские границы, и привел с собою около 50 000 семей, или кибиток, как они их называют. Во время пути своего в западную сторону Волги, разбил он нарядною битвою некоторого татарского владельца, называемого Ейбал-Учика, который кочевал на другой стороне реки Ембы» (Белл Д. Белевы путешествия чрез Рос-

сию в разные азиатские земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь. СПб., 1776. Ч. 1. С. 27)³.

Особое положение калмыцкого народа в тогдашнем российском обществе по сравнению с многими другими российскими «инородцами» подчеркивают многие исторические источники. Посланцы волжских калмыков не только были гостями при царском дворе в Петербурге, ставшем «окном в Европу» для русского народа и других народов России, но и входили в мир европейской культуры; газетная хроника времен императрицы Анны Иоанновны сообщает: «Вчера смотрели калмыцкие послы... Университетскую библиотеку и Кунсткамеру» (СПб Вестник. 1735. С. 178). Военская служба калмыков в XVIII в. зафиксирована в документах, связанных с историей российской топографии и гидрографии, в частности в «Описании Каспийского моря» Ф. И. Соимонова: «По напечатанной тогда в иностранных землях росписи командированное в сей поход войско (1721 г.) состояло из 22 000 пехоты, 20 000 казаков, 30 000 татар, 20 000 калмыков, 9000 конницы и 5000 матросов» (Соимонов Ф. И. Описание Каспийского моря // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. 1763. Вып. III. С. 206)⁴. Этот же источник сообщает нам, что в то время представители калмыцкого народа уже вошли в совсем не традиционные для себя сферы деятельности. Один из калмыков, очевидно, получивший элитарное для своего времени образование, служил во флоте на офицерской должности штурмана. Ф. И. Соимонов пишет о нем: «Сей (штурман Бранд) был природной калмык, но имел немецкое прозвание по голландскому купцу, бывшему после российским резидентом в Амстердаме, господину Бранду, у которого он служил в своей юности» (Там же. Вып. I. С. 19).

Жизнь и быт калмыков были хорошо знакомы русским ученым и путешественникам XVIII в. В. Н. Татищев, давая определение слову «кибитки», надо полагать, хорошо ему знакомому, отмечает: «(Кибитки) У калмык делаются из складных решеток прутенных» (Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. Соч. В. Н. Татищевым. СПб., 1793. Ч. III. С. 195). Довольно рано было обращено внимание на особенности пород скота, находящегося во владении жителей прикаспийских степей. В «Словаре коммерческом» 1787 г. мы читаем: «Бараны калмыцкие, или татарские, которые составляют пропитание калмыков, кочующих около Волги... У них нет хвостов, но вместо того курдюки, состоящие из одного только сала» (Словарь коммерческий. М., 1787. Ч. I. С. 146). Ценные историко-этнографические сведения о соколиной охоте «калмыков и киргизов» (вероятнее всего, казахов) содержатся в одном из охотничьих руководств: «У калмык и у всех Татарских орд, а особливо у киргизцов беркут в великом почтении, и покупают оных очень дорого, рублей по пяти и до тридцати» (Совершенный егер, или знание о всех принадлежностях к ружейной и прочей полевой охоте. Пер. В. Левшин. СПб., 1779. С. 291).

Русские люди довольно рано соприкоснулись с буддизмом — религией калмыков и других монголоязычных народов. Первые сведения о буддийских храмах, изображениях Будды и других божеств буддийского

пантеона, которые мы можем прочесть в русских документах, содержатся уже в «Хождении за три моря» тверского купца Афанасия Никитина. Надо обратить внимание на то, что исторические источники достаточно хорошо отличают «идолопоклонников», как в прошлом называли буддистов, от представителей всех других конфессий: «басурмане»-мусульмане, почитатели Магомета и Корана, и анимисты — коренные жители Сибири, которых часто называли просто язычниками, под такое определение не подходили. Более того, уже в самом начале XVIII в. русским людям стало достаточно достоверно известно, что калмыки вместе с другими монголоязычными племенами восприняли буддизм (ламаизм) из Тибета, откуда он распространился и в государство Дальнего Востока. В уже цитированной нами «Географии» говорится: «Калмыки и мунгалы веры суть идолопоклонницы, которую восприяли от китаицов, и волхование между ними обретается великое» (География или краткое земного круга описание. С. 68). Под «волхованием», очевидно, следует понимать остатки шаманистических ритуалов, которые у калмыков в XVIII в. сохранялись, и их проявления были более заметны, нежели в более позднее время. Ламаистские ритуалы, исполнявшиеся калмыками, дали наименование одному из растений, которое использовалось для окуривания изображений божеств: «По берегам сего озера много росло калмыцкого ладана, которым деревцом калмыки окуривают своих бурханов или богов» (Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства... СПб., 1771. Ч. I. С. 412).

Язык калмыков в XVIII в. привлек к себе внимание языковедов: слова калмыцкого языка заняли свое место среди почти 250 языков мира, материалы по которым вошли в «Сравнительный словарь всех языков и наречий...» П. С. Палласа (СПб., 1787—1789. Т. I—II). Однако помимо решения научных задач собирания материала по калмыцкому языку проявилось и стремление овладеть этим языком практически, с тем, чтобы поддерживать устойчивые контакты с жителями степей и способствовать обращению какой-то части калмыков в христианскую веру. Академик И. И. Лепехин отмечает: «Ставропольское духовенство крайне старается соблюсти в них целостность нашего закона: по чему учрежденный в Ставрополе протопоп отец Дубовской, искусный в калмыцком языке, нередко объезжает все их улусы...» (Дневные записки... С. 232). Здесь можно отметить, что приобщение к христианской вере и обращение в православие для калмыков не рассматривались как обязательные: по существовавшим в то время и сохранившимся до наших дней нормам буддисты-калмыки имели право нести казачью службу наравне с православными христианами и мусульманами. До сих пор одна из трех полос казачьего знамени — желтая — является символом калмыков и отличает их от других казаков — представителей иных конфессий.

Основательное знакомство с физическим типом, хозяйством и бытом калмыков, которое демонстрируют русские ученые и путешественники XVIII в., стало причиной того, что при характеристике народов Крайнего Севера и Сибири в историко-этнографиче-

ских источниках того времени часто подчеркивается сходство этих народов с калмыками. Достаточно рано оказалось замеченным сходство калмыков с жителями Прибайкалья и Забайкалья — бурятами, и из данного сходства был сделан правильный вывод об общем происхождении этих народов: «*Не много они (буряты) отличаются, одеянием своим и образом жития, от Волжских калмыков; а сие то и понуждает меня думать, что они одного с ними происхождения*» (Белл Д. Белевы путешествия... Ч. 1. С. 224).

В описании народа манси (или, как их называли до конце 20-х годов нашего века, вогулов) говорится: «*Многие из них (вогуличей, т. е. манси) походят на калмыков, а иные на вотяков и пермяков Зырян, с которыми в некоторых словах и языком сходны*» (Любарских П. Краткое известие о пермских и чердынских вогуличах. 1788 // Российский магазин. СПб., 1792. № 1. С. 75). Этническое и языковое сходство народа манси с другими финно-угорскими народами — удмуртами (вотяками) и коми (пермяки и зыряне, составляющие две разные этнические группы коми), отмеченное в рассматриваемом источнике, надо признать существенным достижением для науки XVIII в.

Очень интересно, что известный исследователь народов Прибайкалья, Охотского побережья и Камчатки Степан Петрович Крашенинников в своем труде «Описание земли Камчатки» при передаче особенностей внешнего облика, жилищ и пищи местных жителей обращается к характерным чертам калмыков: «*Что камчадалы так как Мунгалы ростом низки, телом смуглы, немохнаты, черноволосы, малобороды, лицом калмыковаты...*» (Описание Земли Камчатки соч. Степаном Крашенинниковым. СПб., 1755. Т. 1. С. 14). В другом месте он замечает: «*Юрты у них (олонных коряков) подобны юртам других кочевых народов, какковы, например, Калмыцкия, токмо гораздо меньше*» (Там же. Т. 2. С. 151). У него же при описании кипрея — растения, которое использовалось в пищу и находило применение в хозяйстве у камчадалов-ителменов, мы читаем: «*Сушеной кипрей весьма приятен, и вкусом походит несколько на сушеные огурцы калмыцкие*» (Там же. Т. 2. С. 200).

Названия народов, живущих на отдаленных окраинах России, в XVIII в. довольно часто употреблялись в художественных текстах и были средством изысканной стилистической игры, основой для которой служили как своеобразная экзотика названий народов, так и сопоставление древних и современных названий народов. С. Десницкий объединяет названия российских народов с древними обитателями Европы, о которых рассказывали античные авторы: «*...в пастушьем состоянии, в каком Юлий Цезарь... застал первоначальных Британцов, Галлов и старинных Германцов, и в каком находятся у нас скитающиеся Юртами и Ордами татары, калмыки и подобные сим бесчисленные народы...*» (Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов... говоренное... Семеном Десницким. М., 1775. С. 18). Тут наряду с известными читателям именами императора и историка Юлия Цезаря и названиями древних «варварских» племен, являющихся предками современных русскому автору англичан, французов и немцев говорится о народах не менее эк-

зотических для образованного россиянина XVIII в. — татарах и калмыках.

В художественной литературе слово «калмык» становится весьма выразительным символом кочевника, путешественника, чем очень эффектно пользуется такой мастер литературного слога, как Н. М. Карамзин. В «Письмах русского путешественника», которые были своего рода книжным бестселлером в конце XVIII столетия, он вкладывает в уста своей героини следующую фразу: «*Мы, женщины, созданы для неподвижности, а вы все (мужчины) калмыки — любите скитаться, искать Бог знает чего, и не думать о нашем беспокойстве*» (Карамзин Н. М. Письма русского Путешественника. М., 1797—1801. Ч. 5. С. 368). Источником стилистического эффекта в данном контексте является прежде всего кочевой образ жизни калмыков, который становится базой семантического расширения смысла лексемы «калмык» — «кочевник вообще», «человек, не мыслящий жизни без дальних путешествий».

Похоже, в некоторых документах XVIII в. сохранились свидетельства того, что одновременно с образом калмыцкого народа, ярко отразившимся в живописных произведениях, в русской культуре того времени сформировалась некая мода на предметы, связанные с культурой калмыков⁵. Подтверждение этого мы находим в письмах русского поэта и политического деятеля Г. Р. Державина: «*Два приятельския ваши письма... я имел удовольствие получить, из коих при одном и калмыцкий черный тулуп...*» (Г. Р. Державин — Д. Б. Мертваго, 24 сент. 1795 // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. 2-е изд. СПб., 1868—1878. Т. 6. С. 28).

Приведенные цитаты показывают, что слова «калмык», «калмыцкий» для русского языка XVIII в. отнюдь не были экзотическими названиями малознамого народа, живущего в отдаленных от цивилизации местах. Документы XVIII в. содержат достаточно много примеров упоминаний о калмыках и могут стать важным источником для изучения истории калмыцкого народа и калмыcko-русских культурных связей. Употребление слов «калмык», «калмыцкий» в произведениях различных научных и литературных жанров демонстрирует нам устойчивое и основательное знакомство русской интеллигенции XVIII в. с внешним обликом, бытом, культурой калмыцкого народа и его историей и местами его проживания. Это особенно ярко выразилось в описаниях путешествий и трудах по географии и этнографии и проявилось в том, что калмыки, наряду с ближайшими восточными соседями русского народа — татарами и финно-угорскими народами, стали для русской этнографической науки своего рода эталоном, с которым сравнивалась культура народов, живущих к востоку от Урала и в Сибири. Образ калмыка-кочевника прочно вошел в контекст русской художественной литературы, в ораторской прозе и публицистике XVIII в. усматривается устойчивая и очень выразительная стилистическая фигура — соположение названий древних народов, упоминающихся в сочинениях античных писателей, и названий современных народов, живущих, по тогдашним представлениям, на краю ойкумены. Позже А. С. Пушкин, применяя тот же самый прием, писал:

И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

Можно с несомненностью утверждать, что Пушкин, упоминая о калмыках, хорошо знал, что читатели

его произведений к моменту их выхода в свет были знакомы с калмыцким народом, его жизнью и бытом уже более столетия. Восемнадцатому веку принадлежит огромная роль в просвещении российского народа, в том числе и в установлении связей и взаимного знакомства с культурой народов России.

Примечания

1. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9. СПб., 1997. С. 214—215.
2. Упоминания о калмыках в русских источниках XVII в. в данной статье не рассматриваются. В «Словаре русского языка XI—XVII веков» слово «калмык» отсутствует: исторические источники, в частности материалы из двенадцатитомного собрания документов «Дополнения к актам историческим», в этот словарь не вошли.
3. Джон Белл (1691—1780) — шотландский врач и путешественник. В 1714 г. прибыл в Петербург и присоединился к русскому посольству, направлявшемуся в Персию. По возвращении в 1718 г. в Петербург, следующие 4 года провел в составе русской миссии, проследовавшей через Сибирь и Монголию в Китай. Позже сопровождал Петра I в его походе в Дербент и к Каспийским воротам. В 1737 г. был послан русским и английским правительствами в Константинополь, вернулся в Англию в 1747 г. Его книга «Путешествия» («Travels») была впервые издана в 1763 г. в Глазго, позже, в 1811 г., переиздана как VII том серии «Voyages and travels» (ed. by J. Pinkerton).
4. О Ф. И. Соймонове и его гидрографической работе на Каспийском море см.: Гальденберг Л. А. Каторжанин — сибирский губернатор: Жизнь и труды Ф. И. Соймонова. Магадан, 1979. С. 42—57.
5. См.: Борисенко И. В. Калмыки в русском изобразительном искусстве. 2-е изд. Элиста, 1990.

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ

А. Г. Сазыкин

Ойратская версия «Манджушри нама сангити»

Одним из весьма распространенных и известных буддийских сочинений, вошедших в состав монгольской литературы, следует признать сборник гимнов в честь покровителя знаний бодхисаттвы Манджушри, обычно упоминаемый в научном обиходе под санскритским заглавием «Манджушри нама сангити» (Mañjuśrī nāma saṅgīti, монг. Manjusiri-yin ner-e-yi üneger ögüleki, «Истинное произношение имени Манджушри»).

Самый ранний монгольский перевод сочинения был выполнен и издан ксилографическим способом в XIV в.¹ Впоследствии появилось значительное число новых монгольских переводов и редакций «Манджушри нама сангити», которые чаще всего распространялись в виде отдельных изданий, в числе которых пекинские ксилографы конца XVI² и первой половины XVIII в.³, а также бурятские ксилографы второй половины XIX в.⁴ Кроме того, сочинение вошло в состав буддийского Канона на монгольском языке⁵ и в сборник тарни (заклинаний) и сутр «Сундуй»⁶.

Исследования различных монгольских переводов и редакций сочинения уже появлялись в научной печати⁷. Однако во всех случаях вне поля зрения востоковедов оставалась ойратская версия сборника. Объясняется это единственной причиной. Ни в одной из многочисленных коллекций монгольских рукописей и ксилографов Европы, США и Японии нет ни одного экземпляра ойратской версии «Манджушри нама сангити».

Тем не менее, существование ойратского перевода сборника и имя переводчика хорошо известны востоковедам. Таковым является ойратский Зая-пандита

Намхай-Джамцо (1599—1662), о чем сообщается в биографии этого просветителя, написанной одним из его учеников⁸.

Ознакомиться же с заяпандитовским переводом «Манджушри нама сангити» в настоящее время можно только по рукописям, имеющимся в богатейших улан-баторских рукописных коллекциях. Две рукописи этого сочинения на ойратском «ясном письме» находятся в рукописном фонде Института языка и литературы Монгольской Академии наук⁹.

Заяпандитовский перевод гимнов в честь Манджушри был включен также в ойратскую версию сборника «Сундуй», составленную Эрх-цорджи, одним из учеников Зая-пандиты¹⁰. Две рукописи этого сборника на ойратском «ясном письме» находятся в Государственной публичной библиотеке Улан-Батора и одна рукопись — в собраниях Института языка и литературы Монгольской Академии наук¹¹.

Для подготовки к изданию транслитерации текста ойратской версии «Манджушри нама сангити» была выбрана улан-баторская рукопись под шифром 797 (69), содержащая полный текст сочинения и колофон переводчика.

Настоящая публикация дает востоковедам возможность ознакомиться еще с одним из образцов литературного творчества ойратского Зая-пандиты и может стать полезным материалом для более полного комплексного исследования многовековой истории бытования среди монгольских народов одного из популярнейших памятников древней буддийской словесности.

[1a] Na-ma sa-ga-di orošibo::

[1b] Enekkegiyin kelen-dü: Ārya Mañzuśri: na-ma sa-ga-di: Töbödiyin kelen-dü: Gpaqs pa gzam dpal gyai: mchan yang daq par brzod pa: Mongyoliyin kelen-dü: Xu-tuq-tu Mañzuśri-yin nere sayitur ögütlekü: xutuq-tu zalou Mañzuśri(-du) mürgümüi::

I

- <1> tende nomoyodxoxu berkeši nomoyodxoqčinedü: yur=ban yertünčü-yi ilayučı bā=tur: oçir erketü niyuucayın xān: telger cayān padma metü nidütei:
- <2> delgereqsən padma metü niyuur-tu: coq-tu Oçiro-dh[a]ra: öböriyin yariyin dēdū oçir: basa [2a] basa ergiülün üyiledüq=çi:
- <3> kilinggiyin xuniyariyin üye tögüsküi terigüüten: kizār ügei yartān oçir-tu: nomoyodxoxu berkeši nomoyodxoqči bātur: ayouxu metü bātur yanzutu:
- <4> üzülür maši sacuraxui oçir: öböri-yin yar-tu ergiülün üyiledüq=çi: yeke örošonggüi kigēd biliq: aya-bēr amitani tusa üyiledüqči dēdū:
- <5> tālan zöb=šon bayasxui sedkil-tü: kiling=leküi beyeyin dürsü tögü=süqsən: burxani üyile üyile=düqči itegel:: beye sögöd=küi terigüüten-lügē xamtu:
- <6> tögünçilen boluqsan ilayun tögü=sün üleqsən dousuqsan burxan-du mürgēd: alixa-bēn xamtudxan üyiledçi: gegēni emüne souji eyin kemēn ayiladxabai::
- <7> tügēmēl [2b] ezen namai otoçiloxui kigēd: mini tusadu namai nigüülesküyin tula: yelbi xubilyāni tor-yēr ilerkei dousuqsan: bodhi-yi nadur mayad olayou=lun soyirxo::
- <8> sedkil nisvānis xudxun: ülü medeküyin šabar-tu çibüqsən: amitan büküni oto=çiloxui kigēd: dēre ügei açi üre olxuyin tula::
- <9> ila=yun tögüstün üleqsən dousuq=san burxan: üzülüüqči amitani blama: tere çinar medeqçi yeke tangyariq: erketü sedkil medeküyin dēdū::
- <10> ilayun tögü=sün üleqseni belge biligiyn beye: yeke usnr ügeyin ezen: öböron boluqsan belge biligiyn beye: zñā(-na)-sado Mañzuśri-yin:
- <11> nere sayitur ögüleküyin oki: gūn udxayın udxa ayui yeke: adalidxal ügei yeke [3a] udxa maši amurlingyui: teri=güün dumda cčūs-tü buyan-tu:

- <12> nōq=çiqsōn burxan-noyoud nomlon: irē ödüi noyoud çü nomloxui: ödügēdeyin dousuqsan burxad: basa basa ali nomloqsōn::
- <13> yelbi xubilyāni tor yeke ündüsün-ē=ce: yeke Oçiro-dharayın niyuuca tarni bariqçi: caqlaši ügei noyou=di bayasxaxuyın öüden-ēce: doun-du abučı ali bui nomlon soyir=xo::
- <14> itegel xamuq dousuqsan burxadiyin: niyuuca-yi bariqçi mayad bolxuyın tula bi: mayad yarxui kürtele öüni: batu <sedkil> sedkil-yēr bi barimui::
- <15> nisvānis xocorli ügei arilyan: ülü mede=küi xocorli ügei tebçiküyin tula: sedkiliyin ilyal yambarçi=lan amitan-noyoudtu nomlon soyir=xo::
- <16> niyuucayın erketü Oçi=ro-pāni: tögünçilen boluqsan-du [3b] teyin kü: zalba(ṛ)ḍ alixa-bēn xabsu=run üyiledçi: beyebēn sögö=dün: gegēni emüne abai::

II

- <17> tende xoyor költöni dēdū ilayun tögüstün üleqsən: dousuqsan Šākya-müni burxan: öböriyin aman-ēce urtu örgön: (sayin) kelēn sung=yān üyiledçi::
- <18> yurban yertün=cü-yi geyigüülün: dörbön šumnu=šiyin dayisu[n] nomoyodxon: ami=tan-noyoudiyın yurban mou zayā=tani arilyan üyiledküyin tula müšēn üyiledçi:
- <19> Esürüni zar=liq irouda: yurban yertünçü büküni düürgen: Niyuucayın er=ketü yeke küçütü: Oçiro-pāni-du xarin zarliq bolboi::
- <20> yeke örošonggüi tögüstüqsən: çı amitan-du tusa bolxuyın tula: belge biligiyn beyetü Mañzuśri-yin: nere ögütleküi yeke tusa=tai:
- <21> arilyan üyiledçi kilinçe [4a] arilyaxui: öüni ende-ē=ce sonosxō kiçēkü: çini sayın Oçir bariqçi: coq-tu Oçiro-pāni sayın:
- <22> niyuucayın ezen töüni tula bi: çimadu sayitur üzülüün üyiledsü:: nigen üzülür-tü sedkil-yēr çing=na:: ilayun tögüstüqsən tere sayın kemēn zalbaribai:

III

- <23> tende ilayun tögüstüqsən Šākya-müni niyuuca tarniyın yeke izour-tu xamuq kigēd:

niyuuca tarni uxān tarni bariqčini ayimaq:
yur=ban izourtan-du sayitur üze=ji::

- <24> yertünčü kigēd yertünčü-ēce nōqčiqsōni izour
yertün=čü-yi geyigüülüqčü yeke izour:
mahā-mudra-yin dēdū izour kigēd:
yeke izour-tu usni-sa-yi yekede üzeji::

IV

- <25> ügeyin ezen šülüqlen:
niyuuca tarni-yin xān zurγān tögüsün:
xoyor [4b] ügei bolxui kigēd:
ülü törö=küi nomtu öüni nomloboi::

- <26> ā ā: i i: u uu: e ee: o oo: a aḥ:
sti-don hridi zñā-na murddi ra ha:
buddo bundha
a dredo vaddi a

- <27> om bazar dīkxva du ka-cce da
prazñā zñā-na
kā-ya vā-gī šo-ra:
a-ra pa-za-nā ya de na-ma::

V

- <28> ene metü ilayun tögüsün üleqsen burxan:
dousuqsan burxan a-ēce bolun:
a inu üzülügiyin tomō бүкүни дэдү:
yeke udxatai dēdū üzülq mün::
- <29> törökü üge-yi dotor-ēce γarun:
ügedü ögüüleküi tebčün:
ögüülekü-yi бүкүни үндүсүни oki:
xamuq ügeši sayitur geyigüülün üyiledkü::

- <30> yeke takil yeke tacāngyui:
xamuq amitani bayasxan [5a] üyiledkü:
yeke takil yeke urin:
xamuq nisvānišiyin yeke dayisun::

- <31> yeke takil yeke mung=xag:
mungxaq oyoun mungxagi aril=yaxu:
yeke takil yeke kiling:
yeke kiling yeke dayisun:

- <32> yeke takil yeke tačingyui:
xamuq tacāxui arilyan üyiledkü:
yeke küsel yeke amuyūulang:
yeke bayas=xulang yeke tālaxui::

- <33> dürsü yeke beye čü yeke:
önggö yeke bolun beyeyin kemzē yeke
nere čü yeke ayui yeke:
yeke ou mandal mün::

- <34> biligiyn yeke mese bariqči:
yeke nis=vānišiyin dēdū yoxo:
yeke aldar yekede aldaršiqsan:
yeke gegēn yeke todorxoi::

- <35> yeke yel=bi <yeke> xubilyān bariqči mer=gen:
üyile бүтүсөн yeke yel=bi xubilyān:

bayasxulang(-yēr) baya=suqči yelbi xubilyān:
nidü [5b] xubilyaxui yeke yelbi xubil=yān:

- <36> öqligöyin yeke ezen erkiyn mün:
yeke šaqšābad bariqčini oki:
yeke külicenggüi batu=da bariqči:
kičēnggüi yeke kičēnggüi mün::

- <37> yeke samadi diyā=ni oron:
yeke biligiyn beye bariqči:
yeke küčü yeke arya-tu:
irol belge biligiyn dalai kü::

- <38> yeke asaraxuyin öbörčölön caqlaši ügei:
oyouni dēdū yeke öršonggüi:
yeke oyoun tögü=sūsqsan yeke biliq-tü:
yeke arya-tu yeke mergen::

- <39> yeke ridi xubil=yāni küčü tögüsüqsan:
yeke küčütü yeke xurdun:
yeke aldar=šiqsan yeke ridi xubilyātu:
čina=duši daruqči yeke küčütü::

- <40> sangsariyin yeke oula ebden:
batu=da yeke očir bariqči:
yeke doq=šin yeke türgen küčütü:
yeke ayoul-tai ayayoulun üyiledüqči::

- <41> dēdū [6a] yeke izour-tu itegel:
yeke kölgöni yosun-du aqči:
yeke niyuuca tarniyin dēdū blama:
yeke kölgöni yosuni dēdū::

VI

- <42> yeke küčü tögüsüqsan yeke čidaqči:
yeke Byirouzana burxan:
niyuuca <niyuuca> tarniyin yeke yosun-ēce boluqsan:
niyuuca tarniyin yeke yosuni mün činar-tu::

- <43> ar=ban baramid olun:
arban baramid-tu orošin:
arban baramid ari=luqsan:
arban baramidiyn yosun::

- <44> arban yazariyin erketü itegel:
arbaduyār yazar-tu orošiqči:
arban medeküi maši ariluqsan mün: činar-tu:
maši ariluqsan arban medeküi bariqči::

- <45> arban züylil arban udxayin udxā:
čidaqči-yin erketü arban küčün tügēmel üzen[=ezen]:
xamugiyn üyile xocor=li ügei üyiledün:
arban züylil yeke erke tögüsüqsan::

- <46> terigülün [6b] ügei tuurbil ügei činar-tu:
mün tögünčilen činariyn činar ariluqsan činar-tu:
ünen-yēr ögüülen ülü urbaxui ügetü:
yambar ögüüleqsan tögünčilen üyiledüqči::

- <47> xoyor-tu ügei kigēd xoyor ügei üzülülqči:
ünen kizār-tu maši orošin:

- bi ügei arslani doutai:
terşiyin mou gürosü ayayoulun üyile=düqçi::
- <48> xamuq-tu odxui tusatai küčün
tögünčilen boluqsani sedkil metü xurdun:
ilayuqsan dayisu=ni ilyād teyin kü ilayuqsan:
kür=dü orčiulxui yeke küčü-tü::
- <49> čuulıyani dēdū čuulıyani sur=yaliyin baqşı:
čuulıyani erkin erke tögüsüqsen čuulıyani ezen:
čixulalan bariqči yeke küčütü:
busudiyin ači ülü orkixui yeke yosutai::
- <50> üge-yin erkin ügeyin ezen ögütülekü=ye [7a] mergen:
üge kizār ügei üge-dü erketü:
ünen ügetü ene ögütü=leqči:
dörbön üneni üzülüq=či::
- <51> xarin ülü xarin xarin ülü ireqči:
bserü yosutu uduri=duqči pradikabud:
mayad yarxui eldeb-ēce boluqsan:
yeke maxamud yaqca ündüsün::
- <52> cubu=ril baran dayini daruqsan dge=slong:
tacāngyui xayacaq erketen nomoyoduqsan:
amuyuułang oluq=san-yēr ayoul ügei olun:
seriün boluqsani tula budungyui ügei::
- <53> uxān kigēd köl tögüsün:
yertünčü medeqčini dēdū sayibēr oduq=san:
minügei-dü ülü barin bidü ülü bariqči:
xoyor üneni yosun-du orošin::
- <54> orčilonggiyin čina=du kizār-tu kürün:
üyile üi=ledün xourai-du oroşıqson:
medeküi imaqtā mayad arilun:
biligiyn mese-bēr maši ebdeqči:
- <55> [7b] dēdū nom nomiyn xān todorxo-yi tögüsün:
yertünčü-yi geyigütü=lün üyiledüqčini dēdū:
nomiyn erketü nomiyn xān:
sayin mör üzülüqči::
- <56> tusa бүтүн күсел бүтүқсен:
xamuq бүкү sejiq teb=čiqsen:
teyin ülü adxaqlaxui činar baraši ügei:
dēdū nomiyn činar baraqdaxu ügei::
- <57> buyan tögüsüq=sen buyani čuulıyan:
belge biliq yar=xuyin yeke oron belge biliq:
bel=ge biliq tögüsün bui ügei meden:
xoyor čuulıyani čuulıyan xurāq=či::
- <58> xamugi ilayuqsan möngkü yoyatu:
sedkilgeyin dēdū oyoun tögüsüqsen samadi:
angkida öbör uxaxui biliq ülü kelbe=rin:
dēdüyin uridu yurban beye bariqči::
- <59> burxani tabun beye=yin mün činartu:
tügēmel ezen tabun belge biligiyn mün činar:
tabun burxani ezen ütim-tü:
[8a] (tacāl) ügci tabun nidü barin:
- <60> xamuq burxadi öüskeqči:
dēdüyin dē=dü burxani küböün:
medeküi-bēr sangsar yarun törökü oroşixu ügei:
nom-ēce bolxui sangsar aril=yaqči::
- <61> nigene čing batu očir činar:
törod saca amitani ezen:
oqtoryui-ēce bolun öböron boluqsan:
biliq belge biligiyn yeke yal::
- <62> yeke gerel maši gei=gütülün:
belge biligiyn gegēn iler=kei tögüsün:
amitani gerel belge biligiyn zula:
yeke coq zali gegēn gerel-tü::
- <63> dēdū tarniyn mün ezen uxān tarniyn xān:
yeke üyile бүтөқчи niyuuca tarniyn xān:
yeke usnisa yayixamşıq us=nir:
eldeb üzülüqči oqtoryu-yin ezen::
- <64> boqdoşıyn dēdū xamuq burxadiyin ezen:
xamuq amitani bayas=xui nidü tögüsüqsen:
eldeb beyeteni öüskeqči:
dakin [8b] ögütülekü yeke arşı::
- <65> yurban izour bariqči niyuuca tarnidu:
niyuuca tarni bariqči yeke tangya=riq:
nigen dēdū yurban erdeni barin:
dēdū yurban kölğö üzülü=lüqči::
- <66> maši ilayuqsan tusa-tu calma:
yeke bariqči očir cal=ma:
očir yoxo calma:
ayayou=lun üyiledüqči ayayouluqči očir:: : ::

VII

- <67> kilingteni xān ayayouluqči zur=yān niyuur-tu:
küčütei zuryān nidü zuryān yartu:
xokimoi irzayar soyōtu:
ha-la ha-la zoun niyuur-tu::
- <68> todxoriyn xān Yamandaka:
ayayoulun üyiledüq=či očir küčütü:
očir aldar=şıqsan očiriyn züreen:
yeke kebelitü yelbi xubilyān očir::
- <69> očir-ēce töröqsön očiriyn činar:
očiriyn züreen oqtor=yui metü:
kelberil ügei nigen [9a] xungyurcoq(-yēr) yamulan:
zāni noyiton arasun xubcasu ümü=sün::
- <70> (yeke) doqşino ha ha kemēn dourisxan:
hiy hiy kemēn dou=rısxan ayayoulun üyiledüqči:
tösör dourisxaxui yeke inēl-tü:
očir inēl yekede dou=rısxaqči:
- <71> očir sadun mahā-sado:
yeke amuyuułang-tu očir xān:
yeke bayaxuılang-tu doq=şin očir:
hū kemēn douris=xaxui očir hū::

<72> mese-dü oçir sumu barin:
oçir ildü-bēr xocorli ügei oqtolun tasuluq=çi:
xamuq oçir bariqçi oçir-tu:
bayilduyāni arilyaqçi yaqca oçir::

<73> teskeši ügei nidüttü badarangyui oçir:
üsün çü bada=rangyui oçir:
yeke buulyaxui buulyaxui oçir:
zoun nidü-tü oçir nidün::

<74> beye oçir šara üsü-tü:
imaqta oroyin šara üsün [9b] beye-dü:
kimüsü uryuqsan oçir üzür:
batu arasutu oçir züreken::

<75> oçir erike barixui coq tögüsün:
oçiriyin çimeq-yēr çimeqsan:
ha ha kemēn yeke dou mayad dourisxaxui:
zuryān üzülq oçir doun::

<76> yeke dou-tu yeke Mañzušri
yurban yertün=čüdü nige doutu:
oqtoryuyin kizār tülğēmel dou dourisxaq=çi:
dou tögüsüqsan noyoudi-yin oki::

VIII

<77> ünen bi ügei töglün=çilen çinar:
ünen kizār üzülq ügei:
xōsun çinar ögütüleküi sürügiyin manglai:
gün ou yeke dou dourisxaqçi:

<78> nomiyin dung yeke doutu
nomiyin yandi:
ülü orošin yasalang-ēce nōq=çiqçi:
arban üzügiyin nomiyin yeke kenggerge::

<79> beye ügei dē=dü sayin beyetü:
sedkil-ēce düürüqsan eldeb dürsütei:
[10a] xamuq dürsün noyoud üzeq=deküyin coq:
dürsüni köröq xocorli ügei bariqçi::

<80> čidaq=daši ügei yeke kemēn aldaršiq=san:
yurban oroni yeke erke-tü:
maši öndür xutuq mör-tü orošin:
yeke darbulya nomi-yin oki::

<81> yurban yertünčü-dü (yaqca) zalou beye:
yesün törölkütöni ezen köqšin batu oron:
yučin xoyor belge barixui:
yō yurban yer=tünčü-dü üzeskülengtei::

<82> yer=tünčüši sayitur (medeqçi) suryaliyin baqši:
ayoul ügei yertünčüšiyin surya=liyın baqši:
yertünčüši sed=kildēn sanaqçi itegel abural:
dēre ügei itegel ibēl::

<83> oq=toryuyin kizār tülğēmel edeleq=çi:
xamugi belge bilgiiyin dala=yi:
bitöü mungxaq öndögöni nēn:
sangariyin tor ebdeqçi::

<84> nisvā=niši xocorli ügei amurlulun:
[10b] orčilonggiyin dalayin činadu kürüqsan:
belge bilgiiyin abašiq öqtöqtön titim-tü:
dousuqsan burxani čimeq-tü bariqçi::

<85> yur=ban zobolonggiyin zobolong amur=lin:
yurban arıyan kizār ügei yurban getülüqsani olun:
xamuq tüluidker-ēce mayad getülün:
oqtoryui metül saca činartu orošiqçi::

<86> nisvānišiyin xamuq kir-ēce nōqčin:
yurban cagi caq ügei onoqçi:
erdemi-yin titimten noyoudiyin titim:
xamuq amitani yeke klu::

<87> xamuq nisvānis-ēce getülün (maši):
oqtor=toryuyin (!) mörtü sayitur oro=šin:
yeke mani erdeni bariqçi:
xamuq erdeniyin dēdü tülğēmel ezen::

<88> delgereqsan yeke Γal=baravas modun:
yekešiyin dēdü sayin bumba:
üyiledüqçi xamuq amitani tusa üyiledün:
tusalan [11a] durašixui amitan-du ene=rin nigülülü-
süqçi::

<89> sayin mou=gi meden xurān medeji:
tang=yariq meden tangyariq tögüsüqsan tülğēmel
ezen:
caq meden amitani oyou medeqçi:
yurban züyil toniluqsan-du mergen::

<90> erdem tögüsün erdem medeqçi:
nom meden ölzöyitöi ölzöi-tü bolxu:
xamuq ölzöyin ölzöi-tü:
aldar ölzöi-töi sayin aldar buyan-tu::

<91> maši amisxoulun üi=ledüqçi bayasxulanggiyin yeke
tusa-tu:
yeke bayasxulanggiyin yeke cenggel:
sayin kündüleliyin takil: xotolo tögüsün:
maši bayasxui coq-tu aldariyin ezen::

<92> dēdü tögüs dēdü-yi ögüqçi erkin:
ibēliyin dēdü ibēl-dü zokis-toi:
yertünčüyin dayisun šilya=dagiin dēdü:
ayoul xocor=li ügei arilyaqçi::

<93> oroyin [11b] unjiliq unjiulxui üsü-tü:
(xongyorcoq) münza titim zoun:
tabun xangšör-tu oroyin tabun unji=liq tögüsüqsan:
cecegiyin titim öncögiiyin tabun unji=liq-tu:

<94> terigtün möküriq yeke nomodyodxon oroxui yabu=
dal-tu:
nomodyodxon oroxui dēdü ariun yabudal-tu:
berke xatoujiliyin muxur(-tu) kürüqsan yeke berke
xatoujil:
ariun oron dēdü Guudam::

<95> ariun biraman ariuni meden:
ariun yasalang-ēce nōqçiqsöni ol=boi:
getülün toniluqsan teyin getülümel beyetü:
maši getül=lün amurlıqsan mün amurlingyu=yi::

- <96> yasalang-ēce nōqčīn yasa=lang-ēce nōqčīqsōn:
sayitur yasalang-ēce nōqčīqsōn-dū šidar:
amuyūulang zobolong ariyaxuyin muxurtu kūrūqsēn:
[12a] tacāngyui xayacan beye-ēce nōqčīqsōn::
- <97> čidaqdaxu ūgei adalidxal ūgei:
ūlū iledūn ūlū ūzeqden tododxon ūyied=kū busu:
ūlū urban xamuq-tu yabuxui tūgēmēl:
narin cuburil ūgei kōrōnggō-ēce yaqca:[=xayacan]::
- <98> tōsun ūgei tōsun-ēce xayacaqsan kir ūgei:
aldas tebčīqsēn gem ūgei:
maši serin seriqsēn činar-tu:
xamugi meden xamugi uxaq=či dēdū::
- <99> teyin medekūyin nomi(yin) činar-ēce nōqčīn:
xoyor ūgei belge biligiyn yosu bariqči:
teyin adxaqlaxu ūgei jibxu=langtai bütūqsēn:
yurban cagi=yin burxadiyin ūyile ūyiledūq=či::
- <100> burxan teri(gū)lūn ečūs ūge=yi:
uridu burxan-du ūndūsūn ūgei:
kir ūgei belge biligi=yin yaqca nidūn:
belge biliq beyetū tōgūnčilen boluqsan::
- <101> [12b] ūgeyin erketū yeke ūgūūleqči:
ōgūūleqčini dēdū oki ūgūū=lekūyin xān:
ōgūūlekūyin dē=dū manglai oron:
čidaši ūge=yi ūgūūlekūyin arslan::
- <102> xamuq-tu ūzekūi dēdū bayasxu=lang:
ūzekūdū ūzeskūlēng-tei coq zaliyīn eriken:
sayin gerel badarangyui cogiyīn byū:
yartu badarangyui gerel ūzūū=lūqči::
- <103> yeke dēdū otoči=ni eriken:
ebečini enelge yar=yaxui-du dēre ūgei:
xocor=li ūgei gem noyoudiyin zemis-tū modun:
ebečin būkūni yeke dayisun::
- <104> yurban yertūnčūyīn tālaxuyīn oki:
coq-tu yabuxui odun mandal-tu:
arban zūgiyīn oqtoruyīn kizār turši:
nomi=yin ilayūqsan belge sayitur bai=youlun
- <105> amitan-du yaqca tel=ger šūkūr bolun:
asaraxui [13a] ōrōšokūyīn mandal-du:
coq-tu padma bōjigiyīn ezen:
erdeni šūkūr yeke tūgēmēl ezen::
- <106> xamuq burxadiyin yeke coq zali:
xamuq burxadiyin beye bariqči:
xamuq burxadiyin yeke yoya:
xamuq burxadiyin yaqca šajin::
- <107> abašiq ōkūyīn coq očir erdeni:
erdeni būkūni erketū ezen:
yertūn=čūyīn erketū būkūni ezen:
Očir bariqči būkūni erkin::
- <108> xamuq burxadiyin yeke sedkil:
xamuq burxadiyin sedkil-dū oro=šiqson:
- xamuq burxadiyin yeke beye:
xamuq burxadiyin zarliq čū mūn::
- <109> yeke gerel-tū očir naran:
kir ūgei očir sara:
tacāngyui-ēce xayacaqsan teri=gūlūten yeke tacāngyui:
eldeb ōnggō badarangyui gerel::
- <110> očir zamilal-tu dousuqsan burxan:
[13b] amitani nom bariqči burxan:
pad=ma-ēce tōrōqsōn coqtu burxan:
xamugi medekūi belge biligiyn sang bariqči::
- <111> eldeb yelbi xubilyā bariqči xān:
uxān tarni bariqči yeke burxan:
očir xur=ca (yeke) ūldū:[=ildū]
maši ariluqsan dēdū ūzūq::
- <112> zobolong tasuluqči yeke kōlgōn:
yeke mese očir nom:
jina=jīq gūn očir:
očir oyoun ud=xa metū uxan::
- <113> xamuq baramid dousuqsan:
xamuq yazar noyou=diyīn čimeq tōgūsūn:
maši ari=luqsan bi ūgei nom:
sayin gereltū sara ūnen belge biliq::
- <114> yeke kičēnggūi yelbi xubilyāni tor:
xamuq ūndūsūni dēdū ezen:
očir souri xocorli ūgei tōgūsūn:
belge biligiyn beye xocorli ūgei bariqči::
- <115> sayin oyoutu Samanda-bhadra:
amita=ni bariqči yazariyīn zūreken:
[14a] xamuq burxadiyin yeke zūre=ken:
xubilyāni eldeb kūrdu bariqči::
- <116> xamuq bodošiyīn čina=riyīn dēdū:
xamuq bodoyīn činar bariqči
eldeb udxatu tōrōl ūgei nom:
xamuq nom-noyoudiyīn mūn činar bariqči::
- <117> yeke biliq-yēr nige aqšan-du:
xamuq nom dotoro-bēn orou=lun bariqči:
xamuq nom ilerke=yi onoqsōn:
bhūdi arilyaqči dēdū oyoutu čidaqči::
- <118> kelbe=ril ūgei maši tungyalagiyīn ezen:
bodhi bariqči dousuqsan burxan:
xamuq burxadiyin ilerkei:
belge biligiyn yaliyīn ilči gerel maši geyin::
- IX**
- <119> kūseliyīn ūyile sayitur bütēqči:
xamuq mou zayātani teyin arilyaxui:
amitan būkūni dēdū itegel:
xamuq amitani sayitur getūlgen ūyiledūqči::
- <120> nisvānišiyīn bayildān-du yaqca [14b] bātūr:
ūlū (medekūi) dayisuni omoq ebdeqči:
oyoutu yamu barixui coq tōgūsūqsēn:
batu ūzeskūlēng ūgei dūr=sū bariqči::

- <121> zoun yar-yēn xamuq-tu ködölgön:
alxudaliyin yosör böjjiqlöki:
coqtu zoun yar düürge:
oqtoryui tügē=mel böjjiq üyiledüqçi::
- <122> yazar delekeyin mandaliyin ayui-gi:
örosökül tabaq-yēr tügēmēl giškin:
köliyin erekeyin xumu=suni ayui-bēr čü:
Esürüni oron yazarı üzür-ēce daruq=či::
- <123> nigen udxatu xoyor üge=yi nomiyin udxā:
dēdū udxā ayoul ügei:
teyin uxaxui el=deb dürsün udxā-tu:
sedkil kigēd teyin medeküi ündüsü tögüsün::
- <124> xocorli ügei bodoyin udxā noyoudi tālaxui:
xōsun činar tālaxui tačīngyui oyoutu:
sangsariyin tacāngyui terigülüteni [15a] tebčiqsen:
yurban sangsariyin yeke bayasxulang::
- <125> cayān öülen ariluqsan metü cayān:
sayin genel namuriyin sarayin genel:
uruxui cagiyin narani mandal metü üzes=külengtei:
xumusuni genel yekeng=ki ulān::
- <126> sayin mtoka titimi-yin üzür-tü:
dēdū yeke mto=ka üsü bariqçi:
gereliyin coq toqtoqson yeke erdeni:
xubil=yāni čimeq tögüsüqsen burxan::
- <127> zoun yertünčüyin oron бүкүни ködölgöqçi:
ridi xubilyāni köliyin yeke küčü tögüsün:
tere činar maši sanaxui bariq=či:
dörbön sanal diyāni xān::
- <128> bodhi üyeyin ceceq küji:
tögünčilen boluqsani erdemiyn dalai:
möri-yin nayiman üreyin yosu uxa:
burxani ünen mör uxaqçi::
- <129> xamuq amitani du yekengki tacān:
oqtor=yui metü tacāl ügei
xamuq amita=ni sedkil-dü oron:
xamuq [15b] amitani sedkil metü xurdun::
- <130> xamuq amitani erketeni ud=xa meden:
xamuq amitani sed=kil bulāxui:
tabun coqcoyin ud=xa tere činar meden:
maši ari=luqsan tabun coqco bariqçi::
- <131> mayad yarxui бүкүни muxurtu orošin:
mayad yarxui бүкүн-dü mergen:
mayad yarxui бүкүни mörtü <tü> orošin:
mayad yarxu-yi бүкүни üzülüqçi::
- <132> sangsari-yin ündüsün arban xoyor üye=ši arilyan:
ariluqsan arban xoyor züyl bariqçi:
dörbön üneni yosuni bayidal-tu:
nai=man medeküi onol bariqçi::
- <133> ünen udxayin arban xoyor bayidal tögüsün:
tere činariyin arban zuryān bayidal uxa:
xorin bayidal-yēr bodhi-yi olun:
xamuq bayidal uxaxuyin dēdū burxan::
- <134> xamuq burxadiyin xubilyāni [16a] beye
caqlaši ügei byeva tügēqçi:
nige aqšan-du xamu=gi ilerkei onon:
sedkil nigen aqšan-du xamuq udxā uxaqçi::
- <135> eldeb kölgöni arayayin yosör:
amitani tusa onoqçi:
yurban kölgön-yēr mayad yarči:
nigen kölgön-yēr ači üredü orošin::
- <136> nisvānišiyin oron-noyoud ari=luqsan činar-tu:
zayāni oron-noyoudi barin üyiledüqçi:
xamuq dalai müren-ēce getülün:
barilduulxui aqlaq-ēce boluq=san::
- <137> nisvānis šidar бүкүн-ēce nisvāniši:
abiyās-luyā selte oyōto tebčiqsen:
yeke örö=šonggüi arya biliq üyiledü
ami=tani tusa üyiledüqçi::
- <138> xurān medeküi xamugiyin udxā teb=čin:
teyin medeküyin udxā töridken üyiledüqçi:
xamuq amitani sedkiliyin urun tögüsüq=sen:
[16b] xamuq amitani sedkil uxaqsan::
- <139> xamuq amitani sedkil-dü oro=šin:
tedeni sedkil-lügē zokil=dun oroqçi:
xamuq amitani sedkil xangyan üyiledči:
xamuq amitani sedkil bayasxaqçi::
- <140> en=döürel бүтэлийин ečüs-tü kürün:
xamuq endöürel teyin tebčiqsen:
yurban udxā-du dam ügei oyoyu-tu:
xamugi-yin udxā yurban erdemiyn ezen::
- <141> tabun coqcoyin ud=xa yurban caq-tu:
xamugiyin ilyal nige aqšan-du ilyan:
nige aqšani nigen-dü dousun burxan boluqsan:
xamuq burxadiyin mün činar bariqçi::
- <142> beyeyin dē=dü beye ügei beye:
beyeyin muxur onoqçi:
eldeb dür=sün noyoudi xamuq-tu üzü=lüqçi:
erdeniyin dēdū mani::

X

- <143> xamuq burxad onon üyiledkü:
[17a] dēre ügei (burxan) bodhi:
üzüq ügei niyuuca tami-ēce boluq=san:
yurban izour-tu yeke niyuuca tami::
- <144> niyuuca tamiyin xamuq kereq öüskeqçi:
yeke dusul üzüq ügei:
yeke xō=sun tabun üzüq:
dusul xōsun zoun üzüq::
- <145> xamuq bayidal tögü=süqsen bayidal ügei:
dunduur dumduur arban zuryān dusul-tu:
gešöü ügei tō-ēce nōq=čiqsōn:
dörbön samadiyin üzür bariqçi::
- <146> diyāni xamuq üyeši meden:
diyāni uxa ündüsü uxaqçi:

beyeyin dēdū diyān beyetü:
xamugiyin xān tögüs edleqçi beye::

<147> bēyeyin dēdū xubilyāni beye:
burxani xubil=yāni ündüsü bariqçi:
arban zūq eldeb xubilyān tūgēn:
ami=tani tusa yambarçılan üyi(le)dūq=çi::

<148> tenggeriyin erketü tenggeriyin [17b] tenggeri:
tenggeriyin erketü asu=riyin ezen:
ükül ügeyin er=ketü tenggeriyin tenggeri:
eb=den üyiledün ebdēn üyile=dūqçi erketü:

<149> sangsariyin keyid-ēce getülüşen:
burxan yaqcār amitani blama:
arban zūgi-yin yertünçü-dü sayitur aldar=şiqsan:
nomiyin yeke öqligüyin ezen:

<150> asaraxuyin zemseq bele=dün:
öröşonggüyin zemseq ümü=sün:
biligiyn ildü numu sumu bariqçi:
ülü medeküi nisvāni=şiyin bayilduyāni arilyan::

<151> şum[nu]=şiyin dayisun şumnus nomo=yodxoqçi bātur:
dörbön şumnuşiyin ayoul arilyan üyiledçi:
dörbön şumnuşi-yin cerigiyn ėnnel darun:
yertünçü uduriduqçi dou=suqsan burxan::

<152> takixu zokis=toi maqtaxu zokistoi mürgtü=liyin [18a]
oron:
nasuda örgön takixu zokistoi:
kündülekü zokistoi ögüülen üyiledküiyin dēdū
mürgtü=kü zokistoi blamayin dēdū::

<153> yur=ban yertünçü-yi nigen alaxu-bēr getül=lün:
oqtorγui metü kizār ügei maşi tūgēmel:
yurbani uxor ariun ariluqsan:
zuryān ilerkei mede=küi zuryān dayan sanaxui tögü=
süşen::

<154> bodhi-sado mahā-sado:
yeke ridi xubilyān-yēr yertün=çü-ēce nōqçin:
biligiyn çina=du kürtüşeni muxur:
mün töüni biliq-yēr olxu::

<155> öbōri uxor busudi uxor xamuq:
bükün-du tusa=laqçi dēdū budyalıq:
adalidxal bükün-ēce nōqçin:
medeküi kigēd medelgeyin dēdū ezen::

<156> dörbön mutu=riyin udxa üzülüşçi:
erkin nomiyin öqligüyin ezen:
amitani çixula kündüleliyin dēdū oron:
yurban mayad yarıxui-gi getülüşçini:

<157> [18b] <ene> udxayin dēdū maşi ariluq=san coq:
yurban yertünçü-dü yeke sayin xubitu:
coq-tu uçiral büküni bütēqçi:
coq tögüşüşeni dēdū Mañzuşri::

XI

<158> dēdū ögüqçi dēdū oçir çimadu sögödümüi:
ünēni muxurtu kürtüşen çimadu sögö=dümüi:

xōsun çinar-ēce boluq=san çimadu sögödümüi:
burxan boqdo çimadu sögödümüi::

<159> tacā=xui burxan çimadu sögödümüi:
tālxui burxan-du mürgtün sögödü=müi:
bayasxui burxan çimadu sögö=dümüi:
cenggeküi burxan-du mür=gün sögödümüi::

<160> müşeküi burxan çimadu sögödümüi:
inēküi burxan-du mürgtün sögödümüi:
burxani mün zarlıq çimadu sögö=dümüi:
burxani sedkil-dü (mürgtün) sögödümüi::

<161> ügei-ēce boluqsan <san> çimadu sögödümüi:
burxan bolxui çimadu sögödümüi:
oqtor=γu-[19a]i-ēce boluqsan çimadu sögödü=müi:
belge biliq-ēce boluqsan çimadu sögödümüi:

<162> yelbi xubilyāni tor çimadu sögödü=müi:
cenggel üzülüşçi burxan çimadu sögödümüi:
xamuq xamuq çimadu sögödümüi:
belge bili=giyin beye çimadu sögödümüi::

XII

<163> om sarva dharma abha-va: so-bha-va:
bişoddha bazār zazirxu a ā a ah
prakri di pari şuddha: sarva dhar-mā ya-du-da:
sarva da-tā-ga-da

<164> zñā-na kā-ya Mañzuşri pari şuddhi dā:
mubā dā-ye di a-ah
om sarva da-tā-ga-da hri-da-ya:
hari hari om hu hri: bhagavan

<165> zñā-na muddhi vā-gī şo-ra:
mahā pā-za sarva dhr-ma:
ya-ya-na ā-ma-la su-pari şuddha:
dhrma dā-du zñā-na yarbha āh::

XIII

<166> tegēd coqtu Oçir bariqçi:
bayasun [19b] gesēd alixa xamtudxajı:
ite=gel ilayun tögüşüşen tögünçi=len boluqsan:
dousuqsan burxan-du mürgtud:

<167> tende ite=gel niyuucayin ezen:
kilingte=ni xān Oçiro-pāni:
eldeb busud-luyā xamtu:
nuuca maqtād ene üge ayiladxaba-yi::

<168> itegel bida daxan bayasul=cabai:
sayin sayin kü sayitur nomloboi:
teyin getülüşen açi üre kereqleqçi:
itegel ügei amitan-noyoud kigēd:

<169> bida sayitur dousuqsan
bodhi xutuq olxui yeke üyile bütē=küi:
yelbi xubilyāni tori-yin yosu üzülüşen:
ene maşi ariun örgön ayui yeke

<170> gün sayin mör:
yeke tusa ami=tani tusa üyiledüşçi

burxan-noyoudiyin oron öüni:
dousuq(=san) xamuq burxad nomloboi:: ::

<171> [20a] ilayun tögüsün üleqsen zñā-na sadun Mañzu-
śriyin

ünemleküyin nere sayitur ögüüle=küi:
ilayun tögüsün üleqsen tögünçilen boluqsan
Śākya-müni nom=loqson dousbai:: : ::

[Колофон]

yurban yertünčüyin itegel burxan baqši:
yurban xoroni darulya yurban suryuuli:
yurban töröl=kitöni mayad tonilyoxuyin tula üzü(ü)lün:
yurban sang sudur nomloqsoni oki::

mahā yoga-yin ündüsüni onisun:
mayad ud=xayin dēdū nom:
Mañzuśriyin nere sayitur ögüüleküi sudur:
mani eril xangyaqçi na-ma sangya=di öüni::

bātur Očiro-pāni metü tögüs idertü:
batu Sümer oula metü kelberil ügei sülzük-tü:
baramidiyin šajin bariqçi Kün=dölöng ubaša-yin zuryādu-
yār küböün:
bhadra sülzük-tü Batu-[20b]-möngkü tayiji kigēd::

ontuya üge-yi abural yurban erdeni:
oyō=to barixui mergedi daxan sülü=lüqçi:

olo sonosxui küsüq=či biliq-tü šajin kigēd:
Oyiro=diyin tögüs xubitan oloni dura=duqsan-du::

ariun sülzük-tü tögüs xubitan-du:
arya bili=giyin mör töröülküyin tula:
ayaxa takilamiq rab-gbyam Za-ya pandida:
ayalyu Mongyoli-yin kelen-dü orčiulun nai=rulbai::

ene metü orčiu=lun üyiledüqsen-dü:
endel aldal bui bögosü:
erten-ē=ce mungxaraqsan mini gem buyiza:
endöürel ügei uxātan eyetün yasan[=zasan] soyir=xo::

ider zalou Mañzuśri-yin erdem:
yere-dü dou=risxan orčiuluqsan buyan-yēr:
yeke kölgöni [21a] šajin (xamuq) önidö delgeren:
yesün törölkitön ötür burxan bolxu boltu=yai:: : ::
ma-gha-la:

Примечания

1. Факсимиле: *Haenisch E. Mongolica der Berliner Turfan-Sammlung II*. Berlin, 1959. P. 17, N A8; Транскрипция текста: *Ligeti L. Monuments Preclassiques I // Monumenta Linguae Mongolica Collecta II*. Budapest, 1972. P. 141—143; Исследования памятника: Цэрэнсодном Д., Алтангэрэл Ч. Турфаны цуглуулгын ТМ 40 // *Studia Mongolica*. Т. 5, fasc. 6. Улан-Батор, 1965. P. 147—170; *Weiers M. Zum Textfragment TM 40 aus der Berliner Turfansammlung // Zeitschrift der Deutschen Morgen- ländischen Gesellschaft*. B. 117. Wiesbaden, 1967. P. 329—352; *Ceren-sodnom D., Taube M. Die Mongolika der Berliner Turfansammlung*. Berlin, 1993. P. 103—107.
2. Факсимиле: *Raghu Vira. Mañjuśrī-Nāma-Saṅgīti in Mongolian, Sanskrit and Chinese // Śāta-Pitaka Series*. Vol. 18. New Delhi; Транскрипция текста: *Ligeti L. Preklasszikus emlékek 2. XIII—XVI. század és a XVII. század eleje [Monuments Preclassiques 2. 13—16th century, and the beginning of the 17th century]*. Budapest, 1965. P. 130—156.
3. Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Российской Академии наук. Т. II. М., 2001. № 2389; *Heissig W. Die Peking lamaistischen Block-drucke in Mongolischer Sprache. Materialien zur mongolischen Literaturgeschichte*. Bd. 2. Wiesbaden, 1954 (Göttinger Asiatische Forschungen). N 23, 31, 114.
4. Сазыкин А. Г. Каталог. Т. II. № 2392—2394.
5. Каталог петербургского рукописного «Ганджура» / Составление, введение, транслитерация и указатели З. К. Касьяненко // Памятники письменности Востока СII. (Bibliotheca Buddhica, XXXIX). М., 1993. № 1; *Ligeti L. Catalogue du Kanjur mongol imprime*. Budapest, 1942. N 1.
6. *Ligeti L. La Collection Mongole Schilling von Canstadt à la Bibliothèque de l'Institut // T'oung Pao*. Paris; Leiden, 1930. T. 27. P. 134, N 3588 (1).
7. *Sarközi A. A 17th Century Mongol Mañjuśrīnāmasaṅgīti with Commentary // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. XXXVI, fasc. 1—3. P. 449—468; *Цэндсүрэн Т. Шинээр олдсон Жамбалцанжодын нэгэн Монгол орчуулгын тухай // Studia Mongolica*. Т. XII (20), fasc. 15. Ulan-Bator, 1984. С. 224—235; *Higuchi K. Two Unreported Manuscripts of the Mañjuśrī-nāmasaṅgīti. A Preliminary Report // Shakuyo keishiki-ni kansatsu sareru Mongoru teikokyki-no tojū gen go jo kyō-no kinkyū* [Исследование комплексной лингвистической ситуации периода Монгольской империи на материале заимствованных форм]. Ehime, 1999. P. 79—93; Сазыкин А. Г. «Манджушри-нама-самгити» в переводе Аюпи-гуши // *Issues in Eurasian Languages* (I). On the Materials from the Collection of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences. Kyoto, 2001. P. 21—50.
8. Раднабхадра. Лунный свет. История рабджам Зая-пандиты. Факсимиле рукописи / Пер. с ойратского Г. Н. Румянцева и А. Г. Сазыкина; Транслит. текста, предисл., коммент., указ. и примеч. А. Г. Сазыкина // Памятники культуры Востока. Санкт-Петербургская научная серия. Т. VII. СПб., 1999. С. 62, № 27.
9. *Лувсанбалдан Х. Тод бсэг, тобний дурсгалууд*. Улаанбаатар, 1975. С. 240, № 0261.
10. Раднабхадра. Лунный свет. С. 66, № 22.
11. *Лувсанбалдан*. С. 236, № 0260.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Б. М. Нармаев

Гесар и ад

Гесар — имя главного героя тибетского героического эпоса. Под именем Гэсэр он популярен в Монголии и Бурятии, известен калмыкам, тувинцам и некоторым другим народам Центральной Азии.

У нас в стране существует традиция изучения монгольского и бурятского эпосов о Гэсэре, в последнее время появляются работы, посвященные калмыцкой версии эпоса. Наименее известной в России остается тибетская версия эпоса. В то же время в Китае проводится большая работа по сбору материалов, изданию текстов, переводов, исследований тибетского и монгольского эпосов. Там проведено уже несколько международных конференций, посвященных проблемам изучения тибетского эпоса. Мне удалось побывать на одной из них — в Чэнду (провинция Сычуань) осенью 1989 г. Из Китая я привез некоторые современные публикации тибетских текстов. Мое внимание привлекла прежде всего глава о посещении Гесаром ада из тома под названием «Сказание о Владыке Лина царе Гесаре», опубликованного книжным издательством в Сычуани в 1986 г. Выбор выпал на эту главу потому что:

1) содержание этой главы известно по очень короткой соответствующей главе монгольской версии;

2) эта глава интересна тем, что перекликается с широко распространенным в литературе стран Востока сюжетом видения ада.

В этой статье я бы хотел:

1) дать пересказ этой главы;

2) представить возможный путь заимствования данного сюжета;

3) сказать о влиянии буддизма на данную главу.

Краткое содержание предыдущих глав

Когда-то буддийское учение в этом мире было близко к упадку, а полчища демонов отправились в мир, неся в него убийства и грабежи. Когда живые существа попали в «клетку мучений», Будда сделал предсказание о приходе Гесара на землю. Затем Драгоценный Великий Лев, Победитель врагов Гесар родился в центре мира, в рМа-кхог рдо-рдже-гдане у отца Сэнг-блона и матери Гогза. В детстве он покорил бесчисленное множество демонов; победив в скачках, занял трон Лина, женился на воплощении Белой Тары Бруг-мо. Затем с помощью магии уничтожил различные виды черных демонов — восточного демона Клу-кхри-стаг-мо, южного демона Шинг-кхрул ргьял-по, западного демона Гур-дкар ргьял-по, северного демона Клу-бцан-ми зана, демона страны Джан Садам-ргьял-по и прочих демонов, превратил страну демонов в страну богов, дал людям счастье. Так же покорил бесчисленное множество крепостей — персидскую крепость богатств, крепость буддизма в Центральном Тибете, крепость знаний тюрков, крепость лошадей монголов, крепость чая Китая, крепость бирюзы Кашмира и пр. Покорил всех черных демонов, обитавших в двадцати двух варварских странах и тридцати трех языческих странах, всех демонов привел к белой вере. Некоторых демонов подчинил с помощью учения миролюбивых сутр-мантр. Других демонов уничтожил, опираясь на силу своего приводящего врагов в ужас оружия. Одних демонов поднял в сферу дхармы, других направил в область четырех стихий

(огонь, вода, воздух и земля). От учителя Падмы Гесар услышал глубокую доктрину дзогчен, всем живым существам в Белом Лине даровал духовные советы сутр и мантр, повел достойных по пути обращения в веру и спасения.

Сокращенный пересказ главы о посещении Гесаром ада

Во время пребывания Гесара в Индии к нему прибывает гонец от его жены Бругмо с печальной вестью о том, что скончалась его матушка. Гесар принимает решение отправиться в ад, чтобы освободить душу матери, попавшей туда за возникшее у нее когда-то желание закопать младенца Гесара, поскольку он был весьма непривлекательным физически. Гесар дает пилюлю гонцу и говорит, что если тот будет принимать каждый день по одной из этих пилюль, то сможет быстро вернуться в Лин и в пути не потребует еда. Сам Гесар седлает своего коня, надевает волшебное вооружение и спешит на помощь матери.

В мгновение ока он оказывается над песчаной пустыней мертвых и видит, что души мертвых носятся вверх-вниз подобно снежинкам во время метели. Он встречается с Владыкой мертвых, душа его завibriровала, он на мгновение лишился речи, а затем послал в него стрелу. Но стрела не попала во Владыку мертвых, а впиалась в его трон. Гесар понял, что так как Дхарма-раджа является воплощением бодхисаттвы Дхамъяна, стрела не может причинить ему вред и сказал:

— Владыка мертвых, Дхарма-раджа, ты одно из воплощений Будды, различающий добрые и злые дела, направляющий на путь освобождения тех, кто чтит дхарму и наказывающий тех, кто не чтит дхарму. Если ты различаешь наличие или отсутствие дхармы, добро и зло, то почему же мою добрейшую мать направил в ад? Если мою мать необходимо поместить в ад, то получается, что нет различий между наличием и отсутствием дхармы, причиной и следствием!

Дхарма-раджа отказывается согласиться со словами Гесара. У Владыки мертвых было пять сопровождающих — воплощения дхьяни-будд востока, юга, запада, севера и центра. Каждого из свиты Гесар ударил мечом, но они даже не пошевелились, меч не причинил им никакого вреда. Царь Гесар разгневался, отделил свою голову и бросил ее на землю. Владыка мертвых подумал: «Гесар, очевидно, является воплощением божества — защитника трех видов живых существ». Гесар же, владея волшебством, опять посадил голову на плечи.

Затем он надел свои доспехи, сел на коня и отправился на поиски матушки, в качестве проводника по аду с ним поехал приближенный Дхарма-раджи с головой тигра. Сначала они прибыли в восемь отделов холодного ада. Когда они прибыли на берег холодного озера А-чху-зер-ба, тигроголовый сказал Гесару:

— Мера холода здесь в девять раз сильнее холода воды зимой в мире. В находящихся ниже отделах холодного ада холод в девять раз сильнее этого. Там слуги Владыки мертвых с головами животных рубят и протыкают бесчисленных живых существ. Одни бьют

молотками, другие хватают железными крючьями, третьи сжимают щипцами, режут и колют мечами и копьями. Рыдания и стоны обитателей ада заполняют все пространство между небом и землей, но среди них нет твоей матери.

— А где же моя матушка? И какие грехи совершили эти существа, что должны испытывать нестерпимые мучения?

Тигроголовый рассмеялся и сказал:

— Слухи о том, что вы — Владыка Лина Гесар, не ложны ли? Эти умершие, когда пребывали на земле, сеяли семена грехов, убивали живых существ, живущих в воде, устраивали пожары высоко в горах, это стрелявшие в воду убийцы множества живых существ; евшие живых существа, обитающих в реках и морях; палачи; те, кто, используя свою власть, не позволял людям утолить жажду, — они вследствие исполнения закона воздаяния помещены из сансары сюда, в восемь отделов холодного ада в соответствии со степенью совершенных грехов и освободиться им трудно. Если вы, Гесар, являетесь ламой, ведущим к спасению, то освободите этих живых существ и тогда сможете увидеть вашу мать Гогма.

Из глаз Гесара полились слезы, ему стало безмерно жаль обитателей холодного ада. Он вознес молитвы Буддам, вследствие чего снизошел сильный ветер и обитатели ада стали на путь Мадхьямики, затем сказал «Пхат!» — и поместил их в Чистую область. Тигроголовый проводник подумал: «Лин Гесар обладает очень сильным милосердием, не иначе».

Затем он повел Гесара в горячий ад. Первый из разделов горячего ада называется дМар вал-ле. Тигроголовый сказал:

— Этот первый из восьми разделов горячего ада — просто ужасный. Например, если железный молот величиной с лошадиную голову достигнет этого ада, он расплавится, как масло. Стоит ли говорить о том, что жара в расположенных ниже разделах еще больше. Каждый из них в девять раз горячее предыдущего. Что касается страданий тех, кто варится в первом горячем аду, то если человека триста раз проткнуть и разрубить мечом, то эти страдания будут меньше испытываемых в этом аду. А дождя и близко нет!

А продолжительность жизни в аду такова: один день в аду равен пятистам годам небожителей, у которых один день равен пятистам человеческим годам. Один год верхнего ада равен одному дню нижних разделов. Например, если, наполнив мелким зерном большую, двухпинтовую, магадхскую емкость, выбрасывать по одному зернышку в человеческий год, то когда зерно закончится — это и будет один день в аду. Большая, двухпинтовая, емкость же равняется ста обычным.

Гесар спросил, какие дела имеют такие ужасные последствия. Проводник сказал:

— Таковы последствия дел людей, которые создают разногласия в монашеской общине, а также между мужчинами и женщинами, которые ведут бредовые, лживые и скупердайские речи. Из пятисот перерождений это наихудшее. До поворота колеса учения многими Буддами [им] не освободиться.

Потом они пришли к кипящему озеру крови, где Гесар увидел такую картину: множество слуг Владыки мертвых гнали толпы умерших к морю крови, как

волки гонят стадо овец. Кровавые волны кипящего моря вздымались до неба. В волнах люди теряли мясо и кости, стенания и рыдания заполняли все пространство от земли до неба. Со всех сторон одни слуги Владыки мертвых железными раскаленными крюками рвали плоть и кости несчастных, таскали их туда-сюда. Другие железными раскаленными стрелами, мечами и копьями кололи их сверху и снизу. Гесар спросил безжалостных слуг:

— За что они должны испытывать такие страдания?

Тигроголовый проводник ответил:

— Слуги не безжалостны, это последствия поступков, совершенных в жизни. Такие страдания испытывают как следствие своих поступков мясники, охотники, низкие люди, пускающие в ход холодное оружие, продавцы скота, виноторговцы, отравители.

Гесар почувствовал безмерную жалость к этим существам, из глаз у него покатались слезы, и он вознес молитву Мудрому Божеству.

Затем он вывел около девяносто тысяч обитателей ада из озера крови на равнину. Очень же больших грешников вывести не смог и, так как их было много, безмерная жалость охватила Гесара. Затем они приблизились к какой-то горе, там было много людей, и плач их наполнял пространство. На склонах этой огромной горы торчали остриями вверх, как лес, железные раскаленные мечи, стрелы, копья, трезубцы, серпы, ножи. По склонам горы, опоясывая ее, двигалось множество людей. Их тела страдали нестерпимо. Гора от основания до вершины была усеяна лежащими навзничь мужчинами и женщинами, из их детородных органов выливалась и вливалась обратно расплавленная бронза, сверху дождем сыпались стрелы, мечи, копья, стоял такой плач, что ухо едва выдерживало. Гесар спросил:

— Последствиями каких дел являются такие страдания этих обитателей ада?

Тигроголовый служитель ответил:

— Это те, кто при жизни, будучи духовными лицами, нарушал монашеские обеты, способствовал нарушению обетов другими, проматывал деньги общины, нарушал обеты ламы, ловил животных сетями, убийцы братьев, самоубийцы. Они перерождаются на этой горе. Это те, кто, будучи людьми семейными, изменял мужу или жене, нарушал данное слово, кто впал в грех скопидомства. Каждый день они по многу раз умирают и возрождаются, и трудно им освободиться в течение бесчисленных лет.

Еще на равнине был храм, а также чертены разных размеров. Проводник сказал:

— Хотя нарушители клятвы воздвигли золотой чертен, он не чист, и, как речь не веревка, освободиться им тяжело.

Выше Гесар увидел металлический пылающий замок. За ним пылал огонь, внутри переливались волны крови и яда, а в волнах было множество монахов, монахинь и светских людей. Гесар спросил:

— За что они так мучаются?

И тигроголовый служитель ответил:

— Они при жизни замыслили недоброе, делали подлости. Людям, обладавшим добродетелями и имуществом, завидовали, не доброжелательствовали всему сущему. Это воздаяние воров, грабителям, лгунам.

Далее на равнине виднелась белая скалистая гора, на которой полыхал огонь, пожиравший множество людей. Проводник сказал:

— Это воздаяние тем, кто при жизни убивал вшей и блох. Если бросал вшей и блох на мороз, то попадешь в холодный ад. Если бросал в огонь, то попадешь в горячий ад.

Далее они увидели, что в огонь падало множество людей. Тигроголовый сказал:

— Это воздаяние тем, кто при жизни резал горло живым существам, демонам, которые, завладевая мужчинами и женщинами, убивали других, стрелявшим в животных, священникам, неправильно читавшим молитвы, разводившим в горах огонь, людям, которые, наевшись мяса и напившись вина, желали выполнять ритуалы, не кормившим родителей, дворовых собак и т. д.

Далее они увидели, что среди болота из ядов, крови, гноя полыхал огонь. Многочисленные служители ада вели множество людей и толкали их в это болото, а после этого рубили их тела на кусочки. Проводник объяснил:

— Здесь получают воздаяние отравители, курильщики, едоки чеснока, алкоголики, едоки рыбы, свинины, меда и яиц, люди, которые держат яд в доме, полном еды, люди, которые морят жен голодом, те, кто бьет живых существ.

Тут у Гесара из-за безмерного сострадания к существам, испытывающим такие страдания, из глаз потекли слезы, и он обратился с мольбой к всезнающему Будде. После этого около миллиарда обитателей восьми горячих адов были направлены в область трех тел Будды, подобно тому, как ветер несет птичьи перья.

Затем служитель сказал:

— Если не так, то как по-вашему? Я — служитель, не демон. Подсчитываю воздаяния за грехи и добродетели, совершенные при жизни. Если человек следовал дхарме — он направляется на путь спасения. Если не следовал дхарме и не попадет в ад, то разве это не будет в противоречии с законом причины и следствия?

Они отправились на юго-запад и прибыли в раздел ада под названием Хиг-наг. Там на раскаленной земле лежали навзничь обнаженные люди. На их спинах служители делали четыре, восемь или шестнадцать линий, а другие служители резали по этим линиям серпами и бритвами. В этой огромной толпе была и мать Гесара Гогмо. Она была лишена плоти, лишена кожи, а с неба дождем сыпались мечи, копья, луки, молоты, железные крюки и прочее оружие. Гогмо горько рыдала, жалобно кричала, из глаз ее лились слезы.

Земля затряслась, служители Владыки мертвых увидели, что прибыл лучший царь Гесар. Из тела Гесара протянулся луч белого света, наполнил разделы ада, и мать Гесара обрела счастливый вид и отдых. Отовсюду стала слышна музыка, на небе засияла радуга, концы которой указывали Гогмо и миллиарду восьмистам миллионам живых существ на Чистую землю. Когда лучший из царей произнес «Пхат!», демонское племя было препровождено к благому Ами-табхе и обрело степень невозвращения (анагамина).

Затем в небе перед Гесаром появился мудрый Будда, пошел дождь из цветов, повеял ароматный ветерок, герои и героини запели с неба. Тогда все области холодного ада превратились в теплые цветущие края, а все области горячего ада превратились в теплые процветающий край. Мало нагретившиеся за один год в аду достигли блага. Соответственно, средние нагретившиеся — в течение пяти месяцев, а большие грешники — в течение одного месяца достигли временного

блага в соответствии с хорошей и плохой кармой каждого.

После этого Гесар с проводником поднялись еще выше и достигли территории темного бардо. Там они увидели, что одни души в этом темном царстве могли ходить с зажженными лампами и искать выход, а другие не пытались освободиться. Третьи очень страдали без еды и одежды. У четвертых было все, что можно пожелать. Пятые были обожженными и пребывали в грязи. Тигроголовый сказал:

— Те, у которых есть лампы и имущество, делали при жизни подношения маслом. Те, кто сидит в темноте и очень страдает, — воровали и грабили, а также препятствовали другим следовать добродетели, ели пожертвования масла. Грязные и обожженные люди — это новое бардо.

Гесар же вновь вознес молитву об обретении пути к спасению всеми пребывающими здесь существами.

Вскоре они подошли к чему-то пестрому. Тигроголовый проводник сказал:

— Драгоценный Гесар, добро пожаловать в Лин! А я должен идти к Дхарма-радже. — И отправился назад.

Гесар, быстро взойдя на высокий перевал, вознес молитвы Будде, и вскоре оказался у ворот замка в стране Кхра-моГлинг. Люди этой страны привели ему украшенного шелком скакуна. Затем сановники ввели его во дворец и посадили на трон.

Закончилась глава четвертая, в которой говорится о том, как лучший из царей, драгоценный покоритель врагов, побывав в аду, вывел на путь спасения бесчисленных пребывавших там живых существ во главе со своей матерью Гогмо.

Элементы буддизма в главе о посещении ада Гесаром

В рассматриваемом тибетском варианте эпоса Гесар выступает защитником буддизма. Он прибывает в мир для того, чтобы защитить буддийское учение и чтобы сделать всех живых существ счастливыми. Ге-

сар назван в данном варианте сыном тысячи Будд хорошей калпы, учеником учителя Падмы, лидером живых существ шести видов, победителем трех зол, искоренителем демонов. Гесар почитается как защитник религии, о нем говорится, что сам Цзонхава был его духовным лицом. В эпосе встречаются буддийские атрибуты: ваджра, птица Гаруда, рай Тушита, богиня Тара, Ганджур. Сам сюжет о посещении ада, вероятно, связан с известной историей о посещении ада Маудгальяной. Главный герой этой истории наряду с Шарипутрой являлся ближайшим учеником Будды. Сюжет о вызволении матери из ада распространен в Китае, Тибете, Монголии. В Китай история про Маудгальяну, который там стал называться Мулянь, попала еще в III в. н. э.

Во многих рукописях цитируется название санскритского оригинала. Так, в одной тибетской рукописи, хранящейся в СПбФ ИВ РАН, название санскритского сочинения записано по-тибетски так (реконструкция В. Хайссига): Арьяпатабодхичита — мудгальяна — матихридаясутра. Дальше В. Хайссиг пишет: «Поскольку такое сочинение на санскрите не известно, следует признать, что здесь представлен апокриф с псевдосанскритским названием, который возник в Тибете...» Вероятно, сюжет по путешествию Маудгальяны в ад лег в основу главы о посещении ада Гесаром.

В заключение можно сказать следующее.

1. Еще предстоит выяснить историю того, как легенда о посещении ада Маудгальяной легла в основу главы о посещении ада Гесаром.

2. В целом буддийское влияние на тибетский эпос носит характер довольно позднего и часто механического присоединения буддийских сюжетов по сути к своему, добуддийскому, может быть, бонскому корпусу глав эпоса.

3. Учитывая сугубо миролюбивый характер буддизма, еще предстоит выяснить, как воспевание воинской доблести уживалось в душе тибетского (а также бурятского и калмыцкого) буддиста с проповедью ненасилия.

А. Д. Цендина

Куда исчез Джамуха?

Давно замечено, что многие противоречия в сообщениях различных источников о событиях монгольской истории связаны не только с причинами собственно исторического характера, но и с особенностями повествовательных традиций, на которые эти источники опирались. Мое внимание привлек тот факт, что данные о друге-сопернике Чингис-хана Джамухе, столь пространные в ранних памятниках, или отсутствуют вообще, или исключительно скудны, запутаны и искажены в поздних монгольских летописях. Пытаясь объяснить это обстоятельство, я пришла к выводу, что и на этот раз причину надо искать не в коллизиях монгольской истории, а в особенностях монгольской литературы, а точнее — в их переплетении.

Как мы помним, в «Сокровенном сказании» о Джамухе рассказывается довольно подробно. Впервые о нем упоминается в § 104 [7: § 104]. Керейтский Ван-хан предлагает взять Джамуху для похода на меркитов, похитивших жену Тэмуджина Бортэ. Тэмуджин шлет Джамухе послание с просьбой присоединиться к нему и Ван-хану, тот соглашается [7: § 105—106]. Тэмуджин и Ван-хан приходят в назначенное место позже на три дня, чем Джамуха остается весьма недоволен [7: § 107]. После победы над меркитами Тэмуджин благодарит Ван-хана и Джамуху за помощь [7: § 113]. Затем Тэмуджин и Джамуха вспоминают, как стали в детстве побратимами и подтверждают свою дружбу, в честь чего устраивают пир [7: § 116—117]. Джамуха и Тэмуджин кочуют вместе полтора года, после чего расстаются. Джамуха говорит непонятные слова, которые жена Тэмуджина Бортэ истолковывает как его желание отделиться от них. Тэмуджин откочевывает [7: § 118]. Далее рассказывается, как некоторое количество людей переходит от Джамухи к Тэмуджину [7: § 121—122]. Тэмуджин сообщает Джамухе об избрании себя ханом [7: § 127]. Затем повествуется о том, что младший брат Джамухи угнал у подданного Чингис-хана табун лошадей. Тот отбил табун и убил младшего брата Джамухи [7: § 128]. Джамуха нападает на Чингис-хана [7: § 129]. Много семей вновь переходит к Чингис-хану [7: § 130]. В 1201 г. предводители некоторых племен возвели Джамуху в гурханы и решили выступить против

Ван-хана и Чингис-хана [7: § 141]. Чингис-хан узнает об этом, соединяется с Ван-ханом [7: § 142], вступает в бой с войсками Джамухи [7: § 143—144], получает ранение [7: § 145].

Следующий раз Джамуха появляется в рассказе о стычке с найманами. Тогда Ван-хан и Джамуха в решительный момент неожиданно покидают Чингис-хана, причем Джамуха высказывает подозрение в сговоре Чингис-хана с найманами [7: § 159—160]. Затем, узнав об обиде Чингис-хана на Ван-хана, не отдавшего свою внучку в жены сыну Чингис-хана Джочи, он уговаривает сына Ван-хана Сангума напасть на Чингис-хана, так как тот якобы находится в связи с найманами [7: § 166]. Сангум приглашает Чингис-хана на пир по поводу сватовства его дочери с сыном Чингис-хана, чтобы схватить его [7: § 168]. Чингис-хан, узнав об этом, бежит. Джамуха соединяется с Ван-ханом, чтобы напасть на Чингис-хана. Ван-хан предлагает командовать Джамухе, но тот отказывается и выдает план сражения Чингис-хану [7: § 170]. Чингис-хан отправляет послания с осуждением Ван-хану и Джамухе [7: § 178—179]. После того, когда начинается война с найманами, Джамуха, который со своим народом кочует вместе с найманами и находится на их стороне [7: § 194], рассказывает Даян-хану о богатырях Чингис-хана, чем пугает того [7: § 195]. Затем он отделяется от Даян-хана. Даян-хан терпит поражение. Все племена, находившиеся под управлением Джамухи, сдаются Чингис-хану [7: § 197]. Джамуха остается с несколькими слугами. Он кормится охотой. Слуги выдают его Чингис-хану. Тот предлагает ему установить старый союз [7: § 200]. Джамуха отказывается, предлагая казнить себя. Его казнят как родовитого человека, не пролив крови [7: § 201].

В источниках по истории монголов, близких по времени к «Сокровенному сказанию», — «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина и «Юань ши» описаны почти все приведенные выше эпизоды, в которых участвует Джамуха. Однако есть и некоторые отличия. В «Сборнике летописей» нет рассказа об участии Джамухи в нападении на меркитов и освобождении жены Тэмуджина Бортэ, о недовольстве Джамухи опозданием Ван-хана и Тэмуджина на встречу, о совместном

пребывании Джамухи и Тэмуджина, о загадочных словах Джамухи и об уходе от него Тэмуджина. С другой стороны, там есть ряд замечаний, отсутствующих в «Сокровенном сказании». Во-первых, Рашид ад-Дин много раз говорит о дурном характере Джамухи. Во-вторых, он рассказывает, что Джамуха неоднократно соединялся и расходился с тайчудами [11. Кн. 1: 183], что в свое время Джамуха был захвачен меркитским Токтай-беки, но хитростью вернул свой народ [11. Кн. 1: 190], что он участвовал в заговоре против Ван-хана [11. Кн. 1: 135, Кн. 2: 132], что Чингис-хан советовался с Джамухой о посылке послов к хатагинам [11. Кн. 1: 179, Кн. 2: 116], что это не Джамуха, как в «Сокровенном сказании» [7: § 129], а Чингис-хан одержал победу и приказал сварить врагов в 70 котлах [11. Кн. 2: 88], и, наконец, что убит Джамуха был двоюродным братом Чингис-хана Эльджидаем [11. Кн. 1: 191] (в другом месте — отцом Эльджида Отчигином [11. Кн. 2: 277]), к которому попала и часть племени Джамухи джаджират.

В «Юань ши», как это явствует из знаменитого труда И. Я. Бичурина «История первых четырех ханов дома Чингисова», основывающегося на двух китайских сочинениях «Юань ши» и «Ган му», первый эпизод, в котором появляется Джамуха (Чжамхак в прочтении И. Я. Бичурина), — угон скота младшим братом Джамухи у подданного Тэмуджина, убийство младшего брата Джамухи, нападение Джамухи на Тэмуджина 30 тумэнами, ответ Тэмуджина с 13 частями войска и победа последнего [3: 9]. Далее рассказывается о возведении Джамухи в «Чулхани» (гурханы) племенами дурбот, икирис, хатагин, хорлос, татар и салчжиут, донесении об этом Тэмуджину, его походе на Джамуху и разгроме последнего [3: 20], о стычке с найманами, попытке насладиться на тэмуджиново войско выюгу, но гибели от этой выюги самих найманских войск и уходе Джамухи от найманов ввиду их поражения [3: 22], о наговоре Джамухи сыну Ван-хана на Тэмуджина после неудачного сватовства, об их нападении на Тэмуджина и поражении [3: 23—27], о войне с найманами, похвале чингисовых войск Джамухой и уходе его от найманов в предвидении их поражения [3: 33—34]. О его смерти не говорится.

В «Истории о завоевателе мира» Джувеини о Джамухе нет ни слова, хотя рассказ о борьбе Ван-хана с Чингис-ханом изложен довольно развернуто [6. Т. 1: 34—38].

Обратимся теперь к монгольским летописям XVII—XIX вв.

«Золотое сказание» Лубсандандзана (XVII в.), как известно, во многих фрагментах почти дословно повторяющее «Сокровенное сказание», содержит большинство эпизодов, в которых участвует Джамуха [9: 87, 90, 103, 112—114, 136—138, 143, 144, 207, 208]. В нем лишь не говорится об уходе Джамухи от найманского Даян-хана, так как вообще отсутствует рассказ о войне с найманами. Поэтому и о смерти Джамухи рассказывается в другом месте, без связи с предыдущим повествованием [9: 207—208].

В «Истории Асрагчи» (XVII в.) события, связанные с Джамухой, изложены кратко, но довольно полно [1: 33—45]. Примечательно, что в этом сочинении, в отличие от многих других, есть рассказ о совмест-

ном нападении Тэмуджина, Ван-хана и Джамухи на меркитов, опоздании на встречу Ван-хана и Тэмуджина и недовольстве этим Джамухи [1: 33—34], а также о кочевании Тэмуджина и Джамухи на протяжении года вместе, о неясных словах Джамухи и уходе от него Тэмуджина [1: 35].

В остальных известных летописях XVII в. — «Желтой истории» (если не считать вставок, сделанных в ней на основе «Истории Асрагчи»), «Драгоценном сказании» Саган-Сэцэна и «Кратком Золотом сказании» сведений о Джамухе нет.

В «Истории рода борджигид» Ломи (XVIII в.) Джамуха упоминается только в ряду 12 враждебных ханов, побежденных Чингис-ханом [8: 9v].

В «Хрустальном зеркале» Рашпунцага (XVIII в.) рассказ о взаимоотношениях Тэмуджина с Джамухой довольно полон. При анализе сочинения Рашпунцага становится ясно, что он в основном следовал изложению событий в «Юань ши». Причем некоторые детали указывают на то, что Рашпунцаг использовал, возможно, даже не оригинальную китайскую версию, а ее маньчжурский перевод или маньчжурские сочинения, основанные на ней. В «Сокровенном сказании» младшего брата Джамухи, который угнал табун, зовут Тайчар, причем всегда с прибавлением «младший брат» — *«deu Taičar»* [7: § 128—129]. В «Юань ши» эти два слова, если можно верить И. Я. Бичурину, слились и образовали имя «Тотайхир» [3: 9], где первый слог *то*, по-видимому, произошел от монгольского *deu, degü* ('младший брат'), а второй — от имени героя. В маньчжурских исторических сочинениях, основанных на «Юань ши», как, например, в «Истории государства Дай Юань», он назван *Todai sal* [4: 8]. Рашпунцаг называет его *Todasar* [12: 29], что ближе к последнему, тем более что большинство слов со звуками *ч* и *дж* в маньчжурских текстах получают звук *с*, то есть монгольское *deu Taičir* вполне могло перейти в маньчжурское *То Дасар*. То же можно сказать и об имени подданного Тэмуджина, у которого Тайчар украл табун. «Сокровенное сказание» называет его Чжочи-Дармала [7: § 128], «Юань ши» — Чохи [3: 9], а «Хрустальные четки» вслед за «Историей государства Дай Юань» — Сочи. Между прочим, так произошло и с именем самого Джамухи. Рашпунцаг называет его *«satayu ayimay-un ejen»*, т. е. «вождь племени самагу» [12: 29, 38]. *Satayu* — это явное маньчжурское прочтение имени Джамухи в написании старомонгольским письмом. В монгольском же языке *satayu* (или *самуун* на современном языке) означает 'смутьян, смута'. Это слово и заменило имя Джамухи.

Есть еще две летописи, в которых я обнаружила небольшой рассказ о Джамухе. Это — «Золотое сказание» Мэргэн-гэгэна (XVIII в.) и «Хрустальное зеркало» Джамбадорджа (XIX в.). В сочинении Мэргэн-гэгэна есть лишь один эпизод, рассказывающий о событиях, последовавших после угона табуна. Этот фрагмент невелик, приведу его полностью. «На Шара муруне жил человек, именуемый Судай-батыром монгольским. Батор, именуемый Тодасаром, из аймака Самагун был на звериной охоте и угнал с Шара муруна лошадей Судая. Последний под прикрытием пыли, поднятой лошадьми, догнал Тодасара и убил его одной стрелой. Люди Тодасара очень перепугались, за-

волновались и бежали, оставив лошадей. В аймаке Самагун [люди] питали злобу [против Хасара] *, [говоря], что [Хасар и его братья] являются четырьмя шимнусами Есугея и что если [их] сейчас не убрать, то потом будет поздно. Рассуждая так, [эти люди] отправились против [Хасара] десяти тысячное войско. Хасар, получив об этом известие от Судая, собрал воинов из монгольских аймаков и создал войско из тринадцати частей. Когда в это время враг напал на него, Хасар сам вышел во главе войска и в поединке с батором, главнокомандующим войска врага, убил его штыком. Вражеские войска пришли в замешательство и разбежались. Когда тринадцать частей монгольского войска стали притеснять их со всех сторон, одна часть вражеских войск была перебита, другая — сдалась, третья — бежала» [2: 144]. «Хрустальное зеркало» практически дословно повторяет этот фрагмент [5: 393—394]. Правда, Джамбадордж, как и большинство других источников, указывает, что войска Самагун составляли 3 тумэна, т. е. тридцать тысяч человек, а не 1 тумэн, как у Мэргэн-гэгэна.

Из приведенного материала видно, что историческая память о Джамухе в Монголии была в XVII—XIX вв. весьма слабой. Уже большинство летописей XVII в., кроме «Золотого сказания» Лубсандандзана и «Истории Асрагчи», не упоминают о нем. Нет ни слова о Джамухе в сочинении Саган-Сэцэна, которое по праву считается наиболее полным и точным историческим источником этого периода. Что говорить о трудах монгольских историков более позднего времени! Лишь немногие авторы приводят рассказ о Джамухе, следуя маньчжурским сочинениям, основанным на «Юань ши», да и то не помнят даже его имени, говоря о каком-то «племени смутьянов». Рашпунцаг, включивший в свой труд наиболее полный пересказ эпизодов, связанных с Джамухой, называет последнего «вождем племени самагу (смутьянов)» [12: 38], «неким человеком по имени Самагу» [12: 41] или вообще — «вождем племени смутьянов по имени Даши» [12: 40]. Известные слова Джамухи о чингисовых богатырях: «Найманцы, начиная войну, почитали монгольское войско за стадо козлят и ягнят и думали совершенно перетоптать их и не оставить ни кожи, ни ног. По-моему замечанию, они теперь уже далеко от того состояния, в каком прежде были» [3: 34], приписаны им хатагинскому вождю Сарху [12: 50].

Почему так произошло? Почему Джамуха исчез из монгольской исторической памяти?

Судя по «Сокровенному сказанию», «Сборнику летописей» Рашид ад-Дина и «Юань ши», в период становления Тэмуджина как вождя монголов его ближайшими союзниками были керейтский Ван-хан и джадаранский (или джаджиратский) Джамуха. Эти три вождя составляли довольно сильный племенной союз, противостоя другим племенам — меркитам, найманам и т. д. Однако каждый из них стремился к личному преобладанию, враждуя против остальных двух и каждый с каждым. Об этом историками написано довольно много, и повторять, наверное, нет смысла.

Очевидно, что Ван-хан первоначально был в этом союзе сильнейшим. Племя Джамухи было слабее. Однако его соперничество с Тэмуджином носило совсем иной характер, чем противоречия Тэмуджина с Ван-ханом. Ван-хан не был в близком родстве с борджигидами, родом Тэмуджина. Рашид ад-Дин рассказывает о керейтах так: «...их обиталище есть [по рекам] Онону и Керулэну, земля монголов. Те округа близки к границам китайской страны. [Керайты] много враждовали с многочисленными племенами, особенно с племенами найманов. Во времена Есугэй-бахадур и Чингиз-хана их государем был Он-хан (Ван-хан. — А. Ц.). Они имели взаимную дружбу, и [отец Чингиз-хана и он сам] много раз оказывали Он-хану помощь и поддержку» [11. Кн. 1: 127]. Ван-хан был другом и союзником Тэмуджина, но главой чужого рода-племени. Джамуха же был по происхождению очень близок к Тэмуджину. В «Сокровенном сказании» об этом говорится: «Идя лобовым, захватил Бодончар вполнину беременную женщину: „Кто ты такая?“ — спросил он. — „Я, — говорит она, — я из племени Чжарчиут, по имени Адахан-Урянхачжина“. Тогда братья впятером полонили тех людей, и стали те у них слугами-холопами, при табуне и кухне. Бывшая в половине беременности женщина, войдя к Бодончару, родила сына. Так как его считали сыном чужого племени, то и называли его Чжадарай. Он и стал предком Чжадаран. У того Чжадарана был сын, по имени Тухуудай. Сыном Тухуудая был Бури-Бульчиру, сын Бульчиру — Хара-Хадаан. Сыном Хара-Хадаана был Чжамуха. Таково происхождение рода Чжадаран» [7: § 38—40]. Итак, Джамуха принадлежал монголам. Род Джамухи, ведший свою линию от жены Бодончара, воспринимался как весьма близкий к Тэмуджину, Джамуха считался по существу родственником. Таким образом, соперничество Тэмуджина и Джамухи происходило на узком поле родственных племенных образований, каждый из них стремился к преобладанию там же, где и другой. Грубо говоря, при всех превращениях и жестокостях борьбы за власть в кочевой степи XIII в., формально, чтобы покорить керейтов, Тэмуджин должен был бы разбить Ван-хана, чтобы стать владыкой джадаранцев — быть ими избранным на курултае.

Этот факт по-особому окрашивает отношения Тэмуджина и Джамухи: они проникнуты соперничеством и борьбой за власть, но осложнены родственными узами, детской дружбой и клятвой в побратимстве. При враждебности, тайной зависти, жестоким соперничестве друг с другом, Джамуха и Тэмуджин стараются избегать прямых военных столкновений. Джамуха подговаривает сына Ван-хана напасть на Тэмуджина, обвинив того в установлении союза с найманами. Ван-хан долго не соглашается, но потом идет на поводу у сына и решает принять участие в войне. Однако когда он предлагает командовать войсками Джамухе, тот отказывается, говоря: «Ван-хан просит меня управлять этим своим войском. Я ведь не могу сражаться с андой, а он велит мне управлять этим войском. Как ни прыток был Ван-хан, а оказывается-то позади меня. Значит, и друг-то он на час. Давай-ка я подам весть анде — пусть анда воспримет духом!» И он тайно посылает Тэмуджину весть о нападении,

* Как известно, в сочинениях Мэргэн-гэгэна и Джамбадорджа вместо Тэмуджина часто действует его брат Хасар, так как авторы принадлежат к потомкам последнего.

в результате чего тот сумел подготовиться и разгромить Ван-хана [7: § 170]. Джамуха уходит от найманов, когда те вступают в сражение с Чингис-ханом. В конце концов Чингис-хан отказывается сам казнить Джамуху. Если в «Сокровенном сказании» говорится только, что Чингис-хан повелел: «...позволив ему умереть без пролития крови, не бросайте на позорище его праха, но с подобающей почестью предайте погребению» [7: § 201], то Рашид ад-Дин более подробен: «Когда они схватили Джамукэ-сэчэна, учинившего смуту, и Чингиз-хан вследствие того, что он его прежде называл побратимом [андэ], не захотел его сам убивать, а отдал его Отчигин-нойону, дабы тот ведал [им], и когда Отчигин его убил, то сто человек войска джаджиратов, бывшие с ним, присоединились к войску Отчигина» [11. Кн. 2: 277]. Итак, Джамуха хоть и соперник Тэмуджина, но он — «свой» для монголов. Таким его воспринимает не только сам Тэмуджин, но и монгольская летописная традиция. И это очень важно.

Как известно, «Сокровенное сказание», в повествовательном плане принадлежащее во многом к древнему эпическому типу, практически никогда не оценивает своих героев с «моральной» точки зрения. Даже Тэмуджин, будущий Чингис-хан, здесь не всегда безупречен. Он трусоват — боится собак, он жесток — убивает брата Бэгтэра и т. д. Поэтому, кстати говоря, этот памятник воспринимается как исключительно правдивый, и ученые часто отдают предпочтение его сообщениям перед другими источниками. Средневековый же тип повествований, к которому относятся позднейшие летописи, требует ясной расстановки всех акцентов такого рода: «Свой» там не может быть «плохим» или «врагом». Все герои резко делятся на своих «хороших» и чужих «плохих». Все «неплохие-нехорошие» герои «Сокровенного сказания» получают в более поздних памятниках ясные характеристики или дурного врага, или замечательного героя.

Приведу пример. Летописи XVII—XIX вв. почти не упоминают о конфликтах между Тэмуджином и его братом Хасаром, а если упоминают, то настолько глухо, что теряется всякий смысл. Они никогда не порицают Хасара, говоря лишь о его силе, могуществе и ловкости. Между тем известно, что такие конфликты были [13; 14]. Акад. Ш. Нацагдорж считал, что Хасар оспаривал ханский престол, отчего находился под постоянным подозрением у Чингис-хана [10]. Рашид ад-Дин прямо называет Хасара среди тех, кто претендовал на ханский престол и противостоял в этом Чингис-хану, правда, вложив это в уста «некоего мудрого и проницательного старца»: «Сача-беки из племени кият-юркин стремятся к царствованию, но не его [это] дело. Джамукэ-сэчэну, который постоянно сталкивает друг с другом людей и пускается в различного рода лицемерные ухищрения для того, чтобы продвинуть [свое] дело вперед, [это] также не удастся. Джочи-Бара, — т. е. Джочи-Касар, брат Чингиз-хана, — тоже имеет такое же стремление. Он рассчитывает на свою силу и искусство метать стрелы, но ему [это] также не удастся. У Алак-Удура из племени меркит, имеющего стремления к власти и проявившего известную силу и величие, также ничего не получится. Этот же Тэму-

джин, — т. е. Чингиз-хан, — обладает внешностью, повадкой и умением, [нужным] для того, чтобы главенствовать и царствовать, и он несомненно достигнет царственного положения» [11. Кн. 2: 119]. В другом месте он называет всех перечисленных людей в качестве претендентов на ханство, не упоминая лишь Хасара: «Лица, которые стремятся к государевой власти: один Улак-Удур (Алак-Удур. — А. Ц.) из племени татар, другой Сэчэ-беки из племени кият-юркин и [третий] — Джамукэ-сэчэн из племени джаджират» [11. Кн. 1: 177]. Обо всем этом ни слова не говорят поздние источники: Хасар — брат, сподвижник, он — «наш», значит, «хороший».

Если Хасар «стал хорошим», то Ван-хан «стал плохим». Большинство монгольских летописей не рассказывают о пленении меркитами Бортэ и о спасении ее с помощью Ван-хана и Джамухи, т. е. добрые дела Ван-хана по отношению к Тэмуджину отсутствуют. Например, Рашпунцаг, заключая часть своего повествования, посвященного этому периоду, пишет: «Я, Рашпунцаг, думаю: что говорить о созревании плодов хорошего или дурного поведения людей в будущей жизни, они, бывает, созревают и в этой жизни. Во времена сражений Тэмуджина и Тогорила (Ван-хана. — А. Ц.) народ Тогорила был многочислен, войско сильно. Но как сказано в „Шаштре под названием Понимание“, жаворонок, спасенный из капкана, стал насмехаться над спасшей его домашней птицей и был схвачен ястребом. Подобно этому Тогорил, не испытывая благодарности к Тэмуджину и его отцу, помогавшим ему, ответил на помощь злом ради богатства и славы. В результате он сам, его жены и дети, народы исчезли и стали пылью, и это закономерно. Приносить вред людям, даже не оказавшим помощь, плохо, что говорить о вреде тем, кто помог! Вообще, при совершении любых дел надо исследовать их правильность и неправильность. Когда хорошенько исследуешь вред жадности богатства и славы, то, как сказано в „Драгоценной сокровищнице благих слов“, „собирайте плоды лучше с веток деревьев, если перестареешь, упадешь на землю“. Так и ты будешь потом горько сожалеть» [12: 47—48].

Джамуха «Сокровенного сказания» никак не влиялся в схему «плохой-хороший». И тогда повествовательная модель средневековых летописей «потребовала», чтобы он стал или «хорошим», как Хасар, или — «плохим», как Ван-хан. Кстати, в сочинении Рашид ад-Дина он действительно стал отрицательным героем. Рашид ад-Дин много раз называет его хитрым, коварным, лицемерным. «Его прозвали „сэчэн“ из-за того, что он был крайне умный и хитрый. Чингиз-хан его называл „анда“ [т. е. побратим]. Однако тот постоянно чинил по отношению к нему козни, вероломство и обман и стремился к тому, чтобы забрать в [свои] руки государство» [11. Кн. 1: 190]. «Впоследствии главой [бузург] племени джурьят был Джамукэ-сэчэн, который был одарен умом, способностями и смекалкой [и вместе с тем] был великий хитрец и лукавец. Чингиз-хан называл его побратимом [андэ]. Несмотря на то, что он придерживался побратимства и внешне притязал на дружбу [Чингиза] и на искренние [свои] отношения [к нему, но] втайне питал [к нему] вражду и имел в мыслях оказать ему противодей-

ствие и сопротивление и захватить в [свои] руки высокий сан. [Как] во время могущества племени джурьят, [так] и после того, как оно было рассеяно, он постоянно завидовал Чингиз-хану. Внешне он притязал на дружбу, а тайно [питал к нему] вражду. Он неоднократно вступал в сговор с восставшими [племенами] и его врагами...» [11. Кн. 2: 89—90]. «Так как прежде всего Джамукэ был завистником и зложелателем Чингиз-хана и крайне коварен и безнравствен по природе, то...» [11. Кн. 2: 122].

Монгольские летописи частично последовали за Рашид ад-Дином. Однако нельзя сказать, что отрицательное отношение к Джамухе в них сложилось достаточно устойчиво. Ведь некий «вождь из смутьянов» вовсе не ассоциируется в «Хрустальных четках» с андой Тэмуджина. Нет, Джамуха не стал «хорошим» и не стал «плохим». Оказалось, что есть еще и третий вариант — Джамуха исчез.

Можно сделать и еще одно предположение. Джамуха принимал активное участие в событиях до провозглашения Чингис-хана всемонгольским ханом в 1206 г. Собственно говоря, такое провозглашение и произошло после смерти Джамухи, что, вероятно, не случайно. Это время героической юности и становления Чингис-хана как владыки. Оно описывается в летописях в двух вариантах. В некоторых — очень кратко и схематично, в других — подробно и в эпических красках. В первых — о Джамухе, как говорилось выше, нет упоминаний. Во вторых же он, возможно, просто слился с образом Ван-хана или был вытеснен им. Для эпического повествования Ван-хан и Джамуха дублируют друг друга в качестве зловредных врагов. Они оба предали Тэмуджина, оба стремились разбить его, захватить власть. Оба действовали в одно время. Ван-хану же монгольские летописи уделяют несравнимо больше места. Даже Джувейни, описывая приход к власти Чингис-хана, почти полностью ограничивается описанием его борьбы с Ван-ханом [6. Т. 1: 34—38].

И наконец, как мне кажется, исчезновению Джамухи из монгольских летописей способствовало еще одно обстоятельство. Род Джамухи после падения его вождя был «рассеян», как об этом говорит Рашид ад-Дин. Люди из джадаранцев были розданы родственникам Чингис-хана и, по-видимому, постепенно ассимилировались среди них. Мы не встречаем упомина-

ний о потомках Джамухи в более позднее время, по крайней мере после распада Монгольской империи. «К числу предводителей этого племени (джадаранцев. — А. Ц.) во время Чингиз-хана принадлежали Каллиудар, Улуг-бахадур, Гагуй, Ядагана и Тагай-Далу. Так как они много восставали и Чингиз-хан многих из них перебил, то [их] осталось мало», — писал Рашид ад-Дин [11. Кн. 2: 192]. Память о родоначальнике же могла остаться только в сильном племенном образовании, сохранявшем свою целостность на протяжении долгого периода. Так, например, произошло с потомками Хасара, которые составили могущественную племенную ветвь. Вот что пишет о ней Рашид ад-Дин: «...Чингиз-хан соизволил его (Хасара. — А. Ц.) пожаловать и [выделил его] из всех братьев и сыновей братьев, дав ему и его детям, в соответствии с установленным обычаем правом, вытекающим из положения брата и царевича, степень [высокого] сана и звания. И до настоящего времени обычай таков, что уруг Чингиз-хана из всех [своих] дядей и двоюродных братьев сажает в ряду царевичей только уруг Джочи-Касара; все же другие сидят в ряду эмиров» [11. Кн. 2: 51]. «В настоящее время, благодаря размножению своему, они [потомки Джочи] стали многочисленными» [11. Кн. 2: 52]. «Кубилай-каан для пробы сосчитал его (Бэлгута. — А. Ц.) уруг. Он состоял из восьмисот человек. Он сказал: „Как же [случилось, что] от потомков [насл.] Джочи-Касара, которых было [всего] сорок человек, народилось восемьсот человек, а от [потомков] сыновей Бэлгута и Джауту, которых было сто человек, тоже народилось восемьсот человек и больше нет!“ Затем он сказал: „Уруг Джочи-Касара могущественный и богатый, уруг Бэлгута-нойона беден, поэтому они и размножились меньше!“» [11. Кн. 2: 57]. Итак, после новой административной организации монголов, предпринятой Чингис-ханом, рода и племена, отданные под начало Хасара, составили сильный удел и даже в XVII в. сохраняли свою целостность. Они и хранили память о своем родоначальнике, составляли его родословные, пересказывали легенды о нем и даже писали летописи, где Хасар практически занимает место Чингис-хана, — упомянутые уже выше «Золотое сказание» Мэргэн-гэгэна и «Хрустальное зеркало» Джамбадорджа. О Джамухе же «вспоминать было некому».

Так Джамуха «исчез» из монгольских летописей.

Литература

- Asarayı neretü-yin telüke. B. Bayan-a kınan aruulju baulaju rayil-buri kiibe. [Begejing], 1984.
- Балданжапов П. Б. Altan Tobči. Монгольская летопись XVIII в. Улан-Удэ, 1970.
- Бичурин И. Я. История первых четырех ханов из дома Чингисова. Переведено с кит. монахом Иакинфом. СПб., 1829.
- Dai yuvan ulus-un bičig. [Ming] Süng Liyan nar jokiyaba. [Čing] Döteng Öljeiti Sereng Sonom orčiyulba. Öber Mongyol-yn soyol-un keblel-ün qoriy-a. 1987.
- Bolor toil. Jimbadorji jokiyaba. Ündüsten-ü keblel-ün qoriy-a. 1984.
- 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini. The History of the World-Conqueror. Transl. By J. A. Boyle. Vol. 1, 2. Manchester, 1958.
- Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongrol-un ničuša tobčiyan. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборонок. Т. I. М., Л., 1941.
- Mongrol borjigid obor-un telüke von Iomi [1732]. Meng-ku shihhis-p'u. Herausgegeben und mit Einleitung versehen von W. Hensig und Ch. Bawden. Wiesbaden, 1957.
- Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание») / Пер. с монг., введ., коммент. и прилож. Н. П. Шастиной. М., 1973.
- Нацагдорж Ш. Чингис Хасар хоёрын зорчил. Улаанбаатар, 1958.
- Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1, 2. М.; Л., 1952.
- [Rasipunsuy]. Bolor erike. Öber Mongyol-yn arad-un keblel-ün qoriy-a. 1985.
- Успенский В. Л. Соперничество потомков Чингис-хана и Хасара в XIII—XIX вв. // Тюркские и монгольские письменные памятники. Текстологические и культуроведческие аспекты исследования. М., 1992. С. 102—109.
- Цендина А. Д. Хасар и Чингис в летописях Мэргэн-гэгэна и Джамбадорджи // Mongolica-IV. СПб., 1998. С. 30—35.

Л. Г. Скородумова

Особенности беллетризации в современной монгольской литературе

Демократическое движение в Монголии, сопровождавшееся бурным ростом национального самосознания, пересмотром и реабилитацией исторического прошлого, подняло на свой щит имя и образ Чингис-хана как символ национального возрождения, национальной идеи. Для монголов чувство национального достоинства, патриотизм ассоциируются сегодня с сильной централизованной властью эпохи Чингизидов. Окончательную реабилитацию тема Чингис-хана получила в 1992 г., во время празднования 750-летия «Нууц товчоо» («Сокровенного сказания»). За прошедшие 10 лет Чингисиада в монгольском искусстве пополнилась десятками новых произведений, и сейчас она составляет значительный пласт духовной культуры монголов. Обращение к историческим корням, переключка эпох и воспевание образа великого предка превратились в некий канон художественного творчества.

Определяющими принципами беллетризации монгольской литературы, стремящейся к освоению эстетики европейского и русского модернизма, сегодня являются реминисценции, отсылки читателя к цитатам, ассоциативность, метафоризм. Беллетризация служит развитию современной прозы на новом, более высоком уровне. Примером могут быть образцы прозы в лучших книгах 2001 г. (по итогам конкурса, проводимого на базе издательства «Адмон»). Это: роман Д. Батбаяра «Мементо бутээхуй» (Сотворить мemento), Л. Дашням — «Цөллөг» (Пустыня), Д. Урианхай — «Зоод ба улаан нулимс» (Сон и красные слезы), Ч. Энхээ «Од харвах намар» (Осень, когда падали звезды), фантастический роман Н. Бадамжава «Дайсику» детективная повесть, повесть Я. Оюунчимэг «Гэсгээгдэгсэд» (Размороженные), две научно-познавательные книги: Х. Хурметбек — «Ол бичигдмэллоод» (Несказанное); Б. Баабар, Б. Цэнддоо, Ц. Амаржаргал — «Зугаатай танин мэдэхуй» (Познавательные истории); У. Шигуургэ — «Уно олгэх салхи буюу ахуугаас сулрахуй» (Ветер вечности или уход от реальности), Э. Отгонжаргал — «Ямар нэг 837» (Нечто 837). Эти произведения можно считать артефактом монгольской культуры 1990-х гг., ибо они созданы по всем классическим правилам мировой прозы XX в., с одной сто-

роны, и не выходят за рамки традиционной словесности, с другой.

В названных монгольских текстах соблюдены все принципы мировой прозы XX в., сформулированные известным российским философом и филологом В. П. Рудневым: неомифологизм; иллюзорность; текст в тексте; уничтожение фабулы; стиль потока сознания; большая роль рассказчика и наблюдателя; нарушение принципов связности текста; автор моделирует собственную реальность, отвергая действительность¹.

Часто уже в самом названии произведения подчеркивается идея иллюзорности, нереальности описываемых событий. Д. Урианхай, например, дает такое жанровое обозначение своего произведения: «ирреалист, иррационал, мистик онэний „БИШОБИ² тууж“» (ирреалистическая, иррациональная, мистическая повесть в духе «бишоби»). Во многих повестях и романах отсутствует сюжет. Повествование в текстах Я. Оюунчимэг и Э. Отгонжаргал построено как внутренний монолог. Занявший первое место в конкурсе мини-роман Д. Батбаяра «Мементо бутээхуй» проникнут эсхатологическими мотивами. Роман разделен на главы, все главы имеют эпиграфы. Эпиграфы — это некие «имплантаты» — философские миниатюры или записки из дневника придуманного философа С. Дарамжисрая (возможно, псевдоним самого автора Дарамын Батбаяра). Например, главе «Жульеттагийн ухэл» (Смерть Джульеты) предпослана ремарка: С. Дарамжисрай «Босгой хоний нууц»: «Босгой хонд торолхийн нууц гэж байдаггүй. Босгойчоодийн нууцыг эрчоод ботээж байна. Тэдэн шиг тайлдашгой нууцтан ховор. Ямар ч торийн хуйвалдаан, ямар ч эрдэнэсийн сангийн нууц нэгэн цагт илэрдэг. Босгой хуний нууц хэзээ ч илэрдэггүй...» («Тайна женщины»: Природных секретов нет у женщин. Женские тайны создают сами мужчины. Но почти не бывает таких тайн, которые нельзя было бы разгадать. Все тайное становится явным — будь то хитроумный заговор или тайна сокровищ. Но тайну женщины разгадать невозможно никогда). Э. как эпиграфа к главе «Алдагдсан чулуу» (Утерянный камень) дается философская сентенция «Чадаад ботээчихдэгсэн бол ертонцод,

ботээхймээр юм хоёрхон л байдаг. Нэг нь цаг хугацаа. Ногоо нь орон зай» (Если бы человек был способен, я бы хотел создать две вещи: время, пространство).

Д. Батбаяр — автор нескольких книг лирических миниатюр, пейзажных зарисовок, коротких новелл. Манера письма в романе «Мементо бутээхуй» напоминает нашумевшую в свое время повесть «Цахилж яваа гороос» (Бегущая антилопа) (1984). Автор был удостоен государственной премии за эту повесть. Основная коллизия разворачивается вокруг любовного треугольника. Повесть построена как внутренний монолог героев. Впервые в монгольской литературе была скрупулезно проанализирована столь тонкая материя, как человеческое чувство, автор хирургическим скальпелем решительно режет по живому, высвечивая самые болезненные, уязвимые точки человеческих отношений в любовном треугольнике. Традиционно для монгольской словесности не характерно такое «подсматривание и подслушивание» частной жизни. Пристальное внимание к чувственности, интимным переживаниям, рефлексия скорее свойство русской и европейской литератур. В 1980-е гг. стремление к психологизму, усиление авторского личностного начала в монгольской литературе можно было объяснить ее тесными связями с русской и европейской классикой, а также теми изменениями, которые произошли в жизни монгольского общества за послевоенные десятилетия.

Роман «Мементо бутээхуй» строится по принципу «текст в тексте», автор постоянно отсылает читателя то к «Сокровенному сказанию», то к Шекспиру. Можно сказать, что смерть — главная героиня этого романа, не случайно названного по ассоциации с латинским изречением *memento mori*. Ряд параллельных сюжетных ходов прослеживают тайну смерти: Угэдэя и трех главных героев. Нарушен нормальный ход жизни. Главный герой романа Ширмун охвачен сомнением, все происходящее похоже на бред или на сон: Тэр «Би чинь сэроон байна уу, зоодлэж байна уу?» (Что это, сон или явь?) гэнэ. Происходит игра на грани прагматики внутреннего и внешнего текстов, конфликт между двумя текстами за обладание большей подлинностью. По мнению исследователей постмодернистской культуры, «этот конфликт вызван глобальной установкой культуры XX в. на поиски утраченных границ между иллюзией и реальностью. Поэтому именно построение текст в тексте является столь специфичным для XX в., хотя в принципе этот прием использовался достаточно широко в культурах типа барокко»³.

Авторы новой прозы все время как бы предлагают игру между вымыслом и реальностью. Роман Д. Батбаяра скорее напоминает притчу, чем рассказ о реальных событиях. И вместе с тем, это драматическое повествование о трагической судьбе молодой женщины Цэлмэн, поэтому текст отвечает критериям романа как эпоса частной жизни.

Он использует повествовательные приемы средневекового летописания, характерные и для «Нууц товчоо», и для «Синей книги» Инжиша. Композиционно «Мементо бутээхуй» построено идентично: четкое деление текста на главы, к каждой главе дается эпиграф или аннотация. Философские ремарки, реминисценции, цитаты, которые использует Д. Батбаяр, — дань классической традиции прозаического повествования.

«Мементо бутээхуй» — философски чрезвычайно насыщенный текст, причем философия дана и в прямых сентенциях, и растворена в художественной ткани романа, это гипертекст с хорошо разработанной системой отсылок, чтобы создать у читателя впечатление приобщенности к вершинам национальной и мировой культуры.

Для модернистской прозы характерна ориентация на архаическую, классическую и бытовую мифологию. Образ Чингис-хана в современной монгольской литературе служит демифологизации современного творчества. Одновременно миф используется для оформления национальной идеи не только в художественном творчестве, но и в массовом сознании. Можно сказать, что тема Чингис-хана — тот национальный багаж, который необходим для создания новой литературы, новой традиции и приемов творчества, к тому же немаловажным фактором является то, что техника письма и стилистика исторических хроник, летописания — отработанная веками практика, опыт, легко поддающийся трансплантации на современную почву.

Как пишут литературные критики, если «ранний» постмодернизм уверял, что жизнь есть текст, то на следующей стадии — текст есть жизнь, ее ДНК. Книга становится центральным фабульным мотивом. Этот тезис подтверждается и опытом современных монгольских писателей и поэтов, которые в последнее время все чаще обращаются к историческому наследию монголов, хроникам и летописям, делая попытки создания популярного сейчас в России и Европе жанра римейк. Думаю, можно было бы назвать много примеров римейка в современном монгольском искусстве.

Высокий профессионализм письма — другое важное условие современного творчества. Неслучайно сегодня многие поэты обращаются к прозе. Поэтам в большей степени присуще глубинное органическое чувство языка⁴. Язык — как бы самая основа поэзии, ее смысловая материя, порождающая образ мира и его судеб. Это не столько форма, сколько содержание литературы. В творчестве современных монгольских авторов реализуется единство языка, слова и культуры.

Таким образом, в литературном процессе Монголии наметились две тенденции: беллетризация повествования с использованием исторического и документального материала и явное стремление к сложной, философской прозе, с одновременным освоением стилистики модернизма. При этом беллетризация воспринимается не как упрощение, а как развитие современной прозы, переход ее на новый, более высокий уровень⁵. К произведениям, относящимся к беллетризованной прозе, следует, вероятно, причислить ряд вышедших в последние годы книг мемуаров, документальной прозы, популярных очерков о науке, ученых и т. д.

Таким образом, можно выделить следующие тенденции новой монгольской литературы: стремление уйти от реальной действительности, эпатаж, поток сознания, замкнутость в мире своего сознания, увлечение цитатой, отрицание прошлого опыта поколений художественной литературы.

В короткой статье трудно представить всю панораму современной литературы, хотелось обозначить лишь штрихи новых явлений в эстетике художественного творчества монголов начала XXI в.

Примечания

1. Руднев В. П. Словарь культуры XX в. С. 237—239.
2. Бишоби (Билгоонийг Шотэн Биширхоо) — объединение поэтов Монголии.
3. Руднев В. П. Указ соч. С. 308.
4. Мандельштам О. Слово и культура. С. 200.
5. Мясников В. Экономика мейнстрима. С. 157.

Литература

1. Аюурзана Г. Интернетийн эрин зуунд уран зохиол хэрэгтэй юу? // Одрийн сонин. 15.05.2002.
2. Баабар Б., Цэнддоо Б., Амаржаргал Ц. Зугаатай танин мэдэхуй. Улаанбаатар, 2001.
3. Бадамжав Н. Дайсику. Улаанбаатар, 2001.
4. Батбаяр Д. Мементог бутээхуй. Улаанбаатар, 2001.
5. Батбаяр Д. Амрагийн тэнгэр. Улаанбаатар, 2000.
6. Билигсайхан Ч. Монгол эрх товчис. Улаанбаатар, 2000.
7. Галбаатар Д. Эрс эргэлтийн босгон дээр. Улаанбаатар, 1996.
8. Дашням Л. Цөллөг Улаанбаатар, 2001.
9. Инжинаш В. Хох судар. Хох хото, 1958.
10. Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987.
11. Модернизм Монголд. Улаанбаатар, 1997.
12. Монголын уран зохиолын лавлах толь. Улан-Батор, 2001.
13. Монголын утга зохиолын онол гоо зүйн судалгаа. Улаанбаатар, 1999.
14. Мясников В. Экономика мейнстрима // Новый мир. 2001, № 3.
15. Неклесса А. Глобальный град: творение и разрушение // Новый мир. 2001, № 3.
16. Отгонжаргал Э. Ямар нэг 837. Улаанбаатар, 2001.
17. Оюунчимэг Я. Гэсгээгдэгсэд. Улаанбаатар, 2001.
18. Павич М. Хазарский словарь. М., 1999.
19. Руднев В. П. Словарь культуры XX в.: Ключевые понятия и тексты. М., 1999.
20. Скородумова Л. Г. Драгоценные четки. Улаанбаатар, 2002.
21. Толстая Т. «Кысь». Роман. М., 2001.
22. Урианхай Д. Зоод ба улаан нулимс. Улаанбаатар, 2001.
23. Хаадын сан 12 боть. Улан-Батор, 1998—2002.
24. Хурметбек Х. Ол бичигдмэлөөд. Улаанбаатар, 2001.
25. Шигуурзэ У. Оно олгэх салхи буюу ахуугаас супрахуй. Улаанбаатар, 2001.
26. Энхээ Ч. Од харвах намар. Улаанбаатар, 2001.

В. К. Шивлянова

Два варианта монгольской народной охотничьей песни

В песенном фольклоре западных монголов (дэрбэтов) и калмыков в разные годы зафиксированы варианты одной старинной протяжной песни, повествующей о трагическом случае, происшедшем на охоте. Западно-монгольская песня называется «Аргалантын ар шил» («Северный шиль Аргалант»), а калмыцкая — «Шар шилин» («Золотистая гора») ¹. Оба варианта одного песенного сюжета принято относить к группе традиционных песен «Шил», т. е. песен, в которых первая пара строк — это описание особенных по своей форме платообразных гор — «шил». Согласно народным представлениям, таких песен в цикле было тринадцать.

В основу обоих вариантов положен мотив ранения в сочетании с мотивом неузнавания в момент охоты, что свидетельствует об архаических истоках этого сюжета, восходящих к эпосу монгольских народов. Однако в отличие от эпоса в данной песне нет противостояния богатырей. Наоборот, здесь безысходное состояние младшего брата, по ошибке смертельно ранившего своего старшего — это в монгольском варианте, а в калмыцком варианте — безысходное состояние старшего брата, по недоразумению застрелившего младшего.

Об эпическом характере обоих вариантов свидетельствует и композиция песен: она делится на несколько разделов. В монгольском варианте каждый из разделов отделяется полным отчаяния вопросом младшего брата, обращенного к дагине. Сами разделы неравновеликие, первый и второй — короткие, а третий раздел по протяженности почти равен первым двум.

Первый раздел начинается так:

Аргалантын ар шилд
Анна гэж мордов.
На северном шиле Аргаланта
Поохотимся-ка, мы сказали, да отравились ².

В завершении раздела звучит пара строк — обращение к дагине:

Авай дагина чамагай
Ягсан гэж харихав.
Младший вопрошает, обратившись к дагине:
«Как теперь возвращаться?»

Затем во втором разделе следует объяснение младшим братом причины, по которой он не узнал на охоте своего старшего брата:

«Мараллынчинь арьсан малхайг
Магадалж танилгүй харвалаа».
«Из шкуры марала твой малахай
Не распознал и пустил стрелу».

Это двустилишие тут же варьируется. Завершается раздел снова вопросом к дагине.

Третий раздел монгольского варианта этой песни — слова старшего раненого брата, переходящие из распоряжений в завещание:

«Аав минь асуувал
Андуурсан гэж хэл
Ээж минь асуувал
Эндуурсэн гэж хэл...»
«Если батюшка спросит,
— Ошибся, — скажи,
Если матушка спросит,
— Загляделся, — скажи». И т. д.

В завершении этого варианта звучат горестные слова младшего брата.

В калмыцком же варианте данной песни, также состоящем из последовательности различных по протяженности разделов, в самом начале повествуется о причине, по которой произошло несчастье:

«Шара шилин гүлзиге
Шартха гижэ мордлав
Шалһдг дагни Бүүмн чамаг
Аакчин эндүрже харвла».
«На газель, живущую у золотистой горы,
Я выехал охотиться.
Тебя, преданный друг Бюмен,
Ака твой по недоразумению ранил» ³.

Это четверостишие на протяжении первого раздела песни трижды варьируется. Столь многократное изложение одного сюжетного мотива звучит из уст певца, носителя фольклорной традиции, как наизидание далеких предков — не устраивать охоту на древнее животнос-тотем, каким у монголов считалась антилопа-предводительница. То, что братья-охотники допус-

тили неверный шаг, отправившись на охоту с целью поразить стрелой газель (или антилопу), явилось причиной случившейся беды.

В коротком втором разделе песни повествуется о том, что младший брат был одет в шкуру зверя, стрелявший без промаха старший брат не узнал своего младшего брата.

Последний раздел песни — это советы и напутствия раненого брата, которые он дает старшему, чтобы как-то умалить горе родителей, узнающих о происшедшем случае на охоте. Как завещание звучат последние четыре строки песни:

«Цусн цаһан киһлгс минн
Цустаһинь оражи ганзһлтгн
Цурха цаһан бийи минн
Цулвртын мөнд өгит».
«Белую окровавленную мою рубашку
В торока завяжите.
Блестящее белое, как у щуки, тело мое
Пусть (Ваш конь) на поводьях повезет».

По своему сюжетному развитию монгольский и калмыцкий варианты этой песни отличаются. Если монгольский вариант начинается с констатации уже случившегося — ранение одного из братьев по причине незнания на охоте, а завершается вся песня тем, что оставшийся живым младший брат обращается к дагине со словами, горестно обвиняющими самого себя в случившемся. В калмыцком варианте в самом первом разделе излагается первопричина происшедшей на охоте трагедии: братья допустили охоту на древний у монголов тотем — антилопу (в калмыцком варианте — это газель). Завершается же калмыцкая песня несколько неожиданно, как бы многоточием. По сравнению с монгольским вариантом здесь возникает ощущение недосказанности. По-видимому, для традиционного певца не так было важно окончание песни. Важнее считалось передать в песенном тексте иносказательное напоминание о запрете охотиться на древние животные-тотемы. Очевидно, в калмыцком варианте более, чем в монгольском, сохранились следы раннетрадиционной песенной поэтики: в калмыцкой песне «Шар шилин» или «Об охотниках» содержатся предостережение, запреты, идущие из древности,

при этом не делается акцент на лирической стороне. Эти две смысловые линии — магия запрета и переживания по случаю происшедшего несчастья уравновешены между собой. В монгольском же варианте преобладает лирическая направленность, особенно это проявляется в последних строках песни. Нет упоминания о том, на какого зверя выехали охотиться братья, так как для певца не это принципиально, причиной происшедшей беды стало то, что младший брат не узнал старшего, приняв его, переодетого в шкуру животного, за какого-то дикого зверя.

Можно говорить об этих двух вариантах одной охотничьей песни как о стадийно различных вариантах одного песенного сюжета, ибо калмыцкий вариант был зафиксирован в начале XX в., а монгольский — в самом его конце. Почти за сто лет этот по сути архаический песенный сюжет трансформировался. В монгольском варианте песня превратилась в лирическую песню-балладу. О происшедшей эволюции одного сюжета может свидетельствовать и то, что по сравнению с монгольским вариантом в калмыцком нет той географической конкретности: все действие происходит у золотистой реки, а в монгольском — в местности Аргалант — отроге Алтая, идущем параллельно реке Дзэбхан.

Однако несомненно то, что оба эти варианта имеют глубокие корни в традиционной монгольской песенной культуре, поскольку в них сохранилась древняя диалоговая композиционная структура, повествовательность, присущая эпическим песням, а также мифологический подтекст всех сюжетных мотивов. Предпосылки лирического песенного жанра как такового в этих вариантах налицо: поэтико-смысловая сторона начинает тяготеть в область личных переживаний человека, оказавшегося в беде, а также внутри каждого из разделов обоих вариантов песни происходит формирование четверостиший по законам аллитерации, состоящих из пары двустий, взаимодополняющих друг друга. Вполне закономерным можно считать то, что характерный для монгольского фольклора песенный сюжет в этнически общих фольклорных традициях, разделенных не только территориально, но и временными рамками, дал свои глубоко самобытные варианты.

Примечания

1. Монгольский вариант песни был записан К. Н. Яцковской и опубликован в ее книге «Народные песни монголов» (М., 1988. С. 54—55, 125—126); калмыцкий вариант был записан А. М. Листопадовым у донских калмыков в 1902 году (см.: Листопадов А. М. Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа в ноябре 1902 года / Публ.

В. К. Шивляновой // Из истории русской фольклористики. СПб., 1999. Вып. 4, 5. С. 556, 557).

2. Здесь и далее цитируется текст монгольской песни и ее перевод на русский язык из книги К. Н. Яцковской (см.: Яцковская К. Н. Указ. соч. С. 54, 55, 125, 126).

3. Цитируется по ст.: Листопадов А. М. Указ. соч.

ИЗ АРХИВА ВОСТОКОВЕДОВ

Письма В. А. Казакевича к В. Л. Котвичу (1925—1936 годы)

(Подготовка к печати, предисловие и примечания А. М. Решетова)

История отечественной науки, в том числе и история востоковедения, в прошедшем XX в. развивалась сложно, порой трагически. Революции, первая и особенно вторая мировые войны, гражданская война, высылки и эмиграция ученых, идеологический прессинг, необоснованные массовые репрессии, борьба с низкопоклонством перед Западом и т. д. — все это оказывало громадное негативное влияние на процессы развития науки в соответствующие периоды истории нашей страны. В этих условиях поистине первостепенное значение приобретает расширение источниковедческой базы для проведения объективных, неполитизированных исторических исследований. Наряду с другими ввод в научный оборот архивных материалов становится одной из актуальных задач отечественной историографии.

К счастью, архивы нашей страны и менее нам доступные зарубежные архивы содержат необозримые залежи ценнейших материалов по истории науки. Пальма первенства здесь, как представляется, принадлежит Архиву Российской Академии наук (РАН). Особого внимания исследователей, по моему глубокому убеждению, заслуживают письма ученых друг другу, не предназначенные для печати, написанные по свежим следам переживаемых событий, они несут, как правило, весьма достоверные сведения «о времени и о себе».

Значение писем как ценного источника по истории отечественного востоковедения я хотел бы показать на примере писем В. А. Казакевича к В. Л. Котвичу, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН¹. Имена этих востоковедов хорошо известны в истории отечественной и мировой науки.

Владислав Людвигович Котвич — востоковед широкого профиля, государственный и общественный деятель, внесший весомый вклад в развитие российского, польского и тем самым мирового востоковедения. Он родился 20 марта 1872 г. в деревне Оссово Лидского уезда Виленской губернии, а ровно через месяц, 20 апреля его крестили в Оссовском Римско-ка-

толическом приходском костеле, дав ему имя Владислав Людвигов-Ксавериев-Алоизиев-Станиславов Котвич². Окончив в 1890 г. с золотой медалью Виленскую вторую гимназию, Владислав Котвич подал ректору Императорского Санкт-Петербургского университета прошение о зачислении его в число студентов факультета восточных языков³. Хотя он происходил из дворянской семьи, но, очевидно, не очень богатой, т. к. после смерти родителей он в августе 1891 г. уже просит об освобождении от платы за обучение. Однако его материальное положение никоим образом не влияло на его занятия. Учился он в университете, как и в гимназии, блестяще. Китайским языком он занимался у В. П. Васильева, Д. А. Пешурова, С. М. Георгиевского, А. О. Иванова, калмыцким языком у Куроно, разговорным языком у Гао Иньци, маньчжурским языком у А. О. Иванова, монгольским и калмыцким языками у К. Ф. Голстунского, монгольским языком еще и у А. М. Позднеева, историю Востока он слушал у Н. И. Веселовского. Владислав Котвич, помимо основных предметов, овладел французским и английским языками, а также прослушал курсы лекций по международному, русскому государственному, полицейскому и финансовому праву⁴. 27 марта 1895 г. он получил свидетельство первой степени об окончании университета и был оставлен при факультете для подготовки к профессорскому званию⁵. В 1896 г. он поступил на работу в 3-е отделение Общей канцелярии Министерства финансов, в задачи которого входила финансовая поддержка исследований, касающихся политических, экономических, этнических и культурных проблем стран Азии. Здесь он состоял на службе до конца 1917 г. Как представитель Министерства финансов он в 1903—1918 гг. входил в состав Русского комитета для изучения стран Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Его плодотворная деятельность в Министерстве финансов и в Русском комитете для изучения Средней и Восточной Азии способствовала установлению тесных контактов как с российскими и

зарубежными учеными, так и с государственными деятелями, в частности Внешней Монголии, куда он выезжал и в экспедиции. В 1900 г. В. Л. Котвич начал преподавать монгольский и маньчжурский языки в Императорском Санкт-Петербургском университете, где на него легли большие и ответственные поручения. В 1899 г. прекратилась деятельность в университете двух ведущих монголоведов, профессоров: умер К. Ф. Голстунский и уехал во Владивосток возглавлять Восточный институт А. М. Позднеев. В 1900 г. по болезни оставил преподавание маньчжурист проф. А. О. Ивановский. Ведущим на обеих кафедрах остался В. Л. Котвич, сначала в качестве доцента, а с 10 декабря 1918 г. — в качестве профессора. Среди его университетских студентов были будущие академики АН СССР Б. Я. Владимирцов, С. А. Козин, член-корреспондент АН СССР Н. Н. Поппе, Ф. В. Муромский, В. А. Казакевич и др.

Осенью 1920 г. в Петрограде был создан Институт живых восточных языков (ПИЖВЯ), и В. Л. Котвич стал его первым директором, возглавляя его и монгольскую кафедру в нем по апрель 1922 г. С мая 1922 г. по ноябрь 1923 г. он оставался членом совета института и продолжал руководить монгольским циклом, среди его учеников были молодые калмыки, монголы, тувинцы, тунгусы... Будучи крупным монголоведом и маньчжуроведом, он вместе с другими коллегами посещал своеобразный тюркологический семинар, который собирался у акад. В. В. Радлова вплоть до его кончины в мае 1918 г.⁶

После образования независимой Польши В. Л. Котвич решает переехать на родину, что и свершилось в декабре 1923 г. В 1924 г. он уже профессор созданной для него кафедры дальневосточной филологии Львовского университета, а 2 февраля того же года РАН избирает его членом-корреспондентом по разряду восточной словесности. Став польским профессором, он продолжал поддерживать активные связи путем переписки с советскими востоковедами и российскими учеными, оказавшимися в эмиграции, например с С. М. Широкогоровым. В. Л. Котвич оказал поистине громадное влияние на развитие востоковедения в Польше. Он был первым председателем Польского востоковедческого общества от времени его основания в 1922 г. вплоть до своей смерти (с перерывом только на один год, с 1936-го по 1937-й г.). В 1927 г. он еще возглавлял журнал общества «Rocznik Orientalistyczny». Активную преподавательскую деятельность он, как человек в высшей степени организованный, всегда умело сочетал с научно-исследовательской. Его имя — гордость российского, польского и мирового востоковедения. Умер В. Л. Котвич 3 октября 1944 г. Основная часть его научного архива хранится в Кракове⁷.

Как уже выше отмечалось, В. Л. Котвич после отъезда из Петрограда продолжал поддерживать контакт со своими советскими коллегами, в том числе со своими бывшими студентами. В последний учебный год преподавания в ПИЖВЯ (1922—1923) на втором курсе у него учился студент В. А. Казакевич, письма которого к своему учителю и стали объектом нашего внимания.

Владимир Александрович Казакевич родился 6 мая 1896 г. в Петербурге в семье чиновника. Среднее образование он получил в Реформаторском училище. После скитаний (был рабочим, служил в армии и т. д.) в 1922 г. он поступил на монгольское отделение ПИЖВЯ, где начал постигать азы науки под руководством В. Л. Котвича, Б. Я. Владимирцова и др. Уже в 1923 г. он был командирован на два года в Монголию по линии Народного комиссариата иностранных дел (НКИД). В своем отчете правлению института по итогам поездки от 1 сентября 1925 г. он сообщал: «Как студент института ВЦИК, т. е. ЛИЖВЯ⁸, со дня своего приезда был привлечен полномочным представительством СССР к информационной работе по Наркоминделу. В порядке этой работы мною написаны: „Краткий очерк современной степной Монголии“ и несколько других мелких статей, напечатанных в Бюллетене НКИД и органе полпредства „Известия Улан-Батор Хото“. Вместе с тем я исполнял некоторые поручения полпредства и одно время занимался переводом для него. Посещая во время своих поездок рай-

оны совершенно необследованные и главным образом граничные с Китайской республикой, я обязан был по требованию Главного штаба Монгольской армии представлять в его распоряжение все материалы, имеющие военное значение, что до сих пор мною и делалось»⁹. В. А. Казакевич, еще будучи студентом, готовил себя к серьезной научной работе и видел в проф. В. Л. Котвиче достойного руководителя для себя. В 1926 г. он закончил институт и по рекомендации Б. Я. Владимирцова оставлен в аспирантуре. Преподавать он начал на подготовительном отделении, еще будучи студентом и продолжать эту деятельность в своей alma mater до 1934 г. В 1929—1935 гг. он последовательно ассистент, доцент и, наконец, профессор Ленинградского университета, Историко-лингвистического института, Института философии, филологии и истории. После окончания аспирантуры в 1929 г. он становится научным сотрудником Азиатского музея АН СССР, который в 1930 г. преобразуется в Институт востоковедения. Одновременно в 1931—1933 гг. он работает в Этнографическом отделе Русского музея, а в 1935—1937 гг. — в Государственном Эрмитаже. В. А. Казакевич сформировался по примеру своих учителей как монголист широкого профиля, он занимался историей, археологией, этнографией, филологией, прежде всего словарной работой. В 1927 г. он как член Монгольской комиссии 4 месяца работал в автономной области Дариганга на юго-востоке Монголии, а в 1932 г. состоялась его поездка в Бурят-Монголию. В конце 1932 г. он выезжает в служебную командировку в Западную Европу, посещает научные востоковедные центры Франции и Германии. Вернувшись на родину в марте 1933 г., В. А. Казакевич трудится с еще большим рвением. Он в 1934 и 1936 гг. еще выезжал в экспедиции на Восток, но все попытки побывать в Монголии срывались, хотя это ему было крайне необходимо для продолжения начатых работ. 30 августа В. А. Казакевич арестован по обвинению в диверсионной и шпионской деятельности в пользу Японии. 20 декабря он был расстрелян в Ленинграде¹⁰.

Свое первое сохранившееся письмо к В. Л. Котвичу В. А. Казакевич написал 4 декабря 1925 г., хотя уже первые его строки наводят на мысль, что письменная связь между ними существовала и раньше. Во всяком случае, письмо содержит совершенно неформальные сведения, например о сестре, о матери, которые просят передать В. Л. Котвичу привет. Вместе с тем оно несет интересную для истории науки информацию о жизни института. Всего было написано десять писем — последнее письмо датировано 27 августа 1936 г., и каждое из них полно ценных сведений о состоянии советского монголоведения и шире — востоковедения. Несомненно, наибольший интерес представляют письма, написанные В. А. Казакевичем во время его командировки в страны Западной Европы. Н. Н. Поппе позднее в своих «Воспоминаниях» напишет, что эта поездка имела какие-то скрытые цели и выполнялась чуть ли не по поручению неких органов¹¹. Однако такие догадки совершенно бездоказательны. Письма зарубежного периода содержат особенно значительный объем ценной информации о состоянии советского востоковедения и написаны с предельной откровенностью. Приведу только одну цитату из письма от 27 января 1933 г.: «Вы вероятно помните мои наклонности к „общественности“, имевшие печальные результаты в свое время в Восточном Ин[ститу]те. К сожалению, я тогда, по-видимому, не образумился и еще раз сыграл роль козла отпущения в 1930 г. осенью. Это обстоятельство, рассказывать которое очень долго, было охарактеризовано „общественностью“ как „правый оппортунизм на практике“ и доставило мне полтора тяжелых года. Уехать я никак не мог и вынужден был переносить неудобства своего положения в Ленинграде. За это время и здоровье мое немного пошатнулось и монголоведческая работа остановилась почти совершенно. Я даже перешел на основную работу в Этнографический отдел Русского Музея, но связи с Академией не прерывал и находился в несколько независимом положении. Конечно раз навсегда и решительно отказался от общественной работы, кроме обязанностей, без которых совет-

скому гражданину существовать неприлично»¹². Как мне представляется, человек, выполнявший какие-то тайные поручения, не должен и не мог написать такое, тем более что у В. Л. Котвича ему не было необходимости добиваться какого-то алиби. Это была та степень откровенной исповеди, которой он не мог себе позволить в письмах, написанных на родине и посылаемых через советскую почту за границу. Даже только этот отрывок из письма рисует четкую объективную картину жизни советского ученого конца 20 — начала 30-х годов, дает возможность явственно почувствовать дух эпохи. И это одно из достоинств писем В. А. Казакевича к В. Л. Котвичу.

Знакомство с фактами биографии В. Л. Котвича и В. А. Казакевича, с материалами писем В. А. Казакевича к В. Л. Котвичу, как мне представляется, дает возможность высказать одно осторожное предположение. Известно, что В. Л. Котвич длительное время работал в Министерстве финансов. Там же до революции чиновником работал и отец

В. А. Казакевича¹³. Мать его жила в Ленинграде на иждивении сына. Представляется весьма соблазнительным предположить, что родители В. А. Казакевича хотя бы в какой-то мере, еще до 1917 г. знали семью Котвичей в Санкт-Петербурге, что сыграло свою роль и в поступлении молодого Владимира Казакевича в 1921 г. на монгольское отделение ПИЖВЯ, и в протекции В. Л. Котвича в 1923 г. при посылке студента В. Казакевича в Монголию, и проявлялось в приветях, которые студент передает профессору от своей матери и сестры...

Этой публикацией мне также хотелось бы привлечь внимание архивов и архивных работников всех уровней, особенно учрежденческого, к необходимости собирания и сохранения писем сотрудников как одного из ценных источников исторического исследования, а потому также важного объекта архивного хранения. Нынешние варианты форм переписки, включая электронные, ставят новые вопросы организации сбора и хранения такой переписки.

Примечания

1. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее ПФА РАН), ф. 761, оп. 1, д. 10. Фонд В. Л. Котвича под № 761 принят по частям в 1947—1950 гг. от Каранского историко-этнографического музея в г. Вильнюсе, акад. И. Ю. Крачковского и Института востоковедения АН СССР в количестве 67 дел. Об этом см.: Архив АН СССР. Обзор архивных материалов. Т. IV / Под ред. Г. А. Князева, Г. П. Блока, Т. И. Лысенко. Труды Архива. Вып. 16. М.: Л., 1959. С. 277—278.
2. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее ЦГИА СПб.), ф. 14, оп. 3, д. 28316, л. 4.
3. Там же, л. 1, 3.
4. Там же, л. 9—53.
5. Там же, л. 62—67.
6. Акад. В. В. Радлов не преподавал в университете, но у него регулярно собирались уже известные тогда ученые — прежде всего монголоеды, маньчжуроведы, тюркологи и под его руководством в творческой обстановке совершенствовали свои знания в области алтайских языков, особенно тюркских. В. В. Радлов по праву считается главой дореволюционной тюркологии, его труды в этой области и поныне считаются классическими.
7. Подробнее о жизни и деятельности В. Л. Котвича см.: *Lewicki M. Władysław Kotwicz* (20. III. 1872—3. X. 1944) // *Lewicki M., Michałowski K., Przeworski S., Reychman J., Willman-Grabowska H., Zajączkowski A. Szkice z dziejów Polskiej orientalistyki*. Warszawa, 1957. S. 8—30; *Kałuźniński S. Władysław Kotwicz (wa stulecie urodzin)* // *Przegląd Orientalistyczny*. Warszawa, 1972. № 2 (82). S. 103—114; *Tryjarski E. Studia turkologiczne Władysława Kotwicza (1872—1944)* // *Nauka Polska*. 1973. № 2. S. 141—145.

8. С 1924 г. ПИЖВЯ в связи с переименованием Петрограда в Ленинград стал называться ЛИЖВЯ. Институт находился в ведении ВЦИК — Всесоюзного центрального исполнительного комитета.
9. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 7222, оп. 6, д. 15, л. 61—62.
10. Справки Управления КГБ СССР по Ленинграду и Ленинградской области от 12 июля 1991 г. и 9 июля 1992 г. Хранились в личном архиве А. М. Решетова.
11. *Poppe N. Reminiscences*. Edited by Hewry G. Schwarz. Western Washington, 1983. P. 134.
12. ПФА РАН, ф. 761, оп. 1, д. 10, л. 8—9.
13. В автобиографии, написанной в конце 1935 г., В. А. Казакевич сообщил, что его отец, чиновник сначала Министерства финансов, а затем Министерства торговли и промышленности и Государственных сберегательных касс, происходил родом из мелких дворян бывшей Волынской губ., что с отцом связи были порваны в 1917 г. по личным причинам и что он умер в Киеве в 1929 г. Архив Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, ф. 152, оп. 3, д. 276, л. 51. Вполне вероятно, что дворянин занимал в Министерстве финансов достаточно приличное, заметное положение и мог быть знаком с чиновником того же Министерства дворянином В. Л. Котвичем. Что касается фразы об отсутствии отношений с отцом после революции, то это, как представляется, не более как дипломатическая дань времени: не афишировать связи с социально опасными элементами, особенно после убийства С. М. Кирова в Ленинграде 1 декабря 1934 г.

Письма *

/1/ Уважаемый Владислав Людвигович!

Простите меня за долгое молчание, объясняемое незнанием Вашего адреса и трудностью пересылки писем из Монголии в Польшу. В настоящее время я нахожусь в Ленинграде, куда вернулся с месяц тому назад. Думаю окончить Институт весною будущего года, а пока что усиленно продолжаю заниматься. Командировка, полученная при Вашем любезном содействии, прошла с большой пользой для меня, особенно в области разговорного языка и знакомства со страной в разных отношениях. К сожалению, матери-

альные условия заставляли тратить много времени на занятия малопродуктивными и не дали возможности заниматься письменным языком, на который я сейчас обращаю свое главное внимание. Кроме того, при посредстве Бориса Яковлевича¹ мы знакомимся с бурятским и калмыцким наречиями. Вместе с тем я начал заниматься казак-киргизским языком при монгольском семинарии и маньчжурским в Университете (последний преподает П. И. Воробьев²). Не знаю, что у меня выйдет, но надеюсь получить хотя бы малые знания по этим языкам, чтобы иметь возможность познакомиться с кочевыми племенами Ц[ентральной] Азии. Интерес к какому-нибудь специальному уклону у меня еще не вполне определился, но больше всего

* В орфографию подлинника были внесены некоторые изменения в соответствии с современными грамматическими нормами.

привлекает изучение культур вышеупомянутых народностей. К сожалению, Ваш отъезд лишил меня возможности получить должное руководство в этом направлении. Что касается моей личной жизни, то, по-видимому, в ней наступил период улучшения. В институте я был хорошо встречен, так как его положение значительно улучшилось в последнее время и юбилейные празднества 5 декабря предполагаются быть грандиозными. Новое помещение на Максимилиановском переулке, 7 довольно обширно, беда лишь в том, что все комнаты общежития студентов рассчитаны на 7—10 человек. Это заставило меня поселиться вместе с Николаем Николаевичем Бабыниным³ на частной квартире поблизости. Организованное столование вполне удовлетворяет среднему аппетиту. Вообще все неприятности прошлых времен исчезли и ученье проходит в благоприятных условиях. Поэтому я рассчитываю, окончив Институт и съездив в кратковременную командировку в Ц[ентральную] Азию, вернуться для окончания занятий при Университете. Дома у меня все благополучно. Сестра окончила Педагогический институт и состоит преподавательницей английского языка в Фонетическом институте. Она и моя мать просят передать Вам поклон. То же самое, вместе с глубокой благодарностью, передает Вам Бабынин, который сейчас держит государственный экзамен и остается слушать правовой-экономический курс.

Желаю Вам всего хорошего, Владислав Людвигович. Если у Вас появятся какие-нибудь вопросы, то я всегда готов их удовлетворить, поскольку это в моей компетенции.

4-ХП-25

Уважающий Вас В. Казакевич.

/4/ Дорогой Владислав Людвигович,

На днях я получил два оттиска Ваших статей о монгольской хронологии и о памятнике в Ихэ-хушуту, а также оттиск статьи Р. J. Jaworski⁴, за которые выражаю Вам свою глубокую благодарность. Я очень сожалею, что не мог оказать Вам каких-либо существенных услуг за это время, но надеюсь сделать это в том случае, если Вам в них представится надобность. В дополнение к хронологии могу сообщить название 12-го месяца, до сих пор употребляющееся в Дариганге, где я был в прошлом году, — *гухий сара*⁵. Что касается Ваших положений, высказанных по поводу погребальных обрядов турков, то они удивительно совпадают с моими. К сожалению, моя рукопись, сданная в изд[ательство] АН еще на Рождестве, еще не начиналась печататься и неизвестно, когда выйдет в свет. Поэтому собранный мною в Дариганге материал, могущий представить большой интерес и для Вас, вынужден лежать неиспользованным. Но уже сейчас я не смогу печатать его без того, чтобы не отметить Вашу работу. Особенно это относится к различию понятия *balbal* и *baba*. Между прочим, первый термин должен быть родственным как фонетически, так и семантически монгольск[ому] *balbar*-Хай, о чем до сих пор кажется никто не говорил. Н. И. Веселовский⁶ и В. В. Бартольд⁷ не обратили внимания ни на детали погребений, ни на китайские источники. Однако высказанное Вами на стр. 32 мнение о служебном значении статуй я боюсь сейчас подтвердить, т[ак]

к[ак] лично я встречал лишь мужские статуи в Монголии, а кроме того напрашивается аналогия с средневековыми погребениями в З[ападной] Европе, статуи которых держат в руках мистический символ — крестообразную рукоятку меча. Возможно, что чаша в руках турецких статуй имеет такое же или близкое значение. Рекомендую обратить внимание на фотографии к отчету Б. Бимбаева⁸ за 1927 г. Его статуи из Централ[ьной] Халхи держат в руках такие же жезлы, о которых упоминает Р. J. Jaworski на стр. 10—11, выражены они очень отчетливо.

В этом году я в Монголию не еду по различным обстоятельствам и, вероятно, все лето проведу в Ленинграде. Два месяца тому назад я женился на вернувшейся из З[ападного] Китая Зое Васильевне Яковлевой⁹, которая просит меня передать Вам ее сердечный привет и сообщить его также Марии Владиславовне¹⁰, к чему присоединяюсь и я.

Всегда к Вашим услугам

17-VI-26

В. Казакевич

/5/ 5(I)33

Многоуважаемый Владислав Людвигович,

Поздравляю Вас с наступающим Новым годом и желаю Вам дальнейшего продолжения той успешной деятельности в области востоковедения, которой отмечен долгий путь Вашей жизни.

Последние работы Ваши о Гулагидах я получил, так же как и каталог, которым воспользовался, чтобы выслать Вам недостающие по каталогу издания Ленингр[адского] Восточного ин[ститу]та. К сожалению, 3, 5 и 6 номера невозможно уже достать. С другой стороны, я веду переговоры об отправке Вам изданий Института востоковедения (Азиатского музея) и полагаю, что на днях он Вам их вышлет. Кое-что, возможно, удастся устроить через издательство АН, но я не всегда твердо уверен в Ваших нуждах, почему и просил бы Вас прислать хотя бы список тех изданий Академий, которые Вас интересуют. В настоящее время мною отправлена посылка (ящик) с 18 изданиями ЛВИ и 10 изданиями на латинизированном калмыцком языке. Последние в качестве образчиков современной калмыцкой литературы.

Благодаря независимости от меня обстоятельствам я, к сожалению, лишился недавно тех Ваших работ, которые трактуют о каменных бабах и керексурах, что заставляет меня обратиться к Вам с просьбой о второй их присылке, конечно, только в том случае, если это представится возможным. Вообще же мы испытываем сейчас некоторые затруднения с выпиской книг из-за границы и ряд интересующих работ, к[ак] н[апример] Ligetti¹¹, Weller¹² и др[угих] у меня отсутствуют. Лишь /6/ путем обмена может быть исправлено это положение.

Благодарю вас за сообщение о местонахождении материалов из Хэсэк-байшина; архив АН ныне разбирается, и они могут найтись, так же как и Ваша рукопись по сношениям России с ойратами.

Глубоко удручает нас всех тяжелое положение Сергея Федоровича¹³. Оно безнадежно, в то время как Николай Яковлевич¹⁴ поправляется, хотя и медленно. Федор Александрович¹⁵ тоже уже больше не встает. Остальные здоровы.

Как только окончательно оформится план работ И[нститута] в[остоковедения] на 1934 г., я постараюсь выслать его Вам для ознакомления, пока же сообщу, что намечено к переизданию по 4—5 версиям *Санан-сэцэн*¹⁶, вновь открытая «Шара-гуджи»¹⁷ и будет в этом году закончен Н. Н. Поппе¹⁸ монголо-чагатайский словарь XIV в.¹⁹ Большую деятельность вновь развивает Василий Михайлович²⁰, приступающий во главе группы наших молодых китаеведов к переводу *Сы-ма-цяня*²¹.

Шлю Вам и уважаемой Марии Владиславовне мой самый сердечный привет.

В. Казакевич.

Р. S. ЛВИ сейчас не высылает книг за границу и поэтому ему Вы ничем не обязаны.

На днях Вам вышлет свои издания Институт востоковедения АН, с которым я имел соответствующие переговоры.

В. К.

/8/ Многоуважаемый Владислав Людвигович,

Много лет прошло с тех пор, как мы с Вами обменялись последний раз письмами, и обстоятельство это не раз доставляло мне неприятные минуты. Однако некоторые события нашей жизни, в частности академической, не благоприятствовали даже минимальной переписке, а последняя Ваша посылка ко мне в 1931 г. доставила даже некоторые неприятности.

Теперь, слава Богу, я могу написать Вам самым спокойным образом.

С тех пор как я приехал из Монголии в 1925 г., я окончил Восточный институт, был при нем оставлен, а затем приглашен в Азиатский музей на должность научного сотрудника. В 1927 г. имел случай вновь быть командированным в Монголию, а с 1928 года начались несчастья. Мне тогда отказали в паспорте за границу, по причинам, оставшимся более или менее неизвестными. События 1929 г. в Академии затронули меня мало, хотя пришлось повариться в этом соку вместе с другими. 1930 г. был несчастлив для Сергея Федоровича и других академиков, из Аз[иатского] муз[ея]. Мих[аил] Мих[айлович] Гирс²² и Вас[илий] Ал[ексеевич] Эберман²³ были сосланы, причем первый в ссылку и умер.

Вы, вероятно, помните мои наклонности к «общественности»²⁴, имевшие печальные результаты в свое время в Восточном ин[ститу]те. К сожалению, я тогда, по-видимому, не образумился и еще раз сыграл роль козла отпущения в 1930 г. осенью. Это обстоятельство, рассказывать которое очень долго, было охарактеризовано «общественностью» как «правый оппортунизм на практике» и доставило мне полтора тяжелых года. Уехать я никуда не мог и вынужден был переносить неудобства своего положения в Ленинграде. За это время и здоровье мое немного пошатнулось и монголо-ведческая работа остановилась почти совершенно. Я даже перешел на основную работу в Этногра[фический] отдел Русского музея, но связи с Академией не прерывал и находился в несколько независимом положении. Конечно, раз навсегда и решительно отказался от общественной работы, кроме обязанностей, без которых советскому гражданину существовать неприятно.

Весной прошлого года я имел случай выступить резко против части руководства Института востоковедения АН и подал заявление об уходе, а сам уехал в Бурятию по командировке Сельскохозяйственной академии в Москве. К своему возвращению в Ленинград все потрясающе переменялось и Сергей Федорович снова получил возможность управлять Ин[ститу]том. В Ин[ститу]те был признан «левый загиб», часть «руководства» разогнана и я мог свободно вздохнуть.

Однако, решив проверить по-настоящему свое положение, я подал заявление о командировке в Зап[адную] Европу, куда уже давно собирался, между прочим вовсе не рассчитывая получить разрешение. Однако, как Вы видите, через 4 месяца разных хлопот я оказался сперва в Германии, а потом во Франции, где везде встретил самое милое отношение со стороны научных специалистов.

Не знаю, правда, чем кончится моя командировка по возвращении домой, но мне надоело предвидеть будущее. Привычка жить настоящей минутой глубоко вкоренилась в большинство из нас.

Этот год обещает быть более спокойным, чем предыдущие, разные декреты генеральной линии напоминают немного 22 год, но нельзя, конечно, знать, как дальше дело повернется.

Владислав Людвигович, храня в своей памяти самые лучшие воспоминания о Вас, я был бы очень рад получить хотя бы небольшую весточку от Вас и Марии Владиславовны. После смерти в 1931 г. Бориса Яковлевича и Бабынина иногда бывает тоскливо на душе, особенно когда вспоминаешь первые годы в ЛИЖВЯ и надежды тех лет. Мой адрес в Париже до 15/II *только* 373, R. d Vaugirard, Hôtel Avenir, а после этого в Берлине — W. 30, Goltz str. 29 bei Frau Bau-schus.

Зоя Васильевна вместе со мной шлет Вам и Марии Владиславовне самый теплый привет.

Искренно уважающий Вас
В. Казакевич.

27/II 33.

Р. S. Если Вас что-либо интересует, пишите, пожалуйста. Постараюсь на все ответить.

В. К.

/10/ [Конверт.]

Prof. W. Kotwicz
1, Rue Marszalkowska
Lwów Pologne

/11/ Дорогой Владислав Людвигович,

Простите за долгое молчание на Ваши вопросы, но оно было вызвано разъездами по Франции и Германии. Только теперь я остановился на несколько дней в Берлине и выбрал время для долгого письма. Я уже писал Марии Владиславовне о недоразумении по отношению к Зое Васильевне. Ей, бедняжке, приходится ждать меня в Ленинграде. У нас не так-то легко выпускают с женой за границу.

Постараюсь по порядку ответить на Ваши вопросы.

Все востоковедение в Академии сосредоточилось в Институте востоковедения (ИВАН), образованном из

Азиатского музея, Института изучения буддийской культуры и Туркологического кабинета. Азиатский музей как таковой не существует, но его коллекции вошли в состав ИВАН'а. Кроме того восточными языками занимаются еще в Институте языка и мышления (директор Марр). Там и имеются два аспиранта бурята, Бертагаев²⁵ и второй (фамилию забыл), оба ученики Никол[ая] Николаев[ича] Поппе. Восточными вопросами занимается также Музей антропологии и этнографии (директор Маторин)²⁶, который за время моей поездки преобразован в Институт ан[тропологии] и этн[ографии]. Там из Ваших знакомых работают И. И. Зарубин²⁷, моя жена, японистка Глузкина²⁸, Ел[ена] Маврикиевна²⁹, Зеленин³⁰, С. А. Штернберг³¹, Богораз³² и др. Кроме того бурятами в Этногр[афическом] отделе Гос[ударственного] Русск[ого] музея занимаюсь я, а в Эрмитаже — монгольским феодализмом сотрудники Орбели³³. Затем остается Лен[инградский] Вост[очный] инст[итут] (ЛИЖВЯ), где работают Поппе, Козин³⁴, Бурдуков³⁵, я, молодой Черемисов³⁶ (все по монголоведению в самом институте, частично на монгольских курсах при нем). Преподавание истории и экономики Монголии там ведут молодые аспиранты Михайлов³⁷ и Калининников³⁸ (см[отрите] его книжку о Монголии — ученик Майского³⁹).

При Университете ничего нет. Образован Ленинградский историко-лингвистический институт (ЛИЛИ)⁴⁰ в бывш[ем] здании Педагогического института, где имеется хиреющее отделение Востока, преподают Поппе и Бурдуков. Вся восточная часть Университетской библиотеки переведена туда. Между прочим, наводнением 1924 были сильно попорчены монгольские и маньчжурские коллекции, которые долго реставрировались.

В монгольском кабинете ИВАН'а работают Поппе (глава — член-корреспондент АН), Жамцарано⁴¹ (прислан из Монголии на отдых от политики), я и молодой Пучковский⁴². Имеются 4 аспиранта — русский, мордвин, бурят и монгол. Ничего особенного пока не обещают.

Маньчжурского кабинета специально не существует. Попытку создать его сделал Воробьев, Павел Иванович, когда служил в ИВАН'е, но ничего не вышло. Перед моим отъездом ходили слухи, что Воробьев станет заместителем Сергея Федоровича по руководству Ин[ститутом] и переведется из Москвы, где он является ответственным секретарем Комитета научных и учебных учреждений ЦИК СССР. Должность эта крупная, т[ак] к[ак] в ведении Комитета находятся почти все востоковедные ВУЗ'ы⁴³ и НУЧ'а⁴⁴, не говоря о всей Академии наук и прочих учреждениях.

/12/ Между прочим, Воробьев, у которого я по возвращении из Монголии учился маньчжурскому языку вместе с Санджеевым⁴⁵ (об этом после), всегда отзывался о Вас в очень корректных выражениях как о своем учителе и крупном знатоке. Он часто сожалел о Вашем отсутствии и любил поговорить на эти темы. Положение его в востоковедных кругах расценивается очень высоко, т[ак] к[ак] он единственный коммунист, имеющий старое востоковедное образование. Из ЛВИ он ушел в начале 1932 г., переведясь в Москву.

Существует затем в ИВАН'е Тибетский кабинет во главе с Щербатским⁴⁶ (сотрудники — Востриков⁴⁷,

Ярославцева⁴⁸, Вам неизвестны). Востриков — чрезвычайно талантлив, вначале занимался под руководством Щербатского буддийской философией, затем отошел от него и занимается экономикой агинских бурят. Великолепно владеет санскритом и тибетским, недурно монгольским, бегло говорит по-бурятски (агинский-хоринский). В Забайкалье работал лет 5-6. Марксист из увлекающихся.

Китайский кабинет во главе с Алексеевым. Сотрудники Вам знакомы — Щуцкий⁴⁹ и Васильев⁵⁰ (последний вступил в партию). Щуцкий остался прежним, одно время дела его шли хуже, теперь несколько поправились. Затем Флут⁵¹, Папаян⁵², Поляков⁵³, Ветюков⁵⁴, Драгунов⁵⁵, Шпринцын⁵⁶ и аспиранты. Часть из них лингвисты, часть историки. Отношения с Василием Михайловичем обостренные, в чем до известной степени виновата его неосторожность.

Японский кабинет во главе с Конрадом⁵⁷ (член-корреспондент АН) и сотрудники — Фолькман⁵⁸ (студентка ЛИЖВЯ — приема 1920 г., хромота), Цейтлина⁵⁹, Жуков⁶⁰, Невский⁶¹ (из Японии) и аспиранты.

Индийский кабинет во главе с Щербатским — сотрудники — Востриков, Мухарджи⁶² (индус), Бескровный⁶³, Кукс⁶⁴ и аспиранты.

Еврейский кабинет — без руководителя, Коковцев⁶⁵ отказался и редко выходит из дома. Сотрудники — Соколов⁶⁶ и Бендер⁶⁷.

Арабский кабинет во главе с Крачковским⁶⁸, сотрудники — Виленчик⁶⁹ и аспиранты.

Персидский кабинет (вернее Иранский) во главе с Ольденбургом, сотрудники — Бертельс⁷⁰ (член-корреспондент АН), Верховский⁷¹ (моего приема в ЛИЖВЯ), Ильина⁷² (тоже), Ростопчин⁷³ (быв[ший] граф), Шитов⁷⁴ и аспиранты.

Кавказский кабинет во главе с Марром, который никогда не бывает из принципа, сотрудники — Генко⁷⁵, Башинджагян⁷⁶, Ракитина⁷⁷ и аспиранты.

Среднеазиатский кабинет во главе с Самойловичем⁷⁸ (официально, т[ак] к[ак] он занят администрированием по Академии), сотрудники — Шацкая⁷⁹, Забиров⁸⁰ и аспиранты.

Турецкий кабинет во главе с Бертельсом, сотрудники — Сеид-Задэ⁸¹, Новичев⁸² (помните Рабиновича, приема 1922 г. (!)) и аспиранты.

Кабинеты кажется все.

Затем Библиотека во главе с Скачковым⁸³ (прием 1922 [г.] в ЛИЖВЯ — китаист), Н. В. Белолинская-Поппе⁸⁴, Ернштедт⁸⁵ и нектор[ые] лица Вам неизвестные, все женщины.

Таков состав ИВАН'а. Из старых старожит[елей] — Бредов⁸⁶, Константинов⁸⁷, Зюзин⁸⁸. Есть небольшой штат секретариата (канцелярии). Кое-кто окончил ЛИЖВЯ, есть москвичи и провинциалы.

/13/ Перехожу к выбывшим. Вас[илий] Владим[ирович] Бартольд умер — это Вы знаете. Тубянский⁸⁹ уехал в Монголию в 1927 г. изучать буддизм, вернулся тайком зимой 1927 г. и уехал обратно со своей ученицей Бухариной⁹⁰, женой Дюббельда⁹¹ (оба студенты ЛИЖВЯ 1920 и 1921 г.). Живут Тубянские в Урге, ребенка переслали к матери жены в Ленинград. Оба работают при Уч[еном] ком[итете], Гирс, Мих[аил] Мих[айлович], знаете ли Вы его, был арестован в 1930 г. и умер в ссылке; Эберман был сослан в 1930,

также и Алявдин⁹². Последний, кажется, умер, хотя я точно не знаю. Эберман должен скоро возвратиться. Федор Александрович Розенберг ушел на пенсию, но бывает в ИВАН'е очень часто. Сейчас к нему относятся очень почтительно.

Смерть Бориса Яковлевича произошла совершенно неожиданно, но в ней он сам до известной степени виноват. У него давно уже установилась привычка работать по ночам слишком долго, и несколько лет подряд он не спал больше 4 час[ов] в сутки. Сложения же был плотного и любил хороший стол. К осени 1931 года он должен был кончить свой капитальный труд «История монголов», задуманный им в трех томах. 2 тома были уже готовы, третий был им набросан в виде только конспекта, т[ак] к[ак] он всегда сразу писал набело. Неожиданная смерть помешала закончить III том, и в настоящее время Академия наук издает I, а затем, вероятно, и II под редакцией Лидии Николаевны⁹³. Последняя очень тяжело переживает его кончину до сих пор и настолько ревниво относится к его наследству, что даже мы, т[о] е[сть] Ник[олай] Ник[олаевич] и я, ближайшие ученики Бор[иса] Яковл[евича], не знаем, что после него осталось. Надо надеяться, что со временем это положение изменится к лучшему. Умер Бор[ис] Яковл[евич] в Сиверской на извозчике от удара, буквально на руках Лидии Николаевны, почти что моментально. Я ездил за его телом, которое было доставлено в Ленинград, и после торжественной гражданской панихиды в малом конференц-зале похоронено на Смоленском лютеранском кладбище. Осталось трое детей. Вдова получила 350 руб[лей] пенсии⁹⁴, кроме того зарабатывает машинкой и должна получить авторские за издание «Истории монголов», которая, по-видимому, доведена до 1911 г.

Бабынин преподавал в ЛВИ и весной 1931 г. получил место руководителя монгольскими занятиями в Институте в Москве, но в июне того же года скончался от туберкулеза. Он был женат на дочке бывш[его] академ[ика] Лихачева⁹⁵ и оставил после себя сына. На смерть его повлияли тяжелые личные расхождения с женой, несколько психически ненормальной и последовательницей Сафо⁹⁶. Он стал много пить, что при его здоровье, подорванном уже с детства, было чрезвычайно опасно. Туберкулез распространился на ряд внутренних органов. Он знал, что умирает, уже заранее. Агонию около 36 часов провел в полубессознательном состоянии. Жена теперь работает шофером.

Сергей Андреевич, обеспокоенный положением в АН, ушел из ИВАН'а в 1931 г. и сейчас преподает монгольский язык в ЛВИ. Положение его более или менее хорошее, если только не оправдаются слухи, что судьба ЛВИ после ухода Воробьева должна измениться и он может быть слит с Наримановским Московским институтом в Москве⁹⁷ (местопребыв[ание] в Москве). Во всяком случае, Сергей Андреевич не жалуется, но осторожен.

/14/ Алексей Васильевич лекторствует по-прежнему в ЛВИ и ЛИЛИ. Прошлой осенью его чуть было не сократили, но благодаря влиянию Майского (ныне полпреда в Лондоне) все успокоилось.

Григорий Ефимович⁹⁸ сильно состарился и никуда теперь не выходит. Научную работу ему вести трудно, т[ак] к[ак] третий том «Западной Монголии» ему сильно повредил.

Жамцарано живет в Будд[ийском] храме, болеет и занят рукописным фондом ИВАН'а. Собираемся переводить *Санан-Сэцэна*, полный монгольский словарь, Бурятский словарь, исторические хрестоматии, ряд бурятских и монгольских хроник и пр[очее]. Это намечено во 2-м пятилетнем плане. Последний я постараюсь Вам переслать.

У Бор[иса] Яковл[евича] остался еще один талантливый аларец — Гарма Данцаранович Санжеев. Он окончил вместе со мной и после разных злоключений уехал из Ленинграда в Москву, где сейчас стоит во главе всего монголоведения. Издает гл[авным] обр[азом] практические пособия по языку, но в будущем обещает очень много. Ряд его работ: к[ак] н[апример] Унгинский говор, Дархатский говор, Монголо-маньчжурские параллели, Аларский шаманизм, заслуживают внимания.

Из монголистов в Москве работает еще Ринчино⁹⁹ по современным вопросам и ряд молодых бурят и калмыков. Барадийн¹⁰⁰ по-прежнему в Бурятии. Поведение его в 1930 г. по отношению к Ольденбургу было несколько некорректно, сейчас он, вероятно, сожалеет. Вокруг него группа молодых бурят. Цыби-ков¹⁰¹ умер в 1931 г., у себя в Степи, вскоре после того, как его раскулачили. О Ключкине¹⁰² что-то мало слышно за последнее время. Пальмов¹⁰³ продолжает работать в Астрахани, одно время действовал с со- сланным туда Лихачевым.

Сергей Ефимович Малов¹⁰⁴ обиделся на Самойловича и ушел из Академии. Работает только в Публич- ной библиотеке. У него есть ряд новых интересных материалов по «Орхонике». Этот вопрос последнее время очень интересует молодежь из ГАИМК, которая даже занята изучением орхонских надписей.

Молодой турколог Дмитриев¹⁰⁵ ушел из ИВАН'а и теперь преподаст только в ЛВИ. Имеется симпатичный узбековед Юдахин¹⁰⁶ и ряд молодых, начинающих.

Так много можно написать, Владислав Людвигович, что, по-видимому, одним письмом не ограничиться. Постараюсь сделать это заключение в следующем. Детали, конечно, передать вряд ли смогу полностью. Я надеюсь еще раз получить от Вас весточку в Berlin, W. 30, Goltz str., 29 bei Bauschus, W. Kasakewitsch.

Временно прерываю послание и желаю Вам по- скорее поправиться. Мне все же хочется когда-нибудь с Вами повидаться, чтобы возобновить старые впечатления.

Преданный Вам В. Казакевич.

2/III 33.

P. S. В Берлине пробуду, вероятно, до 12—15/III.

/15/ [Конверт]

P[an] prof. W. L. Kotwicz

Marszalkowska 1

Lwow, Polen

/16/ Riga 16/III

Многоуважаемый Владислав Людвигович,

Пользуюсь последней возможностью писать, не вы- бирая выражений. Через 3 часа сажусь в поезд, иду- щий в СССР.

Вы спрашиваете о востоковедах Вам знакомых. — Смыкалов¹⁰⁷ по-прежнему преподаст в ЛВИ китай-

ский язык. У него часто бывают перепалки с молодыми — Васильевым, Щуцким, но в общем — все по-старому. Фрейман¹⁰⁸ преподает в ЛИЛИ и работает в контакте с ИВАН'ом по изданию иранских словарей. Положение его в последнее время улучшилось. А. И. Иванов¹⁰⁹, возвратившись из Китая, работал в Москве, у него были там какие-то неприятности, кончившиеся благополучно. В 1931 г. я беседовал с ним как с заместителем директора Музея народоведения в Москве¹¹⁰. Однако перед моим отъездом за границу говорили, что он вышел в отставку, получил пенсию и имеет еще приработки. Осенью он ненадолго приехал в Л[енин]град.

Вторая часть моей работы о Дариганге заглохла, т[ак] к[ак] мне больше не пришлось бывать в Монголии с того времени. Должна выйти, если уже не вышла, небольшая статья о китайских военных экспедициях в Монголию в царствование Юн-ло и Кан-си, посвященная некоторым надписям и развалинам. Лингвистические материалы лежат пока под спудом. Бумаги нет и т[ому] п[одобное]. Собрал еще кой-какой материал о каменных статуях и имею некоторые догадки о «чаше» в их руках, но когда напечатаю — не знаю.

Что касается Ваших книг, то я приму все зависящие от меня меры, но за результаты не ручаюсь. Рукопись о сношениях России с ойратами постараюсь разыскать.

Если удастся, постараюсь выслать Вам и план работы ИВАН'а на будущие годы. Вкратце здесь сообщу, что намечены по монгольскому кабинету ряд изданий монгольских и бурятских хроник по материалам Азиатского музея, полный монголо-русский словарь (включая диалекты), бурято-русский словарь (оба не прикладного, а научного характера), издание Хрестоматий по монгольской истории и прочие более мелкие работы. Насколько хватит пороку, не знаю. В последнем письме Н. Н. Поппе пишет мне об организации научной ассоциации по изучению /17/ Монголии и запрашивает относительно участия иностранных ученых, в частности немецких. Вероятно, что это даст кое-какие возможности.

О турецких планах я почти ничего не знаю; что же касается тунгусских, то это гл[авным] обр[азом] дело Института Севера¹¹¹, где в последнее время издается ряд грамматик и словарей по наречиям западных и амурских тунгусов, к[ак] н[апример] Гольдов, Удэ́хэ и пр[очие].

Что же касается высылки Ваших работ и вообще научных сношений с СССР, то я советую ограничиться пересылкой работ и кратких официальных писем. В последнее время улучшились сношения с Польшей и я, может быть, напишу Вам из Ленинграда в подходящих выражениях. Кажется, что наше положение в этом году еще улучшится, но все это пока очень туманно.

Постараюсь передать привет всем Вашим знакомым в Ленинграде. Между прочим, в этом году Ник[олай] Ник[олаевич] едет, вероятно, в Монголию (из его письма).

Очень рассчитываю на продолжение завязавшейся связи и искренно благодарю за посылку 2 Ваших работ. Послал Вам один экземпляр Дариганги.

Поправляйтесь, Владислав Людвигович, и не забывайте нас, Ваших учеников.

Желаю Вам и Марии Владиславовне всего, всего наилучшего.

В. Казакевич.

Р. С. Зоя Васильевна шлет также свой привет из Ленинграда.

В. К.

/18/ [Конверт] Polen
P[an] prof. W. L. Kotwicz
Rue Marszalkowska 1
Lwów, Polen

/19/ Уважаемый Владислав Людвигович,

После долгого молчания я с удовольствием принимаюсь за письмо к Вам. Немного изменилось у нас со времени моего последнего послания. Прошел юбилей Сергея Федоровича, после которого он серьезно заболел и не может оправиться до сих пор. Сейчас он в Кисловодске, и мы все надеемся на его выздоровление, т[ак] к[ак] он все же центральная фигура нашей востоковедной жизни.

Болен и Федор Александрович Розенберг. Началось с воспаления легких, продолжилось нарывами; лежал в больнице, лежит на дому вот уже 4 месяца.

Николай Николаевич в этом году впервые не поехал в экспедицию, т[ак] к[ак] тоже сильно сдал. Сейчас сидит в Кисловодске с женой и двумя сыновьями. Сергей Андреевич здесь, так же как и Алексей Васильевич. Я тоже не смог выбраться на дачу за отсутствием денег. Готовимся к наступающему учебному году.

Работать в последнее время стало легче, но туго печатают. Это наша главная беда. Интересно, получаете ли Вы издания Института востоковедения АН? Сообщите, пожалуйста; если же нет — приму меры.

Что касается Вашей просьбы относительно оставленных в А[зиатском] м[узее] рукописей, то мои поиски не увенчались успехом. Ничего, кроме калмыцких печатных изданий, я не обнаружил, да и Сергей Андреевич мне не много мог сообщить. Случайно, однако, может быть и найдутся. До сих пор эти находки продолжаются. Недавно Жамцарано и Востриков нашли в тибетских шкафах монгольский текст Селенгинского уложения и думают его издать.

Приготовил я к печати хронику Хобитуева¹¹², подбираю материалы по роману, для литературного сборника. Готовлю к изданию историческую хронику по рукописи, привезенной акад[емиком] В[асилием] Радловым¹¹³ в свое время. Оригинальная версия, отличающаяся сильно и от *Санан-сэцэна* и *Алтан-тобчи*¹¹⁴. Систематизирую материалы по археологии Монголии, которой последнее время стал сильно увлекаться. К сожалению, нет у меня копии с материалов и планов по *Хэсэк-байшину*, присланных Вам в 1923 году, а то можно было бы издать их в соединении с другими.

Недавно по вопросу о чаше или бокале намогильных статуй у меня возникла гипотеза связать это с культом воды. В самом деле, чаша может являться пе/20/режитком этого культа, который должен был теоретически возникнуть при развитии в степях Азии табунного скотоводства и плужного земледелия. На

это, по аналогии, наводят меня круги из амфор вокруг скифских курганов юга России. Конечно, все это остается пока гипотезой и надо произвести большую работу, главным образом, как я полагаю, над минусинским и тувинским материалами. В данном вопросе, по моему мнению, эти области являются исключительными по своему значению. Кстати, каменные статуи — это я осмеливаюсь утверждать — появляются в интересующих нас районах и, в частности, в Монголии не ранее 6—7 вв. и служат посмертными изображениями представителей феодального сословия, на что мы имеем ряд указаний.

Надеюсь, что Ваше здоровье за последнее время улучшилось. Мой искренний привет (к которому присоединяется также Зоя Васильевна) Вам и Марии Владиславовне. Надеюсь, что отныне переписка пойдет нормально.

25/VII/33

В. Казакевич.

P. S. Нет у меня совершенно зарубежных калмыцких изданий и, в частности, Вашей последней грамматики. Готов вступить в обмен книгами, т[ак] к[ак] купить совершенно невозможно.

В. К.

Адрес: Ленинград, В. О., 4 л., д. 5, кв. 42
Владимиру Александровичу Казакевичу.

/21/ [Конверт]
P[an] prof. W. L. Kotwicz
Rue Marszalkowska 1
Lwów, Polen

/22/ Уважаемый Владислав Людвигович,

Спешу выразить Вам свою глубокую благодарность за присланную калмыцкую грамматику и «Чингис-хана», которых мне очень недоставало. Также большое спасибо за вторичную присылку Ваших работ по керексурам и каменным статуям.

Пользуясь Вашим советом, я направил к Лигети некоторые свои статьи, но ответа от него не имею до сих пор, хотя прошло около 2-х месяцев.

Нас постигло большое горе в связи с смертью Сергея Федоровича. Правда, положение его уже давно было признано угрожающим для жизни, произвели даже операцию, хотя раковой опухоли вырезать не удалось, однако никто не думал, что смерть наступит так скоро. Умер он без мучений, до самого последнего времени руководя работой Института востоковедения. Похороны прошли очень торжественно.

В Ленинграде, в стенах Академии сейчас идет конференция по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР, типа прошедших конференций Таджикской, Узбекской, Туркменской и Кара-Калпакской. Между прочим, ряд докладов посвящен и человеку, в том числе доклад Н. Н. Поппе о проблемах латинизации. Конференция продлится с 1—6 апреля.

Работа моя идет по-прежнему, хотя я бросил Русский музей и сосредоточился исключительно в ИВАН и ЛВИ. Работаю над «Шара-туджи», небольшой, но интересной монгольской хроникой, по /23/ трем спискам (один из них привезен Радловым из Монголии, два других бурятского происхождения).

Уже печатаем вместе с Н[иколаем] Н[иколаевичем] бурятские хроники Тарбаева ¹¹⁵, Юмсунова ¹¹⁶, Хаби-

туева и др[угих]. Занимаюсь немного вопросами ранней истории монголов, опускаясь до VII—VIII вв. Ц. Ж. Жамцарано сидит над «Халха-джирум» ¹¹⁷ и «Алтан-тобчи». Он, Н[иколай] Н[иколаевич] и я готовимся к переизданию *Санан-сэцэна* по рукописям как нашим, так и Монгольского Ученого комитета.

Из крупных новостей в области востоковедения можно отметить находки согдийских документов в развалинах замка Муг на Заряв-шане ¹¹⁸. Большинство из них — остатки архива последнего согдийского государя — Дивасты (Дивастич). Имеется один арабский, блестяще разработанный И. Ю. Крачковским. Согдийскими же занимается А. А. Фрэйман (ныне сотрудник ИВАН), китайскими молодой китаевед — историк А. С. Поляков. В ближайшем будущем должны появиться в печати предварительные сведения об этих находках.

Недавно прошла эпидемия гриппа и коснулась почти всех Ваших знакомых, однако сейчас они поправляются.

Желаю Вам успеха в дальнейшей научной деятельности и прошу передать мой искренний привет Марии Владиславовне.

Зоя Васильевна присоединяется к моим приветам.

1/IV/34

В. Казакевич.

P. S. Не откажите сообщить, получаете ли Вы академические издания по востоковедению; если нет, то я с своей стороны приму соответствующие меры вторично.

В. К.

/24/ [Конверт (заказное) в Польшу]
Wilno Lakretowa 17, m. 1.

/25/ Уважаемый Владислав Людвигович,

Благодарю Вас за аккуратную пересылку Ваших работ, из которых последний [раз] мною получено: «Formules initiales des documents mongols aux XIIIe et XIVe ss.». С своей стороны посылаю Вам две свои статьи 1) о китайских военных экспедициях в Монголию и 2) о современной монгольской топонимике. К ним я присоединил еще три книжки. Первая — работа проф. Н. Н. Козьмина ¹¹⁹ «К вопросу о турецко-монгольском феодализме», представляет известный интерес для историков, хотя, по правде сказать, довольно неграмотно написана. Между прочим, автор позволил себе ряд резких выпадов против покойного Б. Я. Владимирцова и других ученых, причем еще до выхода в свет прекрасной работы Б[ориса] Я[ковлевича] В[ладимирцова], с которой Вы, вероятно, уже познакомились. В моей рецензии на эту книгу я постарался дать отпор этим голословным утверждениям. Вторая — словарь Гомбоджаба ¹²⁰, интересен тем, что он составлен халхасом, великолепно различающим разницу между *ö* и *ü*, *t* и *g* и т. д. Автор не кто иной, как бывший князь аймака Сайн-нойна — Мерген-гун, отказавшийся от княжеского звания в 1923 г., учившийся в Ленинграде, Париже и несколько лет работавший в Верхнеудинске (кстати, Верхнеудинск 15/VIII/34 г. переименован в Улан-Удэ, а Троицкосавск — в Кяхту). Наконец, третья книжка посвящена выставке китайской живописи летом 1934 в Эрмитаже и могущей тоже Вас заинтересовать.

Лишь недавно я вернулся из командировки в Восточно-Сибирский край, где я посетил Иркутск, Верхнеудинск, Троицкосавск, Читу. Много работал в архивах, библиотеках и музеях этих городов. Кроме того работал в окрестностях Иркутска, а также в Читинской области в окрестностях развалин Кондуя.

Основной задачей командировки было изучение памятников культуры монгольского и домонгольского периодов, а также сбор археологических материалов, рукописей и пр[очее]. Нашел много интересного, занимался раскопками под Троицкосавском, где удалось обнаружить древний металлургический центр и найти железоплавильные печи. Датировка их — середина первого тысячелетия хр[иcтианской] эры (приблизительно). Раскопал несколько могил. В прямоугольных, обрамленных стоячими плитами ничего не нашел (кажется, и Вам не удавалось найти что-либо в Монголии в могилах того же типа). В круглых, из трех рядов стоящих плит нашел погребения позднейшей эпохи (начала второго тысячелетия?).

Интересные результаты дало обследование развалин «Кондуевских городов», по-монгольски *Хуандэ-балгас*, в долине р. Урулюнгуй, притока Аргуни. Здесь находилась, по-видимому, резиденция или потомков Тэмүте-от или же Хасара и сына его Исунке. Кстати, «Чингисов камень» был найден в 30 км к востоку от этих развалин. В настоящее время от них остались одни лишь фундаменты, стены построек разобраны населением для своих нужд. В поселке Кондуй недалеко от развалин, в стене бывшей церкви, с 1920 г. служившей зернохранилищем, замуровано 62 статуи с развалин и прочие материалы. Я произвел раскопку одного кургана и обнаружил древнюю китайскую печь для обжига кирпича и черепицы, довольно хорошо сохранившуюся. Много времени у меня не было и поэтому /26/ пришлось удовлетвориться поверхностным обследованием. Во всяком случае, предполагаю опубликовать эти материалы как можно скорее.

Находками моими Академия заинтересовалась и предполагает отправить в Кондуй специальную экспедицию при моем участии в будущем году, для продолжения работ. Однако, мне с другой стороны предложено ехать в 1935 г. в Монголию, где я не был с 1927 г., причем на довольно выгодных условиях. Пока я еще не пришел к окончательному выбору районов работ, но если поеду в МНР, то главное внимание уделю востоку, тем более, что я имею новые данные о местонахождении надписи *Кан-си* на *Толо-ула* и работаю сейчас над вопросом о маршрутах Чингиса по Монголии.

Как видите, я могу быть довольным результатами этого года. К сожалению, приходится быть весьма одиноким в избранной мною области, посоветоваться не с кем. Поэтому я сейчас более чем когда-либо ощущаю Ваше отсутствие и смерть Бориса Яковлевича. Николай Николаевич по-прежнему занимается лингвистикой и литературой, молодежь еще не подросла.

Потихоньку печатаем бурятские хроники, сдан в печать Словарь XIV в. (монголо-джагатайско-арабский), обработанный Н[иколаем] Н[иколаевичем] П[оппе], на 40 печатных листов; описание несторианских рукописей Жамцарано, по-прежнему работающего у нас,

и др[угие] вещи. Продолжаю готовить «Шара-туджи», переиздание *Санан-сэцэна*. Задумал вместе с Жамцарано издать факсимиле древней версии *Алтан-Тобчи* в 360 страниц, сейчас веду подготовительную работу.

О смерти Ф. А. Розенберга, Э. К. Пекарского¹²¹ и Пальмова (Астрахань) Вы, вероятно, осведомлены, о предстоящем переезде в Москву — тоже¹²². ИВАН поедет не ранее 1936 г., когда должно быть выстроено специальное здание, намеченное по плану в 2 раза больше современного помещения.

Не откажите сообщить, как поступают к Вам издания Академии наук и не нужно ли принять в этом отношении какие-либо меры. Между прочим, Ligeti мне до сих пор ничего не ответил и ничего не прислал. Нельзя ли при Вашем посредстве получить его работы?

Личная моя жизнь протекает по-прежнему, здоровье улучшилось, испытываю сильные боли в желудке на нервной почве, временами выбивающие меня из колеи. Надоедает и невралгия головы. Жена по-прежнему работает в Институте антропологии и этнографии Академии, своим положением довольна.

Я рад был бы услышать о том, как Вы себя чувствуете, как живет Мария Владиславовна и не собирается ли она приехать к нам?

Шлю Вам и Марии Владиславовне свой искренний привет, к которому присоединяется также Зоя Васильевна.

17/XI/34

В. Казакевич.

/27/ [Конверт]
P[an] Prof. W. Kotwicz
Lakretowa 17 m 1
Wilno. Pologne.

г. Ленинград
1936
27/VIII

/28/ Дорогой Владислав Людвигович,

Пишу Вам вскоре после возвращения из небольшой поездки в Восточно-Сибирском крае. Правда, как в этом, так и в прошлом году я собирался в Монголию, но различные обстоятельства помешали мне проехать так далеко и я ограничился посещением низовьев Селенги от Улан-Удэ (бывший Верхнеудинск) до Байкала и Западной части Аларского аймака по р[еке] Ангаре и ее притоку с юга — р. Унге. Кроме того много работал в Иркутске. Основные интересы поездки этого года были связаны с вопросами археологии Прибайкалья.

Вы, вероятно, знаете, что я уже около двух лет служу в Секторе Востока Государственного Эрмитажа, где заведу Монгольским отделением, созданным мной по предложению директора Г[осударственного] Эрмитажа — И[осифа] А[бгаровича] Орбели. Правда, по сравнению с другими отделениями, оно еще не очень велико, но я надеюсь, если то позволят обстоятельства, приумножить количество экспонатов и вернуть как можно шире собрания предметов, относящихся к Центральной Азии. Перечислю Вам вкратце наиболее важные экспонаты, находящиеся в моем ведении.

Это будут — громадная коллекция из нескольких курганов из Ноин-ула, привезенная П[етром] К[узьмичем] Козловым¹²³, материалы Боровка¹²⁴ оттуда же и его собрания с р[еки] Тола к W[est] от Урги. Серебряная и золотая посуда XIII—XIV вв. из Западной и Восточной Сибири, а также из Семиречья, известная Вам по образцам атласа «Восточное серебро» Смирнова¹²⁵. Ваши коллекции из Хюш-цайдама, а также сборы Долбежева¹²⁶ и Ядринцева¹²⁷ оттуда же (все поступления из МАЭ АН). Посуда (серебряная) VII—IX вв. /29/ с орхонскими надписями, а также зеркала с надписями. Три каменных турецких намогильных статуи из Семиречья. Серебряная посуда с маньчжурскими надписями; серебряные печати из Синьцзяна и Монголии XVIII—XX вв. с китайскими, маньчжурскими и монгольскими надписями. Мои коллекции из Кондуя и ряд других вещей, как напри[м]ер все байсы (пайдзы)¹²⁸ на монгольском и китайском языках, кроме Грушевской (Джировской бар[она] Штиглица¹²⁹), которая находится в отделении Золотой Орды. Недавно перевез из Азиатского музея стелу с т[ак] наз[ываемой] «Надписью Чингис-хана».

Все эти коллекции занимают три зала так называемых апартаментов Александра II в Зимнем дворце, выходящих окнами на Адмиралтейство. Рядом с ними находятся 4 зала с коллекциями Козлова из Хархото в ведении Н[иколая] А[лександровича] Невского; с другой стороны с ними граничат залы сборов С[ергея] Ф[едоровича] Ольденбурга в Турфане и Дунхуане; недалеко залы Средней Азии, коллекций из Белореченской станицы и Золотой Орды.

Нужно отдать справедливость И[осифу] А[бгаровичу] Орбели как организатору — ему удалось создать специальный музей истории Востока, насчитывающий около 50 зал Зимнего дворца, и привлечь большое количество специалистов по разным отраслям истории Востока. Я надеюсь, что Вы все же выберете когда-нибудь время, чтобы заехать в Ленинград и посмотреть на наши собрания. Для всех монголистов это было бы радостным событием.

Новые материалы, собранные мной в этом году, позволяют мне приступить к работе «Погребения XIII—XIX вв. в Восточно-Сибирском крае», которую я собираюсь сдать в печать к Новому году.

Посылаю Вам кое-что из своих оттисков и надеюсь получить Ваши последние работы, которые почему-то не дошли до меня.

Шлю Вам и Марии Владиславовне свой искренний привет. К нему присоединяется и моя жена.

В. Казакевич.

Ленинград, В[асильевский] О[стров] 4 л[иния], д. 5, кв. 42.

Р. С. Присоединяю к посылке материалы дискуссии о некоторых вопросах истории бурят под названием «К истории Бурято-Монголии».

/30/ [Конверт]

Wilno

P[an] Prof. W. Kotwicz

Lakretowa 17 m 1

Примечания

1. Владимирцов Борис Яковлевич (1884—1931) — советский монголовед и тибетолог, профессор Петроградского (с 1915 г.) — Ленинградского университета и Ленинградского института живых восточных языков — Ленинградского Восточного института, научный сотрудник Азиатского музея (с 1915 г.), заведующий Монгольским кабинетом Института востоковедения АН СССР (с 1930 г.). Академик АН СССР (1929). Автор трудов по грамматике, фольклору и этнографии монгольских народов, о кочевом феодализме, о Чингис-хане и др.
2. Воробьев Павел Иванович (1892—1937) — советский маньчжуровед, музеевед, организатор науки. Ректор Института живых восточных языков — Ленинградского Восточного института (1923—1932), преподаватель факультета общественных наук Ленинградского государственного университета (с 1924), директор Русского музея (1925—1930), директор Исторического музея, член Ученого комитета при ВЦИК СССР (1932—1934), заместитель директора Института востоковедения АН СССР, директор Государственного музея этнографии (1934—1936), советник Ученого комитета МНР (1936—1937). Кандидат истории (1936). Основные труды по маньчжуроведению и синологии. Арестован 11 октября и расстрелян 24 ноября 1937 г. в Ленинграде.
3. Бабынин Николай Николаевич (?—1931) — советский монголовед, коллега В. А. Казакевича по Восточному институту.
4. P. J. Jaworski — пан Ян Яворский (1903—1945) — польский синолог, японист, буддолог. Получил образование в Париже и Лондоне. В 1928 г. стажировался в Японии. С 1930 г. работал в Варшавском университете. В 1934—1936 гг. консул Польши в г. Харбине (Китай). С 1936 г. — профессор, заведующий кафедрой китайистики Варшавского университета. Погиб в 1945 г. во время бомбардировки Старграда Щечинского. Помимо научных трудов известен как популяризатор знаний о Востоке, автор «Истории Китая» и «Истории Японии».
5. Очевидно, дариганское *гухий сарй* означает «месяц свиньи» (халхаское *гахай сар*).
6. Веселовский Николай Иванович (1848—1918) — российский востоковед, археолог. Профессор факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета (с 1890), член-корреспондент Императорской Академии наук (с 1914). Известен своими раскопками курганов на юге России и исследованиями городов Средней Азии.
7. Бартольд Василий Владимирович (1869—1930) — российский советский востоковед. Профессор Императорского Санкт-Петербургского университета (с 1901), академик Императорской Академии наук (с 1913) — АН СССР. Секретарь Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (1903—1918), в 1918—1921 гг. возглавлял Музей антропологии и этнографии РАН, научный сотрудник Государственной академии истории материальной культуры (1919—1930), Государственного Эрмитажа (1921—1928). Основные труды по истории и этнографии Средней Азии и Ближнего Востока, исламоведению, по истории науки.
8. Бимбаев (Бамбаев) Балджи — советский ученый, в 20—30-е годы изучал в Монголии памятники культуры, в частности на стыке Арахангайского и Булганского аймаков археологический комплекс древнетюркской эпохи, включающий множество разнообразных каменных изваяний. Об этом см.: Д. Баяр. Каменные изваяния на территории Монголии. Улаанбаатар, 2001. С. 7.
9. Яковлева (Казакевич) Зоя Васильевна (1893—1940) — советский синолог, училась на факультете общественных наук Петроградского университета и на китайском отделении Института живых восточных языков. В 1925—1928 гг. — сотрудник советского консульства в г. Урумчи (Китай). С 1930 г. работала в Музее антропологии и этнографии АН СССР. В январе 1938 г. была выслана в Казахстан. Скончалась в Самарканде в 1940 г. Очевидно, З. В. Яковлева, будучи студенткой Института живых восточных языков, была знакома с М. В. Котвич, которой супруги Казакевич, начиная с этого письма, регулярно стали передавать привет.

10. Котвич Мария Владиславовна (1897—1978) — дочь В. Л. Котвича. Работала в библиотеке Института живых восточных языков в Петрограде. Вместе с отцом в 1923 г. уехала в Польшу, всегда была его верной помощницей. В 1953 г. в журнале «Rocznik Orientalistyczny» М. В. Котвич опубликовала полный список работ своего отца. До Второй мировой войны много лет работала в Вильнюсе, откуда регулярно ездила во Львов навещать отца. После войны жила в Кракове и трудилась в Архиве Польской академии умений (затем Польской Академии наук). Благодарю проф. Э. Триарски за помощь в получении сведений о М. В. Котвич.
11. Лигети-Лайош (1902—1987) — венгерский востоковед широкого профиля, монголовед, тибетолог, синолог, тюрколог. Совершил поездки в Китай (1928, 1931), Афганистан (1936, 1937), Японию (1940), собрал ценную коллекцию восточных рукописей и кириллографов, изучал и публиковал их. Глава венгерского востоковедения. В 1936 г. избран членом-корреспондентом, в 1947 г. — академиком Венгерской АН. В 1939—1972 гг. — заведующий кафедрами филологии Центральной Азии и тюркологии. Главный редактор журнала «Acta Orientalia» (с 1950 г.).
12. Веллер Фридрих (1889—1980) — немецкий востоковед широкого профиля, индолог, синолог, японовед, монголовед, буддолог. Окончил университет в Лейпциге по индологии, синологии и Авесте. В 1915 г. присуждена степень доктора, в 1928 г. назначен ассистентом профессора. В 1930—1933 гг. работал в Китайско-Индийском институте Гарвардского университета в Пекине под руководством А. А. Сталь-Гольштейна. Позднее возглавил индологию в Лейпцигском университете. С 1943 г. член Саксонской Академии наук. В 1957 г. по болезни вышел в отставку.
13. Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934) — российский советский востоковед широкого профиля, один из основоположников отечественной индологической школы. Академик Императорской АН (1903), затем АН СССР. Непременный секретарь АН (1904—1929), директор Азиатского музея (1916—1930), директор Института востоковедения АН СССР (1930—1934). Труды по буддизму, фольклору, этнографии, искусству народов Востока, истории науки.
14. Марр Николай Яковлевич (1864/1865—1934) — российский советский востоковед. Преподаватель Императорского Санкт-Петербургского—Петроградского—Ленинградского государственного университета (1891—1934), Академик Императорской АН (1912) — АН СССР. Основатель так называемого «нового учения о языке». Крупный организатор науки, возглавлял Академию истории материальной культуры (1919—1934), Яфетический институт АН СССР (1921—1934), директор Государственной Публичной библиотеки (1924—1930) и др. Труды по языкам, истории, археологии и этнографии, преимущественно народов Кавказа.
15. Розенберг Федор (Фридрих) Александрович (1867—1934) — российский советский востоковед, научный сотрудник Азиатского музея — Института востоковедения АН СССР, отдела Востока Государственного Эрмитажа. Член-корреспондент РАН (1923) — АН СССР. Специалист в области иранской филологии и искусства, зороастризма, исследователь героического эпоса «Шахнама» Фирдоуси.
16. Санан-сээн. Речь идет о летописном памятнике XVII—XVIII вв. «Эрдэнэ-ийн товч» («Драгоценное сказание») Саган Сээнэ. При создании этого произведения автор опирался прежде всего на «Шара туджи». Академик Б. Я. Владимирцов в ряду монгольских летописей особо выделял сочинение Саган Сээнэ и хронику «Алтай товчи» за информативную ценность их текста, поскольку «они передают нам древние, эпическим стилем составленные, предания или повествуют о монголах, „вернувшихся“ в свои степи, после падения Юаньской династии» (Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 15).
17. Шара-туджи («Желтое повествование») — монгольская летопись XVII в., существует несколько списков ее. Автор «Шара туджи» включил в свое произведение фрагменты фольклора и разных произведений монгольской литературы. Н. П. Шатиной принадлежит сводный текст летописи (см.: «Шара туджи»: Монгольская летопись XVII в. / Сводный текст, пер., введ. и примеч. Н. П. Шатиной. М., 1957).
18. Поппе Николай Николаевич (1897—1991) — советский и американский монголовед, тюрколог, тунгусо-маньчжуровед, финно-угровед. Профессор Института живых восточных языков и Ленинградского государственного университета, научный сотрудник Азиатского музея, заведующий монгольским кабинетом Института востоковедения АН СССР (1931—1942). Член-корреспондент АН СССР (1932). После войны жил и работал в Германии и США.
19. Монголо-чагатайский словарь XIV в. В начале 20-х гг. XX в. известный узбекско-таджикский ученый и писатель Фитрат обнаружил в библиотеке бухарского Эмира рукопись четырехязычного арабско-персидско-тюркско-монгольского словаря Мукаддима ал-Адаб XIV в., фотокопии которого он передал в Ленинград в Азиатский музей АН СССР. Изучением его монгольской части занялся Н. Н. Поппе, который закончил исследование в 1932 г. (см.: *Анатов В. М. Николай—Николаас Поппе. М., 1996. С. 56*). Текст был опубликован позднее (см.: *Ponne H. H. Монгольский словарь Мукаддима ал-Адаб. М.; Л., 1938*).
20. Алексеев Василий Михайлович (1881—1951) — российский советский востоковед. Магистр китайской словесности (1916), профессор Петроградского—Ленинградского государственного университета (с 1918), заведующий кафедрой китайской филологии Института живых восточных языков — Ленинградского Восточного института (с 1920). Академик АН СССР (1929). Научный сотрудник Азиатского музея (с 1902), заведующий китайским кабинетом Института востоковедения АН СССР (1930—1951). Труды по филологии, культуре, этнографии, истории Китая.
21. Сыма Цянь (145(?) г. до н. э. — около 86 г. н. э.) — древнекитайский историк, «отец китайской истории», литератор, мыслитель. Автор «Ши цзи» («Исторических записок» или «Записок историка»), ставших каноническим трудом для китайской историографии.
22. Гирс Михаил Михайлович (1877—1932) — российский дипломат, советский ученый. До революции работал в МИДе. Будучи российским посланником в Тегеране способствовал пополнению книжного собрания Азиатского музея. После революции научный сотрудник Академии истории материальной культуры (с 1919), Азиатского музея АН СССР (1926—1930, научный сотрудник, ученый хранитель). Арестован по так называемому «академическому делу» в апреле 1930 г. Умер в лагере.
23. Эберман Василий Алексеевич (1898—1937) — советский востоковед, научный сотрудник Азиатского музея (с 1919) — Института востоковедения АН СССР (с 1930), занимался описанием арабских рукописей, исследованием арабской и персидской поэзии. Работал также в Академии истории материальной культуры и Государственном Эрмитаже (материальная культура арабов, история искусства). Арестован в 1930 г. по «делу Академии наук», срок отбывал на Белбалтлаг. Повторно арестован в 1937 г., погиб в заключении.
24. Все студенты, аспиранты, преподаватели и научные работники в советское время должны были проявлять общественную активность и выполнять те или иные общественные поручения. Как мне рассказывал Л. П. Потапов, В. А. Казакевич обычно проявлял свою активность, работая в профсоюзном комитете.
25. Бертагас Трофим Алексеевич (1905—1976) — советский востоковед. Научный сотрудник Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры и экономики (1935—1938), преподавал в педагогических институтах Магнитогорска (1938—1943), Улан-Удэ (1943—1951), Москвы (1951—1953). Доктор филологических наук (1947). Научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1953—1976). Основные труды — по монгольским языкам.
26. Маторин Николай Михайлович (1898—1936) — советский ученый. Преподаватель Географического института (1924) — этнографического отделения географического факультета Ленинградского государственного университета (доцент — с 1928, профессор — с 1930). С 1930 г. — заместитель директора Института по изучению народов СССР АН СССР, директор Музея антропологии и этнографии. В 1931—1933 гг. — главный редактор журнала «Советская этнография». В 1933 г. — директор Института антропологии и этнографии АН СССР, в 1934 г. — заведующий этнографическим отделением института. Сфера научных интересов —

- верования народов Волжско-Камского региона, фольклор. Арестован 3 января 1935 г., выслан в г. Ташкент. В 1936 г. повторно арестован и приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 11 октября 1936 г.
27. Зарубин Иван Иванович (1887—1964) — российский советский востоковед. Участник этнографических и лингвистических экспедиций на Памир (1914, 1915—1916), в Туркмению (1918—1919), в Таджикистан (1926—1927). Научный сотрудник (с 1910), заведующий отделом мусульманских народов (с 1918) Музея антропологии и этнографии. Научный сотрудник Института языковедения АН СССР (до 1964). Доктор филологических наук (1933), профессор Ленинградского государственного университета (с 1938). Специалист в области иранских языков и этнографии.
 28. Глускина Анна Евгеньевна (1904—1994) — советский востоковед. Научный сотрудник Музея антропологии и этнографии (1925—1933), Института востоковедения АН СССР (1933—1938), преподаватель Ленинградского Восточного института (1932—1938). В 1938—1939 гг. находилась в заключении. После освобождения научный сотрудник Института востоковедения АН СССР: с 1938 г. в Ленинграде, с 1942 г. в Москве. Доктор филологических наук (1972). Основные работы по японской этнографии и филологии. Известна как переводчик японской литературы на русский язык.
 29. Кубиш Елена Мавриковна (1879—1942) — российский советский библиограф. Библиотекарь Музея антропологии и этнографии (с 1909) — Института антропологии и этнографии (с 1933), Ленинградского Восточного института. Умерла в блокаду.
 30. Зеленин Дмитрий Константинович (1878—1954) — российский советский ученый широкого профиля. Профессор Харьковского и Ленинградского университетов, научный сотрудник Музея антропологии и этнографии (1925—1933), Института антропологии и этнографии (1933—1949). Член-корреспондент АН СССР (1925). Основные труды в области общей славянской и сибирской этнографии, русской диалектологии, фольклористики и библиографии.
 31. Штернберг Сара Аркадьевна (1870—1942) — советский ученый, специалист по этнографии североамериканских племен, музеевед. Научный сотрудник (с 1910), заведующий отделом этнографии Северной Америки (с 1937). Умерла во время блокады Ленинграда.
 32. Богораз Владимир Германович (1865—1936) — российский советский ученый. В 80-е гг. XIX в. участвовал в народническом движении, был арестован, в 1889—1898 гг. находился в ссылке в Сибири, участник Северных экспедиций. Научный сотрудник Музея антропологии и этнографии — Института антропологии и этнографии АН СССР, основатель и первый директор Музея истории религии АН СССР. Исследователь языка и этнографии чукчей, один из основоположников советского североведения. Под псевдонимом Н. А. Тан известен как литератор.
 33. Орбели Иосиф Абгарович (1887—1961) — российский советский востоковед. Преподаватель Императорского Санкт-Петербургского университета (с 1914), профессор восточного факультета Ленинградского государственного университета. Директор Государственного Эрмитажа (1934—1951), директор Института истории материальной культуры (1937—1939), заведующий Ленинградским отделением Института востоковедения АН СССР (1956—1961). Академик АН СССР (1935). Академик АН Армянской ССР (с 1943) и ее первый президент (1943—1947). Автор трудов по кавказоведению.
 34. Козин Сергей Андреевич (1879—1956) — советский востоковед. Преподаватель Института живых восточных языков — Ленинградского Восточного института (1920—1938), научный сотрудник Музея Азиатского музея (с 1924) — Института востоковедения АН СССР (с 1930). Академик АН СССР (с 1943), первый декан восстановленного в 1944 г. восточного факультета Ленинградского государственного университета. Основные труды по монголоведению, перевод на русский язык памятника монгольской литературы «Сокровенное сказание».
 35. Бурдуков Алексей Васильевич (1885—1943) — советский монголовед. Живя в Монголии, овладел монгольским языком, собрал большой материал по этнографии народов Монголии. Член Русского Географического общества (с 1916). Преподаватель Ленинградского Восточного института (с 1927), Ленинградского государственного университета (с 1931). В начале 1930-х подвергался аресту. Доцент (1935). Кандидат истории (1938). Основные работы по языку, этнографии и истории монгольских народов. В июле 1941 г. арестован и приговорен к расстрелу, по кассации — к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Умер в Сибири в 1943 г.
 36. Черемисов Константин Михайлович (1899—1982) — советский монголовед, тибетолог. Научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1938—1940; 1947—1950; 1956—1962), принимал участие в создании Большого монгольско-русского словаря, в редактировании тибетского словаря Ю. Н. Рериха. В 1940—1947 и 1950—1956 гг. работал в Бурят-Монгольском институте языка, литературы и истории в Улан-Удэ. Занимался также переводом на русский язык маньчжурских документов.
 37. Михайлов Георгий Иванович (1909—1986) — советский монголовед. Преподаватель Ленинградского Восточного института, затем работал в Монголии, служил в Красной армии, в 1950—1986 гг. — в Москве в Институте востоковедения АН СССР.
 38. Калинин Анатолий Дмитриевич (1899—1937) — советский монголовед-историк. Участник экспедиции И. М. Майского по обследованию Монголии (1919—1921), сотрудник советских учреждений в Китае (1920—1932), преподаватель Московского института востоковедения (1930—1932) и Ленинградского Восточного института (1932—1937). Печатался в журнале «Современная Монголия» под псевдонимом Эрдени Очир и Анто. Кандидат экономических наук (1935, без защиты). Докторант Института востоковедения АН СССР (с 1936 г., тема «Автономия Внешней Монголии, 1911—1918 гг.»). Умер в 1937 г.
 39. Майский Иван Михайлович (1884—1975) — советский востоковед, дипломат. Сотрудник Центросоюза в Монголии (1919—1921), автор исследования «Современная Монголия» (Иркутск, 1921). С 1922 г. на дипломатической работе, в том числе полпред в Финляндии (1929—1932), посол в Великобритании (1932—1943), заместитель народного комиссара иностранных дел СССР (1943—1946). Профессор МГУ (1948—1953), академик АН СССР (с 1946). В 1953—1955 гг. находился под стражей. Научный сотрудник Института всеобщей истории (1947—1975). Автор воспоминаний и других трудов по Востоку и Западной Европе.
 40. Ленинградский историко-лингвистический институт (ЛИЛИ) был создан в 1930 г. на базе историко-лингвистического факультета Ленинградского государственного университета. Существовал до сентября 1933 г., когда был преобразован в Ленинградский институт истории, философии и литературы (ЛИФЛИ).
 41. Жамцарано Цыбен Жамцаранович (1880—1942) — российский, монгольский и советский востоковед. Преподаватель факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета и Практической Восточной академии (1902—1908, 1911), сотрудник этнографического отдела Русского музея (1902—1911). Участник многих экспедиций в Бурятию и Монголию, преподаватель Иркутского университета (1918—1921). Ученый секретарь Ученого комитета МНР (1921—1931). Научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1932—1937). Арестован в 1937 г. Умер в тюрьме. Труды по фольклору, этнографии и истории монгольских народов.
 42. Пучковский Леонид Сергеевич (1899—1970) — советский монголовед-филолог. Научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (с 1932), преподаватель кафедры монгольской филологии Ленинградского государственного университета (1945—1950). Кандидат филологических наук (1946). Работы по историографии, описанию монгольских рукописей и ксилографов. С 1965 г. на пенсии.
 43. Высшие учебные заведения.
 44. Научные учреждения.
 45. Санжеев Гарма Данцаранович (1902—1982) — советский монголовед. Преподаватель Ленинградского государственного университета (1929—1931), Московского института востоковедения (1931—1954), научный сотрудник Коммунистического университета трудящихся Востока (1931—1934), Института языка и мышления (1935—1950), Инсти-

- туда востоковедения АН СССР (1950—1982). Профессор (1935). Доктор филологических наук (1948). Труды в области монгольского языковедения.
46. Щербатский Федор Ипполитович (1866—1942) — профессор Императорского Санкт-Петербургского — Ленинградского государственного университета (1901—1930). Академик РАН (с 1918) — АН СССР. Заведующий индо-тибетским кабинетом Института востоковедения АН СССР (1930—1942). Труды в области индологии, тибетологии и филологии.
 47. Востриков Андрей Иванович (1902—1937) — советский востоковед. Научный сотрудник Азиатского музея (1924—1930), Института буддийской культуры (1928—1930), Института востоковедения АН СССР (1930—1937). Доктор литературоведения (1934). Труды по истории и литературе Тибета, по бурятским летописям. Арестован 9 апреля и расстрелян 26 сентября 1937 г.
 48. Ярославцева (Вострикова) Нина Павловна (1902—1988) — советский тибетолог. Научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (с 1931). После ареста мужа А. И. Вострикова была уволена из института, работала в Ленинградской клинике восточной медицины вплоть до ареста в 1938 г. Вернулась в Ленинград в 1953 г. и с того времени до выхода на пенсию в 1960 г. сотрудник библиотеки восточного факультета Ленинградского государственного университета.
 49. Щуцкий Юлиан Константинович (1897—1938) — советский востоковед. Научный сотрудник Азиатского музея (1920—1930) — Института востоковедения АН СССР (1930—1937), Государственного Эрмитажа (1936—1937), преподаватель Института живых восточных языков — Ленинградского Восточного института и Ленинградского государственного университета (1922—1937). Кандидат языковедения (1935), доктор философии (1937). Специалист в области древнекитайской философии и литературы, современного китайского и вьетнамского языков. Арестован 2 августа 1937 г., расстрелян 18 февраля 1938 г.
 50. Васильев Борис Александрович (1899—1937) — советский востоковед. После окончания китайского отделения факультета общественных наук Ленинградского государственного университета в 1922 г. направлен на практическую работу в Китай. Научный сотрудник Азиатского музея (с 1921), Института буддийской культуры (1928—1930), Института востоковедения АН СССР (1930—1937), преподаватель Ленинградского государственного университета, Ленинградского института истории, философии и литературы (1928—1937), профессор (1936—1937), кандидат литературоведения (1935). Специалист в области китайского и дунганского языков, литературы и этнографии. Арестован 6 сентября 1937 г., расстрелян 24 ноября 1937 г. в Ленинграде.
 51. Флуг Константин Константинович (1893—1942) — советский востоковед. Научный сотрудник Азиатского музея (1925—1930) — Института востоковедения АН СССР (1930—1942), Государственного Эрмитажа. Кандидат филологии (1935). Специалист в области истории китайского даосского канона, истории китайского книгопечатания. Умер во время блокады.
 52. Папаян Гайк Кегамович (1901—1937) — советский востоковед. Научный сотрудник Азиатского музея (1925—1930), аспирант (с 1930), научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (с 1933). Кандидат истории (1935). Специалист в области экономической истории Китая, аграрного вопроса в Китае, участник дискуссии об азиатском способе производства. Арестован в мае 1936 г. Расстрелян 4 ноября 1937 г. в Соловецком лагере.
 53. Поляков Александр Сергеевич (1906—1940) — советский востоковед. Преподаватель Московского института востоковедения (с 1925), научный сотрудник Международного аграрного института (с 1927). В 1928 и 1929 гг. дважды арестовывался, освобожден в июле 1929 г. Преподаватель Ленинградского историко-филологического института, доцент Ленинградского Восточного института (с 1929), научный сотрудник Института востоковедения АН СССР и Академии истории материальной культуры (в 1930—1935), член комиссии по латинизации китайской письменности. С 1933 г. занимался историей Китая. Арестован 6 февраля 1935 г., умер в лагере в Якутии в 1940 г.
 54. Ветюков Николай Николаевич (1906—?) — советский востоковед. Преподаватель Коммунистического университета трудящихся Востока, до 1932 г. работал в Кульдже (Китай), научный сотрудник (с 1933), аспирант Института востоковедения АН СССР (с 1934), принимал участие в работе китайского кабинета, специализировался в области современной экономической истории Китая. Член ВКП(б). В июле 1936 г. был арестован по обвинению в троцкизме, приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей, срок отбывал в Печорском лагере. Освобожден в марте 1941 г. За антисоветскую пропаганду в 1943 г. был определен на принудительное лечение в психиатрическую больницу, в 1959 г. принудительное лечение было отменено. Дальнейшая судьба неизвестна. Реабилитирован в 1989 г.
 55. Драгунов Александр Александрович (1900—1955) — советский востоковед. После окончания этнолого-лингвистического отделения факультета общественных наук Ленинградского государственного университета преподаватель Военной академии им. Толмачева (1925—1926), Ленинградского Восточного института и Ленинградского государственного университета (1928—1942), вузов Владивостока (1930—1936), научный сотрудник Азиатского музея (1928—1930) — Института востоковедения АН СССР в Ленинграде и Москве (1930—1955). Кандидат языковедения (1937). Труды по китайскому и дунганскому языкам, основоположник дунганского языковедения.
 56. Шпринцин Александр Григорьевич (1907—1974) — советский востоковед. После окончания восточного цикла факультета языковедения Ленинградского государственного университета в 1929 г. в течение года изучал на Дальнем Востоке русско-китайский диалект. Научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1930—1938), член Комитета по латинизации китайской письменности. В 1932—1935 гг. находился в командировке на Дальнем Востоке как член местного комитета нового алфавита. В 1938 г. был включен в состав коллектива по составлению Большого китайско-русского словаря, но вскоре был арестован, срок отбывал на северо-востоке. После возвращения в Ленинград работал в библиотеке Геологического института, принимал участие в синологических работах Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР и Восточной комиссии Всесоюзного Географического общества. Сфера научных интересов — диалекты китайского языка, латинизация их, пиджины.
 57. Конрад Николай Иосифович (1891—1970) — советский востоковед. Преподаватель Института живых восточных языков и Ленинградского государственного университета (1922—1938), Института Красной профессуры (1934—1936), Московского института востоковедения (1941—1950). Профессор (1926). Доктор филологии и член-корреспондент АН СССР (1934), академик АН СССР (1958). Заведующий японо-корейским кабинетом Института востоковедения АН СССР (1931—1938). В 1938—1941 гг. находился под арестом. С 1941 г. — научный сотрудник Института востоковедения АН СССР в Москве. Составитель Японо-русского словаря (Государственная премия СССР 1972). Автор трудов по Китаю, Кореи и Японии, истории культуры, сравнительному историческому развитию стран Востока и Запада.
 58. Фолькман Елена Августовна (1904—середина 60-х гг.) — советский востоковед. С 1931 г. в японо-корейском кабинете Института востоковедения АН СССР занималась описанием японского рукописно-ксилографического фонда и др. темами. Автор первого русского словаря японских имен и фамилий.
 59. Цейтлина Ида Евсеевна (ум. 1953) — канд. ист. наук. Работала в Институте востоковедения АН СССР с 15 октября 1931 г. по 1 ноября 1933 г. в Ленинграде, с 1933 г. по 1953 г. — в Москве. Супруга Е. М. Жукова.
 60. Жуков Дмитрий Павлович (1904—1937) — советский востоковед. В 1932 г. закончил аспирантуру Института востоковедения АН СССР, с 1935 г. — научный сотрудник его японо-корейского кабинета. Соавтор военного русско-японского словаря (1935). Заведующий сектором истории культур и искусств Востока Государственного Эрмитажа. Историк-японист. Арестован 29 мая 1937 г., расстрелян в Ленинграде 24 ноября 1937 г.
 61. Невский Николай Александрович (1892—1937) — советский востоковед. После окончания в 1914 г. Императорского Санкт-Петербургского университета в 1915—1929 гг. со-

- вершенствовал знания, преподавал, занимался научной работой в Японии, научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1929—1937), преподаватель Ленинградского Восточного института (1929—1936). Доктор языкознания (1935). Участвовал в составлении и редактировании Большого японо-русского словаря, автор работ по японоведению, айноведению, тангутоведению. Арестован 4 октября 1937 г., расстрелян 24 ноября 1937 г. в Ленинграде. Ленинская премия (посмертно, 1962).
62. Мухарджи Абони Троилькович (1891—1937) — индийский коммунист, историк, советский индолог. Научный сотрудник Коммунистической академии (1929—1930), Института востоковедения АН СССР (1930—1933). Преподаватель кафедры колониальных и зависимых стран МГУ (с 1933 г.). Арестован в 1937 г. как враг народа и шпион, расстрелян 28 октября 1937 г.
 63. Бескровный Василий Матвеевич (1908—1978) — советский востоковед. Научный сотрудник института востоковедения АН СССР в Ленинграде (1932—1951) и в Москве (1955—1978), преподаватель Ленинградского Восточного института (1936—1938), Ленинградского государственного университета (1938—1955), Института стран Азии и Африки при МГУ (1964, 1968—1971). Кандидат филологических наук (1943), доцент (1956). Основные интересы в области языков и литератур народов Индии, составитель Хинди-русского словаря.
 64. Кукс Михаил Иванович (?—?) — советский востоковед. Научный сотрудник Института востоковедения АН СССР с 14 января 1931 г. по 1 марта 1933 г.
 65. Коковцов Павел Константинович (1861—1942) — российский советский востоковед. Приват-доцент (с 1894), профессор (с 1912) Императорского Санкт-Петербургского — Ленинградского университета. Академик РАН (с 1919) — АН СССР. Научный сотрудник Азиатского музея — Института востоковедения АН СССР. Основные труды по семитологии.
 66. Соколов Михаил Николаевич (1890—1937) — советский востоковед. Научный сотрудник Азиатского музея (с 1924) — Института востоковедения АН СССР (с 1930). Преподаватель Богословского института и Ленинградского государственного университета. Впервые арестован 21 декабря 1933 г., расстрелян в Бамлаге 10 октября 1937 г. Труды в области гебраистики, сириологии, арабистики.
 67. Бендер Иосиф Генрихович (1900—1942) — советский востоковед. Научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1931—1942). Кандидат истории (1935). Семитолог, критик Библии, историограф. Умер в блокаду.
 68. Крачковский Игнатий Юлианович (1883—1951) — русский советский востоковед. Преподаватель (с 1910) Императорского Санкт-Петербургского — Петроградского — Ленинградского университета, в 1944—1951 гг. заведующий кафедрой арабской филологии, доктор филологии (1921), профессор Института живых восточных языков — Ленинградского Восточного института. Научный сотрудник Азиатского музея (1916—1930) — заведующий арабским кабинетом Института востоковедения АН СССР (1930—1951), академик РАН (1921) — АН СССР. Лауреат Сталинской премии (1951). Основные труды в области арабского языка, литературы, этнографии, истории.
 69. Виленик Яков Соломонович (1902—1939) — советский востоковед. Научный сотрудник арабского кабинета Института востоковедения АН СССР (1930—1939). Кандидат языкознания (1935). Основная сфера научных интересов — живой разговорный язык Сирии и Палестины, один из составителей Большого словаря живого арабского языка.
 70. Бертельс Евгений Эдуардович (1890—1957) — советский востоковед. Научный сотрудник Азиатского музея (1920—1930), заведующий отделом Ирана Института востоковедения АН СССР (1930—1957), преподаватель Института живых восточных языков — Ленинградского Восточного института (1920—1938), Ленинградского государственного университета (1924—1941). Профессор (1928). Доктор литературоведения (1935). Член-корреспондент АН СССР (1939). Подвергался арестам в 1925 и 1941 гг. Основная сфера научных интересов — иранская филология.
 71. Верховский Юрий Павлович (1891—1962) — советский востоковед. После окончания университета работал драго-
- маном Посольства СССР в Персии, потом — научный сотрудник Института востоковедения АН СССР. Известен как переводчик Рашид-ад-дина.
72. Ильина Ксения Дмитриевна (1900—?) — советский востоковед. Научный сотрудник Азиатского музея (1926—1930) — Института востоковедения АН СССР (1930—1933). Обработывала иранский рукописный фонд, составляла каталог литографических и печатных персидских книг, занималась фольклором и историей. Арестована 6 декабря 1933 г., в начале 1934 г. выслана вместе с мужем В. А. Эберманом в Орел. Дальнейшая судьба неизвестна.
 73. Ростопчин Федор Борисович (1904—?) — советский востоковед. По происхождению граф, во время гражданской войны служил в Красной армии. После окончания Ленинградского института живых восточных языков преподаватель Коммунистического университета трудящихся Востока. Ученый специалист и секретарь персидского кабинета Института востоковедения АН СССР (1931—1935), научный сотрудник Государственного Эрмитажа. В марте 1935 г. как социально чуждый элемент был выслан в Казахстан, откуда переведен в Бухару, где в 1936 г. состоял сотрудником музея, а в 1937 г. был арестован. Дальнейшая судьба неизвестна. Сфера научных интересов — история и филология Ирана.
 74. Шитов Георгий Васильевич (1896—1982) — советский востоковед. Аспирант (1930—1932), научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1932—1936). Кандидат истории (1935). Арестован в октябре 1936 г., отбыл 10 лет исправительно-трудовых лагерей и далее находился на спецпоселении. Научный сотрудник Института востоковедения АН Узбекской ССР (1954—1956), Института востоковедения АН СССР (1956—1965). С 1965 г. на пенсии. Историк и экономист Ирана.
 75. Генко Анатолий Нестерович (1896—1941) — советский востоковед. Преподаватель Ленинградского государственного университета (1924—1932), Института живых восточных языков — Ленинградского Восточного института (1925—1930). Научный сотрудник Азиатского музея (1922—1930) — Института востоковедения АН СССР (1930—1941), Академии истории материальной культуры (1924—1929), Института этнографии АН СССР. Доктор языкознания (1935). Труды в области языков и этнографии народов Кавказа. Подвергался арестам в 1938 и 1941 гг., умер в тюрьме 26 декабря 1941 г.
 76. Башинджагян Армен Георгиевич (1903—1938) — советский востоковед. Научный сотрудник (20-е гг.), аспирант (1934—1935) Академии истории материальной культуры, научный сотрудник кавказского кабинета Института востоковедения АН СССР (1931—1938). Член правления Ассоциации кавказоведов. Основная сфера интересов — история и этнография народов Кавказа, прежде всего Армении. Арестован 4 февраля, расстрелян 17 октября 1938 г.
 77. Ракитина Ксения Александровна (1909—1979) — советский востоковед. Научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1932—1938), Государственного Эрмитажа (1936—1979). Основная сфера научных интересов — кавказоведение.
 78. Самойлович Александр Николаевич (1880—1938) — российский советский востоковед. Преподаватель Петербургского — Ленинградского университета (1907—1937), научный сотрудник Азиатского музея (1918—1930) — Института востоковедения АН СССР (1930—1937), в том числе заведующий его турецким кабинетом (1930—1937), директор (1934—1937). Академик АН СССР (1929). Арестован в октябре 1937 г., расстрелян 13 февраля 1938 г.
 79. Шацкая (Иванова-Шацкая) Ольга Ивановна (1897—1973) — советский востоковед. Секретарь туркологического кабинета (1929—1930), научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1930—1940), преподаватель кафедры тюркской филологии восточного факультета Ленинградского государственного университета (1940—1953). Сфера научных интересов — фольклор и этнография тюркских народов. С 1953 г. на пенсии.
 80. Забиров Вали Абдурахманович (1897—1937) — советский востоковед. Преподаватель Института живых восточных языков (20-е гг.). Аспирант Института востоковедения АН СССР (1930—1934), собиратель тюркских рукописей. Научный сотрудник Института истории АН СССР (с 1936). Область научных интересов — история тюркских народов.

- Арестован 14 августа 1936 г., срок отбывал на Соловках. Там был повторно судим и 4 ноября 1937 г. расстрелян.
81. Сеид-Заде А. А. (?—?) — советский востоковед. С 20 июля 1931 г. по 1946 г. научный сотрудник турецкого кабинета Института востоковедения АН СССР. Занимался литературой Азербайджана.
 82. Новичев (Рабинович) Арон Давидович (1902—1987) — советский востоковед. Преподаватель Ленинградского Восточного института (1929—1937), Ленинградского государственного университета (1948—1982). Кандидат истории, доцент (1935), доктор исторических наук (1961), профессор (1962). Научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1932—1937, 1948—1950). Арестован в марте 1937 г., в ссылке до февраля 1940 г. Основные труды по истории Турции.
 83. Скачков Петр Емельянович (1892—1964) — советский востоковед. После окончания Института живых восточных языков работал в Китае (1925—1928), преподаватель Ленинградского Восточного института (с 1929 г.), научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1930—1937 и 1954—1964). Кандидат экономики (1935). Впервые арестован в 1937 г., повторно в 1949 г. Основные труды по экономике Внутренней Монголии и библиографии Китая.
 84. Белопольская-Поппе Наталия Валериановна (1896—1949) — жена Н. Н. Поппе. Сотрудник библиотеки Азиатского музея — Института востоковедения АН СССР. Умерла в Германии в 1949 г.
 85. Ернштедт Петр Викторович (1890—1966) — советский востоковед. Научный сотрудник Азиатского музея (1919—1930) — Института востоковедения АН СССР (1930—1950), преподаватель Ленинградского государственного университета (1924—1930, 1937—1941, 1946—1947). Доктор филологических наук (1942), член-корреспондент АН СССР (1946), профессор (1947). Специалист в области коптской филологии.
 86. Брядов Дмитрий (?—?). Академик И. Ю. Крачковский в своих воспоминаниях писал: «Яркий колорит Музею придавали и два служителя: Дмитрий Брядов и Еремей Зюзин, которые провели здесь большую часть „залемановского“ (1890—1916. — А. Р.) и весь „ольденбургский“ (1916—1934. — А. Р.) периоды. Оба выходцы из простой крестьянской среды, они по природе обладали не малыми талантами, которые сумели развить, попав в культурное учреждение. Не говоря про то, что оба они хорошо справлялись с разнообразными шифрами и латинским шрифтом, и тот и другой были в своем роде Tausendkiinstler'amu (мастерами на все руки...) Брядов стал заправским фотографом и артистически снимал восточные рукописи. Его хобби было также ремонтировать часы. Умер он вскоре после смерти Ф. А. Розенберга (1867—1934). (См.: *Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями: Листки воспоминаний о книгах и людях*. 2-е доп. изд. М.; Л., 1946. С. 61—62.)
 87. Константинов (?—?). Академик И. Ю. Крачковский вспоминал: «Когда штат музея расширился до трех служителей, третий обыкновенно менялся, но Брядов и Зюзин сохранялись неизменно и без них трудно было бы представить музей или какое-нибудь событие в его жизни» (с. 62). Очевидно, одним из третьих и был Константинов.
 88. Зюзин Еремей Д. (?—?). Академик И. Ю. Крачковский писал: «Зюзин, повысившийся до чина научно-технического сотрудника, тоже (как и Брядов. — А. Р.) хирел, однако окончательно его подкосил только тяжелый 1942 год. С ним ушел последний представитель старого Азиатского музея, хорошо помнивший разные периоды в его жизни» (с. 62). У него было хобби — он чинил сапоги.
 89. Тубянский Михаил Израилевич (1893—1937) — советский востоковед. Преподаватель Института живых восточных языков — Ленинградского Восточного института (1920—1927, 1936—1937), научный сотрудник Азиатского музея (1920—1927) — Института востоковедения АН СССР (1936—1937). Сотрудник Полпредаства СССР в МНР (1930—1936). Арестован 12 августа и расстрелян 19 сентября 1937 г. Область научных интересов — индология, тибетология, монголоведение.
 90. Бухарина (Черняк) Нина Аркадьевна (1902—1985) — советский востоковед, ученица Ф. И. Щербатского и С. Ф. Ольденбурга, в 1924 г. закончила Ленинградский институт живых восточных языков. До отъезда в Монголию музейный работник. С М. И. Тубянским развелась незадолго до его ареста. В 1941 г. была арестована, отбывала срок 10 лет и до 1957 г. жила в ссылке на Алтае. После возвращения в Ленинград работала преподавателем немецкого языка.
 91. Дюббельд — личность не установлена.
 92. Алявдин Анатолий Павлович (1885—1965) — советский востоковед. Преподаватель Петроградского—Ленинградского государственного университета (1919—1929), Богословского института (1920—1923), Высших богословских курсов (1925—1927), научный сотрудник Института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока имени А. Н. Веселовского при университете (1921—1929), Азиатского музея (1924—1929), Института востоковедения АН СССР (1938—1942). В 1929—1932 гг. и 1945—1954 гг. находился под арестом. После освобождения работал в Архиве АН СССР. Специалист по культуре христианского Востока, сириолог.
 93. Владимирцова Лидия Николаевна (1892—1942) — жена Б. Я. Владимирцова. Была оставлена при университете по славянской филологии, но после замужества и рождения детей не работала. После смерти мужа подрабатывала печатанием на машинке. Умерла в блокадном Ленинграде.
 94. В письме П. Пеллио от 2 декабря 1931 г. акад. В. М. Алексеев написал: «Вдове Владимирцовой с тремя детьми назначена пенсия в 225 руб. Принимая во внимание, что покойный Б[орис] Я[ковлевич] не выслужил положенного срока, и эта скромная сумма может почесаться среди других таких же случаев немалою» (*Алексеев В. М. Письма к Эдуарду Шаванну и Полю Пеллио*. СПб., 1998. С. 126). Сумму пенсии в размере 225 руб. сообщил мне также сын Б. Я. Владимирцова Мстислав Борисович Владимирцов.
 95. Лихачев Николай Павлович (1862—1936) — российский советский историк, востоковед. До революции член Совета Министерства народного просвещения. После революции организатор и директор Музея по палеографии — Музея книги. Академик АН СССР (1925). Арестован по «делу АН СССР» 28 января 1930 г., выслан в г. Астрахань на 5 лет. Специалист в области истории книги, палеографии, истории древнерусского и византийского искусства.
 96. Сафо (VII—VI вв. до н. э.) — древнегреческая поэтесса, жила на о. Лесбос. Главные темы ее поэзии — любовь, воспевание женской красоты, обучала знатных девушек нежности общения, искусству музицировать, петь, танцевать.
 97. Институт востоковедения в Москве был создан в октябре 1921 г. на базе Центрального института живых восточных языков и восточного отделения МГУ. В 1925 г. ему присвоено имя видного партийного и государственного деятеля Н. Нариманова. Существовал до 1954 г.
 98. Грумм-Гржимайло Григорий Ефимович (1860—1936) — российский советский ученый, географ, зоолог, путешественник, исследователь Центральной Азии (1884—1914). Активно работал в Географическом обществе. Его основные труды — по географии, истории и этнографии народов Центральной Азии.
 99. Ринчино Эльбек-Дорджи (1885—1937) — советский востоковед, один из видных деятелей национального движения бурят. В 1921—1924 гг. — советник правительства МНР, член МНРП. С 1925 г. на учебе и научной работе в Москве. Преподаватель Коммунистического университета трудящихся Востока. Арестован в июне 1937 г. и вскоре после суда расстрелян.
 100. Барадийн Бадзар Барадийнович (1878—1937) — российский и советский востоковед. До революции совершил экспедицию в Тибет. После революции председатель историко-этнографической секции Бурят-Монгольского научного общества имени Д. Банзарова, председатель Бурят-Монгольского ученого комитета. В 30-е годы активно работал в Институте востоковедения АН СССР. Был арестован и расстрелян в августе 1937 г.
 101. Цыбиков Гомбоджай Цэбикович (1873—1930) — российский советский востоковед. Совершил экспедицию в Тибет. Преподаватель Восточного института и Дальневосточного государственного университета во Владивостоке. Ученый секретарь Бурят-Монгольского ученого комитета, действительный член Бурят-Монгольского научного общества имени Д. Банзарова. Область научных интересов — монголоведение, тибетология, шаманизм, буддизм.

102. Клюкин Иннокентий Андреевич (1889—1938) — советский востоковед. Профессор по кафедре монгольской словесности Дальневосточного государственного университета (г. Владивосток). Был репрессирован; 17 июля 1938 г. арестован, 15 августа 1938 г. расстрелян.
103. Пальмов Николай Николаевич (1872—1934) — российский советский востоковед. Заведующий Калмыцким областным архивным бюро (г. Астрахань). Область научных интересов — византийская и русская археология, история византийских, хазарских, русских и золотоордынских отношений (до XVIII в.).
104. Малов Сергей Ефимович (1880—1957) — российский советский востоковед. До революции совершил экспедиции в Северо-Западный Китай. Научный сотрудник Музея антропологии и этнографии (1909—1917), тюркологического кабинета Института востоковедения АН СССР (1930—1934), Государственной Публичной библиотеки (1931—1933), Института языка и мышления — Института языкознания АН СССР (1934—1957). Преподаватель ряда вузов Казани (1917—1922), Ленинграда (1922—1957). Доктор языкознания (1935). Член-корреспондент АН СССР (1939). Основные труды в области языка, фольклора и этнографии тюркских народов.
105. Дмитриев Николай Константинович (1898—1954) — советский востоковед. Преподаватель Ленинградского Восточного института (1925—1937), Ленинградского государственного университета (1925—1947), Московского государственного университета (1928—1954). Научный сотрудник Азиатского музея (1926—1930), Института языка и мышления — Института языкознания АН СССР (1938—1954). Профессор (1930), доктор филологии (1938). Член-корреспондент АН СССР (1943), академик Академии педагогических наук (1945). Основные труды в области тюркских языков и фольклора.
106. Юдахин Константин Кузьмич (1890—1975) — советский востоковед. Преподаватель Института живых восточных языков — Ленинградского Восточного института (1925—1932), Московского института востоковедения (1932—1944). Научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1930—1944), Киргизского филиала АН СССР — АН Киргизской ССР (1944—1975). Профессор (1940), доктор филологических наук (1949). Член-корреспондент АН Узбекской ССР (1953), академик АН Киргизской ССР (1954). Автор киргизско-русских словарей (Государственная премия 1967), работы по киргизскому, узбекскому и уйгурскому языкам.
107. Смыкалов Георгий Феофанович (1877—1955) — российский советский востоковед. Преподаватель Практической Восточной академии (с 1913 г.), Института живых восточных языков — Ленинградского Восточного института (1920—1938), Ленинградского государственного университета (1938—1955). Научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1938—1950). Профессор (1947). Автор работ по китайскому языку и географии Китая.
108. Фрейман Александр Арнольдович (1879—1968) — российский советский востоковед. Преподаватель Петроградского — Ленинградского государственного университета (1917—1950). Профессор (1927). Член-корреспондент АН СССР (1928). Доктор языкознания (1934). Научный сотрудник (1934—1968), заведующий иранским кабинетом (1946—1956) Института востоковедения АН СССР. Автор работ по иранской филологии.
109. Иванов Алексей Иванович (1878—1937) — российский советский востоковед. После окончания факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета в 1902—1908 гг. находился в научной командировке в Китае, Германии, Франции и Англии. С октября 1905 г. он приват-доцент, с 1909 г. — магистр, с 1913 г. — доктор и профессор факультета восточных языков. С 1908 г. возглавлял отдел культурных стран Азии Музея антропологии и этнографии АН. Собирает китайских и японских коллекций. В разное время еще преподавал в Практической Восточной академии, в Академии Генерального штаба, в Институте живых восточных языков, работал в Министерстве иностранных дел и др. В 1922—1927 гг. он на практической работе в Китае, с 1927 г. — в Москве, работает в Научно-исследовательском институте этнических и национальных культур народов Востока, Центральном музее народоведения, Государственной библиотеке им. В. И. Ленина и др. 25 июля был арестован и 8 октября 1937 г. расстрелян.
110. Центральный музей народоведения начал свое юридическое существование с мая 1921 г. В дальнейшем был переименован в Музей народов СССР, а в 1948 г. закрыт. Коллекции его преимущественно были переданы в этнографический музей Ленинграда.
111. Институт народов Севера — высшее учебное заведение, основанное в 1930 г. по постановлению Президиума ЦИК СССР для подготовки кадров, прежде всего из среды народов Севера. По инициативе его директора Я. П. Кошкина (Алькора) при Институте была создана Научно-исследовательская ассоциация, издававшая «Труды» по этнографии, фольклору, лингвистике, истории и экономике народов Севера.
112. Хроника Хабитуева. См.: Летописи хоринских бурят. Вып. 2. Хроника Шираб-Нимбо Хабитуева / Текст издал В. А. Казакевич // Труды Института востоковедения АН СССР. Т. 9. М.; Л., 1935. С. 1—92.
113. Радлов Василий Васильевич (1837—1918) — российский востоковед. Академик Императорской АН (1884). Директор Азиатского музея (1885—1890), директор Музея антропологии и этнографии (1894—1918), председатель Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (1903—1918). Глава отечественной школы тюркологов.
114. «Алтан-Тобчи» («Золотое сказание») — монгольская летопись XVIII в., имеет несколько списков. Как установил Ц. Жамцарано, примерно две трети «Алтан Тобчи» Лубсан Дандзана относятся к XIII в., а историк и писатель XVIII в. Мергэн гэгэн включил в свой список описание также современных ему событий. Об «Алтан Тобчи» см.: Цагаан Д. Монгольские летописи XVII—XVIII вв. и литература // Монгольская литература: Очерки истории XIII—первой половины XX в. М., 1997. С. 84—103; Лубсан Дандзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание») / Пер. с монг., введ., коммент. и прилож. Н. П. Шатиной. М., 1973.
115. Хроника Тарбаева (Тугулдур Тобоева, 1863). См.: Попле Н. Н. Летописи хоринских бурят. Хроники Тугулдур Тобоева и Вандана Юмсунова // Труды Института востоковедения. Т. 33. М.; Л., 1940. С. 1—39.
116. Хроника Юмсунова (Вандана Юмсунова, 1875). См.: Попле Н. Н. Цит. соч.
117. «Халха-Джирум» — ценный памятник монгольского феодального права XVIII в., содержащий богатый материал по социально-экономическим отношениям, праву и этнографии монголов. См.: Дылыков С. Д. «Халха Джирум» — памятник монгольского феодального права XVIII в. М., 1960. А. Рязановский считал его памятником обычного права. См.: Рязановский В. А. Монгольское право (преимущественно обычное): Ист. очерк. Харбин, 1931.
118. Подробнее об этом см.: Согдийский сборник. Л., 1934.
119. Козьмин Николай Николаевич (1872—1938) — российский советский ученый. После окончания Императорского Санкт-Петербургского университета вернулся в Восточную Сибирь, занимался вопросами переселения и поземельного устройства, принимал участие в движении областников, печатал научные статьи в местной прессе. В 1922—1924 гг. работал в Бурятии, с 1924 г. — в Иркутске, сосредоточился на научной и преподавательской работе. Основные труды — по истории и этнографии народов Сибири и Центральной Азии. Арестован 23 августа 1937 г., умер в тюремной больнице 21 августа 1938 г.
120. Гомбоджаб Мэргун-гун (1906—1940) — монгольский востоковед. Сын халхаского тайджи Мергенгуновского хошуна Сайн-Найонского аймака. В Монголии принимал участие в экспедиции Н. Н. Поппе. Учился в Институте живых восточных языков в Ленинграде, в Сорбонне в Париже, в аспирантуре Института востоковедения АН СССР. Исследователь памятников монгольской исторической литературы. 11 августа 1937 г. был арестован, получил 8 лет исправительно-трудовых лагерей. Умер в Севвостлаге 18 августа 1940 г.
121. Пекарский Эдуард Карлович (1858—1934) — российский советский востоковед. За участие в организации «Земля и воля» был выслан на поселение в Якутию (1881—1905).

- Участник ряда научных экспедиций в Сибири. Сотрудник этнографического отдела Русского музея (1905—1910), Музея антропологии и этнографии (с 1911), Института востоковедения АН СССР (до 1934). Член-корреспондент АН СССР (1927), почетный член АН СССР (1931). Составитель словаря якутского языка, автор трудов по языку, фольклору и этнографии якутов и эвенков.
122. Переезд Президиума АН СССР из Ленинграда в Москву состоялся в 1934 г. Планируемый перевод академических институтов тогда не состоялся.
123. Козлов Петр Кузьмич (1863—1935) — российский советский востоковед. Участник экспедиций Н. М. Прежевальского, М. В. Певцова, В. И. Роборовского, сам возглавлял ряд экспедиций, в 1923—1926 гг. работал в Монголии. Открыл остатки древнего города Хара-Хото, знаменитые Нойн-Улинские курганы. Материалы хранятся в Государственном Эрмитаже, Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН. Почетный член Русского Географического общества. Академик АН Украинской ССР (1928).
124. Боровка Григорий Иосифович (1895—1941) — советский востоковед. Профессор Археологического института. Научный сотрудник Академии истории материальной культуры, Государственного Эрмитажа. Преподаватель Института истории искусств, Ленинградского государственного университета. Специалист в области скифской археологии, известен раскопками в Монголии, 21 сентября 1930 г. арестован по «делу Академии наук», осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей, 6 ноября 1941 г. вновь арестован и вскоре расстрелян.
125. Смирнов Я. И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения. СПб., 1908.
126. Долбежев Борис Васильевич (1881—1910) — российский дипломат. Сын северокавказского педагога и археолога В. И. Долбежева. После окончания в 1903 г. факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета находился на дипломатической службе. Секретарь консульства Российской империи в Урумчи (Китай). Был связан с Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Передал для российских музеев собранные им в Восточном Туркестане коллекции. Автор нескольких работ по востоковедению.
127. Ядринцев Николай Михайлович (1842—1894) — российский востоковед, археолог, общественный деятель сибирского областнического движения. Инициатор издания и редактор литературной и политической еженедельной популярной газеты «Восточное обозрение». В историю науки вошел также своими археологическими открытиями в Северной Монголии в 1889 и 1891 гг.
128. Байсы (пайдзы) — доверительная бирка, удостоверяющая различные полномочия. Формы и материал бирки были самые разнообразные.
129. Барон Штиглиц Александр Людвигович (1814—1885) — российский государственный деятель, промышленник, меценат. В 1876 г. на его средства в Санкт-Петербурге было основано Центральное училище технического рисования барона А. Л. Штиглица, а в 1878 г. при нем учреждается музей. Собирает ценной богатой художественной коллекции прикладного искусства.

А. Г. Юрченко

История изучения «Книги о Тартарах» Иоанна де Плано Карпини

В 1800 г. в Москве в университетской типографии у Ридигера и Клаудия вышла книга под названием «Любопытнейшее путешествие монаха францисканского Ордена Жана дю План-Карпино, посланного в 1246 году в достоинстве Легата и Посла от папы Иннокентия IV к татарам, им самим писанное и заключающее в себе достоверные известия о тогдашнем в Европе и Азии могуществе татар; об их одежде, пище и питии; о политическом и гражданском правлении; об образе богочитания их; о поведении их на войне; об обрядах, наблюдаемых при свадьбах и погребениях, и о многих достопамятных происшествиях, касающихся до Российских великих князей». Это был перевод с французского издания 1735 г., опубликованного Пьером Бержероном, который, в свою очередь, восходил к печатному латинскому тексту средневековой исторической энциклопедии Винченца из Бовсе. Первый русский перевод не преследовал научных целей. В 1825 г. Дмитрий Языков подготовил научное издание книги Иоанна де Плано Карпини. Этому же автору принадлежала блестящая идея выпустить в свет всю серию текстов исторических путешествий к монголам в XIII—XV вв., но она не была реализована. В 1957 г. был переиздан перевод А. И. Малеина (1911 г.), и с тех пор книга брата Иоанна прочно вошла в обиход отечественной науки. Практически любое исследование по средневековой истории Средней и Центральной Азии не обходится без активного использования сведений этого донесения. Книга брата Иоанна оказалась «расщепленной» на некую сумму фрагментов, ценных, с точки зрения пользователя, лишь в том или ином частном аспекте (историческом, археологическом, этнографическом). В результате уникальный средневековый текст остался непонятым и не оцененным по сей день. Никто не ответил на вопрос, каковы были источники информации папского посланника и для какой аудитории предназначался отчет. «Книга о Тартарах», рожденная как ответ на таинственную игру мировых слухов и явившаяся опровержением этих слухов, в первую очередь была связана со становлением новой картины мира.

Традиционный историографический обзор по заявленной в названии статьи теме в данном случае малопродуктивен и не способен выявить тупиковые направления исследований. Существуют ряд концепций, построенных на некритическом отношении к тексту «Книги о Тартарах». В первую очередь это касается этногеографии Центральной Азии. Количество же этнографических статей, где папский посланник предстает любознательным первооткрывателем, которому до всего есть дело, необозримо. Обозначим проблему яснее. Вопрос, меня занимающий, звучит так: к какой категории текстов относятся донесения францисканской миссии 1247 г.? Как известно, эта миссия совершила дипломатическое странствие в Центральную Азию, ко двору великого хана монголов. Брат Иоанн и его спутник и переводчик брат Бенедикт оказались первыми европейцами, способными изложить свои наблюдения и полученные сведения, в форме исторического описания. Все, что было известно о монголах в Европе до этого момента, пронизано апокалипсическим видением мира и не может претендовать на объективность. Донесения францисканцев удивительным образом не стыкуются с предшествующей западной традицией. Истинной целью двухлетнего странствия папских посланников был сбор достоверных сведений, касающихся происхождения, верований и образа жизни кочевых орд, а также намерений их предводителей. Путешествие западной миссии к границам познанного мира призвано было раздвинуть занавес неизвестности и «снять» напряжение ожидаемой вселенской катастрофы. Вызов, брошенный Азией и заставивший европейскую элиту пристально вглядываться в горизонты, лежащие далеко за пределами христианского мира, обладал необычайной силой. В нем странным образом слились восходящая реальная мощь Монгольской империи и страх, связанный с ожиданием Судного дня. Следует помнить, для какой аудитории предназначались новые известия об Азии.

Дипломатическое путешествие францисканцев не имело характера престижной поездки. Папа не передал великому хану ни одного подарка, потому что не

был уверен в благополучном исходе миссии. Францисканцам предстояло открыть неизвестный и враждебный мир, о котором в Европе ходили самые невероятные слухи. Это была разведка, преследовавшая ряд конкретных целей. И одновременно — это было странствие в мир чужой культуры.

Казалось бы, на поставленный выше вопрос существует однозначный ответ: перед нами дипломатические отчеты, представленные на рассмотрение римской курии. Формально с этим можно согласиться. Однако остается неясным содержательный характер донесений. Можно ли их отнести: а) к историко-этнографическим источникам; б) к материалам, описывающим исключительно монгольский имперский феномен; в) к литературным сочинениям в историческом жанре. Вопрос не праздный. Дело в том, что на мой взгляд, ни одна из загадок этих несомненно широко известных текстов на сегодняшний день не решена. Вот некоторые из них: как могло появиться известие о походе монгольской армии на самоедов (напомню, что *самоедами* древнерусские летописи именовали племена, живущие за Северным Уралом); входило ли наказание за черную магию в систему юридических законов империи; кто мог сообщить францисканцам детальные сведения о погребении знатных лиц; действительно ли за проступок, связанный с пролитием молока на пол юрты, виновного ждала смерть; почему о золотой статуе Чингис-хана, перед которой должны были преклонить колена францисканцы, молчат другие источники; какой интерес для курии заключался в подробном описании монгольского женского головного убора *бокка*; о каком оружии в виде медных статуй, изрыгающих огонь на расстоянии полета стрелы, идет речь? Особенно загадочно выглядит содержание пятой главы, где описаны походы трех монгольских армий против монстров и фантастических народов.

Независимо от того, осознает тот или иной исследователь обозначенную проблему, он использует материалы донесений в одном из трех указанных выше качеств. В результате создается картина, которую невозможно свести к общему знаменателю. С одной стороны, донесения считаются достоверными источниками, с другой — заявляется о массе ошибок и искажений исторических событий. Продолжим вопросы. На каких основаниях историки иллюстрируют свои исследования по истории империи Чингис-хана сведениями из францисканских донесений, априори предполагая их объективный характер? Археологи, напротив, удивляются полному несоответствию своим полевым наблюдениям картины погребальных ритуалов, описанных францисканцами. Этнографы демонстрируют «потребительское» отношение к различным, как они предполагают, «этнографическим» подробностям из донесений францисканцев, видя в них коллег по полевым исследованиям.

На эти размышления меня натолкнули наблюдения, полученные во время проведения двух трансконтинентальных экспедиций 1990—1991 гг. по маршруту францисканской миссии 1247 г. Это был своего рода виртуальный эксперимент, связанный с созданием параллельного текста (взгляд современного историка-путешественника на сочинение средневекового путешественника), что, однако, не исключало работу над

реальным комментарием и историко-географической реконструкцией маршрута миссии. Мы выполнили большой объем фоторабот (около тысячи слайдов), которые в настоящий момент переданы в Русский этнографический музей (отдел Средней Азии и Казахстана); и мне хотелось бы одновременно проинформировать коллег о существовании такой фотоколлекции в фондах РЭМа и дать ей оценку в перспективе дальнейших исследований по истории тюркских и монгольских народов, опирающихся на такой специфический источник, как дипломатические отчеты францисканских миссий. Концептуально материалы экспедиции (съемка ландшафтов, археологических и архитектурных объектов, этнографические этюды) представляют видеоряд (визуальный комментарий), который призван дополнить реальный комментарий. Польза такого рода экспедиций заключается в том, что позволяет современному исследователю оценить содержание средневекового источника в реальном пространственном масштабе (и, как заметил ал-Масуди, избавляет от многих предрассудков). Несомненная ценность фотоколлекции в том, что она дает цельный взгляд на один из самых протяженных маршрутов в истории культурного обмена между Западом и Востоком. Как правило, те, кто занимается историей средневековых странствий, редко имеют возможность увидеть своими глазами хотя бы часть знаменитых маршрутов. В этом отношении, например, исследование Анри Кордье «Книги Марко Поло», опирающееся на впечатления от путешествия по Юго-Восточной Азии, сохраняет свою актуальность и сегодня.

Что же касается этнографической фотосъемки (костюмы, базары, бытовые сценки, обряды, святые места, свадебные ритуалы и т. д.), то оказалось, что большая часть этих материалов практически не имеет точек соприкосновения с той картиной, которая нарисована францисканцами. Причина расхождений в том, что францисканцы описывали жизнь кочевой империи в ее расцвете, а мы наблюдали жизнь кочевого сообщества, переживающего не лучшие времена.

Одновременно экспедиция дала импульс для пересмотра общепринятого в мировом исследовательском сообществе взгляда на загадочную пятую главу книги брата Иоанна как наивную попытку собрать воедино легенды о Чингис-хане и обработать их в стиле известного «Романа об Александре».

Иоанн де Плано Карпини назвал свое донесение «*Liber Tartarorum*» («Книга о Тартарах»). Один из ученых переписчиков XIV в. уточнил это название и получилось следующее: «История Монгалов, именуемых нами Тартарами» («*Historia Mongalorum quos nos Tartaros appellamus*»). В 1247 г. брат Ц. де Бридиа, переписавший с сокращениями донесение брата Бенедикта Поляка, переводчика миссии, дал своему труду название «История Тартар» («*Historia Tartarorum*»). Энциклопедист Винцентий из Бове (ум. 1264) почти целиком переписал донесение брата Иоанна, когда работал над составлением «*Speculum historiale*» («Историческое зеркало»). Итак, францисканцы-дипломаты и их современники восприняли донесения, привезенные из Азии, как исторические повествования. Сегодня мы можем уточнить параметры этих текстов и выявить их многоуровневый характер. В донесениях

брата Иоанна и его спутника брата Бенедикта содержатся два совершенно различных описания Монгольской империи. Назовем их условно «реальное» и «фантастическое». «Реальная» картина, рисуемая францисканцами, коррелирует с широким кругом восточных источников, в том числе и с монгольскими идеологическими представлениями. В определенном смысле можно утверждать, что западные дипломаты транслируют имперский миф. При этом в их донесениях нет места легендам имперского характера, рожденным в низовой культуре (например, сведения о рождении основателя империи от солнечного луча или вручении Ясы Чингис-хану ангелом, явившемся ему в виде златокрылого орла, о чем сообщают армянские историки XIII в.).

Сведения францисканской миссии 1247 г. заметно отличаются от европейских апокалипсических описаний азиатских кочевников, собранных в «Великой хронике» бенедиктинского монаха Матвея Парижского, имевшего доступ к архиву английского короля Генриха III. Францисканцы приносят в Европу новую картину Монгольской империи, которая во многом совпадает с собственным монгольским мифом. Заключительный аккорд этой темы особенно ярко прозвучит в «Книге Марко Поло». Один из парадоксов этой миссии заключается в том, что францисканцам известны обе картины: и «европейская» и «монгольская». Культурная задача миссии была связана со сменой ирреальной картины новой картиной, основанной на наблюдениях и сведениях, полученных на территории империи. Францисканцы справились с этой задачей. С какой целью они подробно описали монгольскую мужскую прическу, женский головной убор (*бокка*), большие неразборные юрты, устройство орды, обычаи, магические запреты, церемониалы и т. п.? Менее всего в этом следует видеть «этнографический» интерес к диковинкам чужой культуры. Известно, что средневековые общества были обществами высокой знаковости. Знаковая сущность явлений и вещей доминировала над их реальной сущностью. И одновременно мир высокой знаковости воспринимался как социально организованный. Внешним наблюдателям бросалась в глаза не странная форма прически или головного убора, но их однообразие. Францисканцы, описывая форму мужской прически, на самом деле описывают имперскую униформу. Сведения о неразборных юртах показывали современникам мобильный характер кочевой культуры, открытой к экспансии. Францисканцы описывают империю как высокоорганизованный социальный мир, а не мир хаоса, в чем были убеждены их западные современники.

Второй парадокс миссии связан с переводом необычного восточного сочинения, где изображается фантастическая империя Чингис-хана. В этом тексте параметрам Монгольской империи придан гипертрофированный и инвертированный характер. В свою очередь, «фантастическое» описание империи может быть понято лишь при сопоставлении с сюжетами из персидских и арабских космографий и восточных версий поэмы об Искандере. Францисканцы только зафиксировали перевод этого сочинения, не разгадав его истинный смысл. Мотивацией для включения его в донесения послужило отсутствие других источни-

ков, раскрывающих раннюю историю происхождения империи и легендарных деяний Чингис-хана.

Таким образом, мы приходим к следующему заключению. Донесения францисканской миссии 1247 г. являются литературными сочинениями, призванными ответить на ряд ключевых для Запада вопросов, где доминирующее положение занимает тема божественной санкции на существование ранее неизвестных Западу народов. Материалом же послужили сведения, полученные на территории империи от весьма осведомленных лиц, и лишь отчасти собственные наблюдения францисканцев. Вновь открытая культура носила ярко выраженный имперский характер, где управление было построено по военно-административной вертикали. Отчеты миссии являются своеобразным зеркалом, в котором отразились разнообразные проявления имперской культуры. Поскольку францисканцы являлись наблюдателями, представляющими интересы другой культуры, то созданные ими сочинения с необходимостью являются текстами-посредниками, призванными обрисовать реальность азиатского мира в категориях, понятных адресатам.

Вывод, к которому мы пришли, кажется, делает перспективной идею научных путешествий по маршрутам средневековых странствий, поскольку моделированию поддается лишь незначительная часть исчезнувших культурных связей. Однако вопрос не так прост. Опыт, полученный во время путешествия, оказывается необходимым условием для понимания истинного масштаба проделанной францисканцами работы. В свете результатов экспедиции можно определенно утверждать, что дипломатическое путешествие францисканцев преследовало единственную цель: привести в Европу «реальную» картину Монгольской империи — на смену иррациональной. Тогда как странствия брата Вильгельма де Рубрука по этому же маршруту в 1255 г. и его донесение являются идеальным объектом для этнографического исследования. Брат Вильгельм не был дипломатом и вел образ жизни странствующего проповедника.

В нескольких словах коснемся еще вопроса о мобильности кочевых армий. Известно, что такие водные преграды, как Волга и Дунай, не представляли серьезного препятствия на пути кочевых орд. Средневековые западные писатели с некоторым изумлением отмечали этот факт. Кочевники использовали кожаные лодки. Способ переправы подробно описан братом Иоанном: «А когда они добираются до рек, то переправляются через них, даже если они велики, следующим образом. У тех, кто побогаче, есть нечто круглое и легкое, [изготовленное] из кож; в его верхней части по окружности делают много ручек, через которые пропускают канат и натягивают его так, что устраивают некую [чашеобразную] полость, которую наполняют одеждой и другим имуществом и [при этом их] сильнейшим образом сдавливают друг с другом; после этого на середину кладут седла и другие вещи потяжелее. Люди также садятся на середину и привязывают этот, изготовленный таким образом, корабль к хвосту коня. И одного человека, управляющего конем, они заставляют плыть вперед вместе с конем; или у них иногда есть два весла и они ими гребут по воде; и таким образом они переправляются через реку. Коней же в воду

загоняют, и около одного коня плывет человек, который [им] управляет, а другие кони все за ним следуют; и таким образом они переправляются через водные [пространства] и большие реки» («Книга о Тартарах», VI. 12). Из описания брата Иоанна следует, что никакого жесткого каркаса кожаная лодка не имела. Фома Сплитский, напротив, сообщает следующее: «Почти ни одна из быстрых рек не является для них препятствием, через которое они не могли бы переправиться верхом на лошадях. Но если они натываются на какую-либо непреодолимую водную преграду, они сразу же сплетают из прутьев корзины наподобие лембов [остроносых быстроходных судов]; покрыв их сырыми кожами

животных и нагрузив их снаряжением, они садятся в них и переправляются безбоязненно» (Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. XXXVII). Кто же из этих наблюдателей прав? Для того, чтобы убедительно ответить на этот вопрос, участники экспедиции сшили из трех бычьих кож лодку и испытали ее в низовьях Волги. Причем испытали лодку в двух вариантах: с каркасом из веток и без каркаса, наполнив ее мягкими вещами. Во втором случае лодка с четырьмя участниками на борту, прекрасно держалась на воде. Этот материал фотодокументирован и является скромным вкладом в изучение истории и быта средневековых кочевников Азии.

Избранная библиография

- Гомбоев Г. О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини // Труды Восточного отделения Русского археологического общества. СПб., 1859. Ч. IV.
- Иоанн де Плано Карпини. История Монгалов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Введ., пер. и примеч. А. И. Малинина, с прилож. 8 рис., карты и указ. СПб., 1911.
- Мурзаев Э. М. Путешествие в Монголию Плано Карпини и Вильгельма Рубруквиса (XIII в.) // Современная Монголия. 1941. № 1.
- д'Оссон К. История монголов от Чингис-хана до Тамерлана / Пер. и предисл. Н. Козьмина. Иркутск, 1937. Т. I: Чингис-хан.
- Рошко Г. Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия (послания Папы Римского Даниила Галицкого и Александру Галицкому) // Символ. Париж, 1988. № 20.
- Ставиский В. И. К анализу известий о Руси в «Истории монгалов» Плано Карпини в свете ее археографической традиции // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исслед. 1986. М., 1988.
- Ставиский В. И. «История монгалов» Плано Карпини и русские летописи // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исслед. 1990. М., 1991.
- Топорова А. В. Создание и распространение средневековых текстов: На примере францисканской литературы XIII—XIV вв. // Книга в системе международных культурных связей. М., 1990.
- Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Фишман О. Л. Хронотоп «путешествия» Рубрука // Двадцать вторая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл. М., 1991. Ч. 3.
- Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. / Критич. текст, пер. с латыни «История Тартар» брата Ц. де Бридиа С. В. Аксенова и А. Г. Юрченко; Экспозиция, исслед. и указ. А. Г. Юрченко. СПб., 2002.
- Чекин Л. С. Безбожные сыны Измаиловы // Из истории русской культуры. Т. I: Древняя Русь. М., 2000.
- Юрченко А. Г. Чингис-хан в стране «шумящего солнца» // Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб., 1998. Вып. 12.
- Юрченко А. Г. Яса Чингис-хана: нерасшифрованные запреты // Altaica. VI: Сб. ст. и мат-лов. 2001.
- Юрченко А. Г. Францисканская миссия 1246 г. во владениях Бату-хана // Тюркологический сборник 2000. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.
- Юрченко А. Г. Золотая статуя Чингис-хана (русские и латинские известия) // Тюркологический сборник 2000. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.
- Юрченко А. Г. Империя и космос. Реальная и фантастическая история походов Чингис-хана по материалам францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002.
- Языков Д. И. Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV, XV столетиях: 1. Плано Карпини; 2. Асцелин / Лат. текст, пер. и коммент. СПб., 1825.
- Allaner B. Sprachkenntnisse und Dolmetscherwesen im missionarischen und diplomatischen Verkehr zwischen Abendland (päpstliche Kurie) und Orient im 13. und 14. Jahrhundert // Zeitschrift für Kirchengeschichte 55. 1936.
- Bezzola G. A. Die Mongolen in abendländischer Sicht (1220—1270). Ein Beitrag zur Frage der Völkerbegegnungen. Bern; München, 1974.
- Boyle J. A. The Thirteenth-Century Mongols' Conception of the After-Life: the Evidence of their Funerary Practices // Mongolian Studies I. Bloomington, Ind., 1974.
- von den Brincken A.-D. Die Mongolen im Weltbild der Lateiner um die Mitte des 13. Jahrhunderts unter besonderer Berücksichtigung des «Speculum Historiale» des Vincenz von Beauvais OP // Archiv für Kulturgeschichte 57. 1975.
- Corso R. Apporto all'etnografia di Fra Giovanni da Plano di Carpine // Fra Giovanni di Carpine nel VII centenario della sua morte / Ed. Porziuncola. Assisi, 1952.
- Die Mongolengeschichte des Johannes von Plano Carpine / Übersetzt und kommentiert von J. Giessauf. Graz, 1995 (Schriftenreihe des Instituts für Geschichte 6).
- Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli / Edizione critica del testo latino a cura di E. Menestò; traduzione italiana a cura di M. C. Lungarotti e note di P. Daffinà; introduzione di L. Petech; studi storico-filologici di C. Leonardi, M. C. Lungarotti, E. Menestò. Spoleto, 1989.
- Guéret-Laferté M. Sur les Routes de l'Empire Mongol. Ordre et rhétorique des relations de voyage aux XIIIe et XIVe siècles. Paris, 1994.
- Guzman G. G. The Encyclopedist Vincent of Beauvais and his Mongol extracts from John of Plano Carpin and Simon of Saint-Quentin // Speculum 49. 1974.
- Johannes von Plano Carpine. Kunde von den Mongolen: 1245—1247 / Übersetzt, eingeleitet und erläutert von F. Schmieder. Sigmaringen, 1997.
- Jurow W. Benedykt Polak jako średniowieczny zbieracz podań i legend o Tatarach // Literatura Ludowa. 20:1976, nr 6 (1977).
- Pelliot P. Recherches sur les Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême Orient, opera postuma pubblicata a cura di J. Dauvillier e L. Hambis. Paris, 1973.
- de Rachewiltz I. Papal Envoys to the Great Khans. London, 1971.
- de Rachewiltz I. Prester John and Europe's Discovery of East Asia // East Asian History 11. June 1996.
- Saunders J. J. John of Plan Carpine: The Papal Envoy to the Mongol Conquerors who traveled through Russia to Eastern Asia in 1245—1247 // History Today 22. 1972.
- Sinor D. Mongol and Turkic Words in the Latin Versions of John of Plano Carpine's Journey to the Mongols (1245—1247) // Mongolian Studies edited by Louis Ligeti. Budapest, 1970.
- Spotkanie dwóch światów: Stolica apostolska a świat mongolski w połowie XIII wieku: Relacje powstałe w związku z misją Jana di Plano Carpiniego do Mongołów / Pod red. J. Strzelczyka. Poznań, 1993.
- The Vinland Map and the Tartar Relation / Ed. R. A. Skelton, Th. E. Marston, and G. D. Painter, for the Yale University Library, with a foreword by A. O. Vietor. New Haven; London, 1965.

А. И. Андреев

Я. П. Шишмарев — дипломат, путешественник, исследователь Монголии

Учреждение русского консульства в Урге в 1861 г. — важная веха в истории становления и развития русско-монгольских связей. В то же время это событие дало толчок интенсивным географическим исследованиям в Монголии целой плеядой русских путешественников во главе с Н. М. Пржевальским. Зачинателем научного освоения соседней страны, о которой в ту пору в России имелись лишь весьма обрывочные и скудные сведения, был Я. П. Шишмарев (1833—1915), почти полвека (с 1864 по 1911) прослуживший в должности ургинского консула.

Надо сказать, что личность и многообразная деятельность Я. П. Шишмарева в Монголии долгое время незаслуженно оставались в тени. Первыми заговорили о нем в середине 1990-х, в период оживления российско-монгольских отношений после распада СССР и начавшейся ревизии полуторазековой истории взаимоотношений Монголии и России (СССР), иркутские историки-монголоеды Е. М. Даревская, Ю. В. Кузьмин и Н. Е. Единархова, обратившиеся к истокам этих отношений, к событиям, связанным с созданием российского консульства в Урге. Таким образом, в поле зрения ученых попала ключевая для того времени фигура дипломата, путешественника и исследователя Монголии Я. П. Шишмарева. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. появились первые работы, посвященные Шишмареву, принадлежавшие иркутянам Ю. В. Кузьмину и Н. Е. Единархой¹.

Яков Парфеньевич Шишмарев родился в Троицкосавске в 1833 г. Его отец Парфений Шишмарев принадлежал к казачьему сословию, долгие годы служил толмачом на русско-монгольской границе. По окончании войсковой русско-монгольской школы в своем родном городе, 16-летний юноша, возможно следуя примеру отца, поступил на службу в Троицкосавское пограничное правление. В феврале 1853 г. он был исключен по собственному желанию из казачьего звания и вскоре затем определен в штат канцелярии кяхтинского градоначальника. Приблизительно в это время Я. П. Шишмарев начал изучать маньчжурский и китайский языки у ориенталиста К. Г. Крымского, как

сообщает нам П. К. Козлов, «вследствии предположения назначить его в число светских чинов пекинской духовной миссии»². Однако вместо Пекина Шишмарев весной 1855 г. по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири гр. Н. Н. Муравьева-Амурского был командирован в экспедицию на Амур в должности переводчика монгольского и маньчжурского языков. За заслуги в экспедиции получил чин коллежского регистратора и денежное вознаграждение в 150 рублей серебром. В начале 1856 г. Шишмарева причисляют к Главному управлению Восточной Сибири «с возложением на него обязанности переводчика по дипломатической части», что несомненно свидетельствует о благоволении к нему графа Муравьева. Еще через два года (в 1858) Шишмарев участвует в переговорах и заключении Айгунского договора. (Напомним, что по Айгунскому трактату Амур и Уссурийский край были переданы Китаю России.) Вслед за этим он совершает еще несколько дипломатических поездок, самая значительная из которых в Пекин в конце 1860 г. в составе посольства гр. Н. П. Игнатьева увенчалась подписанием нового, крайне выгодного для России договора с китайским правительством.

Одним из практических результатов пекинского соглашения и стало учреждение российского консульства в Урге в 1861 г. Это событие имело переломное значение в судьбе и карьере начинающего дипломата — в том же году Шишмарева назначают секретарем и драгоманом консульства, чему он был обязан, как кажется, прежде всего своему новому покровителю гр. Игнатьеву, сумевшему по достоинству оценить его способности. Некоторые авторы, в том числе и П. К. Козлов, называют Шишмарева первым российским консулом в Урге, что, однако, не соответствует действительности. Первым, кто возглавил ургинское консульство, был подполковник Константин Николаевич Боборыкин. Лишь 4 февраля 1864 г., согласно формулярным спискам, Шишмарев был назначен временно исполняющим должность консула в Урге, а еще через год (26 февраля) утвержден в должности консула³.

Главной целью ургинского консульства, по замыслу российского правительства, было содействие развитию русско-монгольских торговых отношений. Здесь надо сказать, что до 1861 г. никакой русской торговли в Монголии не существовало. Русские товары монголы могли покупать только у китайских купцов в кяхтинской торговой слободе. Первые русские купцы приехали в Ургу вместе с консулом и его помощниками. По прошествии двух лет после учреждения консульства, т. е. в 1863 г., в Урге уже было 6 постоянных русских лавок, которые находились в первом ряду на городском базаре, а общее число русских, постоянно проживавших в городе, составляло 71 человек (включая детей и женщин)⁴. Кроме русских торговлей стали заниматься и приезжавшие в Ургу на поклонение монгольскому хутухте забайкальские буряты⁵. Свою деятельность в Монголии Боборыкин и Шишмарев начали с тщательного и всестороннего изучения страны, прежде всего ее торгового рынка и путей сообщения с Россией — сухопутных и водных. При этом они столкнулись с немалыми трудностями, поскольку Монголия, несмотря на свою близость к России, была почти не известна русским. О Монголии знали в основном по китайским источникам и сообщениям случайных путешественников, вроде французских миссионеров-лазаристов Гюка и Габэ. Чтобы устранить этот недостаток, ургинское консульство организовало ряд рекогносцировочных поездок по стране. Так, в 1861 г. через землю дархат на оз. Косогол и далее в Иркутск проследовал прикомандированный к консульству капитан Генштаба П. А. Гельмерсен. В 1862 г. хорошо знавший монгольский язык конвойный офицер консульства сотник П. Рогалев совершил поездку из Урги на р. Керулен и оз. Далай. Один за другим снаряжаются небольшие купеческие караваны — на Аргунь, в Абагатайский караул и другие места, которые доставляют консулу немало ценной информации, прежде всего о монгольских дорогах и рынках для сбыта русских товаров. А в 1873 г. увлекавшийся археологией секретарь консульства Е. В. Падерин отправился на запад страны в поисках древней монгольской столицы — Каракорума.

Сам Шишмарев также прилагает немало усилий для сбора различных сведений о Монголии — ее населении, административном устройстве, экономике, торговле и т. д. Летом 1864 г. он совершил свою первую самостоятельную исследовательскую поездку по Монголии — из Урги на р. Онон, через Дзун-Курень и Бревен-Кид. Эта экспедиция преследовала сугубо практическую цель разведования пути от главного центра русской торговли в Урге до ближайшей судоходной реки Онон, соединяющей Россию с Монголией. Этим маршрутом предполагалось связать монгольскую столицу с Ононским и Приаргунским краем и тем самым с Амуром, что по тому времени являлось чрезвычайно важной задачей. Вместе с Шишмаревым участие в поездке приняли чиновник Фролов и хорунжий Доржитаров. Именно последнему было поручено пройти топографической съемкою реку Онон от того места, где она входит в пределы России (Верхне-ульхунский караул), до самой вершины реки. По окончании экспедиции ее начальник представил в Азиатский департамент МИД записку о прохождении пути

с маршрутной картою, и его отчет о путешествии был затем опубликован в «Записках Сибирского отдела ИРГО». В том же году Шишмарев принял участие в Сунгарской экспедиции членов ИРГО кн. П. А. Кратоткина и А. Ф. Усольцева с целью сбора сведений о реке Сунгари от устья до города Гирин. Сунгарская экспедиция к тому же имела важное политическое значение, поскольку Россия посредством ее пыталась продемонстрировать китайским властям свое право плаванья по реке Сунгари, гарантированное ей Айгунским трактатом. Вместе с Шишмаревым в путешествии участвовал и консульский переводчик монгольского и маньчжурского языков бурят Найдан Гомбоев, впоследствии ставший начальником почтовой конторы при Русской миссии в Пекине⁶.

Еще одна экспедиция Шишмарева, оставившая о себе след в анналах географической науки, это его поездка в Улясутай в 1868 г. Шишмарев был первым европейцем, побывавшем в этом городе Западной Монголии и сообщившем о высочайшей горной вершине Хангая — Отхон-тэнгри. Из Улясутая консул отправил одного из своих помощников в Минусинск, что позволило проложить новый маршрут по совершенно неизведанной части Монголии. К сожалению, отчет Шишмарева об этом путешествии пока не удалось обнаружить.

Научно-исследовательская деятельность Шишмарева проходила в тесном сотрудничестве с Сибирским отделом ИРГО (членом которого он являлся с 1863 г.), более конкретно с Кяхтинско-Троицкосавским отделением общества. Действительным членом ИРГО Шишмарев стал лишь 23 января 1903 г. благодаря рекомендации своего старого друга П. К. Козлова. Известно также, что русский дипломат увлеченно занимался коллекционированием предметов традиционного монгольского быта и буддийского культа. По сообщению Ю. В. Кузьмина, Шишмарев пожертвовал несколько экспонатов своей коллекции Кяхтинскому музею, а также в петербургскую Кунсткамеру. Последней в 1890 г. он передал коллекцию статуэток Цам, книги, монгольские вышивки. Кроме того, после его смерти П. К. Козлов, исполняя последнюю волю покойного, преподнес в дар музею ладанку тонкой китайской работы — подарок Шишмареву от ургинского хутухты⁷.

О личной жизни консула нам известно очень немного. Согласно формулярным спискам, Я. П. Шишмарев был женат на дочери коллежского советника Марии Николаевне Кашиной, от которой имел пяти детей — четырех мальчиков и одну девочку: Вячеслава (1865), Анатолия (1867), Владимира (1868), Сергея (1871) и Нину (1873). Дети учились в С.-Петербурге, куда ургинский консул наведовался время от времени. Из переписки Шишмарева с Козловым узнаем весьма любопытные факты — например, что Н. М. Пржевальский неоднократно просил своего ургинского друга дать ему в экспедицию одного из сыновей, а в 1906 г. кто-то из сыновей Шишмарева («молодой офицер, окончивший павловское училище») просился в Монголо-Сычуаньскую экспедицию Козлова⁸. Мы знаем также, что после смерти Шишмарева Козлов и его жена Е. В. Козлова продолжали поддерживать дружеские отношения с его семейст-

вом. (В одной из записных книжек Е. В. Козловой, предположительно 1960—1970-х гг., удалось обнаружить адрес внучки Якова Парфеньевича — Евгении Сергеевны Шишмаревой, дочери младшего сына Шишмарева, проживавшей в то время в Ленинграде.)

При всей своей эрудиции, прекрасном владении восточными языками, наблюдательности и аналитических способностях, Шишмарев, однако, не стал настоящим «академическим» ученым. Дипломатическая служба, отнимавшая у него слишком много времени, не позволила в полной мере раскрыться его дару пытливого и серьезного исследователя. Известные нам на сегодняшний день монголоведческие изыскания Шишмарева приходятся в основном на 1860-е — начало 1870-х гг. Наиболее ранние из них — серия очерков из жизни современной Монголии, опубликованных в петербургских газетах («С. Петербургские ведомости», «Северная пчела»). Написанные живо и увлекательно, эти первые пробы пера Шишмарева, надо думать, вызвали немалый интерес у петербуржцев, поскольку рассказывали о практически неизвестной им стране, родине Чингис-хана. За ними последовали уже более специальные работы, появившиеся в различных изданиях ИРГО, среди которых следует упомянуть насыщенные ценной информацией статьи «Сведения о халхаских владениях» и «Сведения о дархатах-урянях ведомства Ургинского Хутухты»⁹.

В то же время нельзя не отметить, что Я. П. Шишмарев в немалой степени способствовал успешному осуществлению всевозможных русских экспедиций в Центральную Азию, начальным пунктом которых обычно являлось российское консульство в Урге. В его доме останавливались многие знаменитые путешественники, отмечавшие затем в своих отчетах неизменное радушие и гостеприимство Шишмарева и его семьи. Особенно теплые, дружеские отношения установились у консула с Н. М. Пржевальским, В. И. Рубцовым и П. К. Козловым.

Я. П. Шишмарев завершил свою дипломатическую карьеру, уже будучи в весьма преклонном возрасте, в 1911 г., в канун известных исторических событий в Монголии. Остаток дней он провел с семьей в Петербурге, где и скончался 18 января 1915 г., не дожив лишь несколько месяцев до знаменательного события — подписания его преемником А. Я. Миллером Кяхтинского соглашения об автономии Внешней Монголии.

В приложении к этому очерку мы приводим составленную нами библиографию работ Я. П. Шишмарева, а также письма ургинского консула к Н. М. Пржевальскому из архива РГО, добавляющие немало любопытных штрихов к их портретам. Мы полностью сохранили при публикации стиль, орфографические и другие особенности оригиналов этих писем, снабдив их небольшими комментариями.

Примечания

1. Кузьмин Ю. В. Я. П. Шишмарев — генеральный консул России в Монголии: 1861—1911 гг. // Bulletin. The IAMS News Information on Mongol Studies. 1997, N 2(20), 1998, N 1(21), Ulaanbaatar; *Единархова Н. Е.* Монголия и монголы в изданиях Восточно-Сибирского отдела РГО (1860—1880-е годы) // Вестник Евразии. № 3 (10). 2000; *Она же.* Русский консул в Монголии. Иркутск, 2001.
2. Козлов П. К. Монголия и Амдо и Мертвый город Хара-хото. М., 1947. С. 38.
3. АВПРИ, ф. 159 (Департамент личного состава и хозяйственных дел), оп. 464, д. 3678.
4. Архив СПбФ ИВ РАН, ф. 44 (фонд А. М. Позднеева), оп. 1, д. 18 (копии отчетов русских консулов в Урге, Улясутае, Кобдо, Шанхае), л. 43.
5. По сообщению Н. Е. Единарховой, в 1862 г. в Монголии побывало 125 бурят, которые наряду с товарами традиционного монгольского экспорта (скот, шкурки зверей, шерсть, масло и т. д.) вывозили оттуда лекарства тибетской медицины. См.: *Единархова Н. Е.* Русские купцы в Монголии // Восток. № 1. 1996.
6. Николай (Найдан) Иванович Гомбоев (1838—1905) был женат на дочери декабриста Н. А. Бестужева Е. Д. Старцевой. Недолгое время (в 1861) состоял переводчиком при ургинском консульстве. В 1872—1903 гг. возглавлял почтовую контору при Русской миссии в Пекине.
7. Кузьмин Ю. В. Я. П. Шишмарев — генеральный консул России в Монголии: 1861—1911 гг. С. 83.
8. АРГО, ф. 13, оп. 3, д. 766 (письмо от 14 июня 1906).
9. См. ниже библиографию Я. П. Шишмарева.

Опубликованные работы Я. П. Шишмарева

1. Из Урги. Письма в редакцию С. Петербургских ведомостей // С. Петербургские ведомости. 1963. 4 (16) сент., 7 (19) сент., 26 сент. (8 окт.), № 196, 199, 214.
2. Надам-долон-хошуной или праздник семи родов // Северная пчела. 1863. № 7.
3. Народный праздник в Монголии. Надам долон хошуной. СПб., 1863. (Перепечатано из «Северной пчелы» в виде отдельной брошюры.)
4. Сведения о халхаских владениях // Записки СО РГО. Кн. VII. 1864. С. 55—90.
5. Поездка от города Урги на р. Онон // Записки СО РГО. Кн. VIII. 1865. С. 138—148. В кратком изложении см.: Поездка Я. П. Шишмарева из Урги на Онон, через Дзун-Курунь в Бревен-Кид, летом 1864 // Известия ИРГО. Т. I. 1865. С. 169—175.
6. Сведения о дархатах-урянях ведомства Ургинского Хутухты // Известия СО РГО. 1871. Т. II, № 3. С. 38—43.
7. Маршрут из Урги в Хлассу // Известия ИРГО. 1873. Т. IX, № 6. С. 185—191.
8. Донесение русского консула в Урге Шишмарева о положении Монголии, июль 1885 // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии Военно-ученого комитета Главного штаба. Вып. 22. СПб., 1886. С. 154—160.
9. [Объяснения к фотографическому альбому видов Халхи]. [СПб.] 1891. (В Российской Национальной библиотеке в С.-Петербурге имеется экземпляр «Объяснений» без титульного листа и обложки; заголовок, а также имя автора на последней странице приписаны карандашом, по-видимому, самим Шишмаревым.)
10. Очерк торговых и пограничных сношений с Монголией в период 1861—1886 и современное положение страны. Хабаровск, 1894.
11. Отчет о 25-летней деятельности Ургинского консульства (1886) // Единархова Н. Е. Русский консул в Монголии. Иркутск, 2001.

Сообщения об экспедициях Я. П. Шишмарева в изданиях ИРГО

1. Экспедиция к вершинам Онона г. Шишмарева // Отчет о действиях СО ИРГО за 1865. СПб., 1865. С. 40—43.

2. *Остен-Сакен Ф. Р.* О географических исследованиях в Монголии, о путешествиях Шишмарева в Улясутай и о смерти Ургинского Хутухты // Известия СО РГО. 1869. Т. V. С. 136—138.

Письма Я. П. Шишмарева к Н. М. Пржевальскому

Письмо 1

Кульджа, 4 августа 1880 года

Глубокоуважаемый Николай Михайлович,

Недавно я получил, чрез Пекин и Ургу, Ваше письмо от 8-го марта из Синина. Душевно благодарю Вас за добрую память, но в тоже время крайне сожалею, что не будем иметь Вас своим дорогим гостем у себя в Урге, сожалею я и сожалеет не менее того моя жена; видеть Вас дорогим своим гостем в Урге и обогреть, на сколько могли бы, после такого трудного и полного всевозможных лишений путешествия, было нашею приятною мечтою, которой должно быть не суждено осуществиться.

Жаль, что Вам не пришлось посетить Хлассы и проникнуть далее¹; интересного получилось бы много, но нет худа без добра: при настоящем положении дел, лучше что Вам пришлось возвратиться; по достижении Хлассы Вас, по всей видимости, стесняли бы, т. е. отнимали бы средства без труда получать сведения и все интересное. Путешествие Ваше и без того слишком важно и слишком интересно; быть может Тибет и Брамапутра будут не забыты Вами в будущем.

Вот уже полтора года как я уехал из Урги в Петербург и нечаянно попал в Кульджу, получив командировку в Октябре пр. года². Весною приехала ко мне семья и вот мы сидим тут и думаем как бы удрать в Россию, да вряд ли скоро удастся, вопрос с Китаем затягивается и мне придется ожидать здесь окончания его. В Урге только узнаете подробности того, что делается на белом свете, как Вы говорите. По Монголии услышите много нелепых слухов и рассказов. В Урге теперь домовничает секретарь мой Успенский, пишу ему чтобы он похлопотал о проводниках для Вас от Алашани, но не знаю может ли это устроить. Буду писать сам монгольскому амбану, время еще есть, вероятно успею, если только Вы не будете в Ургу раньше Октября.

Примите сердечное пожелание благополучно окончить настоящее Ваше путешествие. Марья Николаевна низко Вам кланяется и также шлет свои пожелания. Кто знает, быть может и увидимся зимою в Петербурге. Эклону³ низкий поклон.

Душевно преданный Вам и глубоко уважающий
Яков Шишмарев.

(Л. 3—4 об.)

Примеч. ¹ Речь идет о 3-м путешествии Н. М. Пржевальского в Центральную Азию (1-й Тибетской экспедиции) в 1879—1880 гг., во время которого его отряд был остановлен тибетцами на подступах к Лхасе и был вынужден повернуть назад.

² Я. П. Шишмарев находился в Кульдже (Западный Китай) до 5 июня 1882. В сентябре 1881 он был назначен полномочным комиссаром по передаче Илийского края (аннексированного Россией в 1871 г.) китайскому правительству и восстановления в нем китайского управления, в соответствии со статьями С.-Петербургского договора (1881).

³ Федор Леонидович Эклон — помощник Н. М. Пржевальского во 2-м и 3-м путешествиях в Центральную Азию. В последнем он заведовал зоологической коллекцией — препарировал млекопитающих и птиц.

Письмо 2

Урга, 30 Октября 1886 г.

Многоуважаемый Николай Михайлович,

Приношу Вам мою глубокую благодарность за письмо и теплое участие в моем положении. Пишу вместе с сим письмо Обручеву¹, копию с которого прилагаю. Разсчиты-

ваю, что оно получится в Петербурге в конце Ноября и не позже начала Декабря. По газетам видим, что Обручев поехал за границу в этом году немного позже прежнего; возвратившись, первое время будет завален делами. Знаю, как трудно в наст. время переменить положение, но авось, при Вашем добром участии, и удастся как-нибудь. Для меня теперь самое важное время руководить детьми, становятся взрослыми, время не прежнее. Не откажусь ни от каких работ, ни от командировок, даже продолжительных, но, хотя бы от времени до времени, быть при семье — насущная необходимость. Много будет обязана Вам семья, если бы это устроилось. Очень пугают меня слова генерала Фельдмана². Человеку позволительно мечтать, поэтому, в случае возвращения отсюда, думал бы проехать по Маньчжурии. Это я сделаю во всяком случае рано или поздно. Она представляет в данное время большой интерес; будущее ее еще интереснее.

Только мне самому очень жаль. Угол удобный для жизни семейных. Ваша Слобода прекрасна, как я слышал после Вашего отъезда. Вы и хозяйничаете, вижу, не дурно. Важно иметь хорошего управляющего, не так легко найти, порядочных людей для такой службы очень мало. Что ни говорите, а Макарьевна³ весьма полезна для Вас. Будете в Слободе, передайте ей поклон. Даст Бог, побываю у Вас в имени; люблю ловить рыбу. А Абдулка-то, Абдулка!⁴ Вот пройдох! Признаюсь, я не особенно долюбиваю среднеазиатских мусульман-сартов. Хорошие там люди — дунгане. Тот же китаец, да не тот.

Не откажитесь передать мои прежние поклоны Роборовскому и Козлову.

Желаю всего лучшего. Искренне преданный Вам
Яков Шишмарев

Приписка на 1-й странице, вдоль левого поля:

Будет случай, передайте мой прежний поклон Александру Ивановне⁵, этой труженице. Михаил Александрович⁶ по-прежнему, конечно, управляет имением в Калужской губернии?

(Л. 5, 5 об., 8, 8 об.)

Примеч. ¹ См. письмо 3.

² Генерал-лейтенант Федор Александрович Фельдман, заместитель управляющего делами Военно-ученого комитета Генштаба, член РГО. Фельдман находился в дружеских отношениях с Пржевальским.

³ Ольга Макарьевна — любимая няня Н. М. Пржевальского.

⁴ Переводчик Абдул Басид Юсупов — уроженец Кульджи, участник Лобнорской и 1-й Тибетской экспедиций Н. М. Пржевальского.

⁵ Александра Ивановна Толпыго — сводная сестра Н. М. Пржевальского, замужем за М. А. Пыльцовым.

⁶ Михаил Александрович Пыльцов — помощник Н. М. Пржевальского в 1-й (Монгольской) экспедиции (1870—1873).

Письмо 3

М. Г.
Н. Н.¹

Пробыв по службе в этих краях более 25 лет, я нахожу неудобным для себя оставаться здесь далее, в особенности по семейным обстоятельствам и необходимости воспитывать детей. Ознакомившись достаточно, в продолжении такой долголетней служебной деятельности, с Китаем, Монголией, Маньчжурией, Средней Азией, отчасти и Кореей, с положением дел и нашими отношениями, быть может я был бы до некоторой степени полезным Военному Министерст-

ву, в ведомстве которого служить было всегда моим желанием.

Ввиду этого не найдете ли возможным перевод мой ныне на службу по военному ведомству с назначением состоять в распоряжении Министра или Вашего и с оставлением в ведомстве Министерства Ин. Дел.

Решаюсь обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбою: не отказать в Вашем благосклонном участии в этом случае и ходатайствовать пред Военным Министром.

С истинным и пр.

(Л. 6, 6 об., 7. Письмо не имеет даты и подписи)

Примеч. ¹ Н. Н. — Николай Николаевич Обручев (1830—1904), крупный военный и государственный деятель. Генерал от инфантерии (1887), почетный член Петербургской Академии наук (1888), профессор и начальник кафедры военной статистики в Академии Генштаба. В 1881—1897 начальник Генерального Штаба и председатель Военно-ученого комитета. Член Гос. Совета (с 1893).

Письмо Шишмарева является копией его официального обращения к влиятельному начальнику Генштаба с просьбой о переводе в Петербург и прикомандировании к военному министерству. Пржевальский, очевидно, пытался помочь в этом Шишмареву, о чем отчасти свидетельствует начало следующего письма (см. письмо 4).

Письмо 4

Урга, 7 июля 1887 года.

Многоуважаемый Николай Михайлович,

С прошедшего на днях в Китай почтою я получил Ваше письмо от 16-го Мая. Сердечно благодарю Вас за фот. карточку. Судя по ней, Вы не изменились несколько, дышите здоровьем по прежнему. Простите, теперь только благодарю Вас за хлопоты относительно моего личного дела. Вы были очень добры. Конечно, мне очень жаль, что оно не устроилось. Мне кажется, я отчасти виноват сам, не так его поставил. Собственно о штатном месте я и не думал, а просто желал состоять при Министре, как мне раньше предлагалось от другого Министерства, не обременяя содержанием и сознавая, что могу принести некоторую скромную пользу, в чем убежден. Пойти к Генералу Губернатору совсем уже не резон, в особенности после того что два раза я отказался от предлагаемого мне Губернатором места. Может быть в этом случае оправдывается пословица: все что делается, делается к лучшему. По крайней мере можно утешать себя этим.

Статью Вашу «Современное положение Центр. Азии» я прочел в Русском Вестнике¹, получаемом мною в числе других журналов, и вырезал даже, так что имею ее. Для меня она составляет большой интерес.

Чебаева² постараюсь устроить на почту Монгольско-Китайскую; было бы ему там не дурно.

Население Урги считается до 30 т. Оно не одинаково летом и зимою. Собственно в Курене³ и около, где живут власти и проч. — до 22 т., а в Маймачене⁴ до 8 т. Сбыт русских товаров не велик, в последние три года — на 75000 р. в год. Чая, принадлежащего русским купцам транспортируется чрез Ургу за последнее время от 270 до 370 т. в год, смотря по заказу; китайского от 80 до 100 тыс. Число шабинцев⁵ Ургинского Хутухты насчитывается около 125 т.

Теперь моя к Вам покорнейшая просьба. Впрочем, оговариваюсь: прошу, если найдете удобоисполнимой.

Для нас представляет большую важность развитие торговых сношений с западным внутренним Китаем, густонаселенным и где торговое влияние других европейцев достигать не может. Это не то что порты; в последних нам нечего и думать о торговле, о конкуренции с немцами, англичанами, американцами. Сношения России с западным внутренним Китаем имеет великое будущее. Необходимо обратить нам на это внимание серьезное и заняться. Одно из существенных ограничений по развитию торговли там служит от-

сутствие устроенных путей сообщения в приграничных наших местах, так что в это время движение совершается вьюками на верховых лошадях и к огорчению нашему в тех местах, по которым за двести лет тому назад пролегла устроенная колесная китайская дорога, следы ее кое-где заметны и теперь. Об устройстве пути, приведении вьючного в тележный, возбуждался вопрос не один раз и даже в принципе ВЫСОЧАЙШЕ одобрен, но почему-то положен в долгий ящик.

Не найдете ли возможным и не неудобным упомянуть в Вашей книге. Ваше слово авторитетно и не осталось бы, думаю, безследно. Оказали бы русскому делу услугу важную. Прибавлю, что если найдете удобным сделать это.

За приглашение побывать в Вашей Слободе очень благодарю; конечно, постараюсь воспользоваться любезностью при первой возможности. Хотелось бы побывать в России, да и необходимо по семейным делам, молодежь моя в таком возрасте, что было бы лучше мне жить близко к ним; время ужасное, страшно подумать за них.

Будьте здоровы, примите мой привет задушевный. Не откажитесь передать низкие поклоны Роборовскому и Козлову.

Душевно преданный Вам,
Яков Шишмарев

(Л. 9, 9 об., 14, 14 об., 12, 12 об., 13, 13 об.)

Примеч. ¹ См.: Пржевальский Н. М. Современное положение Центральной Азии // Русский Вестник. Т. 186, № 12. 1886. С. 473—524. Статья представляет собой одну из глав из описания Н. М. Пржевальским своего 4-го путешествия, над которым он работал в то время. Издана в виде отдельной брошюры с тем же названием в Москве в 1887 г.

² Чебаев — бурят-казак, участник 2-й центральноазиатской (Лобнорской) экспедиции Н. М. Пржевальского.

³ «Курень», по определению Шишмарева, означает буквально «огороженный монастырь, город, ставка князя, лагерь». «Это ламский город, разделенный на 28 кварталов или общин. Здесь же находится светское управление шабинаров хутухтинских подданных, образовавшихся из семейств, пожертвованных в прежние времена хутухте ламами и князьями» (Шишмарев Я. П. Объяснения к фотографическому альбому видов Халхи. [СПб.], 1891. С. 1.)

⁴ Маймачен — торговый квартал Урги, населенный в основном китайцами.

⁵ Шаби (монг.) — личный данник хутухты (8-го богдо-гэгэна). Шабинцы (шабинары) — подданные хутухты.

Письмо 5

Урга, 25 декабря 1887 г.

Многоуважаемый Николай Михайлович,

Поздравляю Вас с Праздниками и Новым Годом; желаю, чтобы Новый Год этот принес Вам много и много хорошего, счастливое начало предполагаемой экспедиции и полнейший успех ее во всех отношениях, в чем, впрочем, и не может быть сомнения. Получил Ваше письмо от 3 Октября, искренне благодарю за любезность. Найти переводчика вполне соответствующего требованиям такой экспедиции как Ваша — не легко. У меня в школе¹ к лету 1888 г. оканчивает один ученик из бурят, казачек. Услн желаете, возьмите к себе в переводчики. Говорит несколько по-китайски, знает немного цзыров, т. е. знаков, пишет по-маньчжурски и хорошо владеет письменным и разговорным монгольским языком, выпущен будет с правом на чин. Не могу сказать, на сколько выйдет дельным, вопрос условный, но будет честным и безусловным исполнителем приказаний. Личного «я» у него не будет. Если можно считать недостатком, то разве только то, что он скромен по характеру, мягкий. Решите взять его — дайте мне знать, даже телеграммою; придется вызвать его из Калгана, куда отправлен для практических занятий китайским языком. Прилагаю заметку на счет распознавания возраста верблюдов и определения этого по зубам. Уклонения очень небольшие по местности, как и для лошадей.

С каким бы удовольствием я побывал бы у Вас в Слободе². Не отчаиваюсь. Даст Бог побываю. За приглашение любезное премного благодарен.

Будьте здоровы. Мой низкий поклон Роборовскому и Козлову. Макарьевне тоже кланяюсь.

Сердечно преданный Вам
Як. Шишмарев

(Л. 15, 15 об., 16, 16 об.)

Примеч. ¹ Школа переводчиков при ургинском консульстве была основана Я. П. Шишмаревым в 1864 г.

² В селе Слобода (ныне Пржевальское) находилось имение Н. М. Пржевальского, приобретенное в 1881 г.

Определение монголами возраста верблюдов

1-й год Ботого¹ Молочные зубы.

2-й год Тормо²

3-й год Тайлак³ Теряет молочные зубы.

4-й год Хоёр Шудуту⁴ Вырастают два зуба передних.

5-й год Дурбан Шудуту Тайлак⁵ 4 зуба передних более окрепли и выполнились.

6-й год

7-й год Гуицасан или Цорган шудуту⁶ 6 зубов передних, полные к 8 совершенно выполнились.

8-й год

(Приписано на полях перед цифрами 7 и 8: «лучшая порода верблюдов».)

9-й год Начинают остриться средние зубы и поднашиваться.

10-й год

11-й год Остается немного чтобы двум средним сравняться с соседними двумя.

12-й год Два передних снашиваются до уровня соседних двух.

13-й год Начинают поднашиваться средние два.

14-й год Почти сравниваются два передних и два средних с двумя боковыми крайними.

15-й год Остается запас двух средних самый малый.

16-й лет Тэкишла⁷ Равняются два передних и средних два с крайними двумя.

17-й год Начинают снашиваться и последние боковые из передних зубов.

18-й лет Оран-души⁸ На половину снашиваются передние зубы.

19-й и 20-й Махан шиду⁹ Жуют уже деснами, зубов едва заметны остатки, а у многих и тех нет.

21-й и далее Ихэ махан шуду¹⁰ Без зубов впереди, шатаются коренные.

Изменение зубов много зависит от местности и корма верблюдов, как и для лошадей.

(Л. 11, 11 об., 10, 10 об.)

Полготовка к печати и примечания А. И. Андреева

Примеч. ¹ Ботго — верблюженок.

² Торм — верблюженек-двухлеток.

³ Тайлак — двухгодовалый верблюд.

⁴ Хоёр шудэт — двухзубый.

⁵ Дорвон шудэт тайлак — четырехзубый верблюд.

⁶ Гуицисан (прав. гоё цасан) — прекрасные, белоснежные (зубы); зурган шудэт — шестизубый.

⁷ Тэкишла (от тэгилэх — выравнивать) — ровнотзубый.

⁸ Оран души (от араа — задний и деш — наковальня) — задние зубы стерты до корней.

⁹ Махан шиду (прав. махан шуду) — «мясные зубы» (т. е. зубы стерты до десен, нет ни одного зуба).

¹⁰ Ихэ махан шуду — «много мясных зубов».

(Архив РГО, ф. 13, оп. 2, д. 279, л. 3—16)

С. А. Кондратьев

Стихи о Монголии

С. А. Кондратьев — неутомимый исследователь Монголии, композитор и археолог, пианист и фольклорист, автор нескольких научных и научно-популярных трудов, оставил интересное рукописное наследие, которое включает прозу, поэзию, дневники, письма, воспоминания. Частично они хранятся в Архиве Института материальной культуры Санкт-Петербурга, Мемориальном музее П. К. Козлова, Архиве Института мерзлотоведения в Монголии, частных архивах бывших монгольских коллег по работе в Ученом комитете в Монголии и семейном архиве племянницы С. А. Кондратьева — Н. Н. Сафоновой (урожд. Павловой). Архивные материалы С. А. Кондратьева представляют большой научный интерес для исследователей многих сторон культурной жизни России.

В творческом пути С. А. Кондратьева отчетливо видны два этапа. Первый из них связан с активной научной деятельностью в Монголии. Он начался с экспедиции (1923—1926 гг.), организованной Русским Географическим обществом и возглавлявшейся П. К. Козловым — учеником и последователем великого русского путешественника Н. М. Пржевальского. После завершения экспедиции С. А. Кондратьев по приглашению видного бурятского ученого Ц. Ж. Жамцарано, который в это время практически возглавлял монгольскую науку, проработал еще пять лет в Ученом комитете Монголии, совершил ряд научно-исследовательских экспедиций по Хангаю, Хентэю, записывал и изучал монгольский фольклор. Итогом его многолетних исследований стала вышедшая посмертно монография «Музыка монгольского эпоса и песен».

Вторую половину жизни С. А. Кондратьев сосредоточил главным образом на музыке: работал в Московском малом драматическом театре, переводил с английского книги по теории музыки.

Предлагаемая для публикации тетрадь «Раздумья» включает стихи 1923—1938 гг., а также несколько стихов послевоенных лет. Главные темы тетради: Монголия, любовь, смерть, «Разлука». Она представляет собой почти готовую к изданию книгу стихов: есть оглавление, примечания, список монгольских слов с переводом, а в конце ремарка: «Мне хотелось бы, чтобы эти стихи были опубликованы в 1982 г.». Он немного не угадал судьбу своей тетради. При жизни стихи С. А. Кондратьев не публиковал.

Тетрадь была любезно предоставлена племянницей С. А. Кондратьева — Надеждой Николаевной Сафоновой, которая также консультировала по вопросам, касающимся биографии С. А. Кондратьева: его личной жизни и научной деятельности. Текст набран Сергеем Олеговичем Павловым — внуком Н. Н. Сафоновой, внучатым племянником С. А. Кондратьева.

Эта темно-вишневая тетрадь с золотой каемкой представляет собой рукопись из 143 страниц, написанную синими чернилами. Стихи занимают 138 страниц, оглавление с 139 по 142 с., список монгольских слов 142—143 с.

Большинство стихов в этой тетради относятся ко времени пребывания С. А. Кондратьева в Монголии в составе экспедиции П. К. Козлова и работы в Монгольском ученом комитете.

Некоторые стихи были напечатаны А. Л. Никитиным: Кондратьев С. А. Весна в Кентэе. М., 1996 и в книге, изданной Н. Я. Богатырем: Кондратьев С. А. Утешение. Стихи и баллады. Улан-Батор, 1999. Рукописная тетрадь, имеющаяся у нас, включает 57 стихов. Многие печатаются впервые: «Мальчику в день его рождения», «Не плачь», «Свеча», «Книге», «Борцу», «Упражнения в диссонах», «Надпись на книжке», «Метеор», «Капитан-Убийца», «Лето», «Человек», «Осень», «Из дневника рыбака» и др. Стихи передают поэтическое восприятие Монголии русским интеллигентом начала XX в., человеком чрезвычайно чутким, высокообразованным, видящим действительность тонко и многозначно. Монголия в этих стихах предстает читателю удивительно объемной, оноэтизированной видением духовно богатого человека, каким был С. А. Кондратьев. Поэтические образы, создаваемые поэтом, будят желание ближе соприкоснуться с таинственной и манящей страной, возбуждают интерес своей экзотичностью. Стихи отличаются стилистической напряженностью, логической точностью. Собранные в одной книге, они несомненно будут интересны не только профессионалам — востоковедам, но и всем, интересующимся историей, культурой и литературой своей страны, всем, не равнодушным к судьбе своего Отечества.

В шестом выпуске «Mongolica» мы печатаем первую половину тетради.

И. В. Кульганек

Раздумья Стихи (1923—1938)

(Монголия. Тень Монголии. Любовь. Смерть. Отдых в пути. Раздумья. О, родина моя любимая!)

В даль!

Хорошо из двери вагона
Под барабан дождя
Глядеть на зеленые склоны,
Убегающие поля

И на чахлый хвойный подлесок,
Который скуден и мил,
Который я с самого детства
По-родному грустно любил.

Хорошо, что, нежно алея,
Ласковым цветом маяя,
Как свечи горят кипреи,
Провожающие меня.

Хорошо, что все мы, как дети,
Выпущенные из тюрьмы,
Хорошо, что наш предводитель
Такой же бродяга, как мы.

На вокзале красные розы,
Истрадавшееся лицо,
Невыплаканные слезы
И золотое кольцо.

Оно расскажет мне скоро,
Прав я был или нет,
Что еду в далекие горы,
От любимой еду в Тибет.

В грязном визжащем вагоне
Ящики, сумы, тюки.
Куда-то их всех загонит
Игра незримой руки!

Рядом со мной винтовка,
Из которой мне, может быть,
Придется вражий череп
Выстрелом раздробить.

А, быть может, я своим телом
Придавлю горячий песок,
И друзья полотенцем белым
Закроют пробитый висок.

Но не страшно, и сладко думать,
Что в честном мужском бою
Сам Михаил Архангел
Примет душу мою.

Я не знал, не знаю, что слаже,
Целовать ли губы милой,
Иль на самом пустынном кряже
Найти каменную могилу.

Дороги жизни капризны,
Но один исток у них —
Нас зовут голоса отчизны,
Позабытой в полях земных.

Хорошо из двери вагона
Под барабан дождя
Смотреть на зеленые склоны,
Уплывающие поля.

И знать, что суровые страны
Нам придется вместе пройти
Исчезающим караваном,
По неведомому пути!

*Северная ж. д. Урал. Зап. Сибирь
На дежурстве в вагоне. 27—28 июля 1923 г.*

Караван

По выжженному косогору
Змеей вползает на дабан,
С трудом одолевая гору,
Громоздкий пестрый караван.

Как радостно смотреть с подводы
На горы в позднем сентябре!
Темно-зеленые разводы
На пламенеющем ковре.

Нам медленно плывут навстречу,
Расцвечивая каждый склон,
Берез оранжевые свечи
И сосен вечный халцедон.

На переломе перевала
Обо указывает путь.
О, сколько ног здесь отдыхало!
Здесь так отрадно отдохнуть!

Затейливые амулеты,
Обломки дерева, костей,
Лоскутья, медные монеты
На гряде сложенных камней.

Все это набожные руки
Безвестных странников земли
На обнаженный гребень дикий
Благоговейно принесли.

Когда просторную долину
Наполняют тени темнотой,
Обо, как некий страж вершины
Горит вечерней красотой.

О путник! Уходя отсюда
Обычая не позабудь:
Брось легкий камень в эту грудь,
И будет радостен твой путь!

*р. Иро. Дорога из Кяхты в Ургу.
29 сентября — 4 октября 1923 г., 8 января 1924 г.*

Путник

О вы, монгольские просторы,
Холмы и доли без людей,
Размашистые косогоры,
Безводие пустых полей!

Пришла душистая прохлада,
Погасли угли от костра,
Слова умолкли, сердце радо,
Темно и тихо до утра.

Как высоко горят Плеяды!
И Сириус, Звезда любви,
Зажег полночную лампаду
Над гребнем, брезжащим в дали.

Молось, да будет меч мой звонок,
Рука тверда, душа нежна,
Пусть самый маленький ребенок
Не отвернется от меня.

Я не просил даров случайных
У неба. Я хотел найти
Отраду посоха истертого
И страннического пути.

Исполнились земные чаянья —
Ночное небо надо мной
Раскинулось — шатер того,
Кто позабыл, где кров родной.

*р. Хара. Путь из Кяхты в Ургу.
30 сентября, 2 октября 1923 г., 9 января 1925 г.*

Ночное

Когда оранжевый костер
Погаснет в западных просторах
И отсверкают гребни гор
Последним пламенным узором,
А в небе, чистом, как нефрит,
Зажжется древний знак молчанья
И славу солнца претворит
В нежнейшее очарованье, —

Тогда по улицам глухим,
По площадям пустым и пыльным
Тоскою прежнюю томим
Пойду бродить в ночи всесильной.

Ночь! Ты даешь отраду мне,
Такую старую отраду —
Бродить в морозной тишине,
Смотреть на звездные лампы,
И думать, что весь пестрый звон,
И гам, и суета дневная, —
Назойливый, нелепый сон
Пустынного глухого края.

Урга! Раскрашенный волан!
Ты здесь упал, как гость незванный
Заброшенный из дальних стран
Неосторожным великаном.

Урга. Ноябрь-декабрь 1923 г., январь 1924 г.

Тэс

Синей змеею Тэс
Врезан в тело земли.
Звонкий осенний лес
Желтым светом залит.

Лиственница рядит
Темные склоны гор
В топазово-хризолитовый
Драгоценный убор.

Пестрые табуны
Бродят по берегам.
Над белыми юртами дым,
Синий дым очага.

В благодатную тишину
Небо роняет свет.
Здесь хорошо уснуть,
Покойнее места нет!

Все это видел я —
Уроженец финских болот.
Думал: дружат земля
И этот странный народ,

Который, словно во сне,
Молится и поет,

Который на коне,
Как птица: поскок — полет!

Солнце упало вдали
За окровавленный лес.
Ползет по телу земли
Огненным змеем Тэс.

1928 г.

Весна в Кентэе

Отяжелевшие покровы
Мешают скованной земле.
Она проснулась и готова
Разрушить вынужденный плен.

И силится оковы сбросить,
И звучно в чистый воздух льет
Веселое разноголосье
В долины рвущихся ручьев.

В тайге шумит тревожный ветер,
Он гость, он с юга, он привык,
Чтоб каждый кедр ему ответил
Кивком лохматой головы.

Широколапыми ветвями
Хватает медная сосна
Густую синь. Сейчас нагрянет
Молниеносная весна!

А в небе облака, как пена.
Они немые, но подожди —
Обрушатся на мир изменой
В громах шумящие дожди.

Вскипят ручьи, взревет стремнины,
Стозвонный гул наполнит лес,
Когда на доли и вершины
Прольется чистый сок небес.

Истают белые отлепья,
Заблещет влажная трава,
Зеленое великолепье
Вступает в древние права!

Если тебе придется, странник,
Увидеть этот пир стихийный —
Молчи! Отринь с негодованьем
Высокопарные стихи.

Пулково. Январь 1931 г.

Встреча

По склонам гор близ Керулена,
Разматывая ленту миль,
Ползет, как черное полено,
Бесформенный автомобиль.
Мотор, как зверь, ворчит и воет,
Он недоволен, он устал,
Он хочет ночи и покоя,
А не ползти на перевал.

Стальное пересохло горло,
Горит нутро, в груди комок,
И пасть с шипеньем пар исторгла
На перегибе меж холмов.

Конечно, не легка дорога,
Здесь горы, а не ипподром!
Вливаем в алчную утробу
Воды запасное ведро.

И, успокоенно замолкнув,
Чудовище сползает с гор,
Бежит проворным бегемотом
На пятна голубых озер.

Там, в светлом мареве заката
Застыло стадо антилоп,
Они легки, почти крылаты,
Как шорох ветра их галоп.

Необъяснимое виденье
Смутило робкие сердца,
Недвижно распростерлись тени
На чистой глади озера.

В древнейших воспоминаньях,
Какне каждый зверь хранит,
Не сохранилось указаний
На этот запах, этот вид.

Огромный, темный, онемелый,
Влача раздувшийся живот,
Плавно подрагивая телом,
Как по воде прищлец плывет.

И вдруг земли покой великий
И благостная тишина
Разбиты трубным, хриплым криком,
Ревом взбешенного слона.

Как вскинулись! Казалось, птицы
Летят над желтою травой,
А золотая пыль клубится
За ними дрожью ветровой.

Вот холм дугою обогнули,
Вот скрылись за грядой скорей,
А всплески пыли потонули
В мутно-оранжевой заре.

Бесцеремонными гостями
Захвачен редкий водопой.
Они соскакивают наземь
Веселой шумною толпой.

Но выюнный зверь стоит понуро:
В стальных костях нашли изъян
Властители, в нелепых шкурах
Похожие на обезьян.

Пулково. 4 февраля 1931 г.

В тайге

Дверь палатки откинута,
Выйди, прекрасная ночь,
Свежий запах кедра,
Прохладное дыхание трав!

Лес сомкнут темной стеной,
Но ближние деревья освещены.
Я вижу вспышки огня
На тихих мохнатых ветках,
А над лохматыми вершинами
Крупные влажные звезды.

У костра из толстых кряжей
Сидит шарообразный Чухломин.
Он кашляет, курит ганзу
И прислушивается к звону ботал
На соседнем крутом увале.

«Только бы не ушли далеко,
Проклятые, взбалмошные твари!» —

Думает, наверное, Чухломин
И, кряхтя, заворачивается в шубу.
Огонь понемногу гаснет,
Но уголья тлеют до утра.

До конца своих дней не забуду
Вот этих самых ночей!

Уло

Монголия

На горах просторных кедров зеленые,
По увалам широким изюбри бродят.

Золотым степям нет конца-краю,
Нет преград песне привольной.

По долинам светлым реки прохладные,
Под солнцем в небе снега алмазные.

В лесах густых озера глубокие,
В ночи черной тишина звездная.

О, родина моя любимая!

Москва. 2 ноября 1935 г. (Сан Тянь Дин)

Мальчику в день его рождения

Когда, как огненный ветер,
В шестивии гаснущих дней
Первый горестный вечер
Запыляет в душе твоей, —

Тогда, одинокий, вспомни,
Нежно вспомни леса,
В вуали палевой, вспомни
Суцзуктинские небеса.

Как ты шел домой на закате
Шестнадцатого октября
И твоё освещала платье
Изумительная заря.

Вспомни все: хребты и доли,
Нежный лиловый свет,
В лесу затерянный домик
И свои девятнадцать лет.

Подумай, как ты был беден
И как ты был богат!
Как скуден и как свободен
Юношеский наряд.

О, вспомни истлевшие годы,
Свой неведомый покой,
Вернись в сгоревшие годы
Всей засиявшей тоской, —

Когда, как огненный ветер,
В мельканье гаснущих дней
Первый горестный вечер
Запыляет в душе твоей.

*Суц Зу Ктэ. 16 октября 1924 г.
(Написано по случаю дня рождения Кожика Даниленко.
К. Даниленко умер в августе 1931 г.)*

Успокоение

Под темным лесом Богдо-улы
Струится светлая река.
В ней прошлым летом утонула
Возлюбленная старика.

Старик сидит у двери юрты
И камнем смотрит на закат,
Куда сгоняет ветер гуртом
Оранжевые облака.

Он видит краски, ключья ваты,
Он думает: небесный скот,
Такой упитанный, лохматый,
В вечерний час домой бредет.

Вон красный бык, сарлык косматый,
Точь-в-точь был у его отца,
Здесь розовые верблюжата,
А выше белая овца.

Невидимы ночные страны.
Там, где на страже Злой Дракон,
Возлюбленная Тенгри-Хана
Запрет небесный скот в загон.

Над черным лесом Богдо-улы
Прорезал небо острый серп.
Прохладная река вздохнула
Дыханьем прибрежных верб.

Старик заплакал. На колени
Склонилась тихо голова,
А осторожные олени
Бесшумно вышли на увал.

Они тихи, как дети ночи,
А ночь тиха, нежна, как мать,
Которой нужно сон непрочный
Детей усталых охранять.

Успокоение ночное
Исходит от немой горы,
Оно уснувшему откроет
Отдохновенные дары.

Уланбатор. Ноябрь 1929 г.

Разлука

Трепещет маленький платок
Крылом подбитой птицы.
Друг уезжает на восток
И вряд ли возвратится.

Дыханье паровоза
Исполнено угроз.

А из вагонного окна
Рука кивает шляпой
Вдоль каменного полотна
На уходящий запад.

Угрюмый мрак вокзала
Добра не предвещал.

Трепещет беленький платок
Крылом весенней птицы.
Друг, уезжавший на восток,
Сегодня возвратится.

Дыханье паровоза,
Как клумбы белых роз.

А из вагонного окна
Рука кивает шляпой
Вдоль каменного полотна
На вожделенный запад.

Прохладный мрак вокзала
Блаженство предвещал.

О дети, в горестные дни
Живите веселее,
Не стойте как тупые пни
По сторонам аллеи.
Иначе вас усталыми
Час радости застанет.

Москва. 17—18 апреля 1931 г.

Воспоминание

По искривленным переулкам
Я вышел на Тверской бульвар
В пустынный час глухой и гулкий,
На дальней башне било два.

Над головою было небо
И груды рваных облаков.
Дома молчали словно ребус
Для утомленных дураков.

Измызганные пятна снега
Лежали на больной траве.
Стучала грузная телега
В усталой, пьяной голове.

И всхлипывала под ногами
Людьми заплеванная грязь,
Над ней холодная нагая
Чернела липовая вязь.

И вдруг я вспомнил уязвленный,
Что в мире, где парит луна,
Есть для уродством оскорбленных
Неповторимая страна.

Я вспомнил с преданной любовью
Кентэй далекий, где леса
Зеленым хором славословят
Индиговые небеса,

Где осенью земное лоно
Льет запах нежный и густой,
А снег горит на горных склонах
Неомраченной чистотой.

Блажен, кто в медленном раздумье
Воспоминаний горький пыл
И яростных страстей безумье
В простую радость превратил.

Кто, не допив до дна бокала,
Познал, что темное вино
От самых зорких глаз скрывало
Слепое и глухое дно.

Москва. 17—18 апреля 1932 г.

Прощание Поэма

Лихорадка била и трепала меня,
Трамваи визжали, как звери.
Прыгали звезды. С лязгом, гремя,
Распахнулась в комнату дверь.

Копытами медными гулко стуча,
Горбатый рыжий козел,
Громадный — до моего плеча —
Головой мотая, вошел.

Как тлеющий уголь мерцают глаза,
Борода подметает пол.
На спине, точно вкованный в козла,
Старый меднолицый монгол.

Сверкают: синего шелка халат
И огненный малахай.
Из темных орбит пронзительный взгляд
Зарницами полыхает.

Душный ветер, подобно смерчу,
Меня обжигает вдруг.
Я задыхаюсь, я кричу:
«Хунхур, товарищ, друг!

Дай мне тебя расцеловать
Ты вспомнил, нашел меня!»
Но гвоздями прибита голова,
И рук не могу я поднять.

«Здравствуй, дарга! — Лобсан говорит,
Знаменитый хурчи Лобсан. —
Видели мы четыре зари
На пути из далеких стран.

В звездной тишине гобийской ночи
Был услышан твой смертный бред.
Барсом на Тонгора я вскочил,
Взвился огненный след.

Дважды солнце обгоняло нас,
Дважды душила тьма,
Но Тонгор, рыжее как луна
Облака копытами мял.

Он перепрыгнул через Косогол,
Ударами медных ног
Считал голтун Алтая, Танну-олы,
Откидывая их на восток.

Как по небу скользящая звезда
Мы летели над телом земли.
Навстречу вставали города,
Тайга потонула вдали.

Смотри, на исходе третья ночь,
Мы здесь и готовы к пути.
Едем! Домчим тебя, куда хочешь!
Нет времени ждать! Летим!»

Лобсан, я встану сейчас, Лобсан,
И ты меня унеси
В зеленоголовые леса
К истокам дикой Меньзи.

Там озеро есть в теснинах гор,
Скалы его берегут.
Черное озеро — Хара-нор —
Я спал на его берегу.

Лосями песок истоптан был,
Над палаткой вздыхали кедры,
Сторожами гранитные столбы
Выступали из водных недр.

Ответил Лобсан: «Пришла беда,
Хара-нора нет — он исчез.
В глубинные трещины скрылась вода,
И в провал обрушился лес.

И лоси покинули те места,
И крик сарыча замолк,
И тщетно ищет оленьих стад
Одинокий голодный волк».

«Лобсан, Лобсан, унеси меня
На склоны священной горы,
Туда, где в весеннем лесу звенят
Пчелы, шмели, комары.

Положи меня на опушке лесной
В лиственную тень,
Мы будем молчать, как молчит весной
Угасающий в небе день.

Наступит вечер. Лиловый покой
К раскаленной прильнет голове.
Я буду тих, как туман над рекой,
Как роса на тонкой траве».

Промолвил Лобсан: «Леса горят
На священной горе, дарга,
Скрючив черные пальцы, стоят
Пни, белеют рога.

Пламя лохматым языком
Слизнуло твою постель,
И Тола иссякла, и надгробным холмом
Богдо-ула прижала степь».

«Лобсан, Лобсан, полетим с тобой
К Отхон-Тенгри, в Хангай.
Видю последнее это,
За которым вечны снега.

Помнишь, как ты меня провожал
В опасный, жестокий путь,
На перевале мне руку сжал,
Потом положил на грудь.

О, как хотел бы я вновь пройти
Белым трудным путем —
Пропасть справа, слева блещит
Мавзолеем снежный холм».

Лобсан сказал: «Великий обвал
Разрушил тело горы.
Он гребень вершинный разорвал,
Скалистые выступы скрыл.

От купола отделены хребты,
В бездне глыбы камней,
Первым взошел на вершину ты,
Был последним на ней!

Смотри! Расплывается, тает ночь,
Я здесь и готов к пути.
Выбери место. Домчу, куда хочешь!
Нет времени ждать! Летим!»

«Лобсан, умчи меня в сердце Кентэл,
Я готов на вечный плен
В дебрях, где шелестом горных ключей
Зарождается Керулен.

Мне душно и тяжело. В глазах темно.
Раскалывается голова.
Отнеси меня в лог, где нефритовым сном
Спит охотник Гава.

Там травы прохладны, недвижим лес,
Там каменная тишина.
На черные скалы мертвый блеск
Роняет в полночь луна.

Но под сводами кедров тихий свет
По стволам и ветвям разлит.
Луной напоенный в высокой траве
Вождь светозарный стоит.

Взгляд его светел, и строен стан,
И нежные руки ясны.
Славен хранитель оленьих стран,
Сын лесов и луны.

У ног его лечь и все забыть
Дни, недели, года...
Прильнуть к холодным стопам и закрыть,
Глаза закрыты навсегда».

Лобсан сказал: «Охотник Мухор
Вырвал себе волоса,
Видя как с заповедных гор
Ушли вековые леса.

В ночь седьмую луны седьмой
Над Кентзем вдаль понеслись
Шорох, и треск, и грохот глухой,
И скрежет взрытой земли.

Сосны, ели, громады пихт,
Широковетвистые кедры,
Вырвали слоновые корни свои
Из темных скалистых недр.

И зашагали зеленой толпой
На север по гребню хребта,
И скалы дробили тяжелой пятой,
И громом обвал рокотал.

А за ними бежали впопыхах
Изюбранные табуны,
Унося на ветвистых своих рогах
Осколки медной луны.

И впереди оленьей толпы,
Едва касаясь трав,
Шел, словно по воздуху плыл,
Хранитель изюбрей — Гава.

И жизнь покинула те места,
И коршуна крик замолк,
И тщетно ищет оленьи стада
Голодный лохматый волк».

«Лобсан! — вскричал я. — А где друзья,
Спутники славных лет?
Я знаю они не забыли меня,
Встретим с ними рассвет!

Где круглый Чухломин — веселый медведь, —
По тропам каким шагает,
Сладкоголосый Люндун где,
Где старик Намзарой?»

Ответил Лобсан: «Не дано мне знать
Где они, знаю лишь то:
Если станешь друзей по имени звать,
Не ответит тебе никто.

Ночью осенней в вершине Иро
Как зверь кричал человек.
Солнце увидело шерсть, кровь
И сломанный нож в траве.

На Тальире, с хищным оскалом рта
Косматый хангайский пес
Певца окровавленную гортань
В капкане челюстей нес.

Выдра видела, как на Ононе
Из воды взметнулась рука
И над пеной порогов в хриплом стоне
Рухнула жизнь старика.

А ты приготовил место себе
В глубоком темном дому,
Никто не смеет им завладеть,
Его для тебя стерегут.

Ты потревожил, дерзкий пришелец,
Двухтысячелетний сон
Тех, чей покой в могильной земле
Охранял Ноин-ульский склон.

Никто, никто из лесных друзей
Не ответит на зов, дарга,
Но кости властительных князей
Ждут тебя в тесных гробах!»

Ветер ударил в окно тараном,
Я вскрикнул: «Туда, монгол!»
Распахнулись рамы, вздрогнул Лобсан,
«Поздно!» — взревел козел.

По зеленому небу рыжим огнем
Сползла на крышу звезда.
Заря набухла ненужным днем.
Я — один — умереть опоздал.

Завыли трамваи, в уши плыл
Металла скрежет и звон...
Черною тиной глаза забил
Липкий, тяжелый сон.

На закате, когда оживает дом,
Телефонный звон разбудил.
Проснулся мертвым, с холодным лбом
И с железным сердцем в груди.

Москва. Октябрь-ноябрь 1938 г.

Закончена 26 ноября.

«Прощание» — как бы послесловие к поэме «Гава» (1924—1925)

Любовь

«Облик бессмертной тоскою
Преходящую темную страсть».

«Дорога пролилась рекою
В неведомое море.
Я нес с собою далеко
Мою любовь и горе».

Дыханье земли

На плече твоём я дремал, дорогая,
Темной ночью, высоко в горах.
Ветер выл и свистел в кедровнике,
Плясало пламя костра за палаткой,
А стенки ее напряглись, как парус;
Казалось: вихрь взметнет
И швырнет нас в черную бездну.

Бесприютны ночи такие в горах!
Земля породила их, та же земля,
Что взрастила и чахлые кедры под осыпью,
И замшелые камни, и крутящийся снег
(Шелестящий, шуршащий по крыше палатки),
И милое тело твоё.

Ты дышала во сне так глубоко и тихо,
Сердце в груди твоей билось ясно и ровно.
Я подумал: доверчивый сон не нарушит природа,
Ни камни, ни ветер не обидят тебя,
Что так просто, по-детски, вручила дыханье свое
Дыханью земли.

Уланбаатор. 27 ноября 1927 г.

Следы и знаки

Туманом мутных вожделений
Окутало больное тело.
В одно сливает темный гений
Плоть и надземные пределы.

Но вот душа летит из мрака,
И выступают все ясней
На небе огненные знаки,
И на земле — следы зверей.

Уланбатор. 2 декабря 1927 г.

Даль зовет (1)

Ты, улыбаясь, мне сказала:
«Смотри, как рдеют облака
В закатной чаше из опала,
Как даль чиста и глубока!»

А я подумал с темным гневом:
«Пленительно пылает вечер,
Но мне желанней видеть, дева,
Блеск обнаженных Ваших плеч».

Ты, горько плача, говорила:
«Не покидай! В грядущих днях
Клубится мрак. Какие силы
Тебя уводят от меня»

Я золотые косы трогал
И думал: «Ты жесток и груб,
Но незнакомая дорога
Влечет властней знакомых губ».

1928 г.

Прощание друзей

Нальем последний стакан вина,
Прощаться надо, ночь холодна.

И песню в последний раз споем,
Старую песню запьем вином.

«Плывут облака, пылает река,
Плывут, бегут корабли на закат.

Земля, как отцветающий сад,
Пурпурные дрожат паруса.

А с востока бесшумный мчится мрак,
Ночь лежит — чернокрылый враг.

Но паруса обгоняют ночь.
Ветер ревет. Руль прочь!

И плавно взмывают корабли
Над телом отверженной земли.

Золотогрудые паруса
Навстречу солнцу лебедями летят.

И, едва окунувшись в алую кровь,
Солнце поднимается вновь.

По предначертанному пути
Оно не может больше идти.

Оно повисло в горной дали,
Приветствуя вестников земли».

Вот эту песню, друзья, споем,
Нальем последний стакан огнем.

Ибо, пока не сомкнется круг,
Не увидят друг друга друг и друг.

И да будет эта песня крепка,
Как смерть и дружеская рука.

Москва. 18 апреля 1932 г.

Тебе

Хочешь ты или не хочешь,
Придет последний вечер.
Любишь или не любишь,
Настанет время расстаться.

Душа потеряет душу.
Зажжется новое утро.
Ты будешь молчать и плакать,
Или я это буду делать.

Люди плачут, как дети,
От скуки, обиды и боли,
От лишений и темного страха;
Это — детские слезы.

Но есть иные слезы,
Которыми плачут люди:
Светлой рекой уходят
В неизвестные страны.

Если мы не увидим
Этих стран далеких,
Родины нашей милой,
Значит, напрасна жизнь.

Значит, напрасно смертным
Смотреть в октябре на закаты,
Уходить в леса и горы,
Молиться в сырых пещерах.

Значит, напрасно люди
Принимали обеты будды,
И напрасно себя распинали
Мученики на крестах.

Значит, напрасно Вагнер
Написал «Тристан и Изольду»,
Облек бессмертной тоскою
Преходящую темную страсть.

И тебя, любимый друг мой,
Тебя я напрасно встретил,
Если мы не покинем землю
Светлой рекою слез.

О, верь, пойми, дорогая,
Что под брэнною маской тела
Небожители мы с тобою,
Что смерть это путь в любовь.

Вот ворота больного мира
За ними наша отчизна.
К ней стремится свои струи
Блещущая река.

Если тебе придется
Пережить последний вечер,
Вспомнить меня, дорогая,
И что я ушел от тебя,

Встреть восходящее солнце
Радостными слезами.
Ибо вот приблизились строки
Нашей встречи в любви.

Уланбатор. Март 1927 г. Пулково. 10 ноября 1930 г.

Капитан-убийца Английская баллада

Над замком полощет праздничный флаг.
Во Славу шестого венчанья
Капитан пригласил пропойц, бродяг
На безудержное пированье.

По тяжелым столам разлеглись кабаны
Среди стаи душистых фазанов.
Краснолицые гости отменно пьяны,
Но не молкнет беседа стаканов.

Бургундское, виски и дедовский эль
Разливают в отравленных венах
Вожденье, веселье бесовское. Хмель
Накипает стремительной пеной.

Капитан неспешно пьет огненный грог.
В предвкушеньи грядущей ночи,
Как повар — ножи, о кабанье ребро
Свои острые зубы он точит.

И временами пристальный взгляд
На красотку свою бросает, —
Нежную шею подвенечный наряд
То скроет, то раскрывает.

Кровавые розы, и мак, и пион
О многом подумать заставят.
Щеки невесты и губы ее
Пылают вместе с цветами.

«О милорд! Почему столько красных цветов?» —
Вопрошает смущенно невеста.
Смеется хозяин: «Парник не готов,
А для лилий в теплице нет места!

Эти розы, как кровь, чтоб твой пыл не остыл,
Прижми к ним губы, милашка!
Но у вас называется это — цветы,
А у нас — гарнир для барашка!»

И хор заревел: «Эти розы, как ты,
Попрощайся с ними, бедняжка!
Но у дам называется это — цветы,
А у нас — гарнир для барашка!»

Ощерились разодранные кабаны
На пурпурный рот капитана.
Невеста бледнеет. Гости пьяны.
Словно кости стучат стаканы.

Москва. 27 ноября 1938 г.

Даль зовет (2)

Ты хороша издалика,
Как перистые облака,
Как полотняный кипарис,
Растущий в глубине кулис.

А Зоя хороша вблизи,
Как ладожский копченый сиг —
Жирна, безмолвна и нежна,
Судьбой на блюде подана.

Но съел сига — и нет сига,
А ты недосыгаема!

Так бегемот, набив травой
Живот, любитесь луной.

Москва. 14 ноября 1938 г.

Осень Баллада

Трава от долгого дождя
Пригнулась и намокла,
А тополь ветками стучал
В заплаканные стекла.

Растрепанные облака
Под низким серым сводом

Пытались грудью приласкать
Сады и огороды.

Была осенняя вода
В глазах твоих, Катюша,
Когда любимый, опоздав,
Непрочный сон нарушил.

Скользнула с теплого плеча
Рубашка, грудь намокла,
А тополь ветками стучал
В заплаканные стекла.

«Легко губами осушить
Невысохшие слезы!»
Сказала ты: «Труднее жить
Осином и березам.

Ты посмотри, как за окном
Они мокры и наги.
Пойди, накрой их колпаком
Из ситца или бумаги!

Не можешь! Ну тогда беги
И выпей с листьев воду,
Иначе пусть твоей ноги
Не будет здесь у входа!»

Любимый затрубил отбой:
«Коль выпью, стану бочкой
И лопну, а у нас с тобой
Есть маленькая дочка.

А если я и опоздал,
Тому виной погода:
Такой грязищи не видал
Уже четыре года».

Довольная, но не совсем
Сердитая для виду,
Катюша вымещала все
Любовные обиды.

А он, как виноватый пес,
Уткнувшись морду в лапы,
Лежал и Катиных волос
Вдыхал душистый запах.

Но вот нисходит благодать!
Любимому (немножко) —
Разрешено поцеловать
Обиженные ножки.

Трещала утлая кровать,
Поскрипывая хрипло,
А за окном седая муть
К сырой земле прилипла.

Как одеяло мглу влача,
Спускался сумрак блеклый,
И тополь ветками стучал
В заплаканные стекла.

И ветер, как бездомный зверь,
Бродил и выл по далям.
А милые, прихлопнув дверь,
В неверном сне вздыхали.

Подсматривать нехорошо.
Но я подслушал все же,
Как он персидским порошком
Перчил большое ложе.

Потом чихали невпопад,
Потом опять заснули,

Она во сне пошла в театр,
А он гостил у Юли.

Но за окном гудела тьма —
Я это слышал тоже,
И тополь жался у окна,
На пьяного похожий.

Как тяжело тащила ночь
Сырое покрывало!
И ветер ей не мог помочь,
И я не мог нимало.

В час, когда дьяволы ветров
Свои псалмы запели,
Иван Михайлович Петров
Ловил клопов в постели.

Он собирался выйти в сад,
Но подождал немножко,
Пока кусала Катин зад
Прожорливая блошка.

Иван Михайлович притих,
Был мстительно доволен,
Что прелесть нежную настиг
Укол тончайшей боли.

Жестокость в милых пустяках
Пленительней улыбки,
Так поднимите ваш стакан
За легкие ошибки!

Как тяжело влачила ночь
Седое покрывало!
И ветер ей не мог помочь,
И я не мог нимало.

Густая вязкая земля
Везде насквозь промокла,
И все стучали тополя
В заплаканные стекла.

«Не дай мне бог сойти с ума!»
Не дай погибнуть, боже!
В такую ночь гнилой туман
Опасен для прохожих.

Казалось, темные леса
Издалека кричали,
И ветер нес их голоса
В пронзительные дали.

Шумело сердце, как прибой,
Потом в бреду запело,
И вдруг, словно рванувшись в бой,
Слезам закипело.

На утро синий шелк небес
Был тщательно просушен.
Любимый за грибами в лес
Ушел, а вот Катюша....

Катюша, платье подоткнув,
Возилась в мокрых грядках,
Поглядывая на окно
Лукавою укладкой.

Как пахла влажная земля!
Как ярко клены рдели!
Как неподвижно тополя
В стеклянный пруд глядели!

Ты принесла домой морковь,
Когда я кончил бриться,

И тщетно прятала любовь
В тенистые ресницы.

Прохожий должен проходить,
Но медлил я невольно,
Как будто тоненькую нить
Порвать мне было больно.

Я позавидовал тебе
И славному Ивану —
Тебе не хочется в Тибет
Или в другие страны.

Ты ночи диким голосам
Внимаешь равнодушно,
Отдавая небеса
Уютным простодушьем.

Когда постель я убирал,
Взбив мягкую подушку,
Твоя дочурка принесла
Мне теплую ватрушку.

Она похожа на тебя,
Но больше на Ивана,
Сидела, молча теребя
Бахромку у дивана.

Я вскинул на плечи мешок,
Когда косые тени
Лизнули медленно песок
У сгорбленной ступени.

Дорога пролилась рекой
В неведомое море.
Я нес с собою далеко
Мою любовь и горе.

Ленинград. 30 сентября 1936 г.

Лето

Испанская баллада

Где дуб раскинул крону
Над нежною травой,
В тени листвы зеленой
Лежали мы с тобой.

Над нами птичка пела,
Карабкались жуки
По плоскогорьям тела
И по холмам руки.

Неторопливо мерил
Зеленый червячок
Пушистую поверхность
Твоих погасших щек.

И бабочка садилась
На пролитую кровь,
И крылышки сводила
И разводила вновь.

Огни и дым заката,
Удвоившись в реке,
Задели колыт, зажаты
В оторванной руке.

Я был навывлет ранен.
К тебе спустилась ночь,
Как долгожданный странник,
Как ласковая дочь.

Мы, как колосья, пали
На золотой земле,

Чтоб мирно дозревали
Хлеба родных полей.

Бежал, изнемогая
От боевых потерь,
Взрывая луг ногами,
Четырехрогий зверь.

Тяжелый гул и грохот
Стихали за рекой.
Кровая охота
Промчалась далеко.

Там, где рвалась в лохмотья
Одежда тополей,

Где хищные пилоты
Кромсали плоть полей,

Где дуб раскинул крону
Над смятою травой,
В тени листвы зеленой
Лежали мы с тобой.

Лежали и молчали,
Глаза к земле склоня
И ничего не ждали
От завтрашнего дня.

Ленинград—Петергоф. 9—10 июня 1937 г.

(Продолжение следует)

НАШИ ПЕРЕВОДЫ

Л. Дашням

Сон

Похоже, Отгонзул, опять поздно вернется. Ушла и даже не подумала приготовить что-то на ужин.

С тех пор, как дети уехали в Америку учиться, в доме у Отгонзул во всем строгий порядок, все вещи на своих местах, кругом чистота. Дом опустел, давящая тишина поселилась в нем.

Муж тоже от дома отбился. Под предлогом, что надо для детей «похлопотать там, это достать», не помогает ей в домашних делах. И раньше-то немного помогал, а теперь и совсем отдалился.

Но она и сама не любит, когда муж мешает на кухне. Не мужское это дело. Муж должен зарабатывать деньги, обеспечивать семью, находить работу себе где угодно, только не дома. Муж и жена не привыкли вмешиваться в дела друг друга, научились понимать друг друга без слов.

И на этот раз Очирсурэн даже не спросил жену, куда она уходит, надолго ли, почему так задерживается. Он будто понял, почему она так торопится убежать из дома. Придя домой с работы и не обнаружив ужина, он слегка огорчился, но тут же подумал: «Да скоро, наверно, придет». Переоделся, прилег и задремал. Даже заснул. Через час проснулся, посмотрел на часы.

Прошел целый час, но жены не было. «Куда она запропастилась? Куда-то уходит, потом приходит... Ничего неизвестно!» — бормотал. Но все же решил, что для него сейчас нет ничего лучше, чем просто лечь спать. Не успев замстить, как холодна постель, он нырнул под одеяло и тут же уснул.

Отгонзул в последнее время то и дело куда-то уходила и возвращалась в полночь или еще позже. На ут-

ро всегда просыпалась в хорошем настроении, была весела и бодра, напевала тихонько разные мелодии, своим видом показывая, что все дела у нее спорятся, она в прекрасном расположении духа. Но он никогда не интересовался, куда она уходит, не решался спрашивать знакомых, чтобы не волновать себя лишней раз. «Пусть гуляет, вольному воля», — думал он.

Ему снилось, как он в юности впервые познакомился с Отгонзул, как страдал, тосковал по ней в короткие дни разлук. Вновь все это он пережил во сне. Вдруг видение резко переменялось. Ему пригрезилось родное кочевье — прекрасная цветущая долина. Он скачет верхом на рыжем коне, который отец подарил ему еще в детстве, и что-то поет. Хочет громче спеть, но не может — голос как будто охрип или, может, это тихая невыразимая молитва звучит в душе. И так ему легко и хорошо, словно он парит в сказочной волшебной стране. Видит он, что с противоположного холма спускается к нему мать. Слезы навернулись ему на глаза, почувствовал горячую влагу на щеке. Он будто и говорит ей: «Мама, почему ты так рано оставила меня? Я тогда был беден, а теперь могу отправить тебя на отдых в любую страну мира, куда ты только пожелаешь. Я все для тебя сделаю. Но сначала поезжай вслед за своими внуками в Америку, там так хорошо!» Голос у него осекся, он еще что-то хотел сказать и не смог...

Мать подошла к нему. Она была молода и очень красива. Видно было, что сильно соскучилась по сыну. Она его поцеловала так нежно и ласково, как только это умеет мать.

«После того, как ты покинула нас, я старался честно жить, делать людям добро. Вот поэтому и сам теперь хорошо живу. Как ты и наказывала, я ни минуты не сидел в праздности, старался все делать ради жены и детей. Мама, как хорошо, что ты пришла. Раньше я не мог сделать тебя счастливой, порадовать, я в долгу перед тобой. Постоянно об этом жалею. А теперь...»

«Сынок, я все знаю. Знаю, что вы стали хорошо жить. А как я счастлива, ты бы знал! Старайся, сынок, работай, трудись! Но почему нет моей невестки, Бумбурэй? Она очень изменилась в последнее время. Поговори с женой. Ей не хватает твоей заботы и ласкового слова. Она запуталась, мечется, ищет что-то, совсем растерялась. Будь хорошим мужем, сынок. Я смотрю на тебя и радуюсь, я счастлива. Все у тебя получается. Живи хорошо, сынок. Зачем нам эта Америка! Зачем весь мир! То, чего здесь нет, увидишь после смерти. Пойми это! Надо лучше понять то, что рядом, у себя дома. Вы сначала поймите Монголию! Послушайте голос своих предков!...»

Потом она снова нежно поцеловала его. Незабываемый поцелуй! И торопливо удалилась.

Очирсурэн хотел броситься следом за матерью, да ноги были скованы и не слушались его. Хотел крикнуть ей вслед, но голос охрип, будто весь он был связан путами.

«Мама, подожди меня! Мне надо поговорить с тобой!» — будто кричал он, но звуков не было.

Перед ним сияла пустынная долина. Смутно можно было различить фигурку матери, удалявшуюся от него в сторону сияющих вершин далеких гор.

Очирсурэну ничего не нужно было от матери. Он только хотел, чтобы она подождала Отгонзул, тогда бы они вдвоем спросили, где та была и куда всегда уходит из дома. Она ведь скоро должна прийти, — он крикнул ей эти слова изо всех сил, но мать даже не оглянулась. Вместо этого он услышал, как кто-то трясет его и зовет:

— Эй, Очирсурэн, проснись, ты что!

Он открыл глаза. Перед ним стояла Отгонзул.

— А-а, ты пришла. Сколько времени?

— Два часа.

Очирсурэн вытер слезы. Он только сейчас заметил, что все лицо мокрое.

Действительно, часы на стене показывали два часа ночи...

Четыре времени года и одно чувство

Летом на озере плачет зуун хурга — птица перелетная.

Щемлящую тоску, боль в груди куда спрячешь?

О тебе все думаю.

В осеннем небе кучкой верблужат хмурые облака клубятся.

Неразумные слова пронзают сердце, печалью полна душа —

О тебе все думаю.

Серебрится капризный ручей в морозной долине.

Мысли спутались, распалась связь времен —

О тебе все думаю.

Вот и журавлиный клин в вышине, тепло скоро.

Первое свидание вспоминаю, так тоскую и

О тебе все думаю.

1987

Перевод с монгольского Л. Скородумовой

Д. Батбаяр

Дармаагийн Батбаяр (род. 1941) пришел в монгольскую литературу в середине 1960-х. Сегодня он признанный мастер прозы. Д. Батбаяр — автор нескольких сборников рассказов, психологических повестей и романа. В монгольских театрах идут его пьесы. Мы представляем русскоязычному читателю рассказы, стихотворение и афоризмы из новой

книги Д. Батбаяра «Небо любимой» (Батбаяр Д., Амрагийн тэнгэр. УБ., 2000), где автор обращается к темам первой любви, смысла человеческой жизни.

Творчество Д. Батбаяра даст яркое представление о состоянии монгольской литературы сегодня и тенденциях ее развития в будущем.

Небо любимой

Каким же замечательным было то лето! Наши семьи стояли на летнем пастбище на высоком плоском берегу реки Чулуут. Девушку из соседнего айла звали Халиуна. Она была старше меня. В один прекрасный день я заметил на губах Халиуны странную улыбку, поразившую мое воображение так, что я застыл столбом на месте.

— Что с тобой? Что смотришь? — спросила Халиуна и снова улыбнулась своей странной улыбкой.

— Тебя кто-нибудь пощекотал что ли? — в свою очередь улыбнулся я.

— Что значит пощекотал? Никто меня не щекотал. А что?

— А то, что ни с того ни с сего улыбаешься, почему бы это?

— Ах ты! Все заметил! Ну, это хорошо. Не будешь зорким, счастье мимо тебя пройдет.

— Так над чем же ты смеялась?

— А ты что тоже хочешь посмеяться?

— Ага.

— Куда тебе! Еще нос не дорос! Тебе чуть ножки пощекочи, ты и захохочешь. До смерти хохотать будешь, а не засмеешься.

— Не засмеюсь? Значит, хохотать и смеяться — разные вещи?

— Конечно разные. Смех идет из глубины души человека. А снаружи хоть сто раз щекочи, только хохотать будет. Сейчас меня хоть и пощекочет кто-нибудь, а я даже не захохочу.

— Почему не захохочешь? Давай я тебя пощекочу. Посмотрим, будешь ты хохотать или нет.

— Ой, хитренький какой. От горшка два вершка, а туда же. Сам еще телок телком, а замашки как у взрослого быка. — Она напустила на себя безразличный вид, а я тем временем стал пристально разглядывать острые носки своих сапог.

— Ну, ладно, что ты? Обиделся? Все это чепуха. Я пошутила. Я считаю тебя очень даже редким человеком. А давай я тебе одну необычную вещь покажу!

— Давай! — обрадовался я.

— Но только ты никому не проговоришься.

— Не проговорюсь.

И Халиуна повела меня на берег реки Чулуут в то место, где был глубокий омут. На этот омут она мне и указала.

— Смотри туда. Что-нибудь видишь?

— Рыба плещется. Может, окунь.

— Да нет же, дальше, за рыбой что видишь?

— Дальше за рыбой? Еще рыбу. А там еще одну!

— Ох, у тебя никакого воображения нет.

— Какого еще воображения?

— Такого воображения.

— А-а, вижу, вижу. Что-то беленькое круглое.

— Ну да.

— А что это?

— Серебряное кольцо. Я раньше носила, а потом матери испугалась и выкинула в реку. Никто не знает, никто не видит, вот в какое место запрятала. — На губах ее снова мелькнула та странная улыбка. Тогда я впервые заметил, какие белые у Халиуны зубы.

— Как ты думаешь, что это за кольцо?

— Не знаю.

— Сказать тебе?

— Скажи.

— Нет, не скажу, не скажу. Ты еще своим приятелям разболтаешь.

— Не разболтаю! Никому ничего не скажу! Я с ними только о драках разговариваю.

— Правда?

— Правда, правда.

— Тогда попаси овец вместо меня завтра после обеда.

— Ладно. Я и целый день могу попасти.

— Точно?

— Точно, — кивнул я головой, а Халиуна как будто что-то нарисовала пальцем на большом черном камне.

— Это я... — начала она и замолчала, глядя на невидимое изображение. — Это кольцо мне подарил

один человек. Он учится в университете в городе. Скоро на каникулы приедет. Как красиво он говорил. Я сейчас все вспоминаю. Как хочется ему верить... Он свое кольцо, которое сам носил, мне подарил. Да ты этого не поймешь. Когда кольцо дарят, значит, будет какое-то продолжение. Ты знаешь, что такое любовь? — Она пристально посмотрела мне в глаза. На этот счет у меня были очень смутные представления, да и сам предмет казался мне тогда малоинтересным. Но то, что Халиуна доверяет мне тайну, я понимал хорошо и поэтому тут же кивнул головой.

— Как это прекрасно! Если ты иногда будешь вместо меня овец наших пасты, я расскажу тебе.

— Ладно. Я даже могу всегда вместо тебя за овцами ходить.

— Вот и хорошо. Нормальным человеком вырастешь, не то что другие. Только я тебя не каждый день буду просить. Иначе нас с тобой застукают. Иногда, может, полдня, когда мне уйти нужно будет, — попросила она. А я, естественно, согласился.

— А как зовут того человека, который подарил тебе это кольцо? — осмелился я задать давно вертевшийся на языке вопрос.

— Вот еще! Это уж слишком! Считай, что никак. А зачем тебе его имя?

— Просто так... Интересно.

— Хм! Очень красивое имя. Такого имени ни у кого здесь нет. Правда. Даже во всем мире нет больше человека с таким красивым именем, — тихо сказала она и замолчала, глядя вдаль, туда, куда неслись быстрые воды реки.

С того дня, узнав, что любовь — это нечто прекрасное, что влюбленный человек, как Халиуна, начинает улыбаться загадочной улыбкой, а сама любовь хранится на дне реки в глубоком омуте, все, что интересовало меня раньше, как-то потускнело. Не то что драки со своими ровесниками, но даже и победы в этих драках, не говоря уже о рыбалках на незначительных мальков — все стало неинтересным.

Одновременно я стал приглаживать ко всему и размышлять, не скрывается ли здесь невидимая глазу любовь. Как только рядом со мной человек начинал смеяться, я с подозрением старался определить, смеется он или хохочет. Вскоре я пришел к определенным выводам: ни мой отец и мать, ни мать Халиуны не смеются так, как она, ни у моей матери, ни у матери Халиуны нет серебряных колец, только золотые, поэтому и любви у них тоже нет, да и вообще в нашем хотоне только мы с Халиуной знаем, что такое любовь. Эта прекрасная любовь и сверкает на дне реки Чулуут. От таких мыслей становилось радостно и приятно. К тому же у людей есть хорошие и плохие имена, но самое хорошее имя у Халиуны. Теперь, когда я пас овец, имя Халиуны все время повторялось словно бы само собой внутри меня, а иногда я кричал даже довольно громко: «Халиуна, Халиуна», — от чего конь подо мной вздрагивал и настораживался.

Через несколько дней Халиуна потихоньку подождала меня и, отведя в сторону, зашептала:

— Как вчера здорово было! Теперь у меня есть следы.

— Дай посмотреть.

— Смотри хорошенько. Да ты, наверное, не видишь. У тебя глаза еще не раскрылись, ты ведь еще цыпленочек.

— Тогда ты сама скажи. Я и увижу.

— Здесь. На губах... Что видно?

— Ничего не видно.

— Они невидимые, неужели не понятно?

— Да что именно?

— Неужели ты не видишь — следы его губ на моих губах... Он вчера меня поцеловал. Ты даже не представляешь, как он целуется, — мечтательно произнесла она, и когда, закрыв глаза, провела пальцем по своим губам, на них снова заиграла блаженная таинственная улыбка. Ее ровные белые зубы словно бы полыхнули огненным светом.

Действительно, птенец я еще, раз до сих пор не заметил, какие красивые у Халиуны губы. Теперь с первого взгляда буду различать следы поцелуев на губах других людей.

На следующее утро Халиуна спросила у меня:

— Что тебе снилось?

— Не знаю. Наверное, ничего не снилось. А тебе?

— А мне снилось. Как ты думаешь, что мне снилось? Я проснулась и сразу же облизала губы и, представляешь, они такие сладкие были!

— А, понял! Тебе приснилось, что ты что-то вкусненькое ела?

— Да ты что — ела! Гораздо лучше.

— Ну, тогда что же тебе приснилось?

— О таких снах никому не рассказывают.

— А если расскажешь?

— Если расскажешь, то сон твой не сбудется.

— Тогда лучше не рассказывай.

— Ты действительно еще малыш. Когда думаю о твоей наивности, то сразу хочется рассказать. Жалко, что нельзя. Я так хочу, чтобы этот сон сбылся.

— Ну ладно, ладно, — якобы согласился я, а сам подумал: «Какой же все-таки сон ей приснился? Если бы я попросил хорошенько, наверное, рассказала бы». В душу закралась обида.

— Твой сон обязательно сбудется, — пообещал я Халиуне и, смотря, она обрадовалась.

— Хоть бы это было так, — в ответ произнесла она.

— Наверное, здорово — хороший сон увидеть?

— Не просто здорово. Весь день душа поет. Некоторые хорошие сны несколько дней из головы не выходят. Вообще, есть ли в этом мире что-нибудь лучше снов? Иногда человек во сне испытывает такое счастье, которого в жизни не бывает. Вот бы присниться кому-нибудь!

— Присниться кому-нибудь?

— Да-а. Он меня несколько раз во сне видел.

— Как здорово! Другой человек тебя во сне видит...

— Тебя тоже скоро во сне кое-кто увидит.

— Кто?

— Один человек.

«Один человек...» Это показалось мне странным. «Кто меня может во сне увидеть?» Думал я думал, но кроме нее на ум никто не приходил. «Да-а, как было бы здорово. Вот бы получше присниться. Если бы она меня во сне увидела, то, наверное, сказала бы...» Иногда мне казалось, что я приснился Халиуне, но мне-то, как я ни старался, не снилось ничего. Халиуна никак не появлялась. Может, она уходила во сны к кому-нибудь другому.

Иногда я даже просил: «Приснись мне». Конечно, я чувствовал, что так просить нельзя, но все равно просил... взглядом. Тем временем я заметил, что Халиуна стала все время напевать какую-то песенку. И слова у этой песенки были хорошими.

— Откуда ты знаешь эту песню?
 — Он меня научил.
 — Как же быстро ты выучила.
 — Песню выучить ничего не стоит. А вот забыть ее трудно.

— Зачем забывать? Пой.
 — Ой, какой же ты младенец!
 — А выученную песню забыть можно?
 — Можно. Но некоторые не забываются, тревожат, — сказала она и грустно затынула: «Далеко ли небо любимой?..»

— Ты почему такая грустная?
 — Встречи, расставания — это страшно, — вздохнула она. — Он послезавтра в город уезжает. Останусь как озеро, которое не может полететь вслед за птицами, — она отвела от меня взгляд.

И тут же на глазах выступили слезы. То ли от слез, то ли потому, что девушка не хотела чужой жалости, она замолчала. Потом достала платок, вытерла глаза.

— Я тебе не говорила, но этот платок тоже он мне подарил.

Я покрутил, повертел его и заметил, что от платка шел какой-то резкий запах. Халиуна увидела, что я нюхаю ее платок и тут же вырвала его у меня из рук.

— Больше никогда не нюхай женских платков, — резко сказала она.

С тех пор черные глаза Халиуны, полные слез, постоянно виделись мне — и когда я овец пас, и когда лежал ночью без сна, впевнив взор в тооно *. Я не спал, но постоянно находился в каком-то странном состоянии: ее глаза, зубы — весь облик представлялся очень отчетливо. Рядом все время слышался звук ее голоса. Это меня удивляло. Наверное, все это было связано с тем, что я никак не мог увидеть Халиуну в нормальном сне. Да и сам никак не мог попасть в ее сновидения.

Через день после того, как Халиуна показала мне платок, вечером я решил попросить ее разучить со мной ту песню. Прибежал к ней, едва успев загнать домой овец после дойки. Увидев меня, она села на землю в ожидании. Я подбежал, присел рядом и тут же хотел выпалить: «Научи меня той песне», но осекся, посмотрев на нее. Ее шею как будто кто-то разукрасил.

— Сестрица, кто разукрасил твою шею?
 — Что-о? — Она в испуге стала ощупывать себя. Я прижал ее пальцы к синякам.
 — Вот здесь. Красный с синим.
 — Ой, что делать? Только бы мать не заметила. — И она стала судорожно застегивать пуговицы воротника-стойки.

— А теперь видно?
 — Нет.
 — Ну, ладно. Хорошо, что ты заметил, — вздохнула она и, наклонившись к самому моему уху, едва выговорила: «Ну, вот и уехал».

Да, в такой момент не до песен. Хотел спросить, но раздумал. А ее слова о том, что он уехал, произвели на меня неожиданное впечатление. Я обрадовался, но постарался радость эту скрыть от Халиуны. И если бы кто-нибудь посмотрел на меня в этот момент, то, несомненно, заметил бы следы раньше никогда не появлявшейся на моих губах особой улыбки.

В тот же день я решил подарить Халиуне такой же платок с особым ароматом. Чтобы это осуществить, я

взял у отца несколько книг, продал их, выручил немного денег и, приехав в сомонный центр, отправился по магазинам. Но, к сожалению, ничего не нашел. Позже я узнал, что такие платки нигде не продаются.

После того, как человек с прекрасным именем уехал, Халиуна стала день-деньской напевать песню «Далеко ли небо любимой?», и я без труда ее выучил.

Однажды утром, когда я пас овец, прибежала Халиуна. Она смеясь обняла меня, поцеловала сначала в правую, потом в левую щеку и прижала мою голову к своей груди.

— Я ночью его во сне видела. Это знак — скоро письмом мне придет, понимаешь, что значит письмо?

В ответ я смог лишь слюну сглотнуть.

— Понимаю. Ты тоже мне приснилась, — едва вымолвил я и почувствовал ужасную сухость в горле. Слава богу, Халиуна не обратила на это внимания.

— Правда, правда. А ты еще маленький, чтобы все понимать. — Она чуть не подпрыгивала от радости.

В то утро я узнал, какие у Халиуны горячие и нежные губы. Снова и снова вспоминал я, какие теплые лучи исходили от ее тела, когда она прижимала мою голову к своей груди, и я даже тайно представлял, как сплю, обнимая Халиуну.

Примерный день получения письма давно миновал. Халиуна теперь все больше молчала и проводила много времени в одиночестве, сидя на берегу реки возле омута, на дне которого лежало заветное кольцо. Мы с ней даже попытались подцепить его концом урга *, но дно омута подернулось илом и кольцо не нашлось. После этого Халиуна еще больше загрустила. Мне же было грустно оттого, что, как я ни старался, Халиуну развеселить не удавалось. Но в глубине души я был рад тому, что ожидаемое письмо все не приходило.

В один из таких дней, когда Халиуна сидела в одиночестве на берегу реки Чулут, я подошел к ней. Халиуна как будто плакала.

— Ты что?

— Ничего.

— Тогда почему плакала?

Она в ответ лишь глубоко вздохнула.

— Когда вырастешь, не относись к людям хорошо.

— Это еще почему?

— У самого ничего не останется.

— Не останется? Ты про сон?

— Сначала ты не понимаешь, чего именно не останется. А вот когда потеряешь, поймешь.

— И этого нигде снова не найдешь?

— Ты правда еще младенец. То, что потеряешь, не найдешь.

Долгими осенними вечерами я все думал над смыслом этих загадочных слов. А потом наступило время перекочевки на зимние стойбища и наши семьи разъехались в разные стороны. Я поклонился себе, что подарю ей точно такое же кольцо, как то, что сгнуло на дне темного омута.

Начались занятия в школе. Как я ни присматривался к своим одноклассникам, ни у одной из них не было таких глаз и зубов, как у моей Халиуны. Никто так не смеялся, как она. Ни в других классах, ни среди девушек сомонного центра второй такой не находилось. В конце осени до меня дошел слух, что Халиуна уеха-

* Тооно — дымоходное отверстие в крыше юрты

* Урга — укрюк, т. е. длинный шест с петлей на конце для ловли скота.

ла в город. Я тут же решил заказать мастеру Миджиду серебряное кольцо и начал копить деньги. Вот поеду в город учиться, мечтал я, найду там Халиуну, мы с ней будем долго беседовать... И вот, когда я уже порядочно скопил из тех денег, что давали мне родители и старший брат с сестрой, одноклассники открыли мой сундук и украли все сбережения. Я сначала хотел было пожаловаться учителям и директору, но подумал,

что начнутся расспросы: «Что за деньги? Да почему такие большие деньги хранил?» — и решил не говорить. Тогда-то я и узнал, какими горькими и солеными бывают слезы.

Халиуну с тех пор я больше не видел. Шли годы. Наш с нею возраст сравнился, а потом я стал старше Халиуны, и ничего уже не вернуть, потому что мы с ней все дальше друг от друга.

Предатель

Мальчик лет десяти с оттопыренными ушами на круглой голове смотрит на меня в упор. Это я сам, каким когда-то был. А напротив мальчика сидит мужчина пятидесяти с лишним лет, лысый, с изрядным животом и толстыми мясистыми ушами. Это я, какой есть теперь.

Мы с интересом разглядываем друг друга. Младший спрашивает:

— Вы когда-нибудь убивали людей?

Я отвечаю:

— Что ты, конечно нет...

Младший удивляется:

— Неужели? — Он произносит это так, словно по-дозревает меня в чем-то.

«Пожалуй, во сне и убивал. В мыслях убивал. Невольно убивал словами. Короче говоря, я — убийца», — размышляю я про себя, но вслух сказать не могу, смелости не хватает. А младший снова задает вопрос:

— Лгали?

— Да, — отвечаю я.

— Зачем же вы лгали? Как же ваше обещание никогда не лгать в своей жизни?

— Жизнь, дружок, совсем не то, что ты думаешь. В жизни не бывает прямых путей.

— Почему не бывает? Неужели невозможно прожить жизнь без лжи? Не лучше ли умереть в таком случае? — Мальчуган всхлипнул.

«Действительно, не лучше ли умереть, чем жить во лжи», — подумал я, но сказал другое:

— Кто же хочет умереть?

Мальчик по-прежнему плакал:

— Вы не умерли, но где же ваши многочисленные табуны? «Если у меня будет много коней, то главное дело моей жизни будет сделано» — ведь так вы говорили.

— Это пустые мечты молодости. Со временем они изменяются. Жизнь — это поражения. То, чего достиг, отличается от того, чего хотел достичь.

— Неужели нужно жить без мечтаний и надежд, в страхе и ненависти?

— А что делать?

— Жаль. Чем так жить, лучше, действительно, умереть. «Чем плохо жить, лучше хорошо умереть» — ведь так вы говорили когда-то. Так умрите же теперь! Умрите! — он сорвался на крик. Я же горестно молчал.

Мальчуган захлебывался слезами:

— Не можете умереть? Мерзкий предатель! Тогда умру я! — Он отвернулся от меня и тут же исчез, перешагнув порог моего сна...

Родственники

Грусть, тоска и скука — родные сестры. Родственники одиночества. Самая светлая и чистая из них — грусть. Ядовитая — тоска. А самая ленивая — скука.

Грусть — милый младенец, избалованное нежное дитя. Тоска — толстая и жестокая. Скука — глупая. Грусть, в отличие от остальных, это обновление. Тоска же наполнена затхлостью старости и плесенью

времени. Скука представляется мне чем-то тяжелым, ветхим и ржаво-серым.

Грусть проходит, от тоски избавляются, а от скуки гибнут. И грусть, и тоска, и скука — это слезы. Если грусть наполняет сердце горячими лучами слез, то тоска старается ослабить тебя соленым вкусом слез. А вот скука слезы в твоей груди замораживает навеки.

Отражение темноты

Мне темнота милей, чем свет,
Ту красоту, что днем не разглядишь,
Ты ночью замечаешь,
И ягод диких вкус во тьме отчетливей бывает,
Начало и конец всему с ночью тьмою совпадают,
И слышно хорошо во тьме,

Как гладит ветер лепестки цветов.
Запреты многие снимает темнота,
И облегчение душе приносит,
И тайны сокровенные всегда
В слезах, что льются в темноте, с собой уносит.

Афоризмы

- Большой талант берет свое начало в чистой душе.
- Счастье есть мгновение. Слова «Как прекрасно!» звучат в душе всего лишь секунду.
- Тишину можно назвать сокровищем природы. Но, к сожалению, она не бесконечна.
- Если есть в жизни какой-то свет, то это любовь.
- Слава — это взваленный на плечи талантливого человека валун лесты. Умные люди не только выбирают из-под него, но, взбравшись на него, стоят с гордо поднятой головой.

- Зрителям нравится, когда жизнь красива, а смерть величественна, но от этого страдает искусство.
- Нет такого сосуда, чтобы полностью вместил в себя спокойствие и благополучие.
- Любая власть держится на грехе.
- Все тайны мира держатся на тишине, темноте и разуме.
- Зависть — родная сестра жадности.
- Звери и птицы для нас — не загадка. Люди достаточно хорошо изучили их. А вот что думают животные о нас? Неразгаданная тайна.
- В жизни должна быть сказка. Если ее нет, то ее следует придумать.

Перевод с монгольского М. П. Петровой

Монгольские народные песни

Бледная гора вдали
Белый оттеняет субурган.
Бедные родители мои,
Беспреданно думаю о вас!
На горе, что с запада встает,
На деревьях птицы драгоценны.
Драгоценнейшая среди всех на свете,
Дар небесный — матушка моя!
Горы с севера синеют густо.
Гордыми джононами известны.
Драгоценнейшая среди всех на свете,
Дар небесный — матушка моя!
А за южным склоном теплым
Аймак той, что сердце мне тревожит.
Драгоценнейшая среди всех на свете,
Дар небесный — матушка моя!
Желтый свет упал с горы восточной.
Жеребцами славится она.
Драгоценнейшая среди всех на свете,
Дар небесный — матушка моя!

* * *

Ивовый седеет лист.
Иволги кричат: «Прощай».
Иноходь коня стучит.
Иней по утрам так чист.
Караганы седеет лист.
Караваны уж тянутся к югу.
Капли мерно падают вниз.
Как до лета мне встретиться с другом!

* * *

Подгонял, подгонял, подгонял
коня Дод-гуай.
А земля, а земля, а земля
и леса все те же.
Мчал коня, мчал коня, мчал коня
сильней Дод-гуай.
А качалась, качалась, качалась
У ног его степь все та же.

* * *

Западной излучины реки
Запах одурманил ароматный.
Заревно-чубарого коня,
До чего копыта хороши!
Северной излучины реки
Семеро джононов знамениты.
Стелется в полете аргамак,
До чего копыта хороши!

Южная излучина реки
Юркими протоками богата.
Юного коня не удержать,
До чего копыта хороши!
Излучины реки восточной
Изучены все камни под водой.
Измученный мой конь плетется,
Но до чего копыта хороши!

* * *

Друга быстрого — коня
Дружбу плеткой испытаю.
Двух влюбленный неразлучных
Души ложью испытаю.
Друга чалого — коня
Дружбу плеткой я проверю.
Двух людей любовь и верность
До разлуки не проверить!

* * *

В весеннее время года
Веселые птицы беспечны
О, все разумеющие на свете,
Всесветлые господа!
Год напролет повсюду
Гомои птичий стоит.
О, голосу права внимающие,
Гордые господа!
Лето — отрадное время.
Летят разноцветные птицы.
О, лесь и угоду презревшие,
Ликующие господа!
Расстилаются щедро долины.
Растворяются в песне птицы.
О, различающие добро и зло,
Радость дающие господа!
Государство свое укрепляя,
Господа справедливо живущие,
Гостем вашим на праздник придя,
Горсть магталов спую я в дар!

* * *

На вершине святого Алтая
Нарушает покой соловей.
Начинает от звуков тех
Тихо слабеть мерин.
Камии скалистой Ижил,
Как неприступны они.
Как далеко родные.
Как тяжело без них!

Светлый Хангай молчит.
 Свежий след вверх спешит.
 Снежно-седая мать,
 К тебе бы с поклоном прийти!
 По лисей крутой тропе
 По лесу тень чья-то летит.
 Полынно-седой отец,
 К тебе бы с поклоном прийти!
 Вершина горы одичала.
 Вокруг лишь бурьян качается.
 Верхом проезжаю по кручам.
 О доме родном я грущу.
 Чалый красавец мой стройный.
 «В чьем ты сейчас табуне?»
 Черные взгляды любимой
 Что-то припомнились мне.

* * *

Как воды источника Улан
 Каждый верит, что напьется непременно.
 Как с подружками из местности Ушгай
 Каждый верит, что повстречается, наверное.
 Чиста и ароматна Шишхит-река.

* * *

Проста и безмятежна здесь жизнь моя.
 Звонка и мелодична птиц перекличка,
 Когда они купаются в тихих заводях.

* * *

Средний Том уж давно позабыт-позабыт.
 Сердца трепет никак не забыть.
 Скалы Тома совсем позабыл-позабыл.
 Сладкую песню твою не забыть!
 Северный Том я успел позабыть-позабыть.
 Синюю даль мне твою никогда не забыть!

* * *

По скалистому Тому спешит буланый.
 Последний луч солнца упал.
 Почтенный седок качается пьяно,
 Парчовая шапка съезжает набок.
 По скалистому Тому спешит буланый,
 Покатилась по небу звезда.
 Покосилась фигура почтенного.
 Парчовая шапка в грязи.

* * *

На заре горы Золотой
 Нарушает покой соловей.
 Нашим чтимым, любимым нойонам
 Я подарок преподнесу.
 На горе Откровений Сердец
 На заре веселится косуля.
 На скале созерцаний — Сумэру
 Ястреб радостно, громко кричит.
 Нашим чтимым светлым монахам
 Я подарок преподнесу.
 Спешу по вершинам вдоль скал.
 Стыжусь, что дели порвал.
 Скачу по степям и горам.
 Скажу потом, как устал.
 О, возрадившие, в мир отпустившие,
 Матушка бедная, отец мой седой!

* * *

Бодхисаттва великой добродетели,
 Будь счастлив постоянно отныне.
 Беспечально молиться о святости
 Беспристрастно позволь ничтожным!
 Свое государство великое
 Соизволь поскорее возвысить,
 Своеволье ничтожно живущих
 Своим свойством святым умерь!
 Ставшего Буддой великое имя
 Старшим во веки веков да пребудет!
 Станем молиться о счастье возвышенном.
 Старость пусть встретим в спокойствии тихом!
 Вознесенный хозяин над всем — бодхисаттва,
 Возлюбите соизволь всех живущих.
 Возложи обязательство — мир соблюдать.
 Воздадим тебе почести и поклонения!
 Родоначальник великий — о, Будда!
 Родовые владенья расширь.
 Радость великую всем потомкам
 Разными благостями доставь!
 Будда, свершающий добродетель.
 Будь счастлив силою вечного неба!
 Благословляя князей, помолимся
 Будущей жизни в перерождениях.

Перевод с монгольского И.В.Кульганек

Открытие музея П. К. Козлова

4 декабря 2002 г. в Санкт-Петербурге состоялось официальное открытие музея-квартиры П. К. Козлова (Смольный пр., д. 6, кв. 32). Ученик и сподвижник великого Н. М. Пржевальского, путешественник-исследователь Центральной Азии Петр Кузьмич Козлов (1863—1935) памятен нам сегодня главным образом своими сенсационными археологическими находками на раскопках «мертвого города» Хара-хото в пустыне Гоби (1908) и гуннских могильников в горах Ноин-Ула на севере Монголии (1924—1925). В меньшей степени известно, что П. К. Козлов был преимущественно ученым-натуралистом, исследователем природы и человека малоизученных областей Азиатского материка.

Музей П. К. Козлова, находящийся в ведении С.-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН, — один из самых юных среди академических музеев и единственный в Петербурге и России мемориальный музей путешественника. Основан он был в 1989 г. постановлением Ленгорисполкома, однако к созданию научной экспозиции приступили лишь в конце 1990-х. Завершить эту работу (силами организованной в 1995 г. на базе СПбФ ИИЕТ группы по истории исследований Центральной Азии) удалось лишь осенью нынешнего года.

Музей размещается в бывшем петербургском доходном доме, в квартире, где в 1912 г. П. К. Козлов поселился вместе с женой Е. В. Козловой-Пушкаревой (1892—1975), впоследствии ставшей известным ученым-орнитологом, исследователем орнитофауны Центральной Азии.

Экспозиционное пространство музея включает в себя:

- вестибюль, в котором выставлены предметы одежды и экспедиционного снаряжения;
- рабочий кабинет и библиотеку П. К. Козлова;
- комнату, в которой помещается основная экспозиция, рассказывающая об истории больших экспеди-

ций РГО в Центральную Азию в XIX—начале XX в. (П. П. Семенов-Тянь-Шанского, Н. М. Пржевальского, М. В. Певцова, Г. Н. Потанина, П. К. Козлова и др.), с отдельным уголком, специально посвященным экспедиционной и научной деятельности хозяйки квартиры, Е. В. Козловой;

- Тибетскую комнату с небольшой экспозицией, дающей представление о традиционной буддийской культуре, российских путешественниках в Тибет и ученых-тибетологах. Здесь размещена библиотека книг-ксилографов различного содержания на тибетском и монгольском языках (коллекция ныне покойного начальника Цугольского дацана ламы Жимба-Жамсо Цыбенова), а также предметы буддийского культа, некоторые из которых (тангки, бурханы) были переданы музеем Эрмитажем;

- зал для временных выставок; в настоящее время здесь развернута экспозиция, посвященная 100-летию со дня рождения блестящего востоковеда-путешественника Ю. Н. Рериха.

Среди экспонируемых предметов — архивные документы, дневники, письма, книги, географические карты, рисунки и фотографии, личные вещи П. К. Козлова, научные инструменты (компасы, бинокли, фотопринадлежности), свидетельствующие о великой эпохе научного освоения Россией Центрально-Азиатского региона. Особо выделяются два предмета, неоднократно экспонировавшиеся на городских и международных выставках: походный мужской столовый несессер с двадцатью предметами в кожаном чемодане и складной письменный столик красного дерева с кожаной внутренней отделкой со всеми необходимыми для письма принадлежностями. Самый уникальный прибор коллекции — китайские солнечные высотные часы из слоновой кости с бронзовыми деталями.

Фонд музея-квартиры П. К. Козлова содержит около 10 000 единиц хранения. Это прежде всего до-

кументальный архив, библиотека, картографическая коллекция, фототека и неготекa, коллекция открыток. Библиотека насчитывает около 2000 наименований научной и художественной литературы. Многие книги имеют дарственные надписи авторов и ценные марги-

налии. Архивные и книжные собрания доступны для исследователей.

А. И. Андреев

РЕЦЕНЗИИ

К. Н. Яцковская. Поэты Монголии XX в.

М.: Экслибрис-Пресс. 2002. 248 с.

Автор книги Клара Николаевна Яцковская — монголовед-филолог, фольклорист, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), автор монографий «Сто песен дархата Г. Давааджия» (М., 1978). «Народные песни монголов» (М., 1988) и более 100 научных трудов по истории монгольской литературы и истории науки. Новая книга К. Н. Яцковской посвящена жизни и творчеству трех поэтов Монголии, которые по праву считаются основоположниками новой монгольской литературы, — Д. Нацагдоржу (1906—1937), Ц. Дамдинсурэну (1908—1986), М. Цэдэндоржу (1932—1982).

Очерк о Д. Нацагдорже является переработкой, дополнением и продолжением монографии «Дашдоржийн Нацагдорж. Жизнь и творчество», изданной автором в 1974 г. Очерки о двух других поэтах публикуются впервые. Каждый раздел книги снабжен обширными примечаниями.

Как считает автор, всех трех писателей объединяет одна общая черта: они «не замкнулись в круге восточной словесности», «в их творчестве видна большая эрудиция, знакомство с мировой культурой, любовь к русской литературе». Созданные ими произведения подтверждают мнение, признанное в монголистике, о восприимчивом и воспроизводящем характере монгольского культурного феномена.

Каждый очерк представляет собой пространное, законченное композиционно и по содержанию в нем материалу эссе о жизни и деятельности писателя. Рассказывая о пройденном творческом пути поэтов, автор использует весь материал, уже получивший когда-либо освещение в монгольской печати. Кроме того, К. Н. Яцковская провела большую изыскательскую работу. Личные встречи, переписка с родственниками,

коллегами, знакомыми и людьми, волею случая пришедшими в соприкосновение с этими выдающимися личностями Монголии, — все послужило дополнительными источниками, которые были глубоко проработаны и бережно использованы в монографии.

Биография каждого из поэтов содержит новые интересные данные, дополняющие психологический портрет, раскрывающие и объясняющие обстоятельства их жизни. Эти главы отличает желание автора понять причины, сформировавшие их жизненные концепции, установки, повлиявшие в конечном итоге на их судьбы.

Биографии писателей даются в контексте общественной и литературной жизни Монголии того периода — времени удивительно насыщенного и во многом противоречивого. Создание Монгольского Ученого комитета, писательского кружка, а затем — Монгольской ассоциации революционных писателей, работа Народного дома — эти и другие события общественной жизни столицы оказали большое влияние на духовную атмосферу монгольского общества, на формирование монгольской интеллигенции, к которой принадлежали Д. Нацагдорж, Ц. Дамдинсурэн, М. Цэдэндорж.

20-е годы XX в. — это время больших организаторских и творческих задач, планов свершений в духовной и литературной жизни монгольского общества. Задумывалось и осуществлялось громадное количество мероприятий, таких как «организация литературных кружков, выпуск ярких стенных газет, проведение литературных вечеров, диспутов, издание первых литературных альманахов и художественных журналов, выступление писателей со своими произведениями в клубах, красных уголках, школах...»

Автор пишет, что это время было для Д. Нацагдоржа и Ц. Дамдинсурэна периодом знакомства с русской (а для Нацагдоржа еще и с немецкой) культурой и литературой. В эти годы ими были написаны произведения, ставшие впоследствии классикой монгольской литературы. Рассказывается и о трудных периодах в жизни каждого писателя: безвинные аресты, годы репрессий. Их судьбы — отражение пути, по которому шла страна в XX веке.

Говоря о судьбе страны, К. Н. Яцковская замечает, что «воспитание сопротивления бедам, стойкости к трудностям были необходимыми качествами для любого человека в Монголии того периода, тем более — для незаурядных, образованных личностей», тоньше чувствующих, глубже видящих, ярче воспринимающих, чем остальные.

Автор дает характеристику и проводит литературоведческий анализ ставших хрестоматийными произведений, которые отличает особенно высокое художественное мастерство. Это цикл стихов Д. Нацагдоржа, написанный им в тюрьме, его стихи «Удивительно», «Мы вдвоем», «Моя мама», «Моя Родина», «Четыре времени года». Из стихов Ц. Дамдинсурэна автор выделяет лучшие его произведения: поэму «Моя седая мама», стихи «Любовь», «Милые глаза», «Полярная звезда», «Послание Советскому народу», «Керулен», «Зов Родины» и др. К. Н. Яцковская щедро цитирует произведения, предлагая их в оригинале с собственными подстрочниками и в переводах, выполненных русскими поэтами.

Творчество этих писателей, уверен автор, «стало знаменательным явлением в новой монгольской литературе», оно открыло новые пути развития поэзии и литературы в отношении содержания и формы. Д. Нацагдорж и Ц. Дамдинсурэн, будучи начитанными в русской и европейской литературе, оставили значительные по объему и блестящие по качеству образцы переводов, главным образом с русского языка, что обогатило монгольскую поэзию и продемонстрировало замечательные возможности монгольского стиха.

Чем большая дистанция отделяет фигуру Д. Нацагдоржа от горячих 20—30-х годов прошлого века, «тем отчетливее виден его талант, которым он одарил своих потомков, подготовив, определив поиски современных монгольских писателей». Ц. Дамдинсурэн, проживший долгую, активную, творчески наполненную жизнь писателя, ученого-филолога: литературоведа, текстолога, археографа, оставил также большое художественное и научное наследие, являющееся ценной сокровищницей монгольской духовности и вкладом в изучение тибетской и монгольской литератур.

Органичным продолжением этих двух очерков является эссе о поэте середины XX в. — М. Цэдэндорже, которого связывало с предшественниками такое же фольклорное начало в поэтическом творчестве,

любовь к народной словесности, к монгольскому слову, живой литературе. Его произведения проникнуты любовью к родной земле, природе. Внутренняя культура, достоинство и благородство отличали творчество М. Цэдэндоржа в его ранних стихах, таких как «Седая матушка моя», «Конь желаний», в его переводах стихов Лермонтова, Есенина и в более поздней поэме «Седой дуб». Анализируя идейную сторону первой большой его книги «Девять желаний» и более поздней — «Радость живых», автор убедительно показывает, что через все его творчество проходит лейтмотив: «человек не временный гость на земле, а часть ее в общем едином целом».

М. Цэдэндорж, как и Д. Нацагдорж и Ц. Дамдинсурэн, «старается по мере своих сил вернуть культурные ценности народу». Проявлением чувства гражданского долга хранить и продолжать традиции национальной культуры можно расценивать и обращение поэта к значимой для монголов и замалчиваемой в те годы теме: деятельность и роль Чингис-хана в объединении Монголии. Смелым шагом было также его деятельное участие в подготовке первой выставки буддийской скульптуры. Внимание к старой национальной культуре было не популярно в тогдашней Монголии.

Для всех трех поэтов характерна бурная организаторская деятельность в литературе. М. Цэдэндорж, кроме того, что был литературным сотрудником, корреспондентом, заведующим отделом поэзии газеты «Соел утга зохиол» («Культура, литература»), проводил еще и большую разнообразную работу, связанную с публикацией произведений монгольских поэтов, с информацией о литературной жизни в стране. Он вел на страницах газеты календарь памятных дат в истории культуры, представлял мировую поэзию, освещал пребывание в Монголии иностранных писателей.

М. Цэдэндорж оставил щедрое наследие: 10 собственных и 10 переведенных книг, в которых ярко проявился талант тонкого лирика, зовущего к «действительной свободе».

Книга К. Н. Яцковской это не просто монография о жизни и творчестве трех писателей. Автор прекрасно владеет материалом, тонко разбирается в литературной жизни Монголии XX в., которая тесно переплетается с политическими и социальными процессами страны. Личные контакты в сочетании с прекрасным знанием реалий, обычаев народа, любовь к изучаемой стране, которая ощущается в каждой странице повествования, знание современной монгольской литературы, высокий общий научно-теоретический литературоведческий уровень позволили К. Н. Яцковской создать эту интереснейшую книгу о судьбах трех знаменитых поэтов Монголии и показать их жизнь на фоне процессов, проходивших в стране в столь сложное время.

И. В. Кульганек

И. В. Кульганек. Мир монгольской народной песни

Петербургское востоковедение. СПб., 2001. 224 с.

Работа И. В. Кульганек посвящена актуальной для отечественного, зарубежного и монгольского монголоведения теме — музыкально-поэтическому творчеству монголов. Эта тема давно уже представляет научный интерес для всего монголоведного мира.

Благодаря изучению генетических и структурных особенностей монгольской народной песни устанавливается связь песни с иными фольклорными жанрами, речевой спецификой монгольского языка, воздействием этнокультурного фактора. В центре книги — философия музыкально-поэтического восприятия мира монголов и его взаимодействие с ним.

В монографию введены собственные наблюдения и записи автора во время фольклорной экспедиции по северо-западному району Монголии. Основным материалом являются не введенные ранее в научный оборот сборники монгольских песен и песенные материалы Отдела восточных рукописей и редких документов СПбФ ИВ РАН и Архива востоковедов при СПбФ ИВ РАН.

Автором составлены два каталога песенных материалов, находящихся в этих собраниях: в рукописном отделе выявлено 46 рукописей, включающих монгольские, бурятские и калмыцкие песни, и в Архиве востоковедов в 27 фондах было обнаружено более тысячи записей народных песен монголов.

Основная часть работы посвящена анализу образной системы монгольских народных песен. В ней рассматриваются наиболее типичные образы главных героев лирических песен, ассоциативная связь образов, основные принципы монгольской поэзии — смысловой и синтаксический параллелизм. Отдельные главы посвящены эпитету в песенной поэзии, ритмофоническим приемам, используемым монгольскими поэтами, связи вербального и музыкального начал в монгольском песенном фольклоре.

Композиция книги включает три части: первая часть рассказывает о бытовании музыкального фольклора в современной Монголии, передает атмосферу, в которой продолжает существовать и развиваться тра-

диционная монгольская песня. Центральным звеном является анализ особенностей традиционного мировоззрения монголов. Вторая часть посвящена исследованию поэтической системы монгольской песни, и третья («Приложение») включает вспомогательные материалы: транскрипцию одного из песенников, карту народностей Кобдоского аймака Монголии — региона экспедиционной работы исследователя, примеры нотации. Главными материалами в приложении являются каталоги рукописных песенных сборников из рукописного фонда СПбФ ИВ РАН и песенных материалов Архива востоковедов при СПбФ ИВ РАН.

В монографии представлены переводы монгольских народных песен, выполненные автором. В них сделана попытка использования анафорической аллитерации, являющейся основным художественным приемом монгольской народной поэзии.

Мировосприятие монгольского народа, отмечено в монографии, вобрало в себя синтез китайского, тибетского культурных пластов, именно это обусловило определенные детали художественного языка песни. Главные вопросы, затрагиваемые в работе, посвящены ассоциативному принципу составления сборников, специфике письменной фиксации фольклора у монголов, единому, эмоциональному заряду песни, статичности главного героя, возможности классификации песен в зависимости от преобладающего в них настроения, обобщающей функции эпитета. Одна из глав монографии дает также представление о звучащей стороне монгольских народных песен.

Наиболее характерными особенностями монгольской народной песни, считает автор, является широкая поэтическая обобщенность, типизированность и символичность поэтических образов. В основе превращения образа в символ всегда лежит переосмысленная и преобразованная действительность. В зависимости от эмоциональной нагрузки песни один и тот же образ может быть символом разных реалий.

М. П. Петрова

А. А. Бурыкин. Малые жанры эвенского фольклора

**Загадки, пословицы и поговорки, запреты-обереги,
обычаи и предписания, приметы (исследование и тексты)**

Петербургское востоковедение. СПб., 2001. 288 с.

Данная работа представляет собой исследование малых жанров эвенского фольклора. В монографии автор рассматривает историю собирания, изучения, публикации образцов фольклора эвенков в 30—90-х годах XX в. Это начальный период научного изучения и профессиональной собирательской работы. Он связан с именем В. Г. Тана-Богораза, публикация материалов которого по фольклору эвенков Колымы и Омолона увидела свет в 1931 г. и ознаменовала собой новый этап в изучении эвенского фольклора. В течение нескольких десятилетий малочисленность изданий не позволяла приступить к научному изучению его, так как не могла дать полного представления о богатстве устного народного творчества эвенков.

1950—1970-е годы, считает автор, «оказались по существу потерянными для изучения эвенского фольклора», причина чего, возможно, находится в недооценке образцов фольклора народов Севера и роли традиционной культуры в духовной их жизни. В данной работе представлена довольно репрезентативная жанрово-сюжетная антология фольклорных текстов, большая часть которой собрана автором книги у эвенков Магаданской области Хабаровского края, Камчатки и Якутии, куда он выезжал более десяти раз в экспедиции, командировки и записывал образцы разных жанров. Значительная часть текстов впервые публикуется в переводе на русский язык. Ряд образцов подвергнут филологической обработке и публикуется в графике, принятой для современного эвенского письменного языка. Тексты снабжены комментариями о вариантах, исполнителях, собирателях, времени, месте собирания.

Представленное собрание малых жанров эвенского фольклора объединяет все доступные на сегодняшний день тексты. Оно дает, как считает автор монографии, возможность приступить к научным исследованиям текстов в лингвистическом, этнографическом, литературоведческом направлениях. Кроме того, настоящее издание включает, кроме полевых материалов автора, извлечения из малодоступных изданий 30—60-х годов прошлого века, местных изданий на эвенском языке, собранных в XIX в.—первой трети XX в. Автор ставит цель: «сохранить наследие предков для современных представителей эвенского народа, придать ему особый престиж и ценность памятника духовной культуры, преподнести образцы словесного искусства этноса и результаты труда ученых в дар будущим поколениям».

А. А. Бурыкин исследует проблемы жанровой классификации, бытования, характеристики языка, поэтики малых жанров эвенского фольклора, дает также «предварительный экскурс с освещением параллелей к образцам афористических жанров фольклора эвенков

в устном творчестве других народов Сибири и Крайнего Северо-Востока».

Автор исследует: загадки, пословицы и поговорки, запреты-обереги, обычаи, установления, предписания, приметы.

В работе представлено 516 образцов загадок, которые прежние собиратели помещали в особую группу, называя их «эвенские старинные загадки», суть которых, по мнению автора, состоит в том, что они являются «своеобразными фразеологизованными наименованиями, даваемыми не столько собственно объектам, сколько объектам с конкретными свойствами или определенными ситуациями, требующими предикативного обозначения». Классификация загадок включает 5 разделов: природа, животные, части тела человека и животных, промысловый инвентарь и предметы домашнего обихода, новые загадки. Наблюдая за спецификой расположения сохранившихся повторных записей загадок и их вариантов в поздних, явно самостоятельных подборках загадок для изданий 30-х, 50-х, 80-х годов, автор впервые поднимает вопрос о воздействии опубликованных загадок на устную традицию их бытования. Исследователь выявляет при этом «воздействие русскоязычных печатных текстов на бытование традиционных фольклорных жанров сильнее, нежели воздействие текстов, опубликованных на родном языке».

В работе исследуются вариативность текста загадок, формулы загадок, лексика, диалектные синтаксические нормы, экзотизмы, диалектизмы и региональные заимствования.

Характеризуя язык загадок в целом, автор пишет, что «синонимия — самое характерное для языка загадок явление». Далее А. А. Бурыкин замечает, что именно загадки представляют собой «единственный из афористических жанров эвенского фольклора, в котором значимую роль играет особое фонетическое оформление текста: аллитерация, повтор однокоренных слов, использование увеличительных и уменьшительных суффиксов как выделительных, синтаксический и фразовый параллелизм».

В данной работе автор приводит параллели к загадкам эвенков в образцах устного творчества эвенков, орочей, негидальцев, удегейцев, ороков, коряков, юкагиров, старожильческого русского населения Восточной Сибири.

Появление пословиц у эвенков может быть связано с влиянием якутского фольклора. В настоящее время наибольшее количество пословиц, записанное у Е. Н. Боковой в книге «Душа эвена», которую автор использует как самый репрезентативный источник этого жанра, — 509. Смысл некоторых из них определяется с большим трудом, констатирует автор. Посло-

вицы распределяются им по 18 тематическим группам в соответствии с классификацией В. И. Даля в работе «Пословицы русского народа» (М., 1958 г.). Недоступность смысла некоторых из них вызывает озабоченность еще и тем, что смысл пословиц доминирует над формой.

Из особенностей формальной поэтики отмечаются: сравнение, противопоставление, аллитерация, грамматические рифмы.

Жанр запретов-оберегов в эвенском фольклоре выявлен учеными-фольклористами в 60-е годы XX в. Их насчитывается 120 образцов, подразделены они на 10 тематических групп. Они могут быть связаны с религиозными представлениями о духах-хозяевах, с живой природой, могут относиться к жилищу, предметам домашнего обихода, к человеку, к общению людей, беременности, выражению чувств и эмоций, представлениям о мире мертвых, к использованию различных языковых средств, т. е. словесным табу. Автор выделяет при этом два классификационных признака — группировку запретов по материальным объектам запретов, которая имеет тематический характер и является соотносимой с разными сферами деятельности человека, и характеристику последствий нарушения запретов.

В работе говорится также о структуре запретов-оберегов, представляющей собой формулу в виде отрицательной, чаще всего императивной (реже — индикативной) конструкции.

Особый жанр эвенского фольклора представляют обычаи, установления, предписания. Этот жанр ранее не выделялся, и практически он не обнаруживает формальных признаков для выделения в отдельную

жанровую группу. Бывает не так легко отличить его образцы от запретов-оберегов.

А. А. Бурыкин также признает, что «существует относительная жанровая неопределенность текстов, отнесенных к группе обычаев и предписаний», она выражается в том, что собиратели нередко относили тексты обычаев и предписаний к жанру запретов. Однако он полагает уместным выделять эти тексты в самостоятельный жанр, поскольку видит в них ряд особенностей, которые могут считаться жанровыми.

Жанр примет тоже стал известен фольклористам недавно. Записано всего 80 примет. Они подразделяются на 2 группы: 1) приметы погоды, относящиеся к комплексу положительных знаний эвенского народа, и 2) приметы-суеверия, связанные так или иначе с системой традиционных воззрений, которая соотносится до известной меры с классификацией запретов — оберегов. В работе отмечается некоторая противоречивость данной классификации, выражающаяся в возможном отнесении одного текста сразу к двум разделам. Анализируется также структура примет, их язык, поэтика. В результате исследования автор приходит к выводу, что малые или афористические жанры эвенского фольклора — это весьма разнообразная в плане жанровой систематики и достаточно объемная в количественном отношении сфера устного народного творчества эвенов. Загадки, запреты, обереги, обычаи и предписания, приметы, бытующие у эвенов, теснейшим образом связаны с традиционной духовной и материальной культурой эвенского народа.

И. В. Кульганек

Н. М. Иванов. Монголизмы в топонимии Якутии

Институт гуманитарных исследований АН РС(Я). Якутск, 2001. 204 с.

Проблема монгольских лексических заимствований привлекала внимание многих исследователей лексики якутского языка — достаточно назвать О. Н. Бетлинга, В. В. Радлова, Э. К. Пекарского, С. Калужинского, М. Стаховского, В. И. Рассадина, Е. И. Убрятову, В. М. Наделяева, Л. Н. Харитонову, Н. К. Антонова, Г. В. Попова и других тюркологов, монголистов и якутоведов. Однако обращение к такому сюжету, как монгольские элементы в топонимическом фонде якутского языка, отмечается впервые. Это обстоятельство необходимо приветствовать, особенно, если иметь в виду общую недостаточную научную изученность разноязычной топонимики Якутии, в которой могут быть выделены чукотско-камчатские, юкагирские, тунгусские (эвенкийские и эвенские), тюркские топонимы (собственно якутские топонимы и, возможно, не-якутские топонимы с тюркской основой), топонимы, образованные от монгольских лексических единиц, и наконец, разновременные русскоязычные топонимы.

Во введении к книге (с. 3—15) автор довольно подробно освещает разные взгляды на формирование якутского языка и проблему удельного веса монгольской лексики в словарном фонде этого языка. Он отмечает существование двух точек зрения на генезис якутского языка: «1) якутский язык, будучи изначально тюркским языком, впитал в себя иноязычные элементы на последующих стадиях развития; 2) якутский язык является языком нетюркского происхождения, тюркизировавшимся в позднейшие периоды своего развития» (с. 5). Последняя точка зрения, сформулированная В. В. Радловым в 1908 г., как нам представляется, ныне имеет чисто исторический интерес, поскольку дальнейшие исследования якутской лексики не позволили установить в ней системного присутствия лексики какого-либо языка из известных нам семей и групп языков Сибири, а разнообразные (и характерные в основном для диалектов якутского языка) заимствования из палеоазиатских и тунгусских языков явно составляют в его фонде маргинальные проявления субстрата или адстрата, но никак не основу. Хотя В. В. Радлов подсчитал, что в якутском языке 25,9 % слов могут быть отнесены к словам монгольского происхождения, все же основа словарного состава и грамматический строй однозначно свидетельствуют, что якутский язык относится к тюркской группе, даже если он и испытал длительное, разновременное и, возможно, разнодиалектное монгольское влияние.

Н. М. Иванов явно симпатизирует и полностью доверяет выводам исследований Н. К. Антонова и В. И. Рассадина, согласно которым первыми племенами, заселившими Якутию, были монгольские племена, а тюркоязычные обитатели ее являются более поздними пришельцами (с. 10—11, 170). Не исключено, что именно эти симпатии стали решающими в выборе темы, выборе региона для полевых исследований топо-

нимики (Таттинский улус и наслеги Кангаласского и Нюрбинского улусов: см. с. 4) и в формировании некоторых выводов.

Сама по себе исследовательская топонимическая часть работы выполнена на высоком научном уровне. Существенно, что автору удалось выявить некоторые топонимы-монголизмы, не соотносимые с монгольским лексическим компонентом якутского языка (с. 172). Впрочем, среди монгольского лексического фонда якутского языка присутствуют такие явно монгольские слова, которые не имеют точных параллелей в современных монгольских языках или же относятся к весьма редким словам, встречающимся только в отдельных языках или диалектах. То обстоятельство, что топонимы с монгольской основой образуются от географических апеллятивов, а последние могут включать и самые разнообразные группы лексики в переносных значениях, существенно осложняет задачи установления того, кем же было произведено именование известных географических объектов — монголами, жившими в этих местах до якутов, как это предполагает автор, или же якутами, заимствовавшими соответствующие апеллятивы у монголов. Надо признать, что этот вопрос не находит однозначного решения в рецензируемой работе, и, возможно, в принципе не может найти решения в рамках лингвистической топонимики, которой занят автор, или в изучении частных изоглосс. Эта проблема может быть решена только при фронтальном ареальном исследовании всего топонимического массива центральной Якутии, или всей территории Якутии. Только такой метод может выявить концентрацию монголоязычных топонимов в каких-либо регионах и соответственно ставить вопрос о заселении этих регионов монголоязычными группами, но и в этом случае будет чрезвычайно трудно установить, имеют ли такие топонимы субстратный или суперстратный характер, то есть принадлежат ли они раннему или же, наоборот, позднему населению.

Библиография к книге (с. 174—184) учитывает достаточно большое количество работ по тюркоязычной и монголоязычной топонимике Сибири и является весьма информативной. Можно только посотовать, что в ней не отражены труды по якутскому языку, написанные на иностранных языках, включая и упомянутую выше работу В. В. Радлова.

В приложениях к книге помещены список информаторов (с. 188), список топонимов монгольского происхождения, в котором многие топонимы выявлены автором (с. 189—194), и семь карт (с. 195—203), показывающих распространение разнотипных топонимов монгольского происхождения в Якутии.

Очевидно, нельзя ставить в вину автору книги то, что топонимику отдельных улусов и наслегов Якутии в его работе исследована неравномерно, хотя повы-

шенное внимание к топонимике центральной Якутии могло существенно повлиять на представление материала и на основные этноисторические выводы работы. Стоит обратить внимание на то, что материал для сравнения монголоязычных топонимов со словами монгольских языков в книге выглядит разрозненным, и распространенность той или иной лексической единицы в монгольских языках не показывается. Между тем при изучении монгольских элементов как в лексике якутского языка, так и в топонимике, нельзя приводить в качестве сравнительного материала разрозненные примеры из монгольского, бурятского и калмыцкого языков — необходимо специально оговаривать,

в каких именно монгольских языках присутствует та или иная лексема и в каких языках она не отмечается. Только таким образом можно реально проследить связь монголоязычного компонента якутского языка с халхаскими, бурятскими, ойратскими и иными диалектами.

Несмотря на некоторые замечания и критические соображения, работа Н. М. Иванова является весьма полезной как для монголоведов, так и для исследователей якутского языка, а также для специалистов по топонимике Якутии и Сибири в целом.

А. А. Бурыкин

А. Д. Насилов. «Восемнадцать степных законов»**Памятник монгольского права XVI—XVII вв.***Петербургское Востоковедение. СПб., 2002. 160 с.*

Данная монография принадлежит к числу пока еще редких в современном отечественном монгольском источниковедении работ, в которых филологический анализ сочетается с историко-социальной проработкой материала. Она восполняет новыми фактами период в истории Монголии (XVI—XVII вв.), который оказал существенное влияние на весь последующий ход эволюции монгольского общества, особенно в сфере социально-экономического развития.

Настоящая монография вводит в научный оборот пространный правовой памятник (его перевод и научную разработку), в ней представлен целый ряд ценных наблюдений над характером общества Монголии XVI—XVII вв. Комплексное изучение «Восемнадцати степных законов» позволяет определить их место в кругу известных и уже достаточно глубоко исследованных других аналогичных юридических текстов, таких как «Яса Чингис-хана», относящаяся к периоду зарождения монгольского феодального права, «Великое уложение» 1640 г. и сборник законов «Халха Джирум» XVIII в., которые наиболее близки к ним хронологически.

Монография состоит из введения, четырех глав, заключения и приложения, нескольких указателей, списков использованных источников и литературы.

Полный перевод памятника «Восемнадцать степных законов» осуществлен на основе публикации Х. Пэрлээ (1974 г.), он имеет комментарий, в котором поясняются термины, географические названия, раскрываются собственные имена и даются лингвистические справки.

Две первые главы книги посвящены историографии монгольского права и описанию самого памятника, который явился, как удалось установить автору, непосредственным письменным источником для составления уложений. Здесь перечислены и охарактеризованы все основные кодексы XIII—XVIII вв. В 3-й главе рассматривается сословно-классовая структура средневекового монгольского общества и админист-

ративное устройство Халхи, в 4-й — характеризуется монгольское право (система наказаний, процессуальное, гражданское, уголовное, административное, военное право). Автор признает как самый факт развития законодательства, так и преемственность в этом развитии. Оказалось возможным вычленить основы процессуального, гражданского, уголовного, административного, военного права.

Автор считает, что действие законов распространялось на всю территорию Халхи, несмотря на феодальную раздробленность. Существование общего названия государства, съездов феодалов говорит о тенденции к единству, однако многократные повторения запретов аналогичного содержания в законах свидетельствуют скорее о недостаточном их использовании повсеместно, считает автор.

В заключении справедливо подчеркивается политическое значение рассматриваемых законов, отражающих подспудную тенденцию к объединению в условиях феодальной раздробленности и на идеологической базе единой религии — ламаизма.

Автор пришел к выводу, что, несмотря на существовавшую раздробленность, Халха представляла собой не расплывающееся аморфное образование, состоящее из аймаков и ханств, что в Халхе четко формировалась тенденция к созданию единого государственного объединения. Одним из проявлений этой тенденции было существование общехалхаского законодательства. Важен также вывод автора о существовании преемственности в монгольском праве. «Великое уложение» 1640 г. явилось развитием действовавших ранее письменных законодательных актов конца XVI—первой трети XVII в.

Монография является важным шагом в развитии отечественного монголоведения, способствуя его успехам в области изучения истории Халхи конца XVI—начала XVII в.

А. М. Решетов

**Л. Г. Скородумова. Драгоценные четки
Монгольский роман. Эволюция жанра**

Эрдэнийн эрхи буюу монгол романы тухээс. Улаанбаатар, 2002. 144 с.

Данная монография посвящена разработке теоретических проблем эволюции жанра романа в монгольской литературе. Роман рассматривается в историческом аспекте и во взаимоотношении с другими жанрами монгольской литературы. Исследуется степень фольклорного и литературного влияния на формирование крупных повествовательных форм монгольской литературы, которые были широко представлены на всех этапах развития монгольской словесности.

Автор связывает появление романа в Монголии с движением просветительства на Дальнем Востоке, которое повлияло на характер и качество литературных связей, появление новых прозаических жанров, занявших место поэзии и высокой дидактической буддийской прозы. Автор считает, что монгольский роман окончательно сформировался в 70-е годы XX в., а последние два десятилетия крупные жанры повествовательной монгольской литературы, такие как повесть, роман, переживают бурный подъем, что связано с изменением общественного сознания в монгольском обществе, которое характеризуется углубленным многосторонним изучением процессов, происходящих в монгольском обществе.

Автор назвал свою книгу «Драгоценные четки» (монг. «Эрдэнийн эрхи») по названию одного из монгольских повествовательных жанров, *эрхи*, в котором сюжеты следуют один за другим, подобно нанизаным друг на друга четкам. Это жанровое определение применялось в средневековой письменной литературе, наряду с такими, как *тууж*, *цадиг*, *намтар*, *товчоо*, *шастир*, *судар*, *дэвтэр* и др., которые можно было бы с определенными допущениями передать следующим образом: история, жизнеописание, биография, повествование, летопись, исследование, хрестоматия.

Книга имеет четыре главы: «Литературные традиции», «В. Инжинаш — предтеча монгольского романа», «Роман в системе жанров монгольской литературы XX в.», «Монгольский роман последних десятилетий XX в.». В конце монографии имеется библиография монгольского романа из 225 названий произведений второй половины XX в. и библиография произведений

о монгольском романе из 213 монографий и научных статей на русском, монгольском и европейских языках.

Автор исследует литературные традиции, анализируя жанровое мышление, летописные традиции, процессы в литературе XIX в. как нового этапа развития монгольской словесности, зачатки реализма, существование переводной литературы на примере монголо-тибетских, монголо-китайских и монголо-индийских связей. Вторая глава посвящена Ванчинбалын Инжинашу (1837—1892), поэту, ученому, художнику и, что самое знаменательное для монгольской культуры, основоположнику монгольского романа. Он явился автором первых романов на монгольском языке: «Слезы красных», «Одноэтажный павильон», «Палата красных слез», «Синяя сутра». Сообщаются биографические данные о жизни писателя, анализируется идейное содержание и художественные выразительные средства его произведений. Затем прослеживается развитие монгольского романа в монгольской литературе XX в.: усложнение системы жанров, появление повестей и романов нового времени. Л. Г. Скородумова исследует проблемы монгольского романа последнего десятилетия XX в., времени, когда устоявшиеся виды романа, такие как исторический роман, претерпели видимые изменения и появились новые романские типы — интеллектуальный роман, социально-бытовой роман. В настоящее время идет процесс интенсивного обновления художественного опыта литературы, который проявляется в бурном возрождении метафорического мышления, и в дальнейшем на судьбы монгольской литературы будет оказывать влияние «идущая от поэзии традиция органического сочетания лирического и реалистического начал». Автор органично приходит к выводу, что «повествовательная литература будет развивать традиционный жанр исторического романа *туухэн уран зохиол*, а с другой стороны, продолжится развитие реалистической традиции русской классики».

И. В. Кульганек

Монголоведение № 1

Научное издание. АПП. «Джангар» Элиста, 2002. 200 с.

Первый выпуск серийного изданий Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН посвящен Международному конгрессу монголоведов, который состоялся в августе 2002 г. в Улан-Баторе. В сборник вошли статьи отечественных и зарубежных ученых по языкознанию, фольклору, истории, культуре Монголии и Калмыкии. Цель издания — познакомить читателя с достижениями и итогами развития отечественного, в частности калмыцкого, монголоведения. Важнейшим признаком монголоведческой науки является ее комплексный характер, поэтому основные направления первого сборника суть исследования сравнительно-типологического плана, публикация старописьменных памятников, разработка проблем этнической истории, литературы, фольклора монгольских народов.

В сборнике отражены этапы нескольких коллективных работ, которые ведутся в настоящее время в КИГИ РАН, это «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней», «Свод калмыцкого фольклора», лингвистические исследования монгольских язы-

ков в сравнительно-сопоставительном плане. Нашли отражение и междисциплинарные — этнолингвистические, лингвофольклористические, лингвокультурологические исследования, а также религиоведческие, которые постепенно выходят на видное место в приоритетных темах института, чему способствует проводимая регулярно на базе института конференции по буддизму.

Сборник имеет разделы: «Структура и история языка», «Проблемы изучения старописьменных языков», «Фольклор. Культура. Этнография», «История», «Публикации», «Материалы и сообщения», «Критика и библиография. Рецензии. Обзоры».

Всего в сборнике представлено 22 статьи и 5 рецензий. В издании приняли участие сотрудники института: Н. Б. Баграева, М. У. Монраев, Э. У. Омакаева, Э. П. Бакаева, Д. Б. Гедесва, Г. Ю. Бадмаева, Т. Г. Борджанова, П. Э. Алексеева и др.

И. В. Кульганек

MONGOLICA IV

СПб., 1998. 112 с.

Содержание

Предисловие	5
А. Д. Цендина	7
Л. К. Герасимович	11

Источниковедение и историография

В. Л. Успенский	Три рукописных тома монгольского «Данджура» из библиотеки Санкт-Петербургского университета	17
З. К. Касьяненко	Некоторые исторические сведения в колофонах «Ганджура»	20
И. В. Кульганек	Рукописи и фонограммы монголо-ойратского героического эпоса «Джангар» в архивах Санкт-Петербурга	23
С. В. Дмитриев	Версии коронации Чингис-хана с точки зрения политической логики. II. Ван-хан	25
А. Д. Цендина	Хасар и Чингис в летописях Мэргэн-гэгэна и Джамбадорджи	30

Из рукописного наследия. Текстология

Д. Ёндон	Монгольская версия рассказов о пользе «Алмазной сутры»	36
А. Г. Сазыкин	Сборник «Драгоценные четки» и его место в средневековой тибетской литературе	48
Е. А. Хамаганова	Анонимный сборник поучений	53

Литературоведение и фольклористика

Л. Л. Викторова	К вопросу о сяньбийских и киданьских фольклорных сюжетах, сохранившихся у монголов	69
Л. Г. Скородумова	О некоторых модернистских тенденциях в современной монгольской литературе	76
М. П. Петрова	Поэтическое творчество Ч. Мягмарсурэна	80
И. В. Кульганек	Стихи Марины Цветаевой на монгольском языке	85

Из архивов востоковедов

К. В. Орлова	Научный архив Калмыцкого Института общественных наук РАН	93
А. З. Хамарханов	Письма Н. Н. Поппе Т. А. Бертагаеву	103
И. В. Кульганек	С. А. Кондратьев — Ц. Жамцарано	106
Д. Д. Васильев		

MONGOLICA V

СПб., 2001. 184 с.

Содержание

Предисловие		5
Памяти К. Ф. Голстунского		
А. М. Решетов	К. Ф. Голстунский: жизнь и деятельность выдающегося монголоведа	6
З. К. Касьяненко	Факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета при К. Ф. Голстунском и после	15
Т. Г. Борджанова	К. Ф. Голстунский и калмыцкий фольклор	17
Источниковедение и историография		
В. Л. Успенский	Ойратские рукописи, поступившие в Санкт-Петербургский университет от К. Ф. Голстунского	18
С. В. Дмитриев	Сульде: к проблеме истории формирования военно-политической терминологии средневековых кочевников Евразии	21
Е. В. Павлова	Частное землевладение в удельных русских княжествах Северо-Восточной Руси в течение позднего монголо-татарского периода и вопрос о влиянии монголо-татарского права	31
Футаки Хироши (Токио)	Классификация текстов о Белом старце (пер. с англ. М. П. Петровой)	33
Из рукописного наследия. Текстология		
Н. С. Яхонтова	«Ключ разума» (ойратский текст)	38
А. Д. Цендина	Два монгольских перевода тибетского сочинения «Книга сына»	54
И. В. Мансвская	Биография буддийского проповедника XI в. Атиши на монгольском языке	75
Б. С. Дугаров	О восточносибирском обрядовом тексте культа Гэсэра	100
Литературоведение. Лингвистика. Фольклористика		
И. В. Кульганек	Монгольский песенник из рукописного фонда СПбФ ИВ РАН	103
В. К. Шивлянова	Калмыцкий обряд «Мацг Идр» («День поста») и проблема структурно-стилистического единства молитвенных напевов	113
Булаг (Хух-Хото, КНР)	Религиозная литература монголов (пер. с монг. В. Л. Успенского)	119
Из архивов востоковедов		
М. И. Клягина-Кондратьева	Дневниковые записи	124
А. И. Андреев	Новая Монголия глазами русского путешественника (По страницам дневников последней экспедиции П. К. Козлова)	157
А. З. Хамарханов	Из переписки Г. Д. Санжеева и Т. А. Бертагеева	164
Наши переводы		
Жамбын Дашдондог	Юрта (пер. с монг. Л. Г. Скородумовой)	172
Очирбатын Даншбалбар	Переводы разных лет (пер. с монг. М. П. Петровой)	174
Ц. Тумэнбаяр	Скорпион (пер. с монг. М. П. Петровой)	176
	Из детского монгольского фольклора (пер. с монг. И. В. Кульганек)	178
Foreword		180

В серии вышли книги:

УГОЛОВНЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ТАН С РАЗЪЯСНЕНИЯМИ (ТАН ЛЮЙ ШУ И)

Введение, перевод с китайского и комментарий В. М. Рыбакова.
Том 1: Цзюани 1—8. СПб., 1999, 384 с.

Уголовный кодекс китайской династии Тан (618—907) принадлежит к немногочисленной группе величайших правовых памятников мировой цивилизации. Помимо того, что он является первым из дошедших до наших дней полных юридических сводов, именно в нем были сформулированы и детализированы в конкретных законах основные принципы, которые легли затем в основу китайского законодательства и стали определяющими для Китая вплоть до XX века (в опосредованном виде они проявляются и поныне). Поскольку Китай в ту пору был цивилизационным центром всей Восточной и Юго-Восточной Азии, принципы танского кодекса оказали несомненное и значительное влияние на правотворчество всех сопредельных Китаю стран. Между тем, несмотря на повышение в мировой синологии интереса к правовой тематике, связанного и углубленного исследования текста кодекса не было предпринято до сих пор. И если узко юридический анализ его основных положений в определенной степени уже проделан, то взглянуть на текст культурологически, в цивилизационном аспекте, никто еще не пытался.

Настоящая книга предлагает читателю перевод первых восьми частей (цзюаней) Танского кодекса на русский язык. Полный перевод всего текста кодекса будет состоять из четырех томов.

УГОЛОВНЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ТАН С РАЗЪЯСНЕНИЯМИ (ТАН ЛЮЙ ШУ И)

Введение, перевод с китайского и комментарий В. М. Рыбакова.
Том 2: Цзюани 9—16. СПб., 2001, 304 с.

Вторая часть перевода на русский язык китайского Уголовного кодекса периода правления Танской династии — знаменитого «Тан люй шу и» — является продолжением содержащегося в первой части комментированного перевода и включает в себя цзюани Кодекса с девятой по шестнадцатую, а также иероглифический указатель встречающихся в данной части китайских юридических терминов и фразеологизмов. Во вторую часть вошли третий, четвертый, пятый и шестой разделы Кодекса, соответственно: «Служебные обязанности и порядок их исполнения», «Семья и брак», «Государственные конюшни и хранилища», «Самовластные мобилизационные действия».

В третьем разделе сосредоточены уголовные предписания, посвященные регулированию рутинной деятельности бюрократического аппарата империи, его взаимодействию как с высшими, так и с подчиненными ему социальными стратами. В четвертом разделе — установления, затрагивающие вопросы землепользования и налогообложения, ведения семейного хозяйства, а также брачные законы и брачные запреты. В пятом разделе — нормы, регулирующие ведение государственного хозяйства, в частности, освещающие такой важный и интересный вопрос, как наказания материально ответственных лиц за имущественные преступления в сфере их административной ответственности. В шестом разделе собраны военные и мобилизационные законы, а также нормы наказания правонарушений, совершенных в этих двух чрезвычайно важных для государства областях.

**АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О МОНГОЛЬСКИХ И
ТЮРКСКИХ НАРОДАХ В АКАДЕМИЧЕСКИХ СОБРАНИЯХ РОССИИ**

Доклады научной конференции. СПб., 2000. 160 с.

В данном сборнике собраны доклады научной конференции «Архивные материалы о монгольских и тюркских народах в академических собраниях России», проходившей в СПбФ ИВ РАН в апреле 2000 г. и продемонстрировавшей большой интерес научного мира к поднятой теме. Докладчиками были введены в научный оборот ценнейшие материалы по истории, литературе, этнографии монгольских и тюркских народов, находящиеся в архивах СПбФ ИВ РАН, СПбО АА РАН (Санкт-Петербург), Архиве Института востоковедения (Москва), Российском Государственном военно-историческом архиве (Москва). Впервые была дана характеристика архива Музея-квартиры П. К. Козлова в Санкт-Петербурге. Некоторые доклады были посвящены отдельным рукописям, находящимся в архивах России, или материалам о конкретных событиях, связанных с монгольскими и тюркскими народами (т. е. об экспедициях, путешествиях, торговых, политических и экономических контактах). Материалы охватывают большой период времени — с момента гуннских завоеваний до образования первого монгольского государства и политических событий первой половины XX в. Введение новых материалов и архивов в научный оборот расширит и углубит области монголоведных и тюркологических исследований — как лингвистических, исторических, фольклорных, музыковедческих, так и политологических, культурологических, кроме того, это позволит представить панораму самих событий, а также их участников более зримо и наглядно.

**РАДНАБХАДРА. «ЛУННЫЙ СВЕТ»:
ИСТОРИЯ РАБДЖАМ ЗАЯ-ПАНДИТЫ.**

Факсимиле рукописи; перевод с ойратского Г. Н. Румянцева и А. Г. Сазыкина;
транслитерация текста, предисловие, примечания и указатели А. Г. Сазыкина.
СПб., 1999. 176 с. (Памятники культуры Востока: Санкт-Петербургская научная серия. VII).

В историю монгольской литературы вписано немало имен талантливых литераторов, внесших заметный вклад в приумножение сокровищ письменной словесности монгольских народов. Один из таких литераторов — ойратский Зая-пандита Намхай-Джамцо, создатель ойратской письменности и автор большого числа переводов с тибетского языка, по существу, основоположник ойратской литературы. В отличие от большинства монгольских литераторов, сведения о жизни которых приходится собирать по крохам, Зая-пандита обрел своего биографа — Раднабхадру, составившего в конце XVII—начале XVIII в. подробное и достоверное жизнеописание учителя, где он предстает неутомимым переводчиком и просветителем, ревностным проповедником. Благодаря сочетанию добросовестности биографа с разнообразием и обширностью представленных сведений труд Раднабхадры был и остается поныне ценнейшим источником информации как для филологов-литературоведов, так и для историков. Публикуемая рукопись из собрания Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН представляет собой наиболее полную редакцию сочинения, включающую помимо биографии Зая-пандиты также дополнительные сведения о событиях в Джунгарии за период с 1678 по 1691 г.

ДРУГИЕ НАШИ КНИГИ ПО МОНГОЛИСТИКЕ

**КУЛЬГАНЕК И. В.
КАТАЛОГ МОНГОЛЯЗЫЧНЫХ ФОЛЬКЛОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ
АРХИВА ВОСТОКОВЕДОВ ПРИ СПБФ ИВ РАН**

СПб., 2000, 320 с. (Архив российского востоковедения, V)

«Каталог монгольязычных фольклорных материалов Архива востоковедов при СПбФ ИВ РАН» является первым каталогом подобного рода. Он содержит 3000 наименований уникальных фольклорных произведений на многих диалектах монгольского, бурятского и калмыцкого языков, таких как халкаский, ордосский, чахарский, дербетский, сунитский, абага, кижингинский, хоринский, узумчинский, донских и ставропольских калмыков, и др. Каталог отражает жанровое разнообразие и тематическое богатство монгольского фольклора.

**ВОСЕМНАДЦАТЬ СТЕПНЫХ ЗАКОНОВ:
ПАМЯТНИК МОНГОЛЬСКОГО ПРАВА XVI—XVII ВВ.**

Монгольский текст, транслитерация монгольского текста.
Перевод монгольского текста, комментарии и исследование А. Д. Насилова.
СПб., 2002. 160 с. (Серия «Orientalia»).

Первая публикация перевода на русский язык памятника монгольского права: восемнадцати законов, составленных на съездах халхаских князей в конце XVI—первой трети XVII в. Памятник является уникальным источником для характеристики сословной структуры халхаского общества, а также административного устройства Халхи и монгольского средневекового права, его эволюции и особенностей. Содержащиеся в нем законы явились непосредственным источником для более поздних монгольских уложений.

Выполненное комплексное исследование позволяет решить спорные вопросы истории Халхи и эволюции монгольского права, а также показать его уникальность и преемственность.

Настоящее издание адресовано как востоковедам, так и всем интересующимся историей права.

**Наш сайт в Интернете: www.pvost.org
Всегда — оперативная информация о наших книжных новинках.**